

Интернациональный Союз писателей

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ЛУГАНСКИЙ
ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ЦЕНТР

окопка.ru

Союз писателей ЛНР

ВОЛЯ ДОНБАССА

ЛИТЕРАТУРА НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИК

Москва
Интернациональный Союз писателей
2019

УДК 82(477.61)

ББК 84 (4Луг)6

В 72

Альманах издан при поддержке:
Интернационального Союза писателей
Государственного информационного агентства
«Луганский Информационный Центр»
Сайта современной военной литературы okorka.ru

Руководитель проекта Г. Л. Бобров

В 72 **Воля Донбасса.** Литература народных республик:
Альманах Союза писателей ЛНР. — М.: Интернацио-
нальный Союз писателей, 2019. — 432 с.

Сборник произведений о Донбассе и про Донбасс. Опален-
ные войной и болью строки о народных республиках – сража-
ющихся, строящихся и верящих в будущее.

18+

ISBN 978-5-00153-104-3

УДК 82(477.61)

ББК 84 (4Луг)6

ВОЛЯ НЕПОКОРЕННЫХ

Исполняется пять лет «Русской весне» и рождению народных республик Донбасса. Пять лет осознанного выбора и борьбы. За свою историю, язык, веру и идентичность. Борис Горбатов дал точное определение народу во время Великой Отечественной войны — Непокоренные! Непокоренными за пять прошедших лет остались и люди Донбасса. Характер у них такой. И воля. Согласно традициям отцов и дедов. Пережитое за эти годы отложилось не только в жизненные установки, но и в художественный опыт. В новую литературу, идущую из глубин человеческих сердец. Настоящую народную. Честную. Рассказывающую о самом сокровенном на языке Правды. Потребность художественного самовыражения общенационального сознания породила литературный процесс нового порядка. Схожий с 20-ми годами прошлого века своим настроем, энтузиазмом, глубиной и талантом. И несомненной верой в правоту своего исторического и экзистенциального выбора. Как и в конечную победу.

Эти стихи, проза, драма не только о Донбассе и про Донбасс. Это о нас всех, думающих и дышащих русским языком и культурой. Это продолжение, следование по пути «Слова о полку Игореве», Пушкина, Лермонтова, Блока... Это то, что нельзя купить и, тем более, продать. Это тот

самый русский характер, который проявляется «в минуты жизни роковые». И меняет все придуманные и продуманные планы. Поэтому Донбасс сегодня центр притяжения всех людей Русского мира. Его форпост и надежда. Духовный маяк и нестигаемая воля. И голос Донбасса звучит «вечевым колоколом» поверх пошлости и вопреки лжи. И никто его не заставит замолчать. Потому что это голос народа. Так победим!

*Владимир Олейник, Курган,
кандидат педагогических наук,
литературный редактор сайта
современной военной литературы okorka.ru*

ПОЭЗИЯ

ЕЛЕНА ЗАСЛАВСКАЯ

(Луганск)

НОВАЯ ЗАРЯ

Душа моя, о чём ты плачешь?
О ком ты плачешь и болишь,
Не веря, что убитый мальчик –
Убийца, нацик и фашист?

Что нет ни правды и ни кривды,
Есть только ярость и покой,
И все забудутся молитвы,
И были порастут быльём,

Колючие степные ветры,
Свидетели ночных атак,
Как прежде отпоют отпетых
Сорвиголов и забияк,

И ты исчезнешь в тёмной бездне,
Погаснет тонкая свеча.
Зачем же ты слагаешь песни,
Болишь, светла и горяча?

Зачем заранее прощаешь
Всех каинов, проливших кровь?
Так общей болью причащаясь,
Ты узнаёшь, что есть любовь.

И ею как щитом хранима
Вся наша русская земля
Уходит ночь. Над Третьим Римом
Восходит новая заря.

2017

ПОСЛЕДНЯЯ ОБОЙМА

*«И воистину светло и свято
Дело величавое войны...»*

Николай Гумилев

1

Последняя обойма разрывных...
И умирать, наверное, не больно,
Но выстрелы пока что не слышны
И степь ковыльная колышется, как море...
Пишу заметки на полях войны,
Обрывки дневников и хроник.
Здесь у обрыва обнажились корни, –
Вот так и мы
Цепляемся за пядь родной земли,
В которой нас однажды похоронят.
Пока мы живы. Молоды. Пьяны.
Надеемся и держим оборону.

2

Последняя обойма разрывных...
А как без них родится новый топос,
Когда мечта в проекции на плоскость
Не знает политических границ.
Мы повзрослели в 90-х,
Мы постарели в нулевых,
Но новый русский станет новоросским,
Чтобы остаться у контрольной высоты,
И звёздную отряхивая пыль
С солдатских берцев и «берёзки»,
Шагнуть в бессмертие, где русские берёзы,
Как сёстры не наплачутся над ним.

3

Последняя обойма разрывных...
Сержант не знает то, что он покойник.
Ещё он жив. Смеётся. Занял столик
До выходных.
Несказанная речь стекает глоткой.
И ненависть течёт по веткам жил.
И корка серого над горькой стопкой:
Не дожил.
А из спины, куда вошёл осколок,
Вдруг – пара крыл.

4

Последняя обойма разрывных...
Прошу тебя, пиши мне, если сможешь,
Знай, для меня нет ничего дороже
Связавшей нас мечты,
И русской неожиданной весны.
Здесь, на войне, я ощущаю кожей
И смерть, и жизнь!
Здесь каждое мгновение – возможность,
И говоря «быть может»,
Мы понимаем: может и не быть.

5

Последняя обойма разрывных...
Последний для себя, коль карта бита.
Наш старый мир исчез, как Атлантида –
Чёрт с ним.
Сомкнутся волны трав. Утихнут битвы.
Останутся лишь песни и молитвы,
И в них
Упоминания имён и позывных,
И наша память, как кариатида –
Опора человеческого вида,
Их сохранит.

6

Последняя обойма разрывных...
Кто выживет, тем долго будет снится
Война, однополчане-пацаны,
И скифских баб обветренные лица.
Со школьной нам известная скамья
Строка сегодня, как БЛОКбастер, повторится:
Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы...
А может, евразийцы.
Для вас, Европы сытой холуи,
Зажглись артиллерийские зарницы!

7

Последняя обойма разрывных...
Гремят артиллерийские дуэли,
И нас отпетых уж давно отпели
Степные суховеи. Как шмели,
Жужжат шрапнели.
И шмели
Плюют огнём. Нет ни земли
Ни неба.
И древнее «иду на вы»
Из тьмы столетий
Достаю нам на потребу.....
Вершится дело величавое войны!
Вершится треба!

2017

КОГДА-НИБУДЬ

Когда-нибудь
Ты вылепишь из глины
Лицо моё,
И шрам, и родинку, и каждую морщину,
Свидетельницу болей и тревог,
Ты влажными и тёплыми руками
Коснёшься острых скул,
Быть может Бог
Вот так лепил Адама
И жизнь в него вдохнул.
Твори меня – средь смерти и войны,
Жизнь на любви замешанная глина,
Ведь чтобы выжить, нам нужна причина,
И чтобы умереть – нужна причина,
А для любви причины не нужны.

2017

НАТАЛЬЯ МАКЕЕВА

(Москва)

НА БЛОКПОСТАХ

На блокпостах – сиянье горних крыл
И крепкий чай, белёсый от сгущёнки.
Следы в седой теряются позёмке,
И каждый след по-своему простыл.

Тревожный взгляд, неспешный разговор
Под дальний «шум» и шорохи степные.
Там ходит кто, или метнулись крылья
И унеслись за старый террикон?

– Кто здесь? – Да тут стоял один,
Он родом, говорят, из Краснодона.
Пришёл в чём был, ответ по позывному...
Вон, за пригорком несколько могил.

А землю укрывает снегопад,
И белые куда-то едут фуры.
Продрогшие крылатые фигуры
На блокпостах заснеженных стоят.

ДОРОГА

Змеятся обочины
Снежные терриконы
Дорога заносчива –
Слышишь покрышек стоны?
Неба проталина

Фонарей шеренги
Песни оскаленные
Хором поют железным
Лёд магистрали
Указателей пугала
Холод усталости
Нас этой ночью путает
Тысяча километров
Призраки поворотов
Мечущегося света
Снежная позолота
Ветер пронизывает
Позёмка злится
Пашня иссиня-сизая
Очередь. Степь. Граница.

ЖЕНЩИНЫ

Кому-то этого никогда не понять –
Этих женщин в пустынном военном городе.
В подвалах, в очередях за водой.
Здесь остающихся, выживающих впроголодь.

Здесь отличающихся входящий от исходящего,
Детей рожаящих под обстрелами...
А вы видели, как шутят, смеются они,
И себя не считают особо смелыми –

«Это наш город, мы никуда не уйдём.
Пусть эти уходят, мы их не звали!»
Дети собирают осколки в саду
И учат уроки при свете свечи в подвале.

И пока штурмуют границу
толпы желающих выехать,
Прочь бегущих с когда-то родных земель,
Вчерашняя школьница с чертами
иконописными,
Неумело крестясь, закроешь собой колыбель.

В ПУТИ (воспоминания о Блоке)

Без края – тьма. Просторы спящие.
В туманном движется окне
Страна большая, настоящая
И ключ поручен только мне.

Хранить сокровище холмистое
Его дорог святую пыль
То через сон, а то – неистово
Считать дорожные столбы.

Всю ночь короткую и лунную
Горячий воздух дик и глух,
И контуры двоятся мутные
И пёсий вой не режет слух.

Столбы проносятся, созвездия
Покрыли сеть небосвод
И мир – и терпкий, и таинственный –
В неё плывет, плывет, плывет...

Плывет с небес седое крошево
В тугую сеть далёких звёзд.
А ключ, в канаву мною брошенный,
Давно бурьянами зарос.

АЛЕКСАНДР СИГИДА

(Молодогвардейск – Атамановка, ЛНР)

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

I

веришь фотоснимку или на словах?
(...и лежат в обнимку в придорожных рвах)

поворот на Счастье кто-то подсказал...
(самолет на части – в дым автовокзал)

лупит не по-детски горе-самолет
(парень из Донецка в Киев не идет)

помощь из Иркутска шлют на Волгоград...
(парубОк из Луцка заряжает «град»)

террорист жестокий не пошел на Львов...
(на юго-востоке всем хватает рвов)

II

лезут из Европы рыцари плаща...
(ямы да окопы роем сообща)

вместо похоронки червь получит корм
(...водрузят обломки на могильный холм)

эти обелиски на манер креста
(ни к чему «зачистки», если пустота...)

«кто бомбил Тернополь? – Пять шагов вперед!»
(поезд в Симферополь больше не идет)

кто составил списки и готовил пир?
«сообщите близким кто кого убил».

III

...свежая воронка, где стоял блокпост;
(там бензоколонка кладбище и мост)

жителей пугали образом врага
но не помогали вилы и рога...

ворогу в угоду жить под градом пуль?
(отключили воду – на дворе июль)

закатал бульдозер в землю огород;
испарились слёзы и соленый пот

<бомбовоз> уводят на второй заход
на Донбасс вернулся 41-й год?

IV

авиатор видный как тебе взбрело
под огонь зенитный подставлять крыло?

кто считал убытки, поощряя прить?
удались попытки небеса закрыть

<грузовик> пузатый искупил грехи –
рухнул за посадкой и десант погиб;

где-то в Павлодаре бабы голоса...
(авиаудары больше не грозят)

вопли просочились кровью в вышину;
по утрам учились слушать тишину

V

супостат проклятый лезет напролом
(заменял лопату примитивный лом)
что искал в обломках западный эксперт?
(чёрным похоронкам ни к чему конверт)

догорает тополь прямо у ворот
(добровольной <опой> тешится народ...)

родовая память правду говорит;
(добываем камень для могильных плит)
рушили могилу древнего царя
чтоб проверить силу камня-дикаря?

VI

рядом с баррикадой догорел костер;
(извели блокадой братьев и сестер)

поздно или рано – сколько съел пудов?
(поражают раны наших городов)

требуйте свободу у своих властей;
(лопаются сходу крылья лопастей)

корчивший дракона выронил штурвал;
(к нашим терриконам вас никто не звал)

прошлому нелепо карами грозят;
(падающим с неба нет пути назад)

НА РАССВЕТЕ 4-30

(04.07.2014 г. Краснодар, под обстрелом)

громы побили все нормы – ради каких-то наград...
(рвутся снаряды и бомбы – это работает «град»)

злые хозяева рады – раб добивает раба...
(воют собаки да бабы, и догорают хлеба)

мины-патроны-гранаты ревом пугаю ворон
(лезут поганые гады танками с разных сторон)

взрывы и справа, и слева;
(или – ну – все-таки гром?)
(если расколется дерево,
рухнет заброшенный дом)

строчки из старой анкеты или лихая судьба?
(лишь полевые букеты да пулевая стрельба)

* * *

Когда растерзанные мысли
буквально лезут на костер,
где кровь козленка коромыслом,
а мясо брошено в котел;
где череп сразу после казни
похож на скорлупу яйца,
где мир давно не верит в сказки,
но не сдаётся до конца;
мы остаёмся на коленях,
чтоб докопаться до корней;
<Бредут полярные олени>, –
колени стерты до костей.

Не обращая на потери
душа сжимается в комок.
В колодец нашей колыбели
ложится Запад и Восток.

* * *

Я живу в ожидании взрыва.
Нет, никто не стремится напасть,
Это мы под угрозой разрыва
Уповаем на твёрдую власть.

Это нам безразлично, что танки,
Что ввели для порядка войска.
Демократии нет. Из-под палки –
Не ученье – слепая тоска.

Ощущение смерти окрепло
От того, что в соседнем дворе
Развешаются ленты из крепа...
Прилетели грачи в феврале?

Ошибаюсь я, это не птицы.
Перекошены лица и рты.
У родителей чёрные лица:
Сыновья у последней черты.

С ВОЙНЫ

Ты пройдёшь по посёлку, не узнан никем,
С голым торсом, совсем без рубахи,
Даже там, где лоза стебанёт по руке,
Не почувствуешь боли и взмаха.
Ты вернёшься домой. Ничего не поймёшь.
Все родные без зренья, без слуха?
Что за повод? Телёнка пустили под нож,
Стол накрыли в такую разруху.
Мать на зов головы не поднимет своей!
Нет бы, вытереть горькие слёзы.
Разве должно встречать так с войны сыновей?
В чёрной шали и в сгорбленной позе?
Смерть узнаешь в толпе, как к родной подойдёшь,
Бросишь ей: «Как житуха, старуха?
Про кого говорят, что о нём плачет дождь?
В крышку чью гвоздь вбивается глухо?»
А толпа не услышит, зудеть о своём
Будет долго, срываясь на всхлипы.
Всюду лавки. А как же развесить бельё
На верёвке под старенькой липой?
Сослуживцы с угрюмыми лицами... Залп.
Это значит – потери у роты...
Кто-то ленточкой чёрной уже обвязал
И к кресту прикрепил твоё фото.
Смотрят мимо Её голубые глаза
И тебе не привлечь их, не пробуй.
Вы же с ней целовались неделю назад,
А теперь – Она плачет у гроба.

Возле входа с венками стоит молодёжь.
«Упокой» – речь толкает братуха.

Ты подумаешь: «Сон! С меня хватит! Хорош!»
«Я живой!» – прокричишь ему в ухо.

И препятствия нет в виде стен или тел.
Нет ранений. Они отболели.
Ты поймёшь, что домой ты не шёл, а летел
Все три дня... из другой параллели.

ВСЁ МАМИНО

Всё мамино – и губы, и глаза,
И даже этот светлый чуб вихрастый,
Что крутится, хоть как не подрезай,
Хоть шапкой придави, а всё напрасно..
Весь в маму. Кто же будет отрицать?
Легко даются точные науки...
И он запомнил, как его – мальчика –
Подбрасывали вверх мужские руки.
Всё мамино... Черты её лица...
Но, бережно хранима, как в музее
Подушечка с наградами отца,
Погибшего в боях за эту землю.

ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДОМОЙ

Возвращайтесь домой... Для дончан нет надежного тыла,
Вы чужие в стране, что привычно считалась своей...
Здесь вас помнят и ждут, здесь родные дома и квартиры,
Тот особый уют из знакомых до боли вещей.

Возвращайтесь домой, пусть сперва будет страшно и сложно
И понять, и принять, приспособиться к будням войны,
Но поймете однажды, что жить вдалеке невозможно
От непризнанной миром, но гордой и стойкой страны.

Возвращайтесь домой, где всегда по-семейному рады
Разделить вместе с вами скупые подарки судьбы:
Достиженья, успехи, порывы, победы, награды.
Где поймут и простят и помогут уйти от беды.

Возвращайтесь домой, нет спокойствия в странах соседских,
Ведь на сердце у вас маркировка надежно стоит:
«Был в Донбассе рожден, жить не может без степи донецкой»...
Хоть порой этот факт вами просто бывает забыт.

Возвращайтесь домой. Новых родин себе не найдёте...
Можно много примерить, но думать всегда об одной,
Где душа запоет, раскрываясь от счастья в полёте.
Мы вас искренне ждём, возвращайтесь, дончане, домой.

ПОКОЛЕНЬЕ ВОЙНЫ

Поколение войны – наши дети, проросшие в пепле
На руинах страны, подписавшей для них приговор,
Посулившей хорошее мыло и крепкую петлю,
Резервацию, тихое гетто, высокий забор.

Они видели все, о чем многие только читали
В ветхих книгах о битвах, пылящихся в старых шкафах,
И смотрели порой кинохроники прошлых баталлий...
Дети видели все, им знакомы и ужас, и страх...

Никогда их ровесники в мирных краях по соседству,
Протирая штаны на фудкортах, смоля в уголке,
Не поймут, что меняет детей их военное детство,
И непрочен и шаток их мир, как круги на песке.

Им как будто не чужды простые ребячьи забавы:
Карусель, самокат, выбивной и футбол во дворе,
Но остались следы от войной занесённой отравы,
Приползающей грязной гадюкою в сны к детворе.

Каждый день их – мишень для безумцев из страшного тира.
Под прицелом растёт, ненавидеть учась малышня
Эти вечные будни заезженных в хлам перемирий
И гудящие ночи обстрелов, когда не до сна...

Поколение войны... Подрастает достойная смена
В никому не известной, забытой богами стране –
Батальон закаленных, готовых к боям Питер Пенов,
Потерявших заочно надежду на этой войне...

ПОТАНЦУЕМ, МАЛЫШ?

Потанцуем, малыш? Солнце блики кидает в осколки
Битых стекол оконных, провалы разорванных крыш.
Серебрит седина, будто инеем, детскую челку.
Ты боишься? Не бойся... Давай потанцуем, малыш.

Шаг вперед, шаг назад... Я тебе расчерчу танцплощадку,
Плотно пули кладя по периметру, глядя в прицел,
Отмеряя пространство для действия от дома до грядки.
Шаг вперед, шаг назад... погоди, не мечись, моя цель...

Ты не видишь меня, потому и рыдаешь так громко,
Для тебя мои выстрелы, право, что кара небес.
Потанцуем, малыш, ты не бойся, не трону ребенка.
Попугаю чуток, может, выйдет на крики отец.

Мне же скучно порой, снайпер – для терпеливых работа.
Поиграю с тобой – серой зоны невинным жильцом.
Пулю слева и справа пошлю, проучу обормота.
Выше прыгай, малец, развлекая меня гопаком.

Не куражусь, пойми, жизнью четко прописаны роли –
Ты же враг и предатель, хоть в этом твоей нет вины,
Ты – работа моя, обитатель военной юдоли,
Подрастающий воин непризнанной нами страны.

Ты запомнишь, поверь, этот день, этот танец навечно.
Буду точно я знать, что ты где-то ночами не спишь,
Вспоминая шаги, репетируя па бесконечно,
Ненавидя меня. А пока... потанцуем, малыш...

АННА ДОЛГАРЕВА

(Санкт-Петербург – Луганск)

* * *

Восходила, сияла над ней звезда,
подо льдом шумела живая вода,
просыпались деревни и города,
напоенные светом новой звезды.
Сквозь закрытую дверь пробиралась стынь,
по-над полом тихо ползла туда,
где сидела она, на руках дитя
обнимая. Снаружи мороз, свистя,
запечатывал накрепко все пути,
чтоб чужой человек не сумел прийти.
На дверных петельках темнела ржа.
И она сидела, Его держа,
и она бы молила Его не расти,
чтоб стирать пеленки, кормить из груди,
оставаться не Богом – ее дитём,
не ходить этим страшным терновым путём,
оставаться маминым счастьем, днем
абрикосово-жарким, чтоб был – человек,
и никакой Голгофы вовек.
Чтоб – как у всех, чтоб не знать никогда
этих мук нелюдских, чтоб от горя не выть...
Но уже восходила над ней звезда
и уже торопились в дорогу волхвы.
И уже всё пело про Рождество.
Потому не просила она ничего,
только всё целовала ладошки Его
и пяточки круглые у Него.

* * *

Бог говорит Гагарину: Юра, теперь ты в курсе:
нет никакого разложения с гнилостным вкусом,
нет внутри человека угасания никакого,
а только мороженое на площади на руках у папы,
запах травы да горячей железной подковы,
березовые сережки, еловые лапы,
только вот это мы носим в себе, Юра,
видишь, я по небу рассыпал красные звезды,
швырнул на небо от Калининграда и до Амура,
исключительно для радости, Юра,
ты же всегда понимал, как все это просто.
Мы с тобой, Юра, потому-то здесь и болтаем
о том, что спрятано у человека внутри.
Никакого секрета у этого, никаких тайн,
прямо как вернешься – так всем сразу и говори,
что не смерть, а яблонев цвет у человека в дыхании,
что человек – это дух небесный, а не шакалий,
так им и рассказывай, Юра, а про меня не надо.
И еще, когда будешь падать –
не бойся падать.

* * *

Мальчик спит в электричке и обнимает рюкзак.
Тощий. Нашивка «Вооруженные силы».
Поезд идет на Лугу. Мелькает овраг,
сосны, болота и вечер пасмурно-синий.

Мальчик в пикселе спит, качаясь, словно бычок,
словно доска кончается. Чай проносят.
Русоголов, острижен и краснощек,
едет через болота и через осень.
Господи, усыновить бы. Вот всех бы, всех.

Стать бы большой, до неба, и чтоб руками
всех заслонить. Под черный болотный камень
речка течет. Заяц меняет мех.
Осень кончается. Белка тащит орех.

Усыновить бы. Остановить бы. Спи,
пиксельный мальчик. Пускай электричка едет,
дождь проникают к корням деревьев в глуби,
пусть тебе снятся будущие победы.

Славный мой, лопухий. Туман вдали –
так бы и ехать мимо маленьких станций.
Все мы уже в раю – нам бы в нем остаться.
Черные речки да рыбаки у мели.
Дождь вымывает кости из-под земли

* * *

нам делали манту, и мы его мочили,
опасливо, тайком, эксперимента для.
мы вырастали в то, чему нас научили
от жвачек вкладыши и черная земля,

всосавшая в себя бессмысленные трупы
начала девяностых, мы росли на них,
как хищные цветы, ноктюрны в ржавых трубах,
как спорынья на ржи, как вольный белый стих.

и выросли для войн – вот орден, вот и крестик,
мы соль земли, и мы – ее же пережной.
храни же нас, Господь, в сухом прохладном месте
в коробке с прочей оловянной солдатней.

* * *

Когда наступает август, выходят лисы,
выходят из лесов на дороги.
Лисы худы, лохматы и тонконоги,
к августу они устают торопиться и злиться.
На дорогу падают желтые яблоки,
они похожи на лица.

Предчувствие осени – это предчувствие смерти.
Лисы выходят на дороги и там умирают.
Фуры летят, и не видят лис, и дымится земля сырая.
Мокрые асфальтовые километры
тянутся за горизонт, до земного края.

К осени дороги усыпаны мертвыми лисами,
мертвыми листьями,
мертвыми яблочными лицами.
Фуры гоняют по ним, превращая их в новый пласт,
новый слой дороги, жизни, земли, перегноя,
ветер качает подсолнуха желтый глаз,
он смотрит за лисами, за фурами, за луною,
как вечный свидетель закономерного упокоя,
как страж, отмеряющий каждому нить, говорящий: «Жди»,
Мертвые лисы молча лежат на дорогах.
Едут фуры.
Идут дожди.

МАРИНА БЕРЕЖНЕВА

(Донецк)

* * *

Александру Сигиде

На фронтире солнце обычно садится рано.
Ночь приходит быстро – темна и обильна росой.
В облаках закатных зияет отверстой раной
Полость неба, светит белесою полосой.

На фронтире лето к окопам почти подкралось.
И в зелёнке – самое время для соловьёв.
Им немного тихих минут для песен осталось –
Тишина недолга, молчание меж боёв

Может, сутки длится, может быть – пару суток.
Соловьи, спешите – весна на фронтире строга!
Глубоко и ярко нам здесь открывают сути
Смысла жизни, измены, любви, не любви, врага...

На фронтире ветер несёт ароматы мяты.
Холодок её – для горячих голов и губ...
И в степи шумит, и стучит в жестяные латы
Уцелевших крыш, уцелевших ворот и труб...

Засвистит в проём, что раззявлен побитой крышей,
Занесёт в руины горсть желтеющих лепестков.
И утащит верх, поднимая всё выше, выше
Влагу слёз скупых – пополнить запас облаков.

Над фронтиром небо – перевёрнутой синей чашкой.
Наполняют чашку облака из слёз и росы.

На фронтире ходит то в «горке», то в «цифре» Сашка,
Улыбаясь редко в пшеничной масти усы...

Над фронтиром бушует весна, и чтоб ты не пророчил,
За весною – лето, и осени дни придут.
Знаешь, просто – жить, не солдатом, поэтом хочет
Ополченец Сашка, и мира фронтиры ждут...

* * *

Чужих стихов прочитанные строчки,
Как мотыльки сгорают надо мной.
Тянусь, приподнимаясь на носочки –
Так шире горизонт. Мой след земной,

Как эти строчки – невесом, невидим,
Лишь против света силуэтом слов
Заметен глазу... Как металл иридий
Он тугоплавок, неземных основ.

Он признак. Тех основ, что не повергнуть
Векам в разруху. Не пустить в расход.
Основ, которым присягнуть на верность –
Единственно возможный мой исход.

На каждый час, на каждое мгновенье
Достаточно ли слов и тишины?
В чужих стихах, их строчках – откровенья,
Мечты и страхи, и чужие сны...

Одни горят – и грея, и питая.
Они сияют, разгоняя мрак,
Другие – мрак и стужу нагоняют...
Они живут... В моём, в иных мирах...

* * *

Быть человеком среди человекoв, –
Пусть даже тяжело и не с руки.
Быть камнем, затворившим злобы реку,
Быть точкой, остановкой злой строки.
Быть частью света, даже в полумраке,
Быть песней о любви, не о беде.
Читать, да и писать живые знаки
Пусть даже вилами, пусть даже по воде.
Идти навстречу – ветру, мысли, чувству,
Не прятаться, не прятать, не ловчить.
И наполнять всё то, что было пусто,
И каждым шагом утверждая – быть!

* * *

Ты вдруг поймёшь, что мир принадлежит
Тебе.
И вкус его солёный – тоже даром
Ты получил.
И звон чужой гитары,
И солнце в саксофоновой трубе...
И лёд – хрустящий, точно леденец,
В руке заплакавший от твоего участия...
И это всё – огромным словом «счастье»
Осмелишься назвать ты наконец...
Куда всем Римом русские бредут
Я не болею этим. Отболело.
Отплакалось, отпелось, улеглось.
Татуировкой не легло на тело,
А на душе – укрыто. На авось
Всё было сделано. Извечный русский принцип –
Во здравие авось, за упокой...
Когда не так давно Гаврила Принцип

Вскрыл вены миру твёрдою рукой.
Ещё сияло миллионам солнце, и свадьбы пировали,
Но Кюри исследовали радий, цезий, стронций,
И близился к паденью Третий Рим,
Предсказанному древними богами,
Но зарождалось новое в зерне,
Упавшем в почву, что под сапогами
Вдавилось в землю... В Мировой войне,
Начавшейся, да и не завершённой
До сей поры, пусть солоно хлебнув,
Однако выжил, трижды обречённый
Мой Рим советский. В горе есаул
Стрелял в коня, но, к счастью, промахнулся.
С философами белый пароход
Ушёл в закат, и берег изогнулся
Дугою вслед, а есаульский род
Добавил франкам кровушки кубанской,
Тоски и ухарства, чтоб загустела кровь.
А над войною пляскою цыганской
Кружил авось, и, изгибая бровь,
Подмигивал окопным батальонам,
Кричал «Ура!» и, кажется – «Вперёд!»,
Из дифтерийных выдирая плёнок
Последний выдох, вытирая рот
Чахоточным платком в кровавых пятнах
Застигнутым в отравленном бреду...
И было, как обычно, непонятно –
Куда всем Римом русские бредут...

КАК ЛЮТО...

Как люто бьются бывшие свои –
природные враги так не умеют,
не в кровь, а насмерть, кто-то из двоих
живым не выйдет больше из траншеи.
Не суйся, третий – их не разоймешь,
друг другу не простят, что были вместе,
лицом к лицу сошлись, грудь в грудь,
нож в нож –
и третий между ними неуместен...

ПОСЛЕ ВЗРЫВА

У пленницы рвануло,
разбросало чурбачки,
смотрят мертво в закоулок
их застывшие зрачки.
Хатка словно стала ниже,
в землю вжаться норовит,
пламя угол хаты лижет
и снежок у стен парит.
В закоулке пёс дворовый
тоже выкатил зрачки,
пляшет в них огонь багровый,
разгулявшись воровски.
И лежат почти у двери,
отраженные в окне,
безвозвратные потери,
непричастные к войне...

НО Я НЕ ВИДЕЛ НИКОГО...

В часы затишья после боя
смотрел я в небо голубое,
но я не видел никого
из тех, кто штопает его,
кто там, у нас над головами,
насквозь простреленное нами
сшивает на живую нитку,
как лейтенант наш плащ-накидку,
кто там от края и до края
с небес нагар войны стирает,
чтоб мы хотя бы после боя
смотрели в небо голубое,
и чтоб прекрасное светило
над нами всё же восходило...

ПОМИНАТЬ ВЕЧНО

Храни друзей моих, Господь...
Ольга Бешенковская

Моих друзей Господь не уберёт...
Пытался – и отчаянно, но где там...
Их пот и кровь впитал мартиролог
текущего проклятого столетья.
Земля впитала, воздух, небеса,
душа моя впитала, заскорузнув...
У Господа на солнечных часах
сломались стрелки от такого груза.
У Господа исписана тетрадь
друзей моих простыми именами –
их нам обоим вечно помянуть
молитвами и горькими стихами...

НАС ПРОСТО ТАК НЕ ВЗЯТЬ...

Нас просто так не взять – и есть тому резоны:
нельзя без нас решить, что нам уже – пора...
Мы живы до тех пор, покуда есть патроны,
покуда кровь течёт еще из наших ран.
Мы кончимся, когда, последний сделав выстрел,
последней каплей крови оставим знак в пыли.
Мы кончимся тогда – решительно и быстро,
и примут нас ладони шершавые земли...

СЛЕПЦЫ

из отсека бээмпэ
не слышать поет капель
и не видно из отсека
как весна ступает в реку
омывает в ней ступни

окаянны наши дни

здесь в отсеке-скорлупе
каждый в сущности слепец
в слепоте закоренелы
видим только сквозь прицелы
и весны не видно в них

окаянны наши дни

ГОСПОДНЯЯ ПРИЧУДА

Мы с Волги, Енисея, Камы, Дона,
Амура, Ангары, Десны, Урала...
Мы пережили сто армагеддонов,
когда дотла другие выгорали
и разлетались пеплом невесомым,
и выпадали в неги чёрным снегом,
а мы под громы всех армагеддонов
по Волге плыли Ноевым ковчегом,
мы плыли Ангарой, Десною, Обью,
и Енисеем, Иртышом, Амуром,
и снова становились – хлеборобы,
и снова становились – трубадуры.
Нас никогда и ничего не брало,
и новым нас не взять армагеддонам,
мы – с Волги, Ангары, Оки, Урала,
Двины, Амура, Вятки, Зеи, Дона...
Мы – русские. Мы были, есть и будем.
Мы русские – господняя причуда.

А НАМ-ТО КАКОВО

а нам-то какво, давным-давно убитым,
над вашей огневой висеть без сил в зените,
не зная, как помочь, как поддержать потомков,
а небосвод набряк, кровавится каёмка,
а грязный дым плывёт родной луганской степью,
и вновь шахтерский взвод стоит земною крепью,
стоит, как наш тогда стоял в войне великой –
и враг не совладал... и вас не победить им...

НУЖЕН СОРОК ПЯТЫЙ

Я хочу поговорить о датах.
Было бы лишь с кем да для чего...
Нам, ребята, нужен сорок пятый,
горький, но победно заревой.
Позарез он нужен нам, ребята, –
как земля родимая в горсти...
Только в этот самый сорок пятый
через сорок первый нам идти.

ОПОСТЫЛЕЛО

Опостылело все, надоело,
Но родиться обратно – не в силах.
Очертить бы окружности мелом,
Попросить бы о мире...
Просила...

Опостытели взрывы, обстрелы, –
Восстановит кто наши руины?
детворою где площадь пестрела, –
Две воронки, как две
Украины...

Опостылел докучливый ветер,
Что разносит домов пепелище,
Нет руины роднее на свете,
Но родню ветер в поле
не ищет...

Опостылел разряд канонады,
Под АК засыпаю в полглаза.
Если спросят, чего тебе надо?
Я скажу: уничтожить
заразу.

Опостылело все, надоело,
Только радует глаз первоцветье,
И палаты, белёные мелом,
И войною рождённые дети.

В ЗОНЕ ВИДИМОСТИ

В зоне видимости – блокпост,
В зоне страха – многоэтажки,
Вне зонально – молчит погост
Он-то знает, что будет тяжко.
Поле выжженное чадит,
По стерне не гуляют птицы,
Враг непрошенный не щадит, –
Оголтело на город мчится.

В зоне видимости – Донбасс,
В зоне страха – дома пустые,
Брат на брата в Медовый Спас
Прет, да так, что водицей стынет

Кровь и в жилах, и по стерне,
А «братья» на гашетку давят,
Где песочницы – там верней, –
Стопроцентные попаданья.

В зоне видимости – АТО,
В зоне страха – моя земляца,
А над кладбищем вдовий стон
Будет слышен еще лет сто,
И стерня не заколосится.

ОЧЕРЕДНОЙ РАУНД

Сотни раундов войны,
Сотни перемирий,
Ни победы, ни вины,
И обрыв все шире.

А над пропастью лететь –
Крылья обломаешь:
Треть войны и битвы треть, –
Где упасть – не знаешь.
Не орлы, не журавли,
Значит, горе-птицы,
Битву правят короли –
Как не удивиться?
На Майдане не юнцы, –
А отребье знати,
С пацанами – их отцы
Продолженье рати.
Их Бандера, словно бог,
Олицетворяет
Нищесбродство и порок,
А вокруг миряне
Глотки рвут и пойло пьют
не впервой с нацизмом.
Жаль, их мамки слез не льют,
Погоуляв на тризне.
И гудит во благо зла
Бандерлогов песня,
Словно адова смола,
Зло кипит, хоть тресни.
Сотни раундов войны,
Сотни перемирий.
Только нет уже страны
В этом антимире.

НАТАЛЬЯ ЛИТВИНЕНКО /ПЕРЕПЕЛКА/

(Донецк)

* * *

Не ищите града земного,
Не ругайте 20 век.
Мы увидим, честное слово,
Что не видел ещё человек.
Будем бледны, и гладны, и сыры,
Сгинем мертвы в изгибах земли.
И сего прекрасного мира
Больше уж не увидите вы.
И не будет уже человека,
Что судьбы уклониться страны.
Не бывает начала века
Без войны.
Неуместны права человека,
Как он хрупок, хладом палим.
Мир не знал подобного века –
До другого, что будет за ним.

* * *

Война присутствует намеком,
Как взгляд тяжёлый за спиной.
Она не только о высоком,
Но чаще в жизни бытовой...
Вот стол.
Вот хлеб.
Под град событий,
Под их победы и печаль
Простым вещам их вкус забытый,
Простым вещам их смысл сокрытый
Она способна возвращать.

* * *

В темноте, тишине и покое
Вечер начат. Конца ему нет.
Прилетело злосчастье лихое,
Разбомбило на улице свет.
Здравствуй, здравствуй, лучина уюта,
Бесконечный поток кружевной.
Я бы вышила знамя кому-то,
Да никто не торопится в бой.
Я бы вышила хоть бы платочек,
Чтоб его дорожному отдать.
Выйди во поле чисто, милочек, –
Разогнать супостатову рать.
Только сядет за горочку солнце –
Снова станут стрелять и лупить...
Но, одаренный, он не вернется,
Да и некому вроде дарить.
Где-то ходит, живой и счастливый, –
От меня его Бог уберег.
Или кто-то, такой же глазливый,
Подарил ему раньше платок...

ЛЮДМИЛА ГОНТАРЕВА

(Краснодон)

* * *

Спаси вас Бог, мои друзья,
разбросанные по планете.
Сегодня на планете – ветер.
И о прогнозах вслух – нельзя.

Храни Господь всех вас простых
и сложных, и молчащих все,
чтоб в перезвонах Аллилуйя,
родился чей-то новый стих.

Поверьте мне: я помню всех,
легко даривших смех и слезы,
рифмосплетений передозы
и тишь в эфире среди помех.

Так хочется порой стереть
свою нечаянную память,
чтоб горький груз потерь оставить –
чтоб не позволить вам сгореть

от тонкостенной острой боли
за то, что вы всегда в ответе –
за мир в дому и белом свете,
за игры на чужом престоле,

за то, что (трудно взять мне в толк)
мы в разных оказались стаях...
Твержу, страницы лет листая:
Храни вас Бог, храни вас Бог...

* * *

Там – за углом – бомбежка.
Вышел из дома – ночь.
Где-то в душе окошко:
робкий призыв помочь
сырым и беспросветным,
отверженным и слепым.
На слово сегодня – вето,
от пламени сердца – дым
остался. Блуждает Данко
с беспомощным угольком
по городам-полустанкам.
Порыв его не знаком
ни близким и ни далеким,
ни осенью, ни зимой.
Грозят пустотою строки
с позиции огневой.
Над территорией снова
дождь бесполезный шел –
не грустный и не веселый,
безвременья грубый шов.
Где вы, озимые строки,
пышная всходов речь,
тонкая мудрость Востока,
гудящая прозы печь?
Громких томов – пустыня.
И только молчанье – вверх
взмывает. Но небо стынет
и сеет бумажный снег.

* * *

Нас и для круглого стола
уже остались единицы.
В корзине времени – страна.
На кон поставлены столицы,
станции и страницы книг –
успеть бы написать... Кто знает,
что впереди: минута – миг –
час – выдох – вдох – морозы в мае –
дожди январские – печаль –
закат – рассвет – портрет на полке?...
И как ни вглядывайся вдаль –
лишь контролер и остановки...
Знакомый, но чужой маршрут.
Привычна боль из ниоткуда.
В который раз куранты бьют.
Растут герои и иуды.
Кругами память по воде
расходится. Дрожат ресницы.
Успеть посеять рожь к среде,
чтоб осенью тебе присниться.
Успеть вскопать весь огород –
с картошкой мы перезимуем...
А там и время подойдет
твоим февральским поцелуям.

МАРК НЕКРАСОВСКИЙ

(Луганск)

* * *

На войне срок любви не долог
Смерть-разлука рядом идёт.
Пуля ранит, убьёт осколок...
Это как кому повезёт.

На войне такие порядки:
Не планируй, живи, как в блиц.
Оттого любовь без оглядки.
Оттого любовь без границ.

Срок любви на войне не долог.
Это как кому повезло.
Пуля ждёт нас и ждёт осколок,
Но мы любим смертям назло.

* * *

Выстрел. Свист. И страх могильный.
Падаю, вжимаясь в землю.
Каждой клеткой не приемлю
Смерть свою от этой мины.

Взрыв. И снова перебежка.
Добежать бы до канавки.
Весь в крови лежит на травке
Парень, что слегка замешкал.

Шёл в поход он за водою.
Рядом с телом две канистры.

Оттого упал не быстро.
Стал поход его бедою.

Смерть привычна до рутины.
ВСУ и добробаты,
Словно здесь одни солдаты,
Убивают город мирный.

Скважина. Насос глубинный.
Каждый здесь получит воду.
Много ждёт её народу
Смерти, не боясь от мины...

Я с водою, я с водою
И лечу я над землёю.
Я счастливый. Быстрый, быстрый.
Это я лежу на травке
Рядом с телом две канистры.

* * *

Помнишь август? Взрывы ближе, ближе...
Город наш обстрелами распят.
В дом соседский, улицей чуть ниже,
К нам от «братьев» прилетел снаряд.

Что ни залп, то новые потери.
Боль утраты трудно передать.
После взрыва заживо сгорели
Внучка с бабушкой, отец и мать.

Бывший «брат» твердит, что долг солдата
Город наш от нас же зачищать.
– «Колорады», «террористы», «вата».
Всех под корень надо убивать.

Помним август. Защитили город.
На колени город мой не стал.
Но вчера стучала боль, как молот, –
В детском парке список прочитал.

В детском парке саженцев аллея,
И детей убитых имена.
Дерево Марины, дерево Сергея...
Не жалеет никого война.

* * *

«На войне бойцу не страшно» –
Это всё, конечно, ложь.
В ожиданье рукопашной
Режет сердце страха нож.

Но звучит сигнал атаки –
Ярость бьётся через край.
В штыковой смертельной драке
О пощаде не мечтай.

Насмерть брат дерётся с братом.
Не убьёшь – убьют тебя.
Ополченца с «добробатом»
Примиришь никак нельзя.

Ты – защитник. Он – каратель.
Дьявол вновь устроил пир...
Плачет кровью Божья Матерь –
Отмолить пытаюсь мир.

* * *

Жизнь прицельным огнём распятая,
Каждый дом изувечен миной.
Перестало быть Хрящеватое
После этого Украиной!

Украиной, в которой Бандере
Весь почёт, вся любовь и вся слава,
Украиной, в чьей пламенной вере
Лишь нацизма бродит отрава.

Я не верю, что это традиция:
Вновь нацизмом расколота нация.
Чтоб запели Волынь и Галиция,
Если б их разнесла авиация?!

РАЗГОВОР С СЫНОМ

Поверь мне, сын,
Пройдёт немало лет,
Пройдёт немало зим,
Поймёшь, что ты – мой лучший в жизни след.
Живи звездой храним.

Свой город роз
Я подарю тебе.
Пусть он растёт с тобой.
Поверь, Отчизны не бывает две,
Иди одной тропой.

Ты этот мир
Откроешь, будто дверь,
Шагнёшь к своей любви.
Послушай, сын, и снова мне поверь:
Петлю и цепи – рви.

Наступит день,
И мой придёт черёд
Вдохнуть последний раз.
Тебе, мой сын, в наследство перейдёт
Дом, Родина, Донбасс.

ВТОРЫЕ СУТКИ БЕЗ НЕЁ (ДОКТОР ЛИЗА)

Снова утро на моей планете,
Жёлтыми лучами солнце бьёт.
Но наряды чёрные надеты.
И вторые сутки без неё.
Станет день темнее чёрной ночи,
Ветер флаги надвое порвёт.
Не сумели, что могли закончить
На вторые сутки без неё.
И, укрыты сонными волнами,
Разудалых песен не поют
Те, кто с ней остались, а не с нами,
В невесёлом, но земном строю.
Дышит в спину жадный до монеты,
Прячет руки хитрое ворьё.
Снова траур у моей планеты,
И вторые сутки без неё.

* * *

У меня пороков – масса,
Признаю вину свою:
Независимость Донбасса
Признаю и не сдаю!
С отвращением особым
Отношусь я к русофобам,
Что сравнимы с гитлерьём
В древнем опыте моём.

Севастополя и Крыма
Признаю права – не зря:
Право их – промчатся мимо
Всех законов гитлерья!
С отвращением особым
Отношусь я к русофобам,
К тем защитникам свобод –
Ненавидеть мой народ.

У меня пороков – стая,
Я – не бант на шее банд:
Не признаю никогда я,
Что Россия – оккупант!
С отвращением особым
Отношусь я к русофобам,
Где спасла страна моя
Много стран от гитлерья!..

Никогда я не признаю
День Победы днём вины.

Русофобщина сквозная –
Сталин с Гитлером равны.
С отвращением особым
Отношусь я к русофобам,
К тем, которых бы от нас
Гитлер спас, как в прошлый раз,
Как в печах для низших рас!..

* * *

Иди, Россия, себе навстречу,
Себя не мимо – не в бездну бед,
Иди навстречу себе, как речью
Идёт навстречу прозренья свет!

Себе навстречу – с любовью, с нею,
Себе навстречу – во всей красе,
Свои просторы люби сильнее,
Где все народы России – все!

Себе навстречу – и нет сомнений,
Что воля к Жизни – твой Божий дар.
Себе навстречу – живучий гений,
Чья сила держит любой удар!

Себе навстречу – не всем, кто просит
Тебя идти – топором на дно.
Иди навстречу себе, не бросив
Себя, как было не так давно!..

Себе навстречу, народ народов,
Себе навстречу – не западне,
Где по наивности сумасбродов
Другие страны давно на дне.

Себе навстречу – с любовью, с нею,
Себе навстречу – как свет сквозь мрак,
Свою огромность любви сильнее,
Себе навстречу – и только так!

Себе навстречу – себя не мимо,
Себе навстречу – не мимо Крыма,
Себя не мимо – не сдай Донбасс,
Он – знамя всех, кто не сдали нас!

О ЛЮБВИ

Что знает о любви ликующий злодей,
Сжигающий живьём полсотни душ в Одессе,
Желающий Донбасс очистить от людей?
Что знает о любви погром и мракобесье?

Но требует любви – к себе! – такой урод.
Но требует любви – к себе! – такой преступник.
И любит горячо Европа этот сброд,
А я люблю Донбасс, он этот сброд пристукнет!

Кто требует любви? К кому и от кого?
К убийцам Бузины Олеся?.. К поголовью
Ублюдков, чьё сейчас в Европе торжество,
И любят их взасос, пылая к ним любовью?

Я тоже полюблю фашистов, их гульбу,
Их зверскую борьбу, но с маленькой поправкой, –
Фашистов я люблю, когда они в гробу,
Зарыты глубоко – и зарастают травкой.

* * *

Санкции – разве они из-за Крыма?
Врёте! А чистая правда без грима –
В том, что покуда Россия жива,
Санкции будут расти, как трава!

Санкции будут плодиться, как мухи, –
Поводов для русофобской чернухи
Столько, что бесится санкций братва,
Сколько столетий Россия жива!

Санкции будут за вдох и за выдох,
Будут они в нескончаемых видах,
В олимпиадах пылать, как дрова, –
Всё потому, что Россия жива!

Санкциям если назначили цену,
Чтобы они подлежали обмену, –
Значит, у сделки цена такова:
Чтоб не осталась Россия жива!

Санкции – разве они из-за Крыма?
Их нескончаемость необозрима,
Только не будет у них торжества, –
Крым торжествует – Россия жива!

Премия – санкциям, премию Нобеля
Дайте за то, что они не угробили
Нас – и, покуда Россия жива,
Санкции будут расти, как трава!

НИНА ДЕРНОВИЧ

(Молодогвардейск – Атамановка)

В ОГНЕ

Снять собирается земля
За лето выцветшее платье.
А кочковатая стерня –
В предчувствии беды – пылать ей.
На всполохнувшие поля,
Глядят заплаканные травы:
Огонь и дым, глаза болят.
Идёт орда, орава.

Стащили платье у страны,
Соврали и сорвали сразу.
И ощетинились мослы
Без крепких и надёжных связок.
Пожарище со всех сторон.
И крик: «Спасите наши души».
Беспомощно пылает дом,
Одна шестая – суши.

Отары пастуха винят:
Завёл их в дебри, не подумав?
Пастух – не промах: на коня
Вскочил и выпрыгнул бесшумно.
Но ярь огня пора унять,
Понять – овины в чём повинны?
Горит стерня от ячменя,
В огне Абхазия, Чечня
И Украина.

ЛУЧШИХ НЕ ДОСЧИТАЕМСЯ

Зло неприятия других – не вечное.
В майданной копоти земля шатается.
Война гражданская – бесчеловечная.
Так горько – лучших не досчитаемся.

Никчемность чванится, а души узкие.
Их урезонить, понять пытаемся,
Мы терпеливые, мы – люди русские.
Но горько – лучших не досчитаемся.

Мы земляки, мы друзья – соратники
Клянёмся кровью и ей братаемся.
Пусть «колорады» зовут нас, «ватники»,
Но горько – лучших не досчитаемся.

Глазам не мил камуфляж оливковый.
Снарядов бешеных степь наглотаётся
И превратится в пустырь суглинковый.
Так горько – лучших не досчитаемся.

Растает лёд, захлебнутся выстрелы,
С фашистской сворою мы расквитаемся,
И нашу степь разноцветьем выстелем,
Но горько – лучших не досчитаемся.

Мы будем жить и любить неистово,
Что допустили такое, каяться.
Отгромыхают, утихнут выстрелы,
Так горько... Лучших не досчитаемся.

ДОРОГИЕ МОИ ЗЕМЛЯКИ

Я вернулась в своё захолустье,
Где тропинки былъём поросли.
Здесь под яблонькой, – не в капусте,
По преданью, меня нашли.

Нет удобств. Хлеб – три раза в неделю.
Старики, как замшелые пни.
Но всё так же в степи алеет
Цвет лазоревый в вешние дни.

Всё такой же Донец красивый.
И надеюсь – мне будет рад
Одичавший и сиротливый
Бабы Лёли – покойницы сад.

Не хочу, чтоб стоял в запустенье,
Пусть и ветхий, но гордый курень.
Это – словно моё воскресенье
И второго рождения день.

Может, правда, что поступаю
Смыслу здравому вопреки?
Но живут ведь, сады сажают,
Землю пашут, детей рожают
Дорогие мои земляки.

Здесь мой край. Те же лица родные.
Жизнь, как миг на крутом вираже.

Лица те ж. – Имена другие.
Поколенья сменились уже.

В Придонецье родное вернулась,
Здесь запнулся мой взгляд о ковыль.
С головою в Донец окунулась,
Словно смыла дорожную пыль.

МАРИНА ОРЛОВА

(Донецк)

* * *

Утро за окнами. Что-то особенно громко
Били сегодня по городу чем-то тяжелым,
Ахнуло гулко под сердцем у старенькой школы...
Десять минут на машине – до огненной кромки.

Стекла дрожат в переполненной светом квартире,
Люстра качается, словно при землетрясенье...
Лето еще одно – от сотворения мира –
Яркие желтые листья и ветер осенний...

Город привык к ежедневной почти канонаде,
Гул в небесах приучает не вздрагивать плечи,
Трудно поверить, но здесь мне спокойней и легче,
Чем в многолюдной Москве, окольцованной МКАДом...

Там все слышнее английский, немецкий, турецкий,
Тут говорят на исконном в простуженных классах...
Только столица сейчас прорастает в Донецке,
Как и Великая Русь – прорастает в Донбассе.

ДОНЕЦКИЙ ВЕТЕР

У нее на огне кастрюлька со снегом талым,
Без воды две недели, но все говорят – ненадолго,
У нее на окне подушка и одеяло,
Если что, на себя они примут стекла осколки.

За порогом война, она – все четыре года –
Бьет по южному городу гулким тяжелым градом,
И в снегу перезревшая веточка винограда –
То обстрелы собрать мешали, то непогода.

Эта песня слагалась там, где ветра певали –
Сквозь тягучие волны прошлых тысячелетий,
А сегодня земля в окопах, земля в металле,
Но над степью снова вольный гуляет ветер!

Металлический век – и в небо летят снаряды,
Беспощадный век бетона и твердой стали,
Но как прежде вьется ниточка шелкопряда,
И луга цветут, и земля рожать не устала...

У нее на столе портрет в золоченой раме,
И она на него глядит – так глядят на иконы.
У порога глубокий след – от осколка шрамы,
У войны свои рубежи и свои законы.

Но звенит эта песня там, где ветра певали –
Сквозь тягучие волны прошлых тысячелетий,
Пусть сегодня земля в окопах, земля в металле,
Но над степью – снова вольный донецкий ветер,

Вольный ветер парит под солнцем на крыльях птицы,
Вольный ветер взмывает вихрем и круговертью...
Отчего у здешних людей так прекрасны лица?
Отчего у здешних людей так красивы дети?

ВЛАДИСЛАВ РУСАНОВ

(Донецк)

* * *

Неидуший пути не осилит,
негорящий не будет в тепле,
а мне нравится ездить в Россию
по раздолбанной в хлам колее,

по гребёнке, накатанной танком,
по просёлку, где в пояс полынь
по шоссе, где чернеют заплатки,
прячут оспины этой войны.

Тень дубрав и берёзок курсивы,
ширь полей и пригорков венец.
Открываю я снова Россию,
как влюблённый и жадный юнец

Зачерпну я Россию горстями –
синь небес, духовитость земли,
от церкви до дворцов с крепостями,
величавость обеих столиц.

От Камчатки до Калининграда,
от ледовых широт до пустынь
всё в России мне свет и отрада –
я – её заблудившийся сын.

2018

* * *

И жил как жил,
бездумно смел,
последних жил
беречь не смел.

Не гнул хребет,
не кланялся
на зло судьбе-
охальнице.

И в радости,
и в горести,
умел нести
добро в горсти.

Мог дать на хлеб,
а мог дать в глаз.
Жил на земле
не напоказ.

Умел врагам
смотреть в лицо,
жаль, не долга
тропа бойцов

И в горле ком,
и в небо залп.
Земной поклон
на образа...

2018

ДЕДУ

Войдя в пике в подбитом «Яке»,
ты пел отчаянно «Катюшу»,
в последней, яростной атаке
до пепла выжигая душу.

Идя ко дну во чреве «Щуки»,
до срока расстреляв торпеды,
знал – неродившиеся внуки
не предадут твоей Победы.

По полю мча в горящем танке
вслепую, в лоб немецким ДОТам,
ты знал – на этом полустанке
простой рутинною работой

всего советского народа
хребет фашизму будет сломан.
А может, где-нибудь у брода
или в смоленских буреломах...

Плечом к плечу, один из многих,
встал за свободу и Отчизну
и жизнь, сложившуюся в подвиг,
считал обычной скучной жизнью.

Но память выцветшим конвертом
расставит все как надо точки –
и через годы в строй бессмертный
войдёт твой путь отдельной строчкой.

2018

* * *

Наши плечи так хрупки –
не атланты, не боги.
Выпадает минутка
отдохнуть по дороге.

Наши нервы так хлипки –
Не стальные канаты.
Что кому-то улыбки,
то кому-то – утраты.

Наше долготерпенье
Не из огнеупора.
Из щебёнки, кореньев
и подножного сора.

Мы – простые невежды,
верим в бредни и сплетни.
Только знаем – надежда
умирает последней.

2018

СВЕТЛАНА СЕНИЧКИНА

(Луганск)

* * *

Пятую чашку чая
Налью, хоть уже изжога.
Новости б лучше не знать,
Да снова полезу в соцсеть.
Если все это не сон,
То, значит, на свете нет Бога.
Или он спит,
Или снова включил ТСН*.

* * *

А в Луганске сегодня ветер
Осыпает липовый цвет,
На качелях смеются дети,
И войны здесь как будто бы нет...

* * *

Чёрный – это цвет моей зимы.
Чёрный – это цвет моей земли,
Зябнет и (от холода ль?) дрожит,
В эту оттепель оставшись голой.
Белый – это цвет моей любви,
Белый – это тихий свет молитв,

---

* ТСН – «Телевізійна служба новин» – новостная передача одного из самых лживых украинских телеканалов.

Просят землю уберечь, укрыть
То ли снегом, то ли омофором.
И вовек, в любые времена,
В мире есть лишь только свет и тьма.
И стираются полутона,
Когда «грады» накрывают город.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

А ты спроси национальность
у девочки в бронежилете,
что нежностью своей прижалась
к истерзанной войной планете,
чтоб из горящего окопа
успеть стащить у смерти парня –
не для тусовок или спальни,
а чтоб не радовать «укропа»
еще одной донецкой смертью...
вы паспорт у нее проверьте,
а вдруг она как раз еврейка
или чеченка, или сербка,
ее дождись тут, на скамейке,
и если выживет – проверь-ка,
а вдруг та самая, что летом
пришла к ребятам в камуфляже –
нет, не искать свою пропажу,
а за свободным пистолетом,
а лучше даже автоматом...
зачем? она б сказала матом,
но слезы говорить мешали...
ну, в общем – автомат ей дали,
родителям не возвратили –
их на ее глазах убили,
снарядом дом разворотив...
ей было некуда идти,
она парням еду варила,
бинты стирала и мотала,

жила в окопах и стреляла,
и о любви не говорила –
сепаратистка, рашка, вата, –
она взяла свою гранату
и с нею бросилась под танк,
когда он шел ребятам в спину –
ей смерть была великовата,
но эту чертову машину
она остановила так...
ее как раз спросить забыли,
каких она была кровей;
тут кровь донецкого разлива,
и в мире нет ее верней,
она бурлит в котле донецком,
увы, уже не первый год,
так появляется на свете
особой крепости народ.

МОЙ РАЙ

Мой рай, мой край. Об этот край суровый
Ломают копья, расшибают лбы.
Я создан из его любви и крови,
Труда и воли, слова и судьбы.
Его судьба – нелёгкая дорога,
По ней он шёл, не полз и не петлял.
В лицо он видел дьявола и Бога,
Пред ними не скулил и не вилял.
Был столько раз оболган, продан, предан,
Лицом к беде, у смерти на краю,
Он никогда не называл соседом
Родную мать и родину свою.
Он прям, упрям, он твёрд, не терпит лени,
Он бил всегда за подлость по зубам,
Он никого не ставил на колени,
Поскольку никогда не станет сам.

ЗВЕЗДОПАД

Не будь атеистом
в канун звездопада,
здесь звёзды так близко,
что спичек не надо.

А будь альпинистом,
при ясной погоде

здесь небо так низко,
что в небо уходят.

Уходят, да только
любимые люди,
их меньше настолько,
что больше не будет.

Последнею долькой
надежды на блюде
здесь горе так горько,
что горше не будет.

Скажи себе строго:
– И хуже бывало.
И боли так много,
что водки всё мало.

Не будь атеистом,
душа не блудница,
здесь к Богу так близко,
что грех заблудиться.

ЧАС БЕССМЕРТЬЯ

Сюжет «За родину!» не нов,
не бабы плакать,
успеть сказать: «За пацанов!»
у чёрта в лапах,
в стране, помноженный на ноль,
под братских свист пуль,
от диалектики такой
Карл Маркс присвистнул.

Врагу не сдавшийся Варяг,
сдан за бутылку,
кто за пятак, а кто за так,
кого в Бутырку.
Былых побед отцовский флаг
под смех на тряпку,
в аду на радостях аншлаг,
аж Гитлер крякнул.
Любовь Иуды пригубя,
во тьме бессилья
навекы верящим в тебя
молись, Россия.
Где на часах бессмертья час,
стоит без смерти
в чертей не верящий Донбасс
идохнут черти.

СТАРИК, НЕ ЗЛИСЬ...

Старик, не злись, что день ненастный,
И льёт в начале сентября.
Не говори, что всё напрасно,
Коту под хвост,
Впустую,
Зря.

Ворчать и хмуриться не нужно,
До срока подводя итог.
Поверь, браток: твой отпуск южный
Вполне себе имеет прок.

Раскрой пошире шкафа створки,
Там троек нет последних мод.
Зато в твоей линялой «горке»** –
Хоть на рыбалку, хоть в поход.

А что ещё скрывают дверцы?
Не фрак, не шляпу-шапокляк.
Там просто берцы.
Ну, а в берцах
Копать картошку удобняк.

Темнеет тюк на полке дальней.
Подушка? Плед? Ковёр? Матрас?
Теперь армейский ватный спальник
На даче будет в самый раз.

** «Горка» – разновидность камуфлированной формы.

Ещё один в бюджет семейный
Отметим несомненный вклад.
Возьмём штык-нож.
Твой нож трофейный
Отлично режет сервелат.

КомпАс, что взводный после боя
Вручил за ратные труды.
С надёжной штукою такою
В лес можно смело. По грибы.

Под квас пошла пустая фляжка,
Под инструменты – вещмешок,
На ветошь – старая тельняшка...
Видал, какой выходит прок!

.....

Ещё есть сны.
Про след ракеты,
Про посвист мин, земную дрожь,
Про вкус последней сигареты,
Могильный холмик...
Ну и что ж?

Зачем, дружище, супишь брови?
Отставить! Обойдёмся без.
В чём толк от снов? Какой с них профит?
Ни в дом с собой,
Ни в сад,
Ни в лес.

ВИКТОРИЯ ШАТОХИНА

(Донецк)

МЕТРОНОМ

В заброшенном доме далекой окраины,
Где мира давно уже нет,
Остались там трое: часы
и собака,
Да дряхленький, с палочкой, дед.

Там время живет по законам
особым,
Надломлены стрелки, ворчат.
Соседи ушли, не осталось
знакомых,
А деду хотелось внучат...

Среди тишины, нарушаемой взрывами,
Проходят минуты и дни.
Ненужная, горькая, жизнь
опостылая,
На всем белом свете одни...

Под пулями завтраки, чаем
запитые,
Под мерное тиканье сон.
Судьба покатилаь часами разбитыми,
Как страшен твой стук, метроном...

ДОНБАСС, ТЫ НЕ БЫЛ ТАКИМ СЕДЫМ...

Донбасс, ты не был таким седым,
Что стало с тобой, родной?
– Мне выбелил душу снарядов дым,
Сирен неусыпный вой.

Донбасс, скажи, кто принёс
беду?
На землю моих отцов...

– Я маюсь, пытаюсь понять
орду,
Воюющих злобных псов.

Донбасс, ты будешь ещё
другим,
Развеется дым войны...
Донбасс, я помню тебя
живым!
Я помню другие сны...

МОЙ ГОРОД РОЗ

Я засыпала под огни большого
города,
Мне снились радуги и теплые
дожди.
Я улыбалась по утрам совсем без повода,
Огни погасли... сны остались
позади...
Разбитых стекол странные
узоры,

Рисует градом в небе черный
дым.
На перекрестках – не цветные
светофоры,
Мой город... так внезапно стал
седым...
Проспект вечерний непривычно
тихий,
На кухне, с чаем... комендантский
час.
Изранен город... чья-то злая
прихоть,
Аллеи роз сменила на
фугас...
Я засыпаю без огней родного
города.
Храню осколки света в снах и
жду...
Когда проснусь, и улыбнусь без
повода,
Мой город роз... не сдавший
высоту!

ДЫМ

Дым... черный дым над столицей...
Медленно гаснут души,
Пеплом стирая лица.
Кто нас теперь потушит?
Кто отмотает время
В точку до невозврата?
Кто же вернет нам веру

В то, что уже не свято?
Снег... белый снег над столицей...
Ветер в пустые стекла
Мертвой стучится птицей.
Плачет страна... промокла...
И до крови избита.
Дым... черный дым... и все же...
Снег... ведь он чистый, белый.
Может, вернет нам души,
Те, что продать не успели...

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ АВГУСТА

Враг лезет в окна, ломает двери,
Он ждет, что выкинем белый флаг.
Несем потери, несем потери.
И ждем, что скоро устанет враг.

Они не братья уже по вере,
Хоть крест над нами, пока, один.
Несем потери, несем потери,
Господь им больше не господин.

В соседних землях, в краю истерик,
Вину приписывают Кремлю.
Несем потери, несем потери,
Я негодую, и я скорблю.

Иные люди страшней, чем звери,
А кто для зверя, скажи, судья?
Несем потери, несем потери.
От рук людей, что хуже зверья.

Ну, на каком еще нам примере,
Понять, что гибнет там наш народ?
Несем потери, несем потери,
Пора заканчивать скорбный счет.

* * *

Завтра едем в зону обстрела,
Песни петь у смертельной межи.
Говорят: – Не твое это дело.
Ну а чье тогда дело, скажи?
На опасность твой нюх не развит?
Ты же зряч, говорят мне, не глух.
А живущим там легче разве?
Или тоже притуплен нюх?
Говорят, что песней не лечат,
Разве легче с ней помереть?
А живущим там разве легче,
Чем тому, кто приехал попеть?
Песня многих по миру катает,
Но не всем по плечу этот труд.
Там, где песня, – смерть отступает,
Не стреляют там, где поют.
Я богатств с песней не обретаю,
Не торгую ей, как куркуль.
Я оружием ее считаю,
Песня часто весомее пуль.
Ну и что, что спою в подвале?
Ну и что, что вокруг война?
Если с песней меня позвали,
Значит, песня моя нужна.
Всяк в любви клянется умело,
Что готов рядом встать в бою.
Приезжайте в зону обстрела,
Докажите любовь свою.

ЛАУРА ЦАГОЛОВА

(Москва)

* * *

Мы ничего не позабудем!
Ещё устанем вспоминать...

Последний здешний выдох труден,
но легче надобность принять,
что старослужащее тело,
собой ничуть не дорожа,
ушло в снега, когда взлетела
износостойкая душа.

Лишь только точности секундной
застыла фосфорная дрожь,
Господь приметил: «Неподсудный!»
И смерти выдохнул: «Не трожь!»

Я для чистилища сугроба –
дитя в армейских пеленах.
Мне не прочувствовать озноба
сопровождающего страх.

Мне ведомо, чего же ради!
С ленцой бывалого бойца,
смотрю на трещину в прикладе,
разросшуюся у лица.

Срок ожидания оплачен.
Тут каждый, что ни говори,
по жажде правды равнозначен
твердыне Храма-на-Крови.

По переключке русских судеб,
по знамени над блок-постом...
Мы ничего не позабудем
из ночи...
...перед
...Рождеством.

2019

РУССКОЕ ПОЛЕ

...Донбассу...

Как уголь чистит белых лошадей,
так теменью сугробы намывает.
Ты этой белизною завладей!
Присвой её путём, что огибает
домишек поднебесные горбы,
пригревшие попадавшие звёзды!
Расходятся окольные столбы,
обещанные выстуженным вёрстам.
Вот-вот навстречу вспыхнет огонёк
халупы, где смотритель станционный
раздует самоваристый чаёк
и разговорчик одухотворённый.
И примется потрескивать в печи
янтарь слезы зарубленной осины.
Чудак-старик! Захочешь огорчить, –
он будет улыбаться, что есть силы,
перечить долгим кашлем небылиц,
косясь на употелое окошко,
в котором пляшут призраки возниц,
протаптывая лунные дорожки.
Счастливый сон, из тех, что рождены
на самом звучном вздохе обрываться!

Стоит зима. И пятый год войны.
И хлопья закопчённые толпятся
(провидя причитания родни,
сплочённой у могильного обрыва),
как будто их оставили одних
в защитниках небесного призыва.
Да в поле, повидавшем чужаков
за сотни лет до нынешней осады,
Архангел Пушкин к подвигу готов,
с весёлой обречённостью солдата.

2018

НЕУСТАВНОЕ

Смерть запасается жизнью по самое не балуй...
Жадность стубила фраера – не её!
Смерти нужна передышка... Сегодня не атакуй!
И завтра сиди, считая по осени вороньё.

Два дня и две ночи вот этот влачи окоп,
что недавно служил надежей неврастенику с той стороны.
Ухмыльнись, мол, чётными могут быть капли цветов на гроб
в истории человечества и в обиходе войны.

Здесь враг вчера трескал тушёнку с прадедова ножа.
У твоего был такой же в точности – злая трофейная сталь.
А сегодня пропащей дурую бликует врага душа.
И ты заедаешь тушёнкой слезливое слово «жаль!»

Два дня и две ночи не будет тебе беды,
кроме одной перестрелки и мороси затяжной.
Смерти нужна увольнительная наградою за труды,
за то, что ударно пополнила список свой послужной.

И ты, балагур, напоследок все нервы в себе задрай.
Какой-никакой, а Тёркин (по линии родовой).
Советский поэт Твардовский с похожим освоил край,
который на небо выше, чем нынешний адрес твой.

Два дня и две ночи... Нежданная сказка-блиц!
Иная реальность сгущаясь рябиновый давит сок.
Земное креплёное пойло – отрава для райских птиц,
а нашим шальным – возможность разнашивать голосок.

Смерть запасается жизнью, как перед спячкой зверь.
Будет во сне по косточкам разбирать.
Лучше её не трогать, не окликать, поверь!
Может, на время забудет, как тебя величать...

2018

* * *

Успеть бы погулять-довоевать
в последний день мальчишеской свободы!
Я вижу, как заботливая мать
в планшет отцовский прячет бутерброды.
Я думаю, что скоро будет бой,
а внук соседский – ябеда-отличник,
окажется с разбитою губой,
как диверсант, захваченный с поличным.
А после... Задушевный разговор.
И дружбы фляга с крепкой родниковой
под клятву в том, что с этих самых пор
о тайне неприяательства – ни слова.
Каникулы – нехитрая игра,
весёлая, как свист на голубятне.
Мы выдавали счастье на-гора
и на рубашках солнечные пятна.

А после будут школа и дожди,
и хрусткий снег, и вербочки для Пасхи.

А после...

Стоп!

Былое, подожди!

Чем дальше, тем опасней без опаски.

Нельзя тебе на взлётную тропу!

Здесь нас таких – потомственная стая.

Здесь черти лето видели в гробу!

И летних поимённо выбивая,

надеялись на обморочность вдов...

На перепалки некогда сплочённых...

На немоту выносливых дворов,

вмещавших добровольцев отягчённых
смертельной ношей...

Помнится, отцы

наследников сажали на заливки,

а нынче взгромоздили сорванцы

своих взрослений ратные обрывки

на плечи остающихся в живых

по контурам спасительной Державы.

Несите нас, уже вневременных,

«Донецким морем» райской переправы!

2018

«ВАТНИК»

Тому бывает проще,

кто ростом невысок.

Разбужен в тихой роще

свинцовый голосок.

Надламывают ветки

осколки-шатуны.

Твердит незримо меткий
пословицы войны.
На этой судной точке
сегодня горячо:
несметные цветочки
редеют за плечом.
А твой окоп – кусточек,
с таким не пропадёшь!
А ты ему – сыночек,
не первый из алёш,
не первый из иванов,
не первый из данил...
Прицельно дул на раны
архангел Михаил,
чтоб ты, слабея даже,
хрипел «Христос Воскрес!»
...Ругнулся суржик вражий,
и махом вышел весь.
Архангел чиркнул спичкой,
не грех перекурить:
солдатик-невеличка
успеет вечно жить.
Помятой папироски
резервный табачок,
что солнечные блёстки,
попавшие в сачок.
А ты душой ребёнок,
двухсотый из двухсот...
И жаворонок звонок
на клиросе высот!

2018

ПЕСНЯ ГОРЛОВКИ

Пустующих дворов тетрадные листы
осваивают дробь дождливых сожалений.
Там, очень высоко, где помыслы чисты,
от нас уже не ждут особенных умений.
Сноровки узнавать о главном между строк
не требуют творцы заоблачного «вкратце».
Нездешний мир привык додумывать мирок,
в котором без нужды опасно оставаться.
В котором летний день зашторил домосед
в надежде, что беда не тронет безразличных.
В котором тридцати серебряных монет
хватило, как-то раз, для низости публичной.
Какую темноту способен ободрить,
набравшийся чужих сомнений лжеапостол!
Здесь сто потов сошло с летящего бомбить.
За несколько минут... Покрытая коростой
кровавой суеты, древесная кора
не ведает имён заучивавших стоны.
Как яблочки с ветвей срывала детвора,
так срезало огнём антоновские кроны.
И смерть взяла своё наградой за нужду
в посредниках ходить, склоняясь над телами.
То был не самолёт, а дьявольский мундштук,
что взвился попытеть и сгинуть за домами!
А в страшной тишине слезы небесной ком
рассыпался на рой посеребривший город...
Сегодня снова дождь! Он снова о былом.
Мол, это прошлый век разрывами исколот!
Как-будто не теперь нас выбрали на убыль.
Как-будто весь июнь – счастливый выходной.
Тетрадошки дворов листают жизнелюбы,
и простенький сюжет рифмует Проливной:

«Надежда есть...кап-кап..., пока непризывные
горазды выметать осколочную пыль.
Надежда есть, пока на вспышки грозовые
бросается...кап-кап...отчаянный мотыль.
Пока спитой чаёк старушки пригубили,
да пахнет молоком внучатая душа...
Пока ещё...кап-кап...с ума не посходили,
подвальной теснотой уставшие дышать».
Сирена голосит, как вдовы у могил.
Протяжному вытью не знаешь, что ответить.
Хватило бы дождя на то, чтоб сочинил
невидимый Господь, что нет войны на свете!
«Надежда есть...кап-кап...»

2018

ПРАВИЛА РУССКОГО БОЯ

Не мудрено продержаться до полночи.
Но жизнь оказалась тесной.
Убитый сержантик артачился:
«...Сволочи!
Вот вылежусь и воскресну!
Явь, кроветворной страдая жаждой,
чёрной вдовой хлопочет.
Как помертвею, дойду ведь до каждого,
каждому напророчу!
Тяжко божиться губам перекошенным,
злостью пересолённым?
Думали, сгину свинцом огорошенный,
стихну раздушевлённый?
Думы разбойные отроду слепы,
а нежилыцы – зрячи.
Ангел срывает чеку с неба.

Он – это я, значит...»
В поле, где бился последний воин,
хлебное будет лето.
Птахи зацарствуют у колоколен...
Смерть оказалась светом.

2018

* * *

Моей России вечность лет.
И с незапамятных наитий
в медовых зорях бересклет
хранил обветренные нити
богоугодных паутин.

На них нанизывали росы
ночные выдохи долин,
хвалённых буднями покоса.
Церквушки тёсанный утёс
пророком слыл за норы звонкий.

Купели ласточкиных гнёзд
каймили людные хатёнки
под солнечным веретеном,
натруженным шепталкой рода.

На блюдечке берестяном
светились грошики дохода:
всё выжидали лучший день,
когда зовут на пир поминный
старейшин ближних деревень.

Плестись походочкой утиной
задирам ратной старины.

По сторонам от вереницы
герои будущей войны
глазеть сбегутся на петлицы...

Освоятся бородачи
за разносольными столами,
затеют крестников учить
не в меру крепкими словами.

А после бабы запоют,
наохают зауспокойно.
И этот плачущий уют,
подмога думе колокольной,
занянит душу мертвеца
до первой радости младенца.

Жизнь продолжается с конца,
растёт у Млечности под сердцем.
Спешит Небесный Краевед
из милости проговориться:
– Моей России столько лет!
Здесь Рай был некогда столицей...

2018

АЛЕКСАНДР СИГИДА /МЛАДШИЙ/

(ЛНР)

ЦВЕТ ИЗВНЕ

Они, мой милый друг,
и драгоценный враг мой,
Питаются страданием и кровью пролитой;
Они живут внизу, под раскалённой магмой,
Скрываются под литосферною плитой.

Как жадно они ждут! Как много лет они
Подсказывают марш
для флейты Крысолова;
А сами, в звуке сатанинских литаний,
Насытившись, парят
над пустотой лиловой.

Соратники! Враги! Вы гибли
не напрасно:
Дрожит от наслаждения
прожорливый ифрит;
Но дармовой поток пьянящей
влаги красной
Запросы всё же их не удовлетворит.

Питательней белка и слаще лимонада
Тот самый цвет извне,
ценимый демонами ада.

* * *

Африканец уже в Валгалле,
Подают валькирии мёд.
Этот рай вы завоевали.
Кому надо понять – поймут.
На пути из Варягов в Греки
Мы тащили свои суда,
Находили леса и реки.
«Эй, стой там и иди сюда!»
Одноглазый полковник старый,
Их поглавник и командир
К межэтническим холиварам
Равнодушен: «Доблестным – пир!»
Криминальные авантюристы,
Праволевые всех мастей,
Футуристы и фаталисты –
Где найдете таких гостей?
Если есть пространства иные,
Живы русла у скифских рек,
Значит, сбудутся позывные
Африканец, Варяг и Грек.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Нет контрибуций или прощений,
В потоке железном жертвоприношений

Кругом кибер-панк, лоу лайф, хай тек;
Но каждый в душе – индеец-ацтек.

Вечно голодные боги Карбона,
Шевелятся щупальца – змеи Горгоны;

Девы-горгульи багровый рот,
В Минске-Моргуле, у Чёрных Ворот.

Вырежу в дереве руну Беркана,
В память защитника Желько, Аркана;

Вырежу в камне руну Совуло –
Чтобы погибли сыны Вельзевула;

Соединю их руной Одаль,
Словно слова датчанин Даль.

И завершу руной Эйваз,
Чтоб не ушёл ни один из вас.

МИССИЯ ЛЕГАТА

Из сарматских степей возвращался легат,
Он не видел давно Рах Романа;
Голубые меха, и янтарь, и агат
Были даром Царей-наркоманов.

«Собираются вместе под сводом шатра
И бросают зелёное зелье
На горячие камни, на угли костра,
И в дыму продолжают веселье».

«Будь спокоен, о Август! Радей об одном:
Мир в Империи долго продлится,
Если будешь ты слать караваны с вином
На Дунай, где степная граница».

На Сицилии, в тени оливковых рощ,
Удалившись от Рима и власти
Опочил мой легат, а Империи мощь
Уменьшалась, при смене династий.

«Я слышал, что Аттила не любит вина.
Оттого, что сильнее опьяняет война».

БЕЗУМИЕ, ВЫШЕДШЕЕ ИЗ МОРЯ

Но есть и новые миры:
Они отмечены, наверно,
Разломами земной коры
И извержением инферно

Где вырождающихся рас
Сонм баснословных культов рабских –

Туда иду я, как Леграсс,
Среди разнузданных, арабских

Наркоторговцев, до поры
Рассеянных – без общей цели
И населяющих миры
Мультикультурного Марсея,

Где, знаю, демон войн покинет свой
Приют постылый, многовековой.

АННА РЕВЯКИНА

(Донецк)

* * *

Вослед шипели: «Гордячка...»
Евдокия – дочь горняка и сама горнячка
обушком по-изотовски,
оставляя в земле полости,
на-гора поднимала гору,
поднимала город
с колен, на которые он не стал.
За кварталом квартал, за кристаллом кристалл.
«Крепи, – кричит Королёва-мать, –
мы крепки, нас никому не взять,
не размазать оземь, мы и есть земля,
земля Шубина, земля чёрного короля!»
Под косынкой косы – чёрное серебро.
Евдокия – не женщина, не косточка, не ребро.
Евдокия сама по себе хребет.
Говорила так: «Пашка-то наш поэт,
остальные рифмуют, но не до мяса и позвонков,
а у Иванова гляди, как отскакивает от зубов.
Не вешай нос, лампонос, прославишься через век,
будет время другой войны, будет в розах снег,
но уголь во все времена чернее чёрного, сам мрак.
Что стоишь и топчешься, заходи в барак!»
А в бараке свет изо всех щелей
да углы, что всех углов углей,
уголёк потрескивает в печи.
Сколько же в Донбассе ещё будет сволочи.

* * *

Осторожно, двери закрыты, водитель сосредоточен,
пассажиры смотрят в окна, как убегают обочины.
С шакальей улыбкой миномётчик выпустит мину,
громко крикнет «За Україну!»
Раньше за Украину пили, закусывали, а теперь убивают,
миномётчик улыбается миномёту, говорит: «Баю-баю...»
Спите, суки, босоногие сепары, русские пропагандоны,
а я, моторный, поїду додому.
А ви вже приїхали. Выходите, чего разлеглись-расселись,
миномётчик будет улыбаться, пока не заболит челюсть.
Миномётчику скажут дома: «Розкажи нам, Рома,
вони насправді зайва хромосома?»
Рома кивнёт, дотронется до ямочки на подбородке,
попросит борща с чесноком, чёрного хлеба, водки,
и расскажет о том, как миномёт с первого выстрела
дал осечку.
Мама заплачет: «Боже мій, як небезпечно!»

* * *

Человек – это хрупкая глина,
особенно,
если этого человека зовут Полина
Григорьевна.
Моя домработница
вспоминает, как раньше
её, красивую и волоокою,
мать возила по санаториям,
по различным водам,
а теперь она одинокая
моет чашечку, содой
чистит ложечку мельхиоровую.
И некому позвонить в «скорую».

Сын её Юра женился рано,
жена его, дура,
работает в бухгалтерии ресторана.
Внуки моей Полины – студент и школьница.
И никто о моей Полине не беспокоится.
Полина ко мне приходит по понедельникам и четвергам,
я иногда пишу о ней в Instagram,
иногда добавляю сверху сотенку-две,
уходя в союз, кладу их на обеденный стол.
Полина вздыхает, крестится: «Будет на корвалол».
У Полины больное сердце и ещё много чего болит.
Она как никто жарит картошку с луком, печёт бисквит.
Полина почти не женщина и тем более не старуха,
в ней есть что-то такое особое:
не то сила воли, не то жажда жизни, не то закалённость духа.
Полина – ребёнок войны, робот один-девять-три-семь,
состоит из натруженных рук и блок-схем,
из любви к ближним и их посуде из чешского магазина.
Она её моет руками голыми, пренебрегая резиной.
Моет, как мыли мама и бабушка, по старинке, до скрипа.
Иногда какое-нибудь особенно чистое блюдце
начинает звучать, как скрипка,
в её прекрасных разбухших от мыльной воды ладошках.
И некому, всегда некому позвонить в неотложку.
И моя Полина, зная про это страшное некому,
носит слёзы под сиреневатыми веками.
И слёзы эти катятся по щекам и падают в результате
на тарелки, и еда в них становится солоноватей.
Я ем из этих тарелок, вымытых моей Полиной,
и думаю только про то, что и тарелки глина,
и мы тоже глина,
хрупкая божья глина.

* * *

Я люблю этот город –
обетованную степь,
на лице его порох,
он видел воочию смерть.
Он безумен, как шляпник,
разливший нечаянно ртуть.
Этот город внезапен,
но мне не в чем его упрекнуть.
Он стоит на границе –
силы света и силы тьмы.
Он немножечко рыцарь,
его горы – всего-то холмы.
Его вены, усталые вены –
потемневший асфальт дорог.
Его все обвиняют в измене,
сочиняют ему некролог.
Я люблю его, как ребёнка,
не болеет ли, не озяб?
Как же тонко в нём всё, так тонко,
но об этом сейчас нельзя.
Впрочем, в тонкости тоже сила,
тоже правда и благодать.
Я заранье его простила,
если будет за что прощать.

* * *

Вот и платье на мне бабушкино,
а серёжки в ушах – сестрины.
Меня дед называет Аннушкой,
остальные зовут принцессою.

Мне вчера было восемь от роду,
целых восемь, берёт оторопь.
Мои серьги блестят золотом,
словно солнце зимою в оттепель.

Я умею словечки складывать,
нараспев читать с табуреточки.
Подпевают мне в такт ягодки –
две серёжки в ушах девочки.

И пылит за окном улочка –
Первомайская, неизбывная.
На воротах кудахчут курочки –
диво чудное, чудо дивное.

И светло так над Докучаевском,
мир наполнен ещё бессмертием.
На шкафу в моей детской спальне
ясно солнце – букет бессмертника.

Вот и платье на мне бабушкино,
а серёжки в ушах – сестрины.
Меня дед называет Аннушкой,
остальные зовут принцессою.

* * *

Кто читает все эти чёртовы сводки?
Налей мне водки, промой мои раны,
мы с тобой в подвале сидим, как в подводной лодке,
имени русой Марии, имени плачущей Анны.
Наша лампа-лампочка, наша маленькая лампада,
жёлтая, жуткая, внутриматочная спираль мира.
Не гляди на меня, Мария, я боюсь твоего взгляда,

помолчим, Мария, здесь каждое слово – гиря.
Наш подвал укромн, четыре стены и стулья,
а ещё эти полки с помидорами-огурцами.
Нас подвал уменьшает, съёживает, сутулит,
мы становимся даже не сёстрами – близнецами.
А на завтра сводки, от которых мне сводит душу,
а на завтра снова учиться ходить по краю.
Мы идём по улице – два морячка по суше,
мы с тобою ещё ни разу не умирали.

* * *

А в Донецке снова гудит земля,
словно в худшие времена,
только мама считает, что худшее впереди.
Дом – четыре стены, но одна стена
говорит: «Беги!»
Моя мама устала бояться
и устала вот так стоять,
словно вкопанная в беду.
Если вспять пространство
и время вспять,
то не смей подходить к окну.
Это зарево сызнава – не заря,
это зарево – зуб за зуб.
Моя мама, ни слова не говоря,
унимает дрожь, усмиряет зуд.
Ей давно не страшно, она кремень,
серый памятник площадной.
Мама точно знает, она – мишень.
Или кто-то из нас с тобой...

* * *

Рельсы режут на две неравные половины
полуостров, что когда-то был территорией Украины.
Моё Чёрное море с волнорезами и буями,
за тебя теперь надо рассчитывать рублями.
Кроме смены валюты, власти, символики,
всё осталось прежним, белые колченогие столики,
торговка самсой, чебуреками, пиццей
смотрит в наши незагорелые лица,
улыбается золотом: «Приехали наконец-то!»
А после хмурится, вспоминая, что мы из Донецка.
Отмеряет порцию теста, кричит в приоткрытые двери:
«Отец, они всё же приехали, а ты не верил!»
И откуда-то из глубин их крошечного киоска
появляется дядя Эльдар в красной мастерке Bosco.
Обнимаемся так, что повизгивают суставы,
«Вы к нам как? Самолётом или через паромную переправу?»
Это всё не важно, дядя Эльдар, это всё вторично,
я смотрю на него, и глаза его татарские ежевичные
наполняются солёной водой, как на пирсе впадины,
а глаза его огромные почти чёрные виноградины,
на меня глядят сквозь слёзы и не могут
насытиться-наглядеться:
«Здравствуй! Здравствуй, моя смелая девочка из Донецка!»

* * *

Сама не знаю, как я их пишу,
как будто и дышу, и не дышу.
И буквы, превращаясь в отпечатки,
канючат их под утро отпечатать,
передать огласке, высвободить пядь,
как будто словом можно повлиять.

Но точно можно обозначить время,
суровость быта, свист в печной трубе.
Прошу, мой свет, ни слова о войне,
ни слова про завышенную цену,
которую приходится платить,
нанизывая бусины на нить.

Ни слова про поджилки и юродство,
про вечное безденежье в плену,
про то, как пустошь, топи, целину,
свераясь по картинкам садоводства,
я еженощно превращаю в книги,
не применяя тяпки и мотыги.

Одни лишь пальцы, стёртые к утру,
и если я когда-нибудь умру,
во что не получается поверить,
ты помни, что мои стихи, как двери,
в замочной скважине которых диск Луны
и облака донецкие видны.

ПРОЗА

ЧЕРНУХИНО. ИК-23

Отрывок из романа

После второго залпа «Градов» по Чернухинской колонии начали работать минометы. От близких разрывов вылетали стекла, осколки летели на койки, втыкались в подушки, рвали одеяла. Заключение сидели на корточках, прячась за импровизированной баррикадой из тумбочек. Отряды перемешались. Охрана, оперы и прочие сотрудники ИК-23 разбежались, оставив подопечных на произвол судьбы. Толпы эков металась из секции в секцию, стараясь укрыться от прилетающей смерти.

Тех, кому не повезло, оттаскивали в душевые. Там хоть кровь стекала в канализацию. Война всех уравнивает. Вместе лежали и «смотрящие», и «опущенные». И таскали мертвых тоже вместе. Понятия остались в довоенной жизни.

Осужденный Потапов с погонялом Боцман после очередного близкого разрыва, выполз из спальни в коридор. Там, хотя бы, окон не было.

– Подвинься, – пихнул острым локтем какого-то зека. Тот сидел, подтянув колени и уткнувшись лицом в них.

Зек не ответил. Осужденный Боцман ткнул его еще сильнее, тот медленно завалился, сполз по стене и глухо ударился головой о бетонный пол, накрытый желтым линолеумом. Лицо его было перепачкано запекшейся кровью.

Боцман огляделся. Кругом стонали, матерились, харкали кровью. «Шныры» рвали полосами простыни и кальсоны,

неумело заматывали раны, бегали с кружками воды. Откуда-то доносились глухие удары, словно кто-то бил топором по двери.

Мелькнуло знакомое лицо.

– Хохол! – крикнул Боцман. – Хохол!

Невысокого роста зек оглянулся. Измятое лицо, серые глаза, бесстрастный взгляд. Да, это Хохол.

– Боцман? Живой? Мне сказали, тебя завалило вчера.

– Хрен им, – сплюнул Боцман и встал, придерживаясь за стену казенно-голубого цвета. Он сам ее красил в прошлом году. – Хохол, нам кранты.

– Будто я не знаю, – ухмыльнулся Хохол.

Если бы Боцман увидел эту ухмылку пару месяцев назад, он бы, наверное, обделался. Если Боцман сидел за чистые кражи и на зоне сторонился воровской кодлы, стараясь быть ближе к мужикам, чем к ворам, то Хохол... Про Хохла ходили легенды.

Говорили, что первый раз тот сел за то, менту заточку в печень всадил. Милиционер был его одноклассником. И женился на подруге Хохла, не дождавшейся того из армии. Говорили, что прямо на свадьбе и заколол бывшего друга. И сдался сам. А по зонам пошел «по отрицалову». Слов лишних не говорил, движений резких не делал. Был вежлив и чистоplotен. Но если узнавал, что в отряде «сука» или «крыса», мог зарезать так же спокойно, как играл в шахматы. Срок ему добавляли и добавляли, приближался четвертьвековой юбилей.

Познакомился Боцман с Хохлом, как ни странно, в библиотеке. Тогда его только перевели в ИК-23, попал он на карантин, потом в третий отряд, где и жил Хохол, потом уже во второй перевели. В библиотеке были отрядные дни – раз в неделю зеки одного отряда могли туда приходиться, если хотели. Телевизор Боцман презирал, предпочитая читать. Вот тогда они и разговорились. На неделю

можно было взять пять книг. Читать, конечно, из новинок, было нечего. Зато много классики. От Жюль Верна до Мельникова-Печерского. Вот четыре книги «На горах» и «В Лесах» Боцман уже взял и думал, что бы еще подобрать, но как-то глаз не цеплялся ни за что.

– Вот эту возьми, – Хохол неожиданно вынырнул из-за стеллажа и протянул Боцману книгу.

«Белые и черные». Александр Котов.

– Это шо? – не понял Боцман.

– Книга. В шахматы можешь?

– Да я больше в буру там...

– Бура для малолеток. Шахматы для королей.

И ушел.

Мельникова-Печерского пришлось продлить еще на пару недель, впрочем, библиотекарь по этому поводу не переживал. Гораздо большей популярностью у контингента пользовались женские романы, а не русская и мировая классика.

Боцман зачитался книгой о великом русском шахматисте. Странные, какие-то магические, волшебные слова – эндшпиль, испанская партия, сицилианская защита, ферзевый гамбит – завораживали и манили. За ними скрывалась невиданная для Боцмана свобода: тихий закат над штилевым морем, пальмы, ром, влажные глаза мулаток, треск падающего сейшельского ореха...

Через несколько дней Боцман пришел к Хохлу и попросил его научить играть в шахматы. Хохол согласился, но не успел. Сначала его перевели в другой отряд, а потом началась война.

– Хохол, нам хана, – повторил Боцман. – Тикать надо.

Что-то очень большое разорвалось на плацу колонии.

– Надо, – согласился Хохол. – Но куда? И как?

– Да пофиг как, главное выбраться, я уже третьи сутки, кроме воды, ничего не жрал!

– Слушай, Боцман, – по нам лупят со всех сторон. Украинцы, сепары, какая разница? Наверняка зона окружена, на рывок пойдём, нас сразу пехота положит в лоб – и мама, не горюй. Сечешь?

– Секу... И шо робыть?

– Рокировку.

– Не понял? Это как в шахматах?

– Типа того. Ты трупы рексов видел здесь?

– Не...

– Жаль. Я тоже. Видать сдрыснула охрана, а то можно было бы переодеться.

– Так убежали все.

– Ну мало ли... Курить есть?

Боцман полез в карман, достал мятую пачку «Беломора», в ней оставались пять папирос.

Закурили прямо в коридоре. Неделю назад за такое их бы отправили в ШИЗО.

Пробегавший мимо молодой совсем зек резко остановился, учуяв табачный дым:

– Пацаны, дайте тягу.

– Пацаны сиську на параше сосут у дядек со стажем.

Страшный, холодный, льдистый взгляд Хохла ударил по лицу пацаненка, и того просто сдуло с коридора.

– Шо ты так? – спросил Боцман, но его слова заглушил очередной разрыв.

– Га?

– Шо вот так, – стряхнул с головы пыль штукатурки Боцман. – Шо беспределить? Дали бы по тяге пацану...

– Мне та тяга нужнее, – коротко бросил Хохол. Приподнялся, встал, отряхнул колени, подошел к лежащему осужденному. Ноги того были сплющены и перемотаны красной тряпкой, когда-то бывшей белой простынью с фиолетовой печатью в углу.

– Держи, браток, – раненый, не открывая глаз, зачмокал губами, втянул мокрый мундштук в рот. Затянулся, задержал дыхание. Закашлялся. Попытался повернуться, не смог, затих, тяжело дыша.

В этот момент началась тишина. Впрочем, это все, даже Хохол, сразу и не поняли. Еще один промежуток между разрывами – подумаешь, стоит ли обращать внимание? Но еще минута за секундой, и ватная тишина глухо наваливалась на оглохшие уши. Пахло гарью и кровью.

– Говоришь, был кошмар? – медленно сказал Хохол.

– Ну...

– Вот сейчас кошмар начнется. Настоящий.

– Да ладно тебе, Хохол, шо вот ты все время...

– Боцман, ты откуда?

– Я? Из Енакиево, а шо?

– А я из Лутугино. Меня там все...

– Будешь жив, доберешься, найдешь пацанов, они меня грели, я им помогал словом, расскажешь, что тут было. Буду я жив, наведаюсь к тебе. Есть кому рассказать?

– Да ты шо, Хохол, да меня там кожна собака знает, шо це Боцман, да я...

Распахнулась входная дверь. В косых лучах света, падавших сквозь пыль и дым, появились фигуры. Как в голливудском кино. Каски, автоматы, бронежилеты. Они светили фонариками по лицам и телам заключенных. Не орали, не били, просто шли, аккуратно перешагивая через тела раненых, живых и умерших. Они заглядывали в комнаты, резко водя стволами. А когда дошли до конца коридора, наверное, старший из них, крикнул:

– Чисто!

Боцман и Хохол рефлекторно повернули головы на крик. Увидели каким-то странным, обострившимся зрением черные отверстия в дулах автоматов. Или в штурмовых

винтовках? Или... Да какая разница, если из этих дыр на тебя смотрит смерть разнообразного калибра.

– Граждане заключенные!

Хохол и Боцман повернули головы обратно, к входу. Там стоял, широко расставив ноги, какой-то военный с мегафоном возле лица.

– Граждане заключенные! Путинские наемники, российские войска и донбасские террористы двое суток обстреливали вашу колонию с целью уничтожения отбросов общества, как они заявляли.

– Трое... – чей-то слабый голос перебил говорящего.

– Что?

Ему не ответили.

– С вами говорит полковник Пилипчук. Сейчас начнется эвакуация осужденных из колонии. Нуждающимся будет оказана необходимая помощь. Просьба здоровым выйти из здания и построиться по отрядам. Раненые остаются пока здесь. Миссия Красного Креста займется ранеными в течение нескольких минут. Их развезут в госпитали.

Слова разносились по коридору и отражались от обшарпанных стен.

Привыкшие к порядку зеки начали подниматься с пола. Все, кроме раненых. И тех, кто притворялся ранеными.

– Пойдем? – спросил Боцман.

– Есть другие варианты? – огрызнулся Хохол и встал.

В черных робах, испачканных кровью и штукатуркой, они медленно вставали, держась за стены и брели к выходу, поправляя мятые кепи.

Говорящий в мегафон тоже вышел, одним из первых, он встречал зеков на плацу. На плечах его зеленели три большие звезды, руки он заложил за спину, широко расставив ноги.

Они выходили цепочкой, один за другим, становились в строй. Отряды поредели на треть. Остальные лежали в душевой или стонали в коридорах.

Когда вышли все – человек с большими звездами снова взял матюгальник из рук младшего офицера.

– Граждане зеки!

Строй стоял молча.

– По вам трое суток молотили российские войска из всех видов оружия. Ваши товарищи лежат сейчас, истекая кровью. Помощь идет. Кто-то этой помощи не дождался. Это не наша вина, что мы не успели. Но Украина о вас помнит и не забывает, поэтому мы здесь. И вам предлагаем несколько вариантов. Желающие могут вступить в Национальную гвардию Украины. Добровольцам предлагается полный социальный пакет, амнистия и денежное довольствие от тысячи долларов США в месяц.

Одобрительный гул поднялся над строем зеков.

– А как амнистия? – раздался чей-то голос.

– Амнистия это само собой, это даже не обсуждается. Это по умолчанию, как говорится, – хохотнул полковник.

– Вранье, – прошептал Хохол.

– Шо так? – тоже шепотом спросил Боцман.

– Потом...

– Второе! Прописанные на территории Донецкой и Луганской областей могут вернуться домой. По своему желанию, – продолжил полкан.

И вот тут возмутились западенцы. Их держали отдельно, в первом отряде. Вот весь, выживший, первый отряд и заорал от возмущения. Мол, мы воевать тоже не хотим, чего это луганским и донецким привилегия такая?

– Третье! Жителям других областей тоже выходит амнистия, но чуть позже. Нам нужно провести сортировку, чтобы каждый из вас уехал домой, без всяких там разных беспорядков.

Западенцы одобрительно загомонили между собой.

– А кормить будут?

– Будем, – улыбнулся полковник. – Добровольцы в АТО, три шага вперед!

Где-то треть от числа всех осужденных вышла из строя. Их очень быстро – словно овчарки стадо овец – бойцы согнали в кучу и погнали в пролом стены.

Только сейчас Боцман увидел, что стены колонии разбиты снарядами. Самые большие провалы в заборах достигали метров пятнадцати, а то и двадцати. Все вышки были разрушены. Здания разбиты. Окна вылетели. Асфальт стоял горками. Война...

– Донецкие, луганские – три шага вперед!

Хохол неожиданно сделал шаг, одновременно, схватив Боцмана за рукав. Он потащил его с собой. От неожиданности Боцман споткнулся, полетел вперед, перед глазами мелькнул воткнувшийся в асфальт снаряд «Града». Хохол удержал его, затрещала черная ткань.

Потом их повели через другой разлом в стене.

Ни Хохол, ни Боцман так и не увидели, как западенцам раздали автоматы. Старые, древние АК-47, чищенные в последний раз в годах шестидесятых. Когда их раздавали – они были похожи на заливную рыбу. Кусок солидола, в котором угадывался смутный силуэт автомата. Сначала желе счищали ножами, потом протирали носками. Их заклинивало после второй-третьей очереди. Поэтому галицаи добивали своих раненых кто прикладом, а кто плоским штыком.

Главное выжить, правда ведь?

Донецко-луганских выстроили за стенами колонии.

Украинские военные что-то ходили кругами, переговаривались друг с другом, время от времени орали в рации.

– Тройка, я Юпитер, я готов, где транспорт?

В ответ рация что-то нечленораздельно бубнила, похоже, что матом.

Боцман посмотрел на небо. Небо было близко и серо. Из небесного брюха валил снежок. Маленький такой, легкий. Он

вертелся, кружился, и от него слегка кружилась голова Боцмана. Если бы Боцман родился и жил в Мурманске, Салехарде или Вятке, то он бы знал, что такое «снежанка» – странная болезнь, когда человек теряет ориентацию в пурге, он не понимает: где верх, а где низ, куда вправо, а куда не надо. А потом этот человек бесконечно падает, падает, падает в мельтешение снежинок, замороженно умирая от переохлаждения...

Но Боцман родился в Лутугино.

– Граждане осужденные! – хрипло прокричал лейтенант в полицейской форме. Он держал перед собой несколько листов бумаги. Закашлялся в серую перчатку на левом кулаке и продолжил:

– Граждане осужденные! Указом президента Украины Петра Порошенко вы амнистированы...

Боцман радостно обернулся и посмотрел на Хохла:

– А ты говорил!

– Ша, молекула, – буркнул Хохол, глядя на ботинки. – Ша начнется...

– Отправить сейчас вас по домам мы не можем.

– Начинается... Чуешь, Боцман?

– Не...

– Дороги перекрыты российскими оккупантами. Однако есть договоренность с террористами. Вы сейчас колонной будете выходить от наших позиций к позициям сепаратистов. Вам необходимо намотать на головы белые повязки. Раздайте.

Рядовые побежали вдоль строя, раздавая простыни каждому пятому зеку.

– Разрезать, раздать каждому. Надеть повязки на голову, повторяю!

Зеки начали рвать руками белые полотнища и раздавать по строю.

– Напоминаю, что там, – лейтенант ткнул куда-то в сторону Луганска. – Террористы, чеченские и осетинские

наемники, им ваша жизнь – заработанный доллар. Вас там будут расстреливать. Желаящие остаться – шаг вперед.

Из строя вышло еще десять человек. Одного Бощман знал, молодой парень, сел за аварию. Набухался, поехал кутить дальше. Въехал в остановку. Убил одного человека, пятерых просто инвалидами сделал. Все бы и ничего, да погибшая мало была беременна, так еще и невестка харьковского депутата. Вот и дали трешечку. Легко отделался.

– Сто двадцать три осталось, – спокойно резюмировал лейтенант. – Налево!

– Отставить! – из-за спины лейтенанта появился майор. – Что, сынки, неохота Родине послужить? Понимаю, страшно. А грабить не страшно было? Убивать не страшно было? Вы же твари, поганые твари. Отбросы.

Майор шагнул к строю, медленно пошел вдоль стоящих по стойке «смирно» зеков. От него пахло застарелым перегаром.

– Шо, мрази, по домам захотелось? А когда божьи заповеди нарушали, не боялись? Не убий там, не укради, а? Вас, сук, расстреливать надо. На площадях. Как при Сталине! Чтобы не мера наказания была, а мера социальной защиты!

Последние слова он выкрикнул на фальцете.

– Сука, Родина в опасности, а вы тут... – майор заорал на Хохла.

– Ты меня на понт не бери, гражданин начальник, – ухмыльнулся зек и длинно сплюнул на ботинок майора. – Я и не такое слышал от гражданина воспитателя.

– Ты сейчас у меня услышишь, ты сейчас услышишь... – майор побледнел, резко развернулся и рывкнул на лейтенанта. – Бегом выполнять приказ!

– Налево!

Тюрьма хоть и похожа на армию, но это не армия. Поэтому и повернулись все налево, но, не щелкая каблуками. Так с ленцой.

Грязь февраля пятнадцатого...

Вроде бы и зима, даже снег местами лежит. И пар изо рта есть и небо низкое. И солнце сквозь рваные раны облаков не греет. Но вот шагаешь, ступаешь на обмерзшую землю, глина хрустит, ты проваливаешься в жижу по щиколотку, она заливается в низкие ботсы, холодом тянет до пяток, потом до пальцев, они немеют. Ноги до колен превращаются в колодки, обтянутые ошпаренной кожей. Но идти надо. Потому что вот тот пацан, который решил сесть, снять ботинки и выжать коричневым свои носки, получил пинок по спине и прикладом по затылку. От удара прикладом по затылку потерял сознание, потекла кровь из носа.

Когда зеки остановились – молча, не понимая, что происходит, – над головами раздались несколько очередей. Они сначала присели, прикрыв затылки руками, потом пошли снова, куда-то на восток.

Хрипящего парня оттащили в сторону. Чтобы не мешал. Хохол и Боцман не оглянулись, когда хрип закончился треском автоматной очереди.

Сто двадцать два преступника.

Они понимали, что сквозь этот февральский туман зеки могут пройти только до могилы. Могилы? Максимум до кювета вдоль дороги.

Боты мерно чавкали по проселочной дороге. Жирная грязь липла к штанинам. Шли, по привычке, заложив руки за спину. По краям колонны двигались автоматчики в грязных зимних камуфляжах.

Наконец, их остановили.

Слева, в низком сером тумане угадывались ветви деревьев лесопосадки. Справа, в поле, в этом же тумане пряталась разбитая голова вышки линии электропередач. Казалось, что из тумана сейчас выйдут древние чудовища. Рыки их моторов, лязг траков доносились со всех сторон. Боцман сдерживал крик. Хохол тоже.

Колонну остановили перед полем. Островки снега белели на пашне. Вдоль поля с двух сторон чернели лесопосадки.

– Идти по краю поля, – устало сказал лейтенант. – В зеленку не заходить, на поле не выходить. Заминировано все. Шаг вправо-влево...

– Шаг вправо-влево, – повысил голос лейтенант. – Верная смерть. И мучительная. Эвакуировать вас никто не будет. В лучшем случае убьет сразу, в худшем будете истекать кровью пару суток. Или трое.

– Нам хана, – грустно сказал Боцман.

– То я не знаю, – дернул плечом Хохол.

– Вам надо пройти поле. Вас там встретят сепары. У нас с ними договоренность. Вас там встретят. Москали обещали, шо вам окажут необходимую помощь. Но на вашем месте я бы не обольщался. Им отбросы не нужны. Так что, еще раз обращаюсь. Кто хочет жить – вступайте в Национальную гвардию Украины.

На этот раз из строя никто не вышел.

Лейтенант скомандовал. Колонна жидкой цепочкой начала выходить на поле. Вернее, на тропинку между лесопосадкой и полем.

Боцман и Хохол, старательно перешнуровывая коры, затесались в самый конец. На тропу они вышли почти последними – за ними шел десяток-другой молодняка в черной униформе. Чавкала грязь, иногда скрипел снег под ногами. На ветру шевелили ветвями деревья. Рваные клочья тумана летели поперек поля.

Цепочка растянулась метров на триста. Словно в старом советском игровом автомате...

Хохол шел впереди Боцмана. Не поворачивая головы, он глазами проверил – нет ли охраны вокруг: нет. Сунул руку в карман, попытался достать папиросу. И в этот момент вдруг почуял звериным, своим зековским чутьем неладное. Вдруг завыло безмолвной паникой в груди, свело судорогой

желудок, легкие замерли. Сам не понимая, что сейчас произойдет, он вдруг прыгнул вбок, в канаву, где все «заминировано». Чисто рефлекторно за ним прыгнул и Боцман.

Они еще летели в мерзлую ледяную кашу, Боцман еще не понимал, зачем он это сделал, когда голова впереди идущего, вдруг разлетелась кровавым облаком, словно кто-то сдул красный одуванчик.

А потом ударил настоящий огонь. Выстрел снайпера был сигналом. Из южной лесополосы открыли сосредоточенный огонь из стрелкового вооружения. Никто из зеков даже не догадывался, что на них поставили ставки.

Тир. Сафари. Кто больше положит – тому ящик коньяка из размороженного магазина. Впрочем, не все участвовали в соревновании на количество. Пулеметчик «Утеса», например, просто тренировался на одиночные выстрелы. Большую часть он мазал. Но если удавалось попасть, например, в ногу, то ее просто отрывало. Таких не добивали, пусть орут, панику наводят. Некоторые из тех, кто выжил в первые двадцать секунд – а это много, очень много! – зачем-то побежали в поле. Мин там не было, нет. Там их просто расстреляли.

Кто поумнее, падал в распадок, в зеленку – если так можно назвать зимнюю лесопосадку.

– Бегом, бегом, мать твою! – Хохол схватил Боцмана за воротник черной робы.

Боцман сначала побежал за ним на четвереньках, потом приподнялся, но тут же пуля снайпера сбила кепи с головы, и он опять упал в февральскую жижу. Сразу прилетела оплеуха от Хохла.

– Чего разлегся, баран! Или бежишь со мной, или ляжешь тут на хрен!

– П-п-понял, – заикаясь, протянул Боцман.

На самом деле, они не бежали. Они ползли и карабкались на четвереньках.

По раненым, у которых не было рук, у которых животы были распороты и кишки цеплялись за кусты. Один стоял на коленях, харкая легкими. Боцман оттолкнул его, тот завалился на бок и, вроде умер. И это была легкая смерть, просто Боцман этого не знал. Они ползли по канаве, ныряя в ледяную грязную воду, а в это время четыре БТРа выехали на поле. Конечно, никаких мин там не было.

Боцман и Хохол укрылись за толстым тополем, накидали на себя веток кустарника – больше нечем было замаскироваться.

А над черно-белым полем повис многоголосый вой. Солдаты Украины обливали раненых бензином из канистр. Потом поджигали.

Таял снег, высыхала грязь, сгорали люди.

Если бы Хохол и Боцман смотрели кино, то они решили бы, что это пропаганда. Но они лежали в грязной ледяной луже, накрытые тополиными, вишневыми и абрикосовыми сухими ветвями, и смотрели, как горят костры из людей.

Сначала один, потом другой потеряли сознание. Может быть, поэтому и остались живы.

Зачем тратить бензин на мертвых? Лежащих в ледяной жиже, окровавленных, пусть и чужой кровью, но кто проверить будет? – вонючих зеков...

И даже непонятно, в чем повезло Хохлу и Боцману. Может быть в том, что они остались живы или в том, что они не увидели?

Пуля не всегда убивает сразу. Хорошо, если в голову или сердце. Мир просто выключается. И то не всегда. А вдруг перед попаданием пули в мозжечок включается режим «слоу мо»? И пуля медленно-медленно вворачивается в затылочную кость, сверлит ее, как бормашина? Сначала, конечно, рвется тонкая, как шелк, кожа и капли крови красиво, словно одуванчик, разлетаются на зимнем ветру.

Говорят, что мозг не чувствует боли. И вот вопрос – успеют ли нейроны затылка доставить до не болящего мозга сигналы. Синапсы кричат, локомотив боли несется по нервным путям, пуля, словно шуруп, медленно вкручивается в мозг. Со стороны кажется, что человек умирает моментально. А если нет?

А как быть, если осколок попадает в живот? Или отрезает ногу, так, что артерия остается залепленной глиной? А если человека насквозь пробила отбитая взрывом гранаты ветка абрикоса? И занозы не в коже, нет, а в бесконечных слизистых, и они не могут быть обнаружены рентгеном?

Раненые кричат. Кричат, хватая горстями комья коричневой земли. Кто-то тяжело дышит, кто-то смотрит в низкое небо, а глаза его сварились вкрутую от близкого разрыва. Кто-то пытается привязать грязной тряпкой оторванную кисть.

И сотни криков сливаются в единый вопль: «Где же ты, Господи!»

Вместо Господа и ангелов его по краю заснеженного поля шли солдаты с красно-черными нашивками на руках. Просто разливали бензин на раненых, потом поджигали их. Впрочем, не все. Некоторые просто ржали над судорогами горящих. Некоторые же плясали вокруг человеческих костров и орали...

Вот и все.

Когда-то по этому полю, как и по другим полям бескрайней России, шли солдаты в другой форме, цвета фельдграу, чаще всего они не жалели патроны. Потому что бензин был дорог, патрон дешевле. Этим, которые были одеты во «флору», бензина было не жалко. Волонтеры, за которыми прятались заокеанские партнеры, на бензин не жалели гривен. Ведь это уже не Россия, не Советский Союз. Здесь незалежна Украина – территория свободы. Хочешь – жги людей. Хочешь – вырывай им зубы.

Боцману и Хохлу повезло. Их, все-таки, не заметили.

Первым в себя пришел Боцман. Хохол, как ни странно, похрапывал. Абрикосовая веточка над его лицом мелко дрожала.

– Эй! – Боцман ткнул Хохла локтем под ребра. Тот не пошевелился.

– Эй! Эй!

Было темно. По горизонту раздавалась стрельба, ухала артиллерия и минометы. Пахло шашлыком. Без лука. Но даже в этой темноте Боцман разглядел, как голова Хохла повернулась в одну, потом в другую сторону. Открылись глаза, и взгляд его был безумен.

– Сууукааа, – протянул он.

– Хохол, Хохол, это же я! – шепотом ответил Боцман и, неожиданно для самого себя, легко ударил его по щеке.

В течение нескольких секунд тот пришел в себя. Это было завораживающее зрелище: словно кто-то прогрел мозг, включал передачи и с каждым включением взгляд становился все осмысленнее и осмысленнее. Процесс перезагрузки закончился тем же паролем:

– Сука.

Сухой ком в горле колом встал на уровне кадыка. Хохол зачерпнул грязный снег и отправил его в рот. С трудом прожевал, проглотил, закашлялся в рукав.

– «Укропы» далеко?

– Я знаю? – по-одесски ответил Боцман.

Нацисты были недалеко, конечно. Надо было ползти. В каком направлении? Какая разница, лишь бы подальше от этого дерьма.

Они и поползли по канаве, по трупам и черно-красной жиже, перемежаемой островками белого снега, почему-то не утонувшего в грязи.

Мокрые и грязные, они ползли, время от времени падая в лужи, хлебная ледяная рассол снега, чернозема,

жужелки и мергеля. И сплевывали щепки простреленных деревьев.

А когда начало светать, зеленка закончилась, они начали выползать на дорогу, которая пересекала поле. Ну как дорогу... Обычную грунтовку, ковылявшую по местным полям, к птицефабрике.

Первое, что услышали осужденные:

– Руки вгору, вы кто такие?

Руки поднять не удалось, пришлось сразу лечь «звездой», как при обысках, когда мордой в пол, а не к стене.

– Граждане начальники, – сдавленно сказал Боцман. – Мы мирные зеки, ничего плохого не сделали, а шо сделали, так за то отсидели...

Перед носом Боцмана внезапно появился носок армейского ботинка.

– Помолчи, а? – посоветовал «гражданину осужденному» голос.

Женский голос.

Между лопатками Боцман почувствовал дискомфорт. Скорее всего, это был ствол.

– Вы кто? – прозвучал голос.

– А вы? – сдавленно ответил Боцман, нюхая мокрый снег. Хохол молчал.

– На вопрос отвечай.

– Осужденный Сидельников, статья сто восемьдесят шестая, часть пятая! – как смог крикнул Боцман сквозь снег, забивавший рот.

– Это чего? – поинтересовался голос.

– Грабеж организованной группой. Тринадцать лет, – сипло вмешался Хохол.

– А ты за что?

– За решетку... – и ботинок надавил ему на шею.

– Ты свои бластные привычки брось, отвечай, как полагается. Пуля в полуметре от тебя.

– Так бы и сказал, – вздохнул Хохол. – Осужденный Хохлов. Сто пятнадцатая, часть первая. Пятнадцать. Убийство двух или более лиц.

– Более?

– Трех порезал в камере. Двое сразу на глушняк, третий в лазарете сдох.

– Пряма диверс, – хохотнул тот, кто давил стволом в затылок. – За шо ты их?

– За честь...

– Девичью?

– Да пошел ты.

– Уважаю, – согласился голос. – Рюрик, и чё с ними делать?

Хлопнула мина. Ни Хохол, ни Боцман не услышали ее шелестящего звука, а вот ребята в белых маскхалатах упали на грязно-белую землю за пару секунд до разрыва. У каждого свой жизненный опыт, чего уж. Потом ударила вторая, третья: начался интенсивный обстрел.

«Укропы» шмаляли наугад – просто в сторону предполагаемого противника. Поэтому мины беспорядочно падали на краю поля, рядом с дорогой, метрах в ста от разведчиков и зеков.

– Уходим, – коротко ответил Рюрик хриплым голосом.

– А этих?

– С собой...

Подгоняемые прикладами и пинками зеки бежали в сторону полуразрушенных домов. Длинную улицу разрушили всего за несколько дней. Где-то вылетели окна, в другом снесло близким разрывом стену, дом накренился. В третьем, на вишне, висела собака, вернее, то, что от нее осталось. Запах гари низко стелился над мокрой землей, где увязала обувь зеков. Ни украинские минометчики, ни польские снайперы, ни американские инструкторы не заметили странную группу из пяти человек – двух в черной

униформе, трех в грязно-белых камуфляжах. Видимо, смотрели в другую сторону, там, где рвались мины и куда через тотчас прилетел пакет «Града».

А еще через несколько секунд группа Рюрика, перемахнув через криво упавший забор из профнастила, заскочила в один из разбитых домов.

– До утра здесь будем, – сказала Рюрик и сняла каску, а потом белую, в пятнах балаклаву.

– Ты баба, что ли? – изумился Боцман, когда увидел лицо Рюрика. – Сто лет не видел...

Рюрик сплонула – это была, все же, она и ответила простуженным голосом:

– А я зеков вообще никогда не видела! Белоснежка!

– Кухню проверь!

– Уже, товарищ сержант!

Рядовой с позывным «Белоснежка» шерстил кухню. И думал, что люди странные животные: «Вот война, вот эвакуация, вот снаряд в садочек. Телевизоры с собой в тыл тащат, мебель всякую, а вот чай с сахаром оставили. А ведь в чистом поле или разбитом городе пачка чая ценнее всякого телевизора».

– Чому Белоснежка? – осторожно спросил Хохол, немало подивившись странному для блатарей прозвищу.

– Так получилось, – улыбнулся Белоснежка. – Тебя напугает?

– А не запахло?

– Запахло «укропом» быть. А мы в Харькове когда партизанили, под моим началом семь пацанов было. И все как на подбор, мне подмышку. Так и повелось. Говорят, суки сбущные до сих пор бабу с позывным «Белоснежка» ищут. И хай ищут, – он достал из рюкзака большой синий пакет.

– Ну и нехай, – согласился Хохол. Пожалуй, впервые в жизни ему стало неловко за свою кличку.

– Я ж тебя не спрашиваю, чому ты Хохол, – он ножом вспорол пакет, открыл картонную коробку: в ней лежали консервы, упаковочки всякие, повертел в руках пакетика чая, меланхолично заметил. – Хозяйский лучше.

– Хохлов я...

– Да насрать, – ответил Белоснежка, расправил ножки у горелки, поджег таблетку сухого спирта и поставил на горелку кружку с водой. – Рюрик?!

– М?

– Чай, кофе?

– Витаминчик мне завари.

Рюрик села возле разбитого окна, через которое залетали мокрые снежинки пополам с дождем, и внимательно наблюдала за местностью. Белоснежка заварил ей в алюминиевой маленькой кружке розовый порошок из бумажного пакетика. Запахло киселем из детства.

Потом она присела напротив двух заключенных на короточки и уперлась в них холодным взглядом. Между ног ее покоилась СВД.

– Ну что, граждане бандиты, рассказывайте.

– Это кто тут бандит? – возмутился было Боцман, но тут же получил тычок локтем под ребра. – Хохол, ты шо?

– Ни шо, а ша, – отрезал Хохол. И продолжил. – Зону «Градами» начали расстреливать. Я не знаю чьи...

И он продолжил. Как сбежал персонал колонии. Как они пекли хлеб из муки, которую привезла Нацгвардия. Как часть раздавали, тайком, по ночам, этот хлеб местным мирным жителям, меняя его на закрутки с помидорами и мочеными арбузами. Как рядовые украинских войск старательно этого не замечали, пока пьяные офицеры орали в палатках и «Щеню» и «Не вмерлу». Как их вывели на плац, а потом начали расстреливать на бегу.

– Да вы же это сами видели, не могли не видеть.

– Видели, отец, видели, – сказала сержант Рюрик и ударила пальцем по оптическому прицелу винтовки.

– Видели, а чего ж не стреляли, – с горечью сказал Хохол.

– Стреляли, – коротко ответила она.

Белоснежка протянул кружку – нашли в хозяйском шкафчике – с чаем Хохлу, чуть позже Боцману. Странное дело, чуть подкрашенная и подслащенная горячая вода, а к жизни возвращает. Смеркалось.

Закусывали галетами, от них пахло плесенью. Рюрик приказала остальной сухой паек не трогать до утра. Но и этот внезапный ужин нагрузил мужиков теплой тяжестью в желудке, и веки сами собой поползли вниз. Первым дежурил молчаливый Белоснежка, наблюдавший за тем, как по небу ползут медленные сигнальные ракеты, как низкие облака режут очереди трассеров, а на горизонте ярко-оранжевым вспыхивают мины и снаряды самых разных калибров.

В час ночи Белоснежка неслышно потянулся, встал, пошел вдоль стенки от окна, стараясь не брэнчать осколками разбитых стекол. Потом нагнулся и осторожно потряс за плечо Хохла, спящего вдоль буфета, на кухне.

– Га? – Хохол резко подорвался и врезался головой о стол.

– Цыха! Дежуришь до трех часов, потом смену будишь.

Упал на пол и немедленно захрапел.

Хохол, толком еще не проснувшись, посмотрел на АКСУ в своих руках. Такие «Ксюхи» носила охрана...

Он захотел спросить: «Это мне?», но спрашивать было не у кого. Рюрик сопела в углу, под единственным неразбитым окном, ей постелили двуспальный разодранный матрас и накидали сверху хозяйской одежды. Кот сопел рядом, натянув армейский бушлат на ноги, а его снятые берцы служили ароматизатором помещения. Белоснежка устроился на кухне, легкий снег падал на его пуховик. Эти спали спокойно – так спят дети, солдаты и умирающие.

Один Боцман стонал и ворочался во сне. Прихожей ему было мало, он метался и, время от времени, бился кепкой о стены.

Хохол подумал, что Боцмана надо убить первым, на всякий случай, но мысль сразу отогнал, как чужую. Прошел в комнату, где только что караулил Белоснежка и сел на его место. В лицо дул мокрый февральский ветер Луганщины.

Все так же лупил пулемет, все так же били минометы, все так же полосовали небосвод разрывы снарядов и ракет. Разве чуть спокойнее.

Хохол вздохнул и прижал к груди автомат, глядя в бескрайнее черное небо.

Он уже убивал.

И мог бы убить сейчас. Для этого совершенно не требовался автомат. Человека можно убить даже шнурком от ботинка, когда он спит. А на того пацана понадобился просто один удар, тот упал и затылком о бордюр. Убийство по неосторожности, всего лишь. Только вот через два дня после карантина в колонии у Юрки Хохлова трое приблатненных попытались отнять посылку. Что было в той посылке? Да так, десяток мандаринов на Новый год, разрезанных «рексами», колбаса, опять же, нарезкой, да пара носков. И письмо. Вот за письмо он и взялся – ответил беспределом на беспредел. Сам потом так и не понял, как в его руках оказался штырь из старой советской кровати. Следователи удивлялись его силе. А он этим штырем убил двумя ударами двоих. Одного в глаз, второго в висок, третий успел отскочить. Вот дополнительно навесили еще срок. Его побаивались опера и охрана, не любили и блатные. Жил в одиночестве, что, впрочем, Хохла вполне себе устраивало. Вне закона. Вне любого закона. А письмо он так и не прочитал. Затоптали его в крови убитых им беспредельщиков.

Сейчас сидел он возле разбитого окна, слушая звуки далекого боя, наблюдая полеты трассеров, и думал, что,

пожалуй, впервые в жизни он свободен. Четыре спящих человека доверили ему автомат. Он может встать и убить их. Они даже шевельнуться не смогут. Потом можно дожидаться украинских солдат и рассказать им, как он геройствовал здесь. Может быть, ему скостят срок. Может быть, даже амнистируют. И чем черт не шутит, может быть даже дадут медаль. И он станет украинским героем, получит пенсию, выступит по телевизору, найдет бабенку в Киеве.

Надо только убить четырех человек. Это просто, когда у тебя в руках автомат. Просто убьют четырех человек, тех, кто тебя спас и напоил чаем. Хорошим чаем. С сахаром и бергамотом.

Хохол встал.

Подошел к Боцману. Тот застонал и перевернулся на другой бок. Хохол решил, что Боцман будет последним.

Или закончить Рюриком? Все же баба...

Но начал Хохол с нее.

Он подошел к куче тряпья, под которым мерно сопела Рюрик и осторожно потрогал ее за плечо.

Та проснулась мгновенно, мгновенно же и перевернулась, тут же схватившись за ствол «АКСУ».

– Ты че?

Хохол виновато пожал плечами:

– Командир, у тебя курить есть?

– Дурак ты, Хохол, и шутки у тебя... – она вытащила неначатую пачку откуда-то из недр курточек, протянула ее Хохлу и сказала: – Оставь себе.

Боцман курил сигарету за сигаретой и, счастливый, смотрел в небо, на котором стали появляться звезды.

Ктремчасамонзабыл, когонадобудить, поэтомууразбудил Боцмана, сунул ему пол-пачки, «Ксюху» и довольный улегся спать под кухонный стол. Жизнь налаживалась.

Утро выдалось как всегда – по подъему, а, значит, противно.

Где-то длинными очередями жгли патроны пулеметы, автоматы, рывкали автоматические пушки – ни Хохол, ни Боцман так еще и не научились отличать ЗСУ от пушки БМП-2. Хохол поднялся: болели кости, затекшие на твердом полу. Рюрик уже жевала холодную кашу, флегматично глядя в окно. Белоснежка и Кот разогревали на полу кружку с кипятком.

– А де Боцман?

– По утренним делам ушел, – ответил Кот.

– А... Тоже выйду до ветра.

Легкие свои дела Хохол сделал прямо с крыльца. Потом вернулся в дом, по пути зацепив пробитое осколками ведро, и чертыхнулся. Затем он прошел прихожую, где молчал давно потухший газовый котел, вернулся в относительно теплую хату. Краем глаза вдруг увидел движение, резко повернулся.

В зале стоял Боцман и сосредоточенно доставал из серванта книгу за книгой. На обложки он не смотрел, просто поворачивал форзацем к потолку и тщательно перелистывал страницы.

– Эй, – сказал Хохол.

– А? – Боцман даже голову не повернул.

– Ты шо делаешь?

– Дело работаю. Смотри, вдруг они бабки оставили? Терпилы любят бабки в книгах оставлять.

– Чеканулся? Люди бежали отсюда. Что они, бабки бы оставили?

– Могли бы и забыть про заначку, – в этот момент с книжной полки упала крестовая отвертка. И как она там оказалась?

Хохол торопливо оглянулся:

– Мозгами поехал? Эти, – шепотом он сказал. Но таким шепотом, который громче любого снаряда. – Эти тебя прямо сейчас шлепнут.

– Ой, да ладно, – легкомысленно ответил Боцман и тут же получил удар в печень. Согнулся, захрипел, упал на колени, застонал:

– И... Ты чего???

В комнату зашел Белоснежка, сплюнул на пол:

– Вы че, сидельцы?

– Ни че, ни че... Нормально, че... Да так, поспорили о Божьих заповедях, – добавил Хохол, ухмыляясь.

В оркестр туманного военного утра вплелась новая мелодия. Но услышали ее только ополченцы.

– Лежать, всем лежать! – крикнула Рюрик. Белоснежка мгновенно упал на пол, прямо перед стоящим на коленях тяжело дышащим Боцманом.

Через пару минут рев мотора усилился, приблизился к дому. Грязно-зеленая туша БТР остановилась возле синих ворот дома. Белоснежка, Боцман и Хохол замерли на полу в зале. Боцман сначала перестал подпрыгивать, а потом и дышать, на всякий случай. Кот с Рюриком встали за окном на кухне, каждый на свою сторону. Окно выходило на улицу, как раз на БТР, сломавшим палисадник и смявшим разноцветные старые покрывки, вкопанные на половину в землю. Открылись десантные люки. Пехота попрыгала на землю.

В сторону дома, где засели «ополчи» и зеки, пошли двое. Пнули металлическую дверь, пробитую осколками и пулями, вошли во двор.

На кухню же скользнул Хохол, а за ним вошел уже отдышавшийся Боцман. На четвереньках вошел.

Жестами Хохол показал, мол, валите отсюда в заднюю комнату. В руках он держал неизвестно откуда взявшуюся отвертку. Боцман стащил со стола большой кухонный нож.

Скрипнула входная дверь. Кто-то из украинцев тут же споткнулся о то самое ведро. Хохол завел руку с отверткой до затылка, Боцман поднял нож на уровень пояса.

И в этот момент БТР заорал голосом Вакарчука:

Хто ти є, ти взяла моє життя
І не віддала.
Хто ти є, ти випила мою кров,
П'яною впала.
Твої очі кличуть і хочуть мене,
Ведуть за собою.
Хто ти є? Ким би не була ти,
Я не здамся без бою!

Первому Хохол засадил отвертку в глаз так, что она чудом не выглянула с обратной стороны черепа, второй на весь клин поймал нож в печень. Каски, звеня, поскакали по линолеуму. Совсем мелкий солдатик хрипел, когда Боцман зажимал ему рот ладонью, из-под ребра текла до черноты темная кровь. Глаза «вояка» вертелись, словно пытались за-помнить напоследок остатки жизни, потом затуманились, тело задержалось. «Твои очи хочут и кличут мене...» – продолжал орать БТР. Мехвод машины высунулся из своего люка и неспешно курил, разглядывая разбитую снарядами улицу, над которой завывал Вакарчук.

Из дальней комнаты вышла Рюрик, приставив СВД к плечу. Белоснежка и Кот жестами подняли тяжело дышащих Боцмана и Хохла, показали направление движения. Те двинулись было к выходу, но тут на плечо Хохла опустилась тяжелая лапа Белоснежки в тактической перчатке. Кот ткнул пальцем в оружие украинцев. Плюс два АКМ. К сожалению, гранат у всушников не было, как и брони-ков. Но четыре магазина к каждому стволу плюс разгруз-ки. Больше ничего полезного у них не оказалось. Кроме четырех пачек сигарет, конечно. Боцман, было, раскрыл одну и потянул за фильтр, но тут же возле его носа оказал-ся кулак Белоснежки.

Когда они вышли из дома, грохнула СВД Рюрика. С головы мех-вода бронетранспортера слетел танкошлём

с половиной черепа, он покосился, наклонился, уронил тело на бок, сигарета, смытая по лицу потоком крови, упала куда-то, а после он сам сполз внутрь машины. Словно плетка, винтовка перекрыла звуком выстрела урчание двигателя и вой Вакарчука. Но никто, никто не заметил потому, что он слился с хлопками и взрывами, грохотавшими над Чернухино вот уже который день.

Может быть, из-за боевого фора, а скорее потому, что украинская пехота ползала и мародёрчила по брошенным «мирняком» домам, пятерку никто не заметил. Кот быстро выдернул чеку из РГД-5, сунул её чекой под труп и они выскочили во двор, потом быстро перелезли забор – а что там было перелезть, когда гаубичным снарядом снесло половину профнастила?

Трое в белом, двое в черном пробежали пару сотен метров – Белоснежка спиной вперед, постоянно глядя, не заметили ли их? – и рухнули под пирамидальным тополем.

– Дорогу...

– А? – спросил Боцман, схватил горсть грязного снега и начал жевать.

– Дорогу надо пересечь. Отсюда полкилометра до неё, – повторила Рюрик. Она тоже тяжело дышала. – Потом вдоль дороги, еще полкилометра. Там уже наши. Пароль: «Одесса».

– А че, у вас раций нет? – удивился Боцман. Он любил военные фильмы и знал, что у каждого военного есть рация.

– Нет, – засмеялся Кот. – Откуда они возьмутся? Вот, может, в бэтэретом были.

– Кстати, а чего вы его не подорвали? – спросил Хохол.

– Чем?

– Я знаю?! То вы – военные...

– Та можно было, – сказал Кот. – Пару гранат в люк меввода и все. Выведен из строя на пару недель.

– А шо тогда?

– Чё, чё... Там бы так бахнуть могло, вся чернухинская группировка сбежалась бы на нас, красивых, посмотреть. Кому это надо?

– Мне – нет, – признался Хохол.

– Вот и нам тоже.

– Всё, идем, – скомандовала Рюрик.

Они пошли, пригибаясь, вдоль заборов. Перед дорогой под ногами закрипела жужелка. На самой же дороге завалилась в кювет «мотолыга», а за ним на дороге стояла пушка.

– «Рапира», – уверенно определил Белоснежка.

Красивое длинноствольное орудие, внучка «сорокопяти» смотрело в сторону «укропов». Рядом валялись разбитые ящики и снаряды, которым повезло не взорваться. «МТ-ЛБ» вонял резиной и уже сторовшей соляркой. Чуть поодаль догорал перевернувшийся «Урал». Возле него лежал разорванный на двое труп, видимо, водителя. Обычно так не бывает, но на войне случается и не такое.

Ключья февральского тумана ползли над шоссе, черный дым стелился по разбитому асфальту. Перескочили дорогу за несколько секунд. Залегли в кювет. Боцман немедленно начал жрать шоколадку из вчерашнего сухпайка.

– Сейчас еще одно поле перескочим и все? – довольно спросил он.

– Нет, сейчас по дороге, поле заминировано, тебе ж говорили, – ответил Кот.

– Тихо! – рявкнул вдруг Белоснежка. – Тихо!

Сквозь грохот разрывов и беспрестанную работу стрелковки он вдруг услышал далекий, едва различимый рев дизеля. Что-то ехало к ним. Наверняка за этим что-то шла и пехота. Может быть, та самая, которую Боцман с Хохлом недорезали.

– Бегом!

Белоснежка выпрыгнул из канавы, за ним бросилось всё отделение, включая граждан осужденных. Не зря, ой не зря Белоснежка читал все возможно найденные в этих ваших интернетах инструкции по артиллерийским системам современности, пусть они были даже из шестидесятых. Уставное время развертывания «Рапиры» – одна минута. Через сорок секунд станины орудия были призывно развернуты, красавица была готова, как невеста перед первой брачной ночью.

– Бегом отсюда! – рывкнул Белоснежка, крутя колесо.

– Кто? – не поняла сержант Рюрик.

– Все, и ты тоже, – ответил Белоснежка.

– Охренел?

– Я артиллерист в прошлой жизни, – Белоснежка снял грязно-белую каску и посмотрел на девушку. – Был. Одесское артиллерийское.

– Разве в Одессе пушкарей готовят? – усомнился Кот.

– Готовили.

– А че ты тогда...

– Второе мая. Бегом отсюда! – зарычал Белоснежка, оскалившись, словно волк.

– Приняла, – холодно ответила Рюрик. – За мной.

Рык мотора приближался. В тумане стал очерчиваться черный силуэт машины.

– Я останусь, – вдруг сказал Боцман.

– Ты чего? – сдавленно сказал Хохол. Каркнул то ли ворон, то ли ворона.

– Снаряды-то кто будет подавать? – отстраненно ответил Боцман. В глазах его появилось что-то такое, что невозможно описать словами. И усталость от жизни, и понимание того, что пробил твой час, и готовность уйти. Ну и что, что разбойник? Вторым в рай, после Христа тоже разбойник вошел. А ноги Иисусу вообще проститутка обмывала.

– Снаряды это да, снаряды это можно, – согласился Белоснежка. – Валите уже.

И трое ушли в туманную даль. Двое в белом, один в черном. Никто из них ни разу не оглянулся.

– Осколочно-фугасный давай, – сказал Белоснежка, когда опустил ствол на прямую наводку и увидел в прицеле низкую тушку БМП-2.

– Это какой?

– Дал партком заряжающего, – пробормотал Белоснежка и уже в полный голос добавил, – «ОФ» написано!

Он открыл затворную ручку, камора распахнулась. Боцман осторожно сунул снаряд в ствол.

– Ну, держись, гражданин осужденный, не попадем – у нас срок жизни на два выстрела. Гильза сама выскочит, ищи второй снаряд.

– «ОФ»?

– Ага...

В принципе, «бехе» бронебойного много, осколочно-фугасный может ее и пошинковать, и даже опрокинуть, если близко влепить. Белоснежка держал, держал, держал её в прицеле... Встал за станину... Короткий рывок...

«Рапира» подпрыгнула на своих раздвинутых ножках, из «сотейника» – дульного тормоза необычной формы – вырвался клуб пламени. Боцман на миг даже ослеп.

– Снаряд! – заорал Белоснежка, опять перепрыгивая через станину и прикладываясь к прицелу.

– Бегу, бегу, – бормотал себе под нос Боцман, жалея, что остался на позиции.

– Выстрел! Снаряд!

Скорострельность «Рапиры» – двенадцать выстрелов в минуту, это если расчет полный и обученный. А если двое и оба работают в первый раз? Ну, хорошо, один в теории изучал артиллерию, и может даже стрелял из полевых гаубиц образца двадцать третьего года. И что?

Но они успели выпустить пять снарядов, перевернули «Беху», и положили пехоту, ту, которая не успела свалиться.

И в этот самый момент, когда атака была отбита, загорелась БМП-2 и были выбиты последние стекла в ближайших домах, с левой стороны этого слоеного пирога выползли из тумана напуганные юные украинские армейцы. Тоже пять человек, только у них ефрейтор командовал. Они ползли по перемешанному с глиной снегу, а когда увидели двоих, стрелявших из орудия, – с перепугу открыли огонь.

Российский пиксель Белоснежки и черная униформа Боцмана потом дала повод в очередной раз украинским СМИ заявить, что на Донбассе воюют только зеки и российские войска. Хорошо, что Белоснежка оставил в штабе свой украинский паспорт...

А разведданные Рюрика, как это часто бывает на войне, слегка запоздали.

ДМИТРИЙ МИТРОФАНОВ

(Луганск)

ЖАРКОЕ ЛЕТО 14-ГО

Повесть

Я описал происходящее, исходя из своего виденья. Возможно, оно несколько отличается от восприятия других участников тех же событий. Что ж, простите, если что не так, тем более что с тех пор, на момент написания сего текста, прошло почти два года. Но думаю, что если эти различия и есть, то они незначительны, ибо увиденное мной и моими товарищами по «Скорой» забыть невозможно.

До того, как все это началось, я без малого пятнадцать лет работал водителем на Луганской станции скорой медицинской помощи. Меня, как и тысячи жителей довоенной Украины, мало интересовали какие-либо политические вопросы, ибо свои домашние проблемы казались мне куда более существенными.

Однако постепенное ухудшение жизни простого человека становилось все более заметным. Все больше становилась разница между бедными и богатыми. Украина становилась каким-то рабовладельческим государством. Те, кто всю жизнь пахали на заводах и в шахтах, кроме профессиональных заболеваний к концу жизни не имели ничего. В то же время все свободные и не очень свободные земельные участки в городе отдавались под застройки дорогих коттеджей, по разбитым городским улицам часто ездили дорогие автомобили с хамовитыми водителями.

«Скорая помощь» – служба, в которую часто обращались и те, кто жил в дремучих Луганских трущобах, и те, кто считал себя хозяином жизни. Одним словом, бывать приходилось и у тех, и у этих, так что у меня была возможность оценить всю глубину пропасти между бедными и не бедными. И среди бедноты, и среди «избранных» люди встречались разные. Но всегда бригада предпочла бы вызов к бедноте, нежели к богатым. Скорее всего, так было потому, что те, кто работал на «скорой», сами относились к бедноте.

Однажды приехали мы на вызов к милицейскому пенсионеру, я остался в машине, бригада вошла в девятиэтажку, которая до недавнего времени была общежитием. Ныне это здание было перестроено под элитные квартиры с большими жилыми площадями, охраной и обслуживающим персоналом. Хозяин квартиры предложил надеть бахилы, и был сильно удивлен, что бахилы выездному персоналу «скорой помощи» эта самая «скорая помощь» не выдает, ровно так же, как и не обязывает снимать при входе обувь.

По большому секрету скажу, что если бригаде на вызове предлагают надеть бахилы, то это не вызов «скорой помощи», то есть в тех случаях, когда мы действительно нужны людям, как правило, не до бахил. Но это, в общем, мало интересно, интересно то, что в процессе работы бригады этот самый хозяин квартиры сетовал на ухудшение своего благосостояния после того, как вышел на пенсию. Пенсия его на тот момент составляла 8000 гривен, или 1000 долларов. На что моя врач ответила, что вся наша бригада, включая машину, обходится бюджету дешевле, чем один такой пенсионер. Но ведь было время, когда он не был пенсионером и получал значительно больше средств, и был вполне в состоянии прикупить квартирку в этом пентхаузе. Для тех, кто безвылазно «пахал» на «скорой», купить любое жилье

было делом недостижимым, примерно таким же, как полет в космос. Между тем, я не думаю, что работа на «скорой помощи» менее опасна или менее трудна, чем она была у этого отставного майора. Кроме того, она исключает возможность раннего выхода на пенсию как, скажем, в милиции. Да и вообще, понятие пенсии для «скорой» было весьма размытым, так как до нее, как правило, не доживали.

«Скорая помощь», конечно же, не единственная обремененная бюджетная структура. Зарплаты в стационарах так же были, скорее, чисто символические. Да и вообще, касалось это не только медицины. Проще назвать, каких сфер это не касалось. Да она, в общем-то, одна и была – это правоохранительные органы. Проще говоря, жилось хорошо милиции, если ты, конечно, не рядовой и имеешь возможность регулярно снимать с кого-нибудь мзду. Или же, если ты тот, кто имеет возможность обкрадывать бюджет, используя всевозможные теневые схемы, взятки, откаты и прочие нехорошие вещи.

Особое внимание, пожалуй, стоит уделить «державной автомобильной инспекции». Может быть, из-за того, что по роду своей деятельности мне часто приходилось иметь с этой инспекцией дело, в моих глазах – это самая лицемерная, самая коррупционная, самая мерзкая, криминально-государственная структура.

Грани различия между криминалом и государством становились все более размытыми. Простому работяге жить становилось невыносимо.

Такая расстановка сил добра и зла привела Украину к майдану. Оно, конечно, не обошлось без американского вмешательства, но, думаю, что при той, уже сложившейся при Януковиче ситуации в стране, для взрыва было достаточно чиркнуть спичкой, что американцы и сделали.

На момент начала киевского майдана я не имел каких-либо определенных политических наклонностей.

С одной стороны, все, что происходило, вызывало где-то чувство гордости что ли, что нельзя бесконечно издеваться над людьми, что народ все же может и подняться. А с другой стороны, видя все то, что происходит в Киеве, сильно пугала перспектива тех же событий у себя в городе. Я все же был за более цивилизованные способы решения проблем.

Как оказалось, в Киеве на этом самом майдане был наш луганский отряд «Беркут». Задействован он был для поддержания порядка. Думаю, что каждый видел, что тогда на майдане происходило. Стоя в оцеплении, этим людям пришлось испытать на себе всю мощь толпы, «коктейли молотова» и обстрел из огнестрельного оружия.

Среди наших луганских там были раненые «беркутовцы». Я не знаю точно, сколько их там было, но в любом случае этих парней необходимо было каким-то образом перевезти в Луганск. Это нужно было сделать исходя из разных соображений, но главное из них – это безопасность. Подобные перевозки обычно ложились на плечи «скорой помощи», и в этот раз судьба не обделила нас острыми ощущениями, моя и еще две машины должны были ехать в Киев для перевозки раненых в луганские клиники.

Мне много раз приходилось ездить в дальние командировки, в том числе и в Киев. Но сложность этой заключалась в том, что из окруженного блокпостами города нужно было вывезти тех, кто был прямым врагом тех, кто стоял на этих самых блокпостах. Как это сделать, никто из нас толком не знал, все понимали степень опасности, но вопрос: ехать или не ехать – не стоял – сели и поехали.

Уже на въезде в Полтаву мы уперлись в длинную очередь из машин. Как оказалось, это был блокпост. Очередь медленно продвигалась вперед, в конце концов, стали просматриваться в темноте силуэты людей в масках с бейсбольными битами в руках, которые тщательно обыскивали

стоящие впереди нас автомобили. Дошла очередь и до нас. Человек в маске открыл дверь салона, заглянул под ноги медикам и разрешил нам проехать. По пути до Киева таких блокпостов было несколько, но пустая машина, к счастью, не вызывала подозрений. Мы благополучно добрались.

Времени было около пяти утра, все три наши машины благополучно дошли до Киева, мы остановились, чтобы отдохнуть и определиться, как действовать дальше. Было решено оставить две наши машины вместе с экипажами там же – на выезде в город, а один экипаж должен был забрать всех пострадавших и вывезти из города.

Так и сделали. Еще около часа я пробирался через множество блокпостов к какому-то госпиталю, из которого нужно было забрать раненого. По ходу выяснилось, что раненых уже не четверо, а двое. То ли они как-то сами уехали, то ли умерли – не знаю. Но нам, как говорится – «баба с возу, кобыла в курсе дела».

Навигатор привел нас к цели, мы забрали первого раненого. Молодой парень, 28 лет, если не ошибаюсь. Пулевое ранение легкого. Весь утыканный дренажами, трубками и капельницами, с большим трудом встал с каталки и с нашей помощью уселся на кресло фельдшера. В силу особенностей своего ранения, лежать он не мог, мог только сидеть. Из одежды на нем был только больничный халат. К нему в придачу санитарка госпиталя отдала большой мусорный мешок с его грязными вещами. Там была его грязная от крови форма и какие-то то ли наколенники, то ли налокотники.

Второго мы забрали тем же порядком из какой-то неподалеку расположенной больницы. Он был приблизительно того же возраста, с пулевым ранением бедра. Пуля прошла через бедро, раздробив бедренную кость. Медики надели на него «аппарат Елизарова» и в таком виде отдали нам. Теперь нам предстояло выехать из Киева. Я набрал на

навигаторе обратный адрес и включил первую передачу. Машина покинула территорию больницы, мы снова оказались в неприветливой обстановке серых, незнакомых улиц, кишаших множеством каких-то непонятных, судя по всему, не очень трезвых особей, вооруженных битами с медицинскими масками на лицах.

Дороги, по которым нас вел навигатор, несколько раз оказывались перекрыты баррикадами, какое-то время мы петляли по городу. В конце концов, наш озадаченный навигатор вывел нас к блокпосту. Там, между двумя кучами покрышек и какого-то мусора, был оставлен узкий проезд, где с трудом проходила одна машина. Увидев «скорую помощь», «дежурный» выбежал на середину этого проезда, поднял руку с полосатым жезлом вверх, чтобы остановить движение и дать нам возможность проехать. Благо, наш луганский «пежо боксер» ничем не отличался от своих киевских собратьев – нас приняли за своих.

Мы проехали через баррикаду и оказались на Грушевского. Перед нами возвышались некогда бывшие белыми колонны, стоял запах горелых покрышек, кругом ходило множество людей, как на экскурсии. Всем было интересно посмотреть на те места, где совсем недавно произошли такие значимые и драматические для Украины события.

Мне тоже было интересно увидеть все своими глазами. Сделав круг по площади, мы остановились возле дежуривших тут же коллег из киевской «скорой». После недолгого общения коллеги нам показали дорогу и, попрощавшись, мы поехали. Второй наш блокпост был пройден так же как и первый, в дальнейшем особых проблем не было. Максимум, что могли себе позволить на блокпостах, – это открыть двери и посмотреть в салон. Но мы на всякий случай остановились у первого попавшегося мусорного бака и избавились от одежды и экипировки наших подопечных. Заранее была придумана легенда, что везем пострадавших

в ДТП. В Борисполе мы встретились с двумя другими нашими машинами, перегрузили одного раненого в одну из них и отправились домой в Луганск.

Всех нас, конечно, интересовало: что же там происходило на самом деле? Откуда у ребят огнестрельные ранения? Было ли у них оружие? На каждой остановке и по пути мы общались, и постепенно начинали понимать суть произошедшего в Киеве.

Для тех, кто решил прочесть сие писание, сразу поясню, что со слов ребят, никакого оружия при них не было. Все, чем они располагали, – это щиты и резиновые противолицейские палки, а также алюминиевая защита, которая, естественно, не могла противостоять пуле. Ее же вместе с одеждой мы и выбросили в один из киевских мусорных баков.

Командировка прошла удачно. Мы без проблем добрались до Луганской областной больницы, где и оставили наших пациентов со множественными пожеланиями скорейшего выздоровления.

Видеть Киев в таком полуобморочном состоянии мне было неприятно. Я часто бывал в Киеве – это был цветущий, красивый город с большой и интересной историей. Как только предоставлялась возможность, я приходил на майдан, в музей военной техники, в лавру. Интересный город, всегда в нем было на что посмотреть. Но на этот раз он был каким-то серым и чужим, как будто оккупированным какими-то инопланетянами в масках, с битами в руках. Кругом горы мусора, запах горелых покрышек и сантиметровой слой сажи на некогда сверкающей брусчатке.

Глядя на весь этот хаос, было страшно представить, что в Луганске может произойти то же самое.

На тот момент я не имел каких-либо политических предпочтений, мне просто не хотелось, чтобы город, в котором я живу, постигла та же участь. Однако никакие

предположения, как оказалось, не могли сравниться с ожидающей нас реальностью.

Случилось так, что эта командировка в Киев, после майдана, была не единственной. Второй раз мне пришлось ехать в Киев за новыми машинами для Луганской скорой помощи.

Шестнадцать водителей шумной толпой вышли из двадцатого поезда на один из многочисленных киевских перронов. На тот момент линия фронта поездов не касалась, чего нельзя сказать об автомобильных дорогах.

Мы прибыли на стоянку, где на нескольких гектарах асфальтированной поверхности стояли сотни новеньких «пежо», переделанных под «скорую помощь». Спустя несколько часов бумажной волокиты и приемки машин, колонна из пятнадцати машин двинулась в сторону Борисполя. О февральских баррикадах на трассе напоминали черные пятна на обочине в тех местах, где стояли сгоревшие автобусы, битое стекло и горы пепла сгоревших покрышек.

По мере приближения к Луганску на трассе все чаще встречались колонны военной техники. Машины шли своим ходом, а также их перевозили при помощи огромных армейских тягачей. Видеть это было непривычно, но не более того. Я смотрел на все происходящее совершенно равнодушно, как бы со стороны, не отдавая предпочтения кому-либо из сторон. Да и не верилось мне, что все это может каким-то образом коснуться именно меня.

Уже в Луганской области мы удачно прошли несколько блокпостов перед городом Сватово, но блокпост на выезде из этого самого Сватово нас не пропустил. Мы несколько часов просидели в машинах, держа руки на руле. Таков был приказ украинских военных. Мимо нас, гремя траками и кроша асфальт, носились украинские БМП с пехотой на броне. Но терпение и объем мочевого пузыря были не

безграничны, и мы стали по одному выходить из машин, благо, военные на это смотрели сквозь пальцы.

В конце концов, было приказано разворачивать колонну в обратном направлении, и в сопровождении мы отправились на территорию Сватовского психиатрического диспансера для того, чтобы оставить там машины. Мы выстроили машины в ряд, отдали ключи от них и были свободны на все четыре стороны. Хорошо, что на тот момент связи со Сватовской скорой еще не были потеряны, за нами прислали УАЗик «скорой помощи» и еще какую-то легковушку, с целью доставить нас на автовокзал города Сватово, ибо расстояние там было весьма приличное, и поход пешком мог затянуться на несколько часов. Все шестнадцать человек, проклиная тот злополучный блокпост, с невероятными усилиями влезли в эти две машины и с горем пополам доехали до вокзала.

Автобусы на Луганск были переполнены, маленький вокзал был забит людьми. Люди сидели на ступеньках, некоторые с детьми на руках, с множеством каких-то пакетов и сумок. Практически всем нужно было в Луганск. Отправить нашу толпу оказалось большой проблемой. И, как оказалось, поезда на Луганск уже не ходят. Все попытки уехать не имели результата. Не надеясь, что нам кто-то чем-то поможет, я пошел в администрацию вокзала, объяснил ситуацию, – и чудо свершилось. Нам дали «Газель», сняв ее с какого-то другого маршрута.

На этих последних ста пятидесяти километрах пути было множество украинских блокпостов, наша маршрутка кланялась каждому. Досмотра как такового не было, максимум – могли посмотреть паспорта, скорее всего, досматривать было просто лень, они ограничивались осмотром лиц тех, кто ехал через линию фронта. Последний блокпост был в городе Счастье, это был блокпост ЛНР. Осмотр автобуса сепаратистами ничем не отличался от украинского,

где-то минут через двадцать измотанные дорогой мы были в Луганске возле парка Первого Мая.

Работа на «Скорой помощи» была лишена рутины, она всегда была полна разных неожиданностей, а порой и опасностей. Окончив Луганский университет имени Владимира Даля и затем магистратуру в университете имени Т.Г. Шевченко, я так и не смог найти работу более интересную и более увлекательную, чем работа на «скорой помощи».

Мне всегда был интересен медицинский аспект работы. Я был не только водителем, я был полноправным членом бригады. Мне нравилось принимать участие в оказании помощи, проведении реанимационных мероприятий. Я мог снять кардиограмму и довольно точно описать ее. Мог наложить шину на поломанную конечность, наложить жгут или тугую повязку в случае сильного кровотечения. Я с удовольствием брался за все, что мне доверяли и делал это достаточно хорошо, поэтому доверяли мне многое. Медики всегда делились со мной знанием и опытом, за что я очень им благодарен. Я часто посещал медицинские конференции и всевозможные лекции, в моем распоряжении были манекены, на которых можно было отработать действия при реанимации или, скажем, можно было научиться интубировать, чем я непременно пользовался. Да и сама работа на «скорой» давала ценнейший опыт, который, как оказалось позже, было где применить.

Обстановка на Донбассе продолжала накаляться, был охвачен огнем Славянск. В Луганске становилось все жарче. Ополчение отбивало объекты один за другим, здание СБУ, военкоматы, воинские части и всевозможные иные государственные учреждения. Зачастую эти учреждения просто сливались, создав видимость бурного сопротивления, но камнем преткновения стала Луганская погранзаства. Бой за нее продолжался не одни сутки, обитатели

заставы оказали серьезное сопротивление. Потери были с обеих сторон. Пули и реактивные гранаты летали прямо среди жилого сектора над головами мирных жителей. Ополченцы периодически давали коридоры для выхода мирных жителей, люди бежали из домов прямо под обстрелом, взяв с собой самое необходимое.

Наша реанимация регулярно выезжала к месту тех событий, чтоб забрать раненых, их было много. Больницы Луганска были забиты ранеными. Большинство медиков впервые столкнулись с таким количеством огнестрельных и осколочных ранений, учились, как говорится, по ходу дела, других вариантов не было. Особо тяжелым оказывали первую помощь в Луганске, потом везли в Ростов, остальных оставляли в наших стационарах.

Все это время над городом летали боевые самолеты. Мы толком не понимали: что за самолеты? Чьи? И с какой целью? Пока второго июня 2014 года, один из этих самолетов не совершил налет на Луганскую областную администрацию.

Это был мой выходной. Утром я сменился и находился у матери, на восточной стороне города, в районе, который называется Малая Вергунка. Это приблизительно в пяти километрах от администрации. Самолетов над городом летало несколько, они то спускались к земле, то вертикально поднимались на высоту, с которой их не было видно.

Один из них шумно пролетел на небольшой высоте прямо надо мной по направлению с востока на запад. Прошло время, он пролетел снова, но на этот раз от него отлетали так называемые тепловые ловушки, которые предотвращают попадание в самолет ракетных комплексов ПВО. Выстрелы я не видел, самолет исчез из вида за зелеными деревьями, но разрывы были отчетливо слышны. Через некоторое время, от прохожих я узнал, что самолет отработал по администрации.

Я пришел на подстанцию скорой помощи, чтоб забрать свою машину, к этому времени бригады, которые были задействованы после авианалета, уже вернулись домой. Я только увидел, как их моют. Санитарки, вынув носилки, смывали сгустки крови из машин, кругом по асфальту двора текли бардовые ручейки и лежали сгустки крови. Я часто видел такое, но не в таких количествах. Когда одна машина приходит с такого вызова, никто не обращал внимания, но когда все машины были так уделаны, это уже было событием неординарным. Тем более что обстоятельства происшедшего вызывали, мягко говоря, недоумение.

Я просто поверить не мог, что Украина могла такое сделать. В парке, куда прилетели ракеты, обычно гуляли дети, все случилось среди бела дня. Увиденное потрясло меня, я не мог понять – зачем это было сделано? В парке лежали несколько скошенных деревьев, все было засыпано землей, листьями и осколками. Видя срезы довольно больших деревьев и воронки, расположенные прямо посреди тротуаров, я был поражен силой разрывов. Там, где лежали раненые и убитые, было много крови, какие-то мелкие личные вещи, много зеленых листьев на земле. Само здание тоже имело повреждение, одна из ракет, по-видимому, попала в окно и там взорвалась. Меня все это впечатлило. Хоть и не сразу, но я начал понимать, что дело имеем с полными кретинами.

Этот авианалет открыл череду еще более кровавых атак украинской штурмовой авиации на мирное, именно мирное, население Луганска. Тем летом, летом 2014 я стал особенно «трепетно» относиться к летчикам ВСУ. По сей день меня не покидает подсознательное, животное желание убивать их с помощью собственных зубов.

Потом, как-то незаметно, к летающим уродам присоединились минометные расчеты, стало совсем «жарко». Мины прилетали куда угодно, каких-либо приоритетов

при выборе цели я не заметил, так что одно из двух – либо снайперы из них так себе, либо стреляли они куда попало, возможно, что и одно, и другое. Скорее всего, сказывался тот фактор, что у них не было достаточно времени и не было корректировки огня. Стрелять нужно было быстро, а убегать еще быстрее. Но следует отметить, что по городу они попадали всегда. Был период, когда количество жертв росло ежечасно, пребывание в Луганске становилось все более похоже на русскую рулетку. Казалось, что твоя смерть – это лишь вопрос времени.

Из города массово выезжали беженцы. Перепуганный народ бежал, бросая дома, квартиры и все, что было в них, порой включая домашних животных, а иногда даже лежащих стариков. Кто-то опасался за детей, у кого-то просто сдавали нервы.

Выезжали медики, в том числе и те, кто работал на «скорой». Пришло время, когда «скорая помощь» стала особенно востребована. Практически каждый вызов был на осколочное или огнестрельное ранение. Чаще всего это была констатация смерти, но и оказывать помощь приходилось довольно часто. Это, учитывая то, что от всего штата на «скорой» осталось процентов 10-15.

Но за всю войну, на момент января 2016 года, «скорая помощь» Луганска работала непрерывно. Эти два месяца войны обучили меня больше, чем 14 лет работы на «скорой». Постепенно, с каждым вызовом, приходил опыт оказания помощи при таких ранениях. Из-за недостатка кадров бригады стали формировать из одного медика и двух водителей. Один водитель был за рулем, другой выполнял функции санитаря. Таким образом, создавалась видимость полноценной бригады. Нужно сказать, что те, кто все же не сбежал и продолжал работать в таких условиях – это особенные люди. Среди них были те, к кому мины прилетали во двор, разрушили дома.

Выбитые взрывной волной окна – это даже легким испугом не считалось.

Почти все, кто в то время работал, жили прямо на подстанции, ибо работали – сутки через сутки. Просто не было смысла ездить домой, находиться там опасно, а тут хоть не в одиночестве. За всю войну на «скорой» было несколько раненых. Много машин получили пробоины от осколков. Чтоб хоть как-то нас обезопасить, выдали бронежилеты, но гражданские, не привыкшие к такой ноше, люди, единоразово надев его, больше не надевали. На «скорой» и без брони работа физически тяжелая. Пациентов приходится не только лечить, но и носить. У каждой бригады неоднократно бывали случаи, когда мина взрывалась рядом с машиной и каким-то чудом никто при этом не пострадал.

Долгое время «скорая помощь» Станицы Луганской возила больных через линию фронта, в Луганскую областную больницу. Вот и в этот раз узик проехал оба КПП и карабкался на гору к памятнику князю Игорю. Случайно так получилось или нет, но украинская мина прилетела и взорвалась в непосредственной близости от машины. В результате врач получил тяжелые осколочные ранения ног, больной, которого они везли – тоже был ранен. Машина, будучи как решето, на удивление, могла нормально ехать. Осколки не заделали ничего, что могло бы ее остановить. После этого случая, назад в Станицу эту машину не пустили.

У меня тоже были подобные случаи. Как-то ехали мы вдвоем с фельдшером по улице Оборонной к 9-й городской больнице, только проехали стадион «Авангард», как в него стали прилетать мины. Мы были уже на безопасном расстоянии, осколок вряд ли мог нас достать, но сильный грохот и понимание того, что полминуты назад мы были там, где сейчас все взрывается, повышало нам частоту сердечных сокращений. Но это было только начало.

Минометчики в этот раз вошли во вкус и «утюжили» район «Авангарда» минут двадцать и, по всей видимости, из нескольких минометов. Множество мин попадали на сам стадион и в цирк.

Это уже было похоже на то, что хотят поразить определенную цель. От «Авангарда» уходили автобусы с беженцами на Изварино, там всегда толпилось множество людей, возможно, это и была цель. Я не думал, что обстрел может так затянуться, это было необычно. Чаще всего это пять-шесть выстрелов, а потом какое-то время с этого места выстрелов не было. Они вынуждены были затаиться или уйти с этого места. Поэтому обратный путь от 9-й городской больницы на первую подстанцию «Скорой помощи» я проложил по параллельной улице – улице Челюскинцев. Это не далеко от места обстрела. Я не спеша подъехал к ДК строителей, за ним все продолжало грохотать.

Неизвестно, что было лучше – подождать окончание «банкета» или рвануть вперед и на скорости проскочить место возможного поражения. Я поехал. «Авангард» был окутан дымом и пылью, Ярмарочная площадь из-за этой пыли не просматривалась. Видимость была ограничена Оборонной. Мы доехали до пересечения Челюскинцев и Херсонской, где были остановлены ополчением. Ополченцы предполагали, что в машинах «скорой помощи» могут перевозить минометы и поэтому останавливали нас по 20 раз в сутки. Мы с пониманием относились к этим мерам. Но обстрел не прекращался, быстро осмотрев машину, парень с автоматом, будучи сам напуган, предложил нам укрыться под балконом первого этажа сталинской четырехэтажки, мы все упали на асфальт, прикрытые сверху балконной плитой.

Но разрывы были все ближе и ближе, настал момент, когда одновременно до всех дошло, что тут оставаться просто нельзя. Парень с автоматом попрощался, быстро

сел в свою шестерку и поехал прочь. Мы тоже долго не раздумывали. Я стал набирать скорость по Херсонской, но по отношению к Оборонной она была второстепенной, я должен уступать дорогу, и хоть глупо было предположить, что по Оборонной кто-то мог ехать со стороны «Авангарда», я все же затормозил, и, убедившись в том, что там никого нет, сдал назад, чтоб набрать скорость под прикрытием пятиэтажки и на приличной скорости проехать перекресток.

Моя фельдшер, при таких маневрах, что называется, летала по салону машины, билась о лобовое стекло и детали отделки машины, но не говорила ни слова. В момент, когда я начал разгон, справа за этой самой пятиэтажкой раздался очередной взрыв, волной вынесло перед нами какой-то мусор и листья, но перекресток мы все же проскочили.

По разбитой в хлам Херсонской наш «Пыж» мчался 150 км в час. Ногу с педали я убрал тогда, когда доехали до храма на Городке.

В конце той же смены, нас, как фельдшерскую бригаду, отправили подобрать тех сотрудников, которые все же ездили после работы домой. Добираться на работу для них стало настоящей проблемой. Из-за нескольких случаев попадания мин маршрутки ездить перестали. Хотя, нужно отдать должное, работали, что называется, до последнего. Я уже не помню маршрута движения, но помню, что ехали мы по улице Руднева. Это промышленная зона, по обеим сторонам дороги заводы, базы, фабрики.

Я увидел стоящую по центру дороги «Волгу». Наличие машин на улице уже успело стать чем-то необычным. Подъехав ближе, я понял, почему она стоит. Слева от нее, метрах в 4-х, на уровне переднего колеса была воронка от мины, машина имела множественные пробоины от осколков. Я остановился и вышел из машины, чтобы увидеть, что внутри, так как со своего водительского места в «скорой

помощи» я видел только нижнюю часть тела водителя «Волги» через дверное ее окно. Помощь была не нужна, помимо множественных отверстий в теле, у него практически отсутствовала голова. Все что от нее осталось – это фрагмент уха и часть нижней челюсти. Спортивные штаны и майка этого парня говорили о том, что к ополчению он, скорее всего, не имеет никакого отношения. Просто ему крайне не повезло оказаться в это время, в этом месте. Он оказался одним из тысяч жертв этой войны среди мирного населения...

Минометчики до сентября оставались самым опасным фактором для тех, кто остался в городе. Ополчение довольно быстро отучило летать украинские самолеты. Но минометы продолжали работать постоянно, наводя ужас на население. Все, кто остался в городе, активно помогали ополчению разыскивать диверсантов. И иногда это приносило свои, незначительные результаты.

Довольно быстро город опустел. На улицах не было ни людей, ни машин. Даже птицы куда-то исчезли. Дорога от седьмой больницы до областной, а это путь практически через весь город, занимала 3-4 минуты. Сказывалось отсутствие машин и светофоров. По Оборонной скорость порой доходила до 160, опасаться нужно было только новых воронок в асфальте и оборванных, свисающих на проезжую часть троллейбусных и трамвайных силовых кабелей, перебитых осколками. Бывало так, что в одну сторону едешь нормально, но на обратном пути дорога уже менялась из-за попадания в нее мин.

Иногда ко мне в машину сажали реанимационную бригаду, хотя реанимация, как правило, работает своей бригадой и на своей машине, такие случаи иногда бывали, когда их машина была на ремонте. Первый вызов тех суток был на нашу пятую подстанцию, которая находилась на поселке Юбилейный. Это черта города Луганска.

ВСУ утюжили Юбилейный с особым рвением. Возможно потому, что этому поселку крайне не повезло быть самой ближней к ВСУ частью Луганска. Ежедневно, методично Украина долбила Юбилейный, не оставляя мирным никаких шансов на выживание.

Мы въезжали в Юбилейный под грохот разрывов, в небо поднимались дым и пыль, на дороге в местах разрывов – горы зеленых листьев и изуродованные деревья. У подъезда нас встречала фельдшер амбулатории пятой подстанции. Мы быстро забежали в помещение, на кушетке лежал мужчина, осколок снес ему часть бедренных и ягодичных мышц. Отрезанные куски держались на уцелевшем с одной стороны срезе кожи. Мой врач срезал бинты, которые были наложены до нашего приезда, оценил ситуацию. Кровотечение почему-то было не очень сильным. Возможно потому, что помощь уже была оказана. Мы его перевязали, быстро погрузили и поехали.

Через пару минут машина вышла на трассу и быстро набрала привычные 150. Мы были уже в относительной безопасности, но тут нас запросили по радио. Оказалось, что только что на пятую подстанцию опять кого-то принесли. Разворачиваюсь я через две сплошные и еду обратно. Второй пациент был полегче. Его, уже забинтованного, вывели на улицу. Я развернул машину и подъехал боковой дверью прямо к нему. Два фельдшера помогли ему зайти в машину – и я снова жму на педаль.

Мы пробыли на Юбилейном очень недолго, но постоянные разрывы, дрожащие стены, звон остатков стекол подстанции оставили определенное впечатление. Мы были там не более пяти минут, но ведь там работала фельдшер амбулатории. Она была на сутках. Женщина вела себя достойно там, где многие мужики от страха в подвале с пола не поднимались...

Очередной раз, когда мне довелось работать с реанимационной бригадой, я выполнял функции второго фельдшера или, наверно, правильнее сказать, санитаря, вместо второго фельдшера.

Утро началось с вызова в Камброд. Повод вызова уже не помню, но помню, что от попадания мины или снаряда загорелся дом. Под грохот разрывов мы выехали с первой подстанции и направились в сторону Камброда. Камброд, сокращенно – от Каменный Брод, самый старый район города Луганска. По сути, отсюда и начался Луганск. Современный Камброд – это спальный район, процентов на 95 застроен частными домами, многие из которых были построены еще в 19-м веке.

Мы доехали до второй городской больницы, вдруг я услышал сильный грохот, водитель затормозил, мы в салоне соскочили со своих кресел, чтоб увидеть, что происходит. Где-то в 100-150 метрах от машины прямо по курсу произошел взрыв, скорее всего это была мина, возможно, что-то прилетело со стороны Металлиста. Там находились передовые части ВСУ, а конкретнее – батальон «Айдар», это как раз то бандформирование, в котором как раз в то время служила печально известная Надежда Савченко. Оттуда регулярно прилетало по городу.

Водитель – его звали Женя, недолго думая, развернул машину и, с целью объехать место взрыва, поехал по параллельной улице Павла Сороки, потому что разрыв поднял огромное облако пыли, проехать через которое было невозможно. Мы проехали мимо СИЗО, свернули на Павла Сороки, но и сюда тоже прилетело, такое же облако перекрыло и эту улицу. Мы снова разворачиваемся и не спеша движемся в обратном направлении в надежде, что пыль немного осядет, и мы сможем проехать по первоначально выбранному маршруту.

Все получилось, проехали, но обстрел не прекращался, мы всюду натыкались на следы новых разрывов. Каменные

обломки домов, куски мергеля, битый шифер хрустели под колесами, первым признаком прилета мины было большое количество зеленых листьев, лежащих на земле и срезанные осколками ветки. Все это было в изобилии.

Мы благополучно доехали до ликёроводочного завода, но обстрел усилился, мины падали одна за другой, решили, что переждать этот Армагеддон в какой-нибудь канаве будет значительно безопаснее, чем лавировать между разрывами. Женя свернул к проходной ликёроводочного и остановился, мы высыпали из машины и тут же попадали кто куда. За Луганкой (река) был виден пожар.

Густой черный дым поднимался в небо – это и был адрес вызова. Не знаю, сколько времени мы провели лежа на грунте, но и на этот раз все, как говорят, прокатило. Обстрел сместился куда-то в сторону центра города или дальше. Мы заняли свои места в машине и отправились на адрес. Но как это часто случалось в подобных случаях, в нашей помощи никто не нуждался. Мертвым она, как правило, не нужна.

Сразу же оттуда мы поехали на следующий вызов. Нужно было вернуться километра на 2-3. В 7-й больнице есть пострадавшие от обстрела. Как оказалось, после того, как мы проехали мимо этой больницы, когда ехали в Камброд, в нее и рядом с ней прилетело несколько мин. Одна из них упала прямо на дорогу, по которой мы ехали. Она проделала глубокую дыру в асфальте и приподняла его вокруг этой дыры.

В подвале седьмой больницы прятались от обстрела как больные, так и медики, работающие тут. Подсвечивая фонариком, мы шли по коридору подвала, переступая через лежащих на полу больных, постоянно извиняясь за то, что наступаем на ноги тем, кто сидит, правда, на это никто не обращал внимания. Люди тыкали пальцами на женщину, лежащую на каких-то тряпках, именно она нуждалась

в помощи. Возле нее суетились медики 7-й больницы, приводя раны в относительный порядок и подключая венный катетер. В её теле было несколько осколков, некоторые прошли навылет, оставив большие и рваные выходные отверстия. Мы сразу включились в работу, подключили капельницу, обработали и забинтовали раны, шинировали перебитое бедро. Через несколько минут она была готова к эвакуации.

Мы отвезли ее в областную больницу и сдали ее во вполне сносном состоянии. Что с ней было дальше – не знаю.

С областной мы получили вызов в военный городок бывшего училища штурманов.

Этот район города так же пользовался особым спросом у ВСУ. Сюда довольно часто прилетало. В кого они тут стреляли – непонятно. Военных, ополченцев тут и близко не было. Впрочем, с остальными местами города, куда они стреляли, дела обстояли так же. Основная цель обстрелов оставалась та же – это мирное население.

Мы остановились возле подъезда пятиэтажной хрущевки. Пейзаж не меняется – кругом все то же битое стекло, обломки и листья на земле. Подъезд открыт, по обломкам и стеклу мы поднялись на третий этаж, там бабуля двери открывает, деду, говорит, плохо. Мы проходим, стекло в спальне разбито, на кровати сидит дед, худой такой, в трусах и в майке, спиной к нам и вокруг него в крови все. Подошли, глянули, а ему осколок прилетел в рот и застрял в основании черепа. Но это ясно, деду уже все равно, но бабушку жалко было до слез. Она никак не могла понять, что деда больше нет. Не знаю, как описать, ее поведение было таким по-детски наивным, каким-то не правильным, что ли. Мы стояли и молча наблюдали за ней. У каждого в голове вырисовывалось какое-то свое понимание происходящего. Тут опять минометы навалили, мы бросили бабушку, так как ехать она, естественно,

отказалась и отправились на какой-то другой вызов. Да и тот был все из той же оперы.

В тот день из пяти вызовов без заезда помощь была оказана только на одном. Остальные констатировали до приезда.

Один раз приехали на вызов, встречают люди какие-то, как оказалось, соседи. Заходим во двор, кругом груши валяются, большие такие, красивые, ну и все те же листья зловещие. Захожу в дом, а крыши в доме нет, скорее всего, это была кухня. Куски потолка, шифера горой возвышаются посередине комнаты.

Присматриваюсь и сквозь толстый слой пыли постепенно начинаю видеть фрагменты чьего-то тела, точнее какие-то внутренние его части, потом начинаю понимать, что это собака, кричу соседям – это собака, это не человек. Они в ответ кричат, что должны быть и люди, моя бригада просит продолжать поиски, я лезу по пыльным обломкам дальше, выбрасывая куски разбитой мебели и обнаруживаю руку, лежащую на полу. Рука была маленькая, может, женская или подростка, остальное тело, как оказалось, лежало под почти метровым слоем обломков. Я попытался прослушать пульс, но пульса не было, от первого же прикосновения было понятно – это труп. Я вышел из этого дома, почему-то поднял с земли пару пыльных груш и молча сел в машину.

Очередной вызов был на квартал Шевченко. На этих сутках я работал санитаром с кардиологической бригадой. Мне нравилось с ними работать, во-первых вызовы интересные, заставляющие думать, во-вторых у спецбригады всегда есть чему поучиться. Повод вызова был – плохо, 90 лет. Вызов привезли ополченцы сразу после минометного обстрела того самого квартала.

Врач бригады – пожилая и очень грамотная женщина, которая всю жизнь отдала «скорой помощи» и недаром

работала на кардиореанимации. Мы подъехали к подъезду пятиэтажной хрущевки, перед которым, по-видимому, упала мина. Стекла на этой стороне дома отсутствовали, от балконов второго этажа остались только плиты пола, фрагменты железных перил, да и те были сильно повреждены осколками. Я взял ящик и вслед за врачом и фельдшером стал пробираться сквозь обломки балкона и битое стекло к подъезду.

На втором этаже в открытой квартире нас ждала 90-летняя бабушка. После разрыва мины под подъездом ее квартира превратилась в гору строительного мусора. Всюду валялись еще теплые осколки от мины, окон больше не было. На стенах отсутствовала штукатурка, ее отбили осколки. Бабушка сидела на диване у дальней от развороченного балкона стенки и потому отделалась легким испугом. Осколки стекла немного посекали ее, но это было не в счет.

Поняв, что внешних повреждений нет, врач стала мерить ей давление и обнаружила сильную тахикардию. Да и давление было высоким. В принципе – нормальная реакция организма на стресс. Но эти два фактора были прямым показанием для снятия кардиограммы. Я принялся распутывать провода кардиографа и готовить его к работе, тут очередная мина упала где-то во дворе, пятиэтажку тряхнуло, зазвенело стекло и пыль поднялась в воздух.

Мы без лишних слов поволокли бабу в ванную или туалет, не знаю, как это называется, когда ванна стоит в одной комнате с унитазом. Я заранее присмотрел это более-менее безопасное местечко. Захлопнув крышку унитаза, я усадил на нее бабу. В этом микроскопическом помещении мы, как ни странно, все поместились. На улице снова что-то упало, но в бабкином туалете мы были как у Христа за пазухой. Правда, там было темно, и я стоял одной ногой в ванной.

Вариантов не было, кардиограмму нужно было снимать. Пока я под светом телефона подключил все электроды

к древнему бабкиному телу, я множество раз то лез в ванную, то вылезал из нее, с горем пополам кардиограмма была снята. Частота сердечных сокращений стала еще выше. Пока мы возились с кардиограммой, перестали свистеть мины, мы не спеша вывели бабку из туалета и усадили на диван, пока врач решала, чем снять тахикардию, ее сердце остановилось. Она тут же обмякла и замерла в неестественной позе.

Замешательства не было, каждый хорошо знал, что нужно делать. Я рванул в машину за дефибриллятором, через считанные секунды уже стоял возле бабки с дефом в руках, но он был уже не нужен, бабка снова дышала, рядом с ней стояла врач, которая почему-то жестко выругалась. Не сдерживая улыбок, мы переглянулись – это был один из тех моментов, ради которых стоило работать именно здесь, на «скорой». Я снова накинул электроды, частота сокращений была в пределах нормы, бабка так и не поняла, что с ней случилось, ее клиническая смерть продолжалась около минуты. Несколько истерические, но точные, доведенные до автоматизма действия врача вернули ее к жизни. На этот раз победа была за нами, хотя так бывает далеко не всегда.

Приезжаю я очередной раз на работу. Разрывы гремят. «Укры» Камброд кошмарят. Дали мне одного, а точнее одну, врача. Фельдшер наш в бега подался, поэтому работать предстояло нам двоим. Врач – такая тетенька, лет 40-45, весом примерно таким же, и ростом как подросток. Но мы, как говорится, давно в Луганске, привыкли ко всему. Получаем вызов в восьмую поликлинику, это рядом с заводом Ленина. Повод вызова уже не помню, полтора года прошло. Но помню, что ехали быстро, скорее всего, что повод был соответствующий, адекватный быстрой езде. Мы летели по городу как раз в ту сторону, куда прилетало.

Подъехали к поликлинике, нас встречали несколько перепуганных человек, которые просили нас поторопиться. Я взял ящик и зашел в помещение. Пострадавших оказалось четверо, один из них был в подвале. Врач осталась с теми, кто был наверху, я пошел к тому, кто в подвале. Передо мной, указывая дорогу, бежал какой-то парень. За мной еще несколько помощников на тот случай, если придется кого-то выносить.

В подвале на столе сидел парень с повреждением ноги. Перелома я не увидел – поэтому шинировать не стал, с помощью помощников мы вынесли его из подвала к тем троим, которых обрабатывает врач. Трое из четверых оказались с шоком. У двоих были травмированы ноги, хоть видимых причин для шока не было, давление не прослушивалось. У одного из них осколком была раздроблена плечевая кость. Это был самый тяжелый пациент. Он работал водителем в этой самой поликлинике. Мышцы плеча непроизвольно сокращались, при этом сжимая плечо до размеров в два раза меньше, чем его естественная длина. Обломки костей травмировали мягкие ткани. Это вызывало жуткую боль.

Пока врач делала венозный доступ, я шинировал водителя лестничной шиной, предварительно забинтовав. Раньше я никогда с подобными открытыми переломами не сталкивался, сложность была в том, что нужно было остановить кровотечение и наложить шину. Кровь вытекала из множества отверстий, из этих же отверстий торчали обломки костей, и при этом никак не получалось расслабить мышцу. Наложить жгут было просто не на что. Но, в конце концов, все получилось. Хоть полноценно остановить кровотечение не удалось, но зато получилось поставить венозный доступ и компенсировать потерю крови.

Обстрел не прекращался, большинство посетителей поликлиники сидели на полу, в надежде, что осколок пролетит

мимо. В помещении сначала пахло тем, чем обычно пахнет после взрыва, потом этот запах сменил запах газа. Постепенно газ заполнял помещение. Люди стали паниковать. Кто-то пошел к месту, куда прилетела мина, и обнаружил, что поврежден газопровод. Сидеть в помещении становилось все опаснее. Люди стали покидать здание и бежать под бомбежкой куда глаза глядят. Те несколько человек, которые помогли мне выносить раненого из подвала, помогли погрузить всех четверых в машину. Погрузить это громко сказано, так как поместить троих лежачих больных в одну машину было не простой задачей, и думать, как это сделать, особо времени не было, один сел в кресло фельдшера, троих лежачих мы положили как попало друг на друга и на пол, пытаясь не слушать их крики от нестерпимой боли. Главное на тот момент было убраться из-под огня артиллерии.

Крепко досталось и первой больнице. Мина прилетела в отделение реанимации. Я приехал в больницу, привез туда какого-то больного. Стекол в окнах не оказалось, на втором этаже правого крыла больницы было видно попадание, может, мины, может, и снаряда. Прилетел он со стороны аэропорта. Среди битого кирпича и стекла на асфальте урчал генератор. Это говорило о том, что в операционной работали хирурги. Персонал был серьезно напуган. Кто-то говорил, что в реанимации перед войной сделали ремонт, что вокруг больницы полно воронок и что игра в русскую рулетку рано или поздно обязательно закончится дырой в голове. Но, к счастью, в саму больницу больше ничего не прилетало.

Еще один случай из жизни на «скорой помощи» застрял в памяти. Сутки были горячими в прямом и переносном смысле. Солнце жгло как в Судаче на горе Алчак. Минометчики в этот день были в ударе. Мины сыпались как из рога изобилия. Я снова работал с реанимационной бригадой.

Связи в городе давно не было, вызов привезли на подстанцию ополченцы. Повод вызова, кажется, был – плохо на пожаре. «Да, действительно, кому на пожаре может быть хорошо?» – подумал я и, сложив пополам карточку вызова, вышел во двор. Бригада тоже торопилась к машине. Вызов был в район 9-й городской больницы. Мы выехали за ворота и «против шерсти» поехали работать.

Место вызова искать долго не пришлось, столб густого дыма уходил высоко в небо, возле пылающего дома стояли машины МЧС. Через дорогу с пожарными рукавами в руках носились пожарные. Тепло от пожара я почувствовал метров за 20, не доежая до горящего дома. Из окон вырывалось пламя, крыша местами уже провалилась вовнутрь и где ее не было, языки пламени поднимались высоко в небо. Вокруг метались заплаканные соседки и озабоченные соседи. Увидев нас, командир пожарного расчета в полковничьих погонах подошел к нашей машине и сказал, что в помощи никто не нуждается – все погибли. По предварительным данным, это три человека. В дом прилетела мина, из-за которой и возник пожар.

Нас никто не держал, но пожар был еще не потушен, и я подумал, что там еще мог кто-то остаться в живых и, возможно, будет нужна наша помощь. Доктор согласился со мной, мы хотели немного подождать, вдруг где-то рядом легла очередная мина, типичного свиста от нее слышно не было из-за пожара, но грохот разрыва затмил треск пожара, тут же последовал еще один разрыв. Полковник рекомендовал нам уносить ноги. Я завел машину и задом попятился прочь к месту, где можно было развернуться. Мы выехали на Оборонную, я снова уперся ногой в педаль, машина быстро покинула опасный район.

Целые и невредимые мы вернулись на подстанцию в надежде получить, как говорят на «скорой», – «минуты», в простонародии это 30 минут обеденного перерыва. Но

диспетчер встречал нас на пороге подстанции с новой карточкой в руках. Карточка, как оказалось, была на тот же адрес, с которого мы только что приехали. «Значит, все же кто-то выжил!» – вслух подумал я и быстро зашагал к машине. Мы снова ехали по тому же маршруту. Встретил нас все тот же полковник. Будучи слегка удивлен, он спросил нас: «За чем хорошим пожаловали?» Нашему недоумению не было предела, видимо, этот же вызов привезли на подстанцию дважды. «Значит, живых нет?» – спросил я. В ответ он предложил нам пройти посмотреть на все своими глазами. Я надел перчатки и пошел за полковником. Просто не хотелось ехать сюда еще раз, мы решили удостовериться во всем сами.

Пожарные в грязных брезентовых куртках расчистили проход к входу в подвал. До попадания мины подвал этот находился под железным гаражом, но в гараж попала мина, железные листы разлетелись на внушительные расстояния, от гаража осталась посеченная осколками бетонная плита, которая служила полом в гараже и потолком в подвале. В плите был люк – вход в подвал. Я спустился в подвал, увидел там два лежащих вперемешку с обломками и засыпанных пылью тела – это были женщины, одна до 30-и, другая постарше. То, что они мертвы, сомнения не вызывало.

Я сканировал глазами пространство темного подвала, пытаюсь найти третьего, но третьего тут не было, в душе закралось – а, может, все-таки жив? Я быстро вынырнул из подвала и, выглядывая по пояс, криком спросил у пожарных: «А третий то где?» Один из них наклонился и сказал мне буквально на ухо: «Так вот он». Я стал присматриваться к куче мусора, лежащей передо мной на расстоянии вытянутой руки, все было одним цветом – цветом пыли. Поэтому не было заметно сразу. Среди обломков и пыли я увидел грудную клетку изнутри

и часть внутренних органов, перепутанных волосами и кишками. «Ну че? Нужна им помощь?» – спросил пожарный. – «Вряд ли», – ответил я, снимая перчатки. Пожарный провел меня среди дымящихся обломков, закурил и сказал, что эти люди не успели укрыться в подвале. Мина прилетела в тот момент, когда они спускались по лестнице. Погибли все.

Как-то дали нам перевозку. Перевезти нужно было раненого ополченца из второй больницы в областную. Мы приехали во вторую. На улице стемнело. Света в больнице, естественно, не было. На первом этаже, возле приемника было оживленное движение. Осмотр раненых врачи проводили прямо в коридоре под светом фонариков и телефонов. Тут же оказывали помощь. Все это напоминало муравейник. На падающие мины никто не обращал внимание. Но, надо сказать, что ни одна мина в больницу так и не прилетела, хотя вокруг нее было множество разрывов на незначительном расстоянии.

Мы пошли по коридору в поисках нашего больного и довольно быстро его нашли. Я вышел к машине, чтоб взять носилки, и столкнулся с женщиной, который просил о помощи. Он говорил с сильным акцентом, понять сразу, чего он хочет, было трудно. Видя мое замешательство, он взял меня за руку и потянул к своей машине. Если я не ошибаюсь – это был Рено «Кенгу» в грузовом варианте. Он открыл боковую дверь, и из машины выпали ноги. Тут же несколько, не знаю чьих, фонариков осветили грузовой отсек машины. На полу в луже крови, лицом вниз лежал мужчина, он был без сознания, с патологическим дыханием. Осколок, по форме напоминающий молоток без ручки, выбив зубы, влетел в рот и прошел где-то между артерией и шейными позвонками, таким образом, тупой конец «молотка» торчал изо рта, а острый – из задней стороны шеи, рядом с позвоночником.

Степень тяжести больного и характер ранения говорили о том, что во второй больнице ему вряд ли смогут помочь. В подобных случаях «скорая» госпитализирует пациента в областную больницу. Мне было ясно, что в областную повезем его мы. Я позвал своего врача, пока бежали по больничному коридору, вкратце обрисовал ситуацию. Через пару минут мы уже летели по Оборонной в сторону областной больницы, как говорят «с дудками и бубенцами». Честно говоря, мне не верилось, что мы доведем его до областной. Железяка во рту не давала возможности интубировать его и сильно затрудняла дыхание, плюс обильное кровотечение. Но, на удивление, довели. Возможно, моя память не сохранила бы этот случай, если бы он не имел продолжения.

Прошло несколько недель, может быть 4 или 5, я в очередной раз приехал во вторую больницу. Врач и фельдшер повели привезенного пациента в приемное отделение, я сделал отметку в путевке и ждал бригаду. Перед машиной топтались какие-то люди, среди них я замечаю парня, который стоит спиной ко мне, на его шее с левой стороны еще свежие рубцы. Вот это да!!! Неужели выжил? Рядом с ним стояла женщина, может быть – мать. Я не выдержал, опустил стекло и, не выходя из машины, спросил: «Эй, мужик, а зубы у тебя есть?» Все оглянулись, несуразность вопроса казалась феноменальной, но парень повернулся ко мне лицом и улыбнулся. Зубов не было. Это был он.

Женщина сразу поняла, что я не просто так спросил. На ее глазах появились слезы. Я понимал, через что им пришлось пройти. Она подошла и стала буквально засыпать меня вопросами. Парень с момента получения травмы ничего, естественно, не помнил, так как был без сознания, а я один из тех, кто мог частично прояснить ситуацию. Я рассказал ей все, что знал. Врач и фельдшер вышли из приемника и, не вмешиваясь, наблюдали за нашим диалогом,

пытаясь разобраться в происходящем. Парень стоял молча, скорее всего из-за невозможности что-либо сказать, женщина плакала и благодарила. Я был искренне рад тому, что наши усилия были не напрасны. На этот раз победа снова была с нами. «Бледная с косой» осталась ни с чем.

Героизм медиков, которые продолжали работать в тех условиях, невозможно переоценить. Я вспоминаю одного врача из областной больницы, до войны он работал в перинатальном центре, но война внесла свои коррективы. Все больничное начальство, вернее, большая его часть, разбежалось кто куда, бросив должности, кресла и заработанные исключительно кровью и потом коттеджи, таким образом он стал главным врачом всей больницы. Это молодой парень, до 30 лет, очень контактный, располагающий к себе человек, пользующийся большим авторитетом среди сотрудников. Я имел удовольствие с ним работать. Областная больница периодически пользовалась нашими услугами в качестве перевозчика, потому что свой парк машин у них не работал, вероятно, по тем же причинам.

Однажды меня, вместе с машиной, отдали ему в распоряжение. Нужно было перевезти три тонны плазмы из неработающих холодильников станции переливания крови в холодильники туберкулезного диспансера. Если я не ошибаюсь, там работали дизельные электростанции, которые приводили в действие холодильники. Как вы понимаете, это дело ждать не могло. Разморозка плазмы недопустима, а на улице жара за 40. Я подъехал к задней двери здания под загрузку. Когда-то до войны я проходил в этом здании курсы Красного Креста по оказанию первой медицинской помощи. Мысленно я уже нашел себе место, где можно спрятаться от осколков. Те из сотрудников станции, кто не подался в бега, встали цепью и начали погрузку.

Я находился в машине и укладывал ящики. Периодически, когда вой мин казался слишком громким, цепь

рассыпалась, ящики падали на землю, из них высыпались пакеты с мерзлой плазмой, потом снова все поднимались и продолжали грузить. Я даже не пытался вылезти из машины, потому что понимал, что не успею этого сделать. Минометы работали все время, пока мы грузились. Но к нам ничего не прилетело. Все три тонны влезли в моего «пыжа». Машина была забита ящиками до потолка. Нагрузка превышала предельно допустимую более чем в два раза, но целостность машины на тот момент была на последнем месте. Лишь бы доехала. Мы с этим доктором взяли одного человека, чтоб помог выгружать и поехали.

В диспансере никого не было. Весь двор был перепачкан минами, я с трудом проехал к месту разгрузки, петляя между воронками. Ящики носить нужно было метров тридцать по коридорам до нужного нам холодильника. И мы носили, быстро хватая ящики и забегая в холодное помещение, где было относительно безопасно.

Второй раз мне довелось ехать с этим же врачом на базу для получения медикаментов в район 3-го километра. Он взял с собой медсестру – мужиков у него под рукой не оказалось, поехала женщина.

На тот момент ВСУ пытались штурмовать город со стороны Роскошного, как раз то самое Лутугинское направление, на котором и находилась эта база. На стенах складов были многочисленные повреждения от попадания снарядов, на асфальте тоже имелись воронки, все говорило о том, что прилетает сюда регулярно. Охранник, который стоял на выезде, открыл шлагбаум, но рекомендовал нам не выезжать на открытые пространства базы. Находиться между двух домов было менее опасно, к тому же там были, видимо, заранее приготовленные укрытия из двух лежащих фундаментных блоков, которые придавали уверенности в себе. Пока врач занимался оформлением бумаг, мы стояли на выезде и слушали, куда упадет очередной снаряд.

Как-то особенно нервничала медсестра, страх одолевал ее. Бесконечные причитания сменялись молитвами и даже обещанием налить каждому по стакану спирта в случае успешного возвращения. Мы быстро загрузились и уехали, все прошло успешно, но от спирта мы отказались.

Я прошу прощения за возможные неточности в хронологии событий. Летом 2014 обстановка менялась стремительно и не всегда в пользу ополчения. Ополченцы несли потери, много было раненых и убитых. Караваны машин «скорой помощи» почти ежедневно уходили на Ростов с ранеными на борту. Почти каждую смену мне приходилось принимать участие в таких мероприятиях. ВСУ давили со всех сторон – с севера они занимали Красный Яр и значительную часть Большой Вергунки, западнее – Александровск и Екатериновку. С юга они занимали Георгиевку, восточнее – аэропорт. С востока была занята Станица Луганская. Бои шли практически в черте города.

Оставаться в городе было опасно, я вывез семью в село Кружиловка Краснодонского района, в этом селе прожили жизнь все мои предки по материнской линии. Будучи ребенком, я много времени проводил здесь. Хорошо знаю местность и местное население.

Немного позже, 13-го августа, украинские батальоны заняли Хрящеватое и Новосветловку. Бои шли в районе Острой Могилы, то есть практически в городе. Краснодонское направление было полностью перекрыто. Со стороны Станицы Луганской разведка ВСУ прощупывала обстановку в Николаевке. Оставалось 5-10 километров по птичьему полету между захваченной ВСУ Новосветловкой и пока еще ничейной Николаевкой. Это расстояние не имеет асфальтовых дорог в Краснодонском направлении, но полевые и проселочные дороги никто не отменял. Я, конечно, использовал знание местности и с относительно небольшим риском ездил в Кружиловку. Возможность видеть семью

для меня во все времена была крайне важна. Я думаю, что если бы мне пришлось переходить линию фронта для того, чтоб увидеть ребенка, я бы не задумываясь делал это, не смотря на все возможные риски.

Однажды я ехал на работу, из Кружиловки в Луганск, через Николаевку. Дорога шла вдоль лесополос, по полям и оврагам. Чтоб было понятнее, скажу, что река Северский Донец была разделительной полосой между территорией, контролируемой ополчением и украинской армией. Ландшафт местности был крайне выгоден для ополчения, так как правый берег реки, принадлежащий ему, находился выше левого, украинского метров на 150. Пара верно расставленных 120-х минометов могла сдерживать натиск целой армии. Но везде, где могла достать украинская артиллерия, она доставала. Воронки от их наугад падающих мин были повсюду. Но ездить, все же, было можно.

Я доехал до Николаевки, где был остановлен вооруженными людьми. Как оказалось, это были ополченцы. Они посмотрели мои документы, бегло осмотрели машину. В противоположном мне направлении стояло еще несколько машин с перепуганными беженцами. В Николаевке раздавались разрывы, стало ясно, что по этой дороге сегодня проехать вряд ли получится. Ничего не оставалось делать, я развернул машину и встал в хвост колонны беженцев. Один из парней сел ко мне в машину, вся колонна двинулась в сторону Краснодона. Не зная дороги, ополченцы повели колонну из села Пионерское в село Новокиевка. Дорога проходила непосредственно по берегу реки. Я понимал, что это крайне опасно и сильно нервничал по этому поводу. Обстрелять колонну могли в любой момент. От ВСУ нас отделяла река, ширина которой была около 70 метров. Но все обошлось.

Я сказал, что совсем не обязательно заглядывать тигру в пасть. Есть множество дорог, которые позволяют ездить

с гораздо меньшим риском. Эта возможность заинтересовала моего попутчика. Так я попал в Краснодон, как я полагаю, в один из штабов ополчения. Меня привели к командиру и оставили с ним наедине. Мы говорили довольно долго. Нам приносили карты местности, я рисовал на них дороги и возможные варианты проезда по полям. Позднее я несколько раз проводил по этим дорогам машины ополчения. Мне нравилось, что могу хоть чем-то быть полезен.

В один из тех августовских дней я очередной раз заступил на сутки. Почти сразу водителям нескольких машин была поставлена задача. Нам светила очередная командировка, связанная с вывозом раненых и больных, которым нельзя было помочь в наших непростых условиях, в РФ. Каждый суетился возле своей машины, кто-то заливал в бак солярку, кто-то тер стекла и, вероятно, про себя, молился.

В таких конвоях не всегда участвовали медики. Зачастую отправляли одного водителя и машину. При желании водитель мог взять с собой ящик, с которым бригада обычно ходит на вызовы. Так было, вероятно, потому что караван всегда сопровождали ополченцы, среди них всегда был медик, который мог оказать помощь при необходимости. Лишний раз рисковать бригадой особого смысла не было. Тем более, что всем пациентам уже была оказана первая помощь и на данный момент они находились на стационарном лечении.

За нашими пациентами мы приехали в Луганскую областную больницу. Мне посадили троих, точнее – двоих посадили и одного уложили на носилки. Один из них был сильно контужен, кроме головной боли его ничего не беспокоило, другой был прооперирован и находился в стабильном состоянии, не вызывающем опасения, и третий был в лежачем положении в тяжелом состоянии

с практически отгнившими ногами и с периодическим нарушением сознания. По всей вероятности, проблемы с сознанием у него были из-за сильной интоксикации от разложения ног.

Мы поехали. Тот, который был контужен, сидел рядом со мной, остальные сзади в салоне. Колонна двигалась на большой скорости, дабы снизить риск попасть под обстрел или еще какую-либо неприятность. Нам предстояло проехать через то самое незакрытое отверстие, в незамкнутом кольце окружения Луганска, шириной немного более 5-ти километров. Вероятность наткнуться на какую-нибудь диверсионную группу была довольно высока. Я надеялся на тот самый счастливый случай и он, как обычно, меня не подвел.

Сильно пыля, колонна шла по полевым дорогам. Мой лежачий пассажир постоянно стонал, стон переходил в крик, когда машину сильно трясло, но вариантов не было, нужно было ехать. Я ехал и напрягал мозги, пытаюсь понять, каким образом ранения ног могли запустить до столь ужасного состояния. Но мой контуженный пассажир открыл мне тайну. Оказалось, что этот мужичок с отгнившими ногами – пенсионер МЧС. Поскольку пенсионеру делать особо нечего, он частенько ездил на велосипеде к себе на дачу, которая находилась рядом с аэропортом.

Аэропорт тогда занимали ВСУ. По сути, дорога к даче шла мимо позиции ВСУ. Он много раз там ездил, его никто не трогал, но однажды звезды не сошлись и ВСУшники запихнули его в один из подвалов аэропорта. То ли за разведчика его приняли, то ли еще по каким-то признакам он им не понравился – не знаю. Судя по ногам, просидел он там довольно долго, сколько, он и сам не знал. По всей видимости, ноги ему переломали еще до того, как поместить в подвал. На самом деле раздробленные ноги – это было то, что первым бросалось в глаза, все остальное было не

лучше. Он весь был в бинтах, пропитанных желто-коричневой жидкостью со зловонным запахом, которая в простонародии называется гной.

Нужно все же отдать должное ВСУшникам, умереть они ему не дали и добивать не стали. Его погрузили в машину, подвезли на минимально безопасное расстояние к нашим позициям и на ходу выбросили из машины. Каким бы варварством это ни казалось, но это был единственный способ передать его нам, а значит – спасти. Наши, с той же степенью риска забрали его и отвезли в областную больницу. Там оказали максимально возможную помощь и отправили в Ростов.

Мы успешно проехали опасный участок дороги и приближались к переходу «Шахта северная», потому что дорога на Изварино простреливалась ВСУ. Машины на этом КПП не пропускали, но пешеходы ходили без особых проблем. Дорога к этому переходу во все времена была разбита настолько, насколько это только можно было представить. Выбирать передачи приходилось исключительно между первой и второй. Одно было хорошо – уже не было необходимости спешить. Машины, что называется, ползли, переваливаясь с борта на борт и постоянно цепляя ухабы днищем.

После трех часов мытарств мы прибыли на Северную. Все, кто мог, вышли из покрытых пылью машин. Я открыл все двери салона, чтоб проветрить машину и дать вдохнуть свежего воздуха моему лежащему на носилках пассажиру. Он почти перестал стонать и это было облегчением для меня и двух остальных моих попутчиков. Я стал спрашивать его как он себя чувствует, пытался заговорить с ним, чтоб оценить степень его тяжести. Корчась от боли, неохотно он отвечал мне, а я пытался найти место на руке, где можно было безболезненно померить давление. С давлением, на удивление, было все

относительно нормально, если мне не изменяет память, верхнее значение было 110.

Чтоб облегчить ему страдания, я предложил сделать ему кетанов в мышцу. Он согласился, тем более, что после последнего обезболивания прошло больше трех часов, и дорога сильно его потрепала. Глядя на него, я испытывал жалость, из-за тяжести состояния его речь была бессвязна, понять, что он говорит, было непросто. Он говорил, что простыни под его ногами давят ему и просил поправить их, но я не находил ничего, что могло бы давить. Еще около часа мы ждали машину с той стороны, я сидел рядом с ним и веткой отгонял мух от того, что когда-то было его ногами. Глядя на него, становилось ясно, насколько беспомощен человек и насколько ничтожна цена его жизни.

Захватив Новосветловку, украинские батальоны стали интенсивно изучать обстановку на прилежащих территориях и в ближайших селах. Не была исключением и Кружиловка. Я предвидел это. Было ясно, что 15-20 километров по птичьему полету преградой для украинской разведки не будут. На тот момент я уже имел некоторые заслуги в борьбе с ВСУ, поэтому осторожность была не лишней. Взяв с собой документы, всей семьей мы оставили дом в Кружиловке и пешком отправились в Станицу Митякинскую. Это территория России, Ростовская область. Митякинская от Кружиловки находится на расстоянии 4-5 километров через реку Донец. На лодке мы переправились на ту сторону и были в безопасности.

В ту же ночь, буквально как в сказке, в Кружиловку прибыла группа вооруженных людей. Соседи видели, как они осмотрели наш дом, светили фонариками в окна и говорили, предположительно, по-польски. Стоило промедлить всего несколько часов, и война для меня и моей семьи была бы закончена. Жизнь, скорее всего, тоже.

Вряд ли они приходили именно за мной, скорее всего в деревне был их осведомитель, который просто ткнул на меня пальцем. Возможно, я был не единственным, к кому они пожаловали. Сепаратистов в деревне было подавляющее большинство, некоторые воевали в ополчении.

Кружиловская переправа стала спасением для многих тысяч беженцев из Луганска. Лодочники работали круглосуточно. Что интересно, денег за переправу не просили – это было принципиально, но если кто давал, не отказывались. Российские пограничные службы на месте переправы установили БТР, скорее всего, из соображений безопасности и старались держать переправу под контролем. Хотя такой поток беженцев контролировать было невозможно. Многие пересекали границу без документов вообще.

Митякинская принимала беженцев в клубе. Это довольно вместительное здание, построенное в застойные советские времена, было на скорую руку приспособлено для проживания людей. В учебных классах поставили кровати, в коридоре сделали импровизированную кухню. Местные жители приносили сюда продукты и одежду, стараясь поддержать обездоленных. Сразу составляли списки, кто и куда хочет выехать на территорию РФ. Проживать в клубе можно было не более трех дней, предположительно в течение этих трех дней нужно было определиться, куда выехать. Вариант бегства для меня был неприемлем совершенно. Чем больше я видел эту войну, тем больше понимал, что мое место здесь, в растрепанном безлюдном Луганске – на «Скорой помощи».

Я стал искать возможность поселить семью где-то рядом с переправой, чтоб оставалась возможность ездить из Луганска и обратно. Вскоре нам предложили домик для проживания в селе Дурновка. Этот хутор считается окраиной Станицы Митякинской и находится в нескольких

километрах западнее от нее. С этого места дорога до переправы составляла около 10 км. Но я с радостью согласился на это предложение и по сей день очень благодарен женщине, которая нас приютила. Звали мы ее тётя Фрося. Милейшая женщина почтенного возраста приняла нас как самых родных членов своей семьи.

Каждые третьи сутки я должен был быть на работе. Чтоб добраться до Луганска, нужно было около двух часов пройти пешком, при этом переплыть Донец. Затем сесть в машину и проехать 50 километров по грунтовым дорогам, через несколько блокпостов, при том, что дорога в нескольких местах простреливалась с левой стороны Донца. Дорога занимала 5-6 часов. Но я ездил. По-другому быть не могло.

В таком режиме мы прожили полтора месяца. После того, как ВСУ были отброшены за г. Лутугино, я перевез семью обратно в Кружиловку.

Многие из тех, кто все же остался работать на «скорой» в Луганске, жили прямо на подстанции, из-за отсутствия газа и электричества готовили во дворе на собранной из красного кирпича печке, и из того, что привозили нам ополченцы.

Первое время, когда начинался обстрел, все, кто были на подстанции, сбегали вниз, в подвал, но позже поняли бессмысленность этого, так как обстрел длится недолго, и пока ты бежишь по ступенькам – он прекращается. Один из водителей «скорой помощи» имел боевой опыт, который получил на афганской войне. Звали его Костя. Небольшого роста, в возрасте около 50-ти лет, с довольно бойким характером, открытый и честный. Я на тот момент такого опыта не имел и часто присматривался к его поведению и к реакции на разрывы и выстрелы. Постепенно я, как и он, перестал просыпаться на одиночные разрывы. Костя отправил жену в Россию, а сам остался в Луганске.

Как и многие другие, жил он на работе, между сменами с остальными, свободными от работы мужиками, стучал по столу доминошками, не обращая на опасность никакого внимания.

Я приехал с вызова, записывал в путевку номер наряда и время приезда на подстанцию – для водителя «скорой» это обычная процедура. Костя и еще несколько человек в этот момент сидели в беседке, я хорошо слышал их смех. Вдруг засвистела и следом взорвалась мина. Разрыв произошел через дорогу от подстанции. Беседка оказалась в зоне поражения мины. По машине застучали осколки, первые мысли – что с теми, кто в беседке? Так близко к подстанции мины еще не ложились. Но тут я услышал удар доминошкой по столу и смех Кости. Все оказались целы. Осматривая потом место разрыва, я глазам своим не верил, что при этом никто не пострадал.

Мина легла между трамвайными рельсами, удалив из полотна куски рельсов где-то по метру с каждой стороны, осколки рельсов и мины прошли металлическую конструкцию пожарной лестницы. Стальные швеллеры были разорваны как будто это не сталь, а пластилин. Один из осколков пробил железную дверь на втором этаже и, пролетев по коридору, воткнулся в стену. Поражающая способность мины производила впечатление. Было понятно, что само понятие «бронезилет» – весьма условно.

Диспетчеры, которые принимали вызовы, при обстрелах просто падали на пол и лежали там, считая разрывы. Еще до войны так сложилось, что в диспетчерской сидели в основном одни женщины. Но и те немногочисленные мужики, которые тут были, с первыми минами исчезли не только со «Скорой», но и из города. Самыми стойкими и отважными оказались женщины. Практически все скоропомощное начальство так же исчезло. Вся структура формировалась заново. Каждый делал все, что мог, и при

этом каждый понимал, что на зарплату рассчитывать не приходится.

Из России пошли первые гуманитарные конвои. Это было серьезной поддержкой. Голода удалось избежать, но большой проблемой для горожан стало отсутствие воды. После дождя люди набирали воду из луж, под ливневыми трубами около многоэтажек стояли толпы людей с ведрами. На улице Барбюса и возле 3-й детской больницы в квартале Якира постоянно стояли очереди. Там каким-то образом можно было набрать воды из водопроводных колодцев.

Частники, у которых на участке была скважина, тоже собирали возле своих дворов длинные очереди. Собираться толпой было небезопасно, одна мина могла убить множество людей, но вариантов не оставалось – население с канистрами и тележками стягивалось к таким местам. Немного позже воду стали возить по дворам водовозами, которые опять же собирали людей в толпу – отличную цель для минометчиков.

В один из летних и беспокойных вечеров на подстанцию приехал наш бывший фельдшер, который воевал на стороне ополчения. Его товарищи, это была разведгруппа из 12-ти человек, при выполнении задачи были обстреляны противником во вражеском тылу. Группе удалось отбиться, но из-за нескольких раненых отход к своим позициям был невозможен. Они спрятались в населенном пункте – Красный Яр и по мобильному телефону просили помощи.

«Скорая» в этих обстоятельствах была нужна для оказания помощи уже эвакуированным раненым. Я согласился ехать. Моя бригада состояла из двух не робкого десятка женщин – врача и фельдшера. Мы прибыли на блокпост, куда должны были вывезти из вражеского тыла потрепанную группу. Операция по их эвакуации разрабатывалась буквально на ходу. Командир собрал подчиненных,

объяснил ситуацию и сказал, что на это задание пойдут только добровольцы. Добровольцев оказалось целых четверо. Дальнейшие действия обсуждались уже среди этих четверых и командира. Но военные в этой группе оказались еще те, они не могли дать точное место, где находятся. Ни карты, ни компаса, тем более навигатора, у них не было.

Тогда они вспомнили обо мне. Я хорошо знал местность и оказался единственным, кто мог понять, где они находятся. Мне дали трубку, через некоторое время общения с командиром группы я понял, где они есть. Оставалось теперь каким-то образом довести это добровольцам.

Тем временем командир прокричал команду готовить для выдвижения «УРАЛ», но тут же одумался. Ехать на «УРАЛЕ» было самоубийством. Большая и шумная машина была отличной мишенью. Они принялись искать подходящую легковушку, но быстро поняли, что легковушка не сможет вывезти такую толпу вооруженных людей. Я понимал, что я – единственное решение проблемы. Во-первых, я знаю куда ехать, во-вторых, моя машина хорошо подходила для этого дела. Я подошел к нашему бывшему фельдшеру и сказал, что готов помочь.

Я позаботился о светомаскировке, отключил питание многочисленных лампочек внешнего освещения и освещения салона. Приборную панель накрыл тряпкой и оторвал от рабочей рубахи светоотражающие полосы.

Глаза привыкали к темноте, я и мои попутчики, в числе которых был и наш бывший фельдшер, пересекли по мосту реку Луганка. Ехали медленно с открытыми в салоне дверьми и опущенными дверными стеклами для возможности вести огонь из машины. Заранее договорились, что в случае опасности все быстро покидают машину и исчезают в складках местности, оказывая сопротивление. По пути нам несколько раз пришлось проделать этот трюк. При каждом непонятном движении за бортом мы выскакивали

из машины и занимали позиции. Сделав это несколько раз подряд, мы научились покидать машину еще до того, как она остановится. Мне на всякий пожарный вручили ПМ. Точно как Никулину в «Бриллиантовой руке». Пару раз я стрелял из такого оружия в тире, но вряд ли смог бы им воспользоваться в полной темноте, не имея боевого опыта.

Я медленно ехал, объезжая препятствия, периодически падая то одним, то другим колесом в воронки от мин. Видимость была не более 5-ти метров, ночь была безлунная и безветренная. Мы ехали по улице Серова, никакого освещения улицы не было, в домах света тоже не было, людей, естественно, тоже не было. Днем здесь проходили активные боевые действия. Фактически мы ехали через линию фронта, в тыл противника. По пути встречались разбитые машины, какие-то обломки и поваленные деревья, но мы медленно и уверенно двигались к Красному Яру. Также по пути встретили машину, стоящую посередине дороги, ее водитель сидел за рулем, но был мертв. Я притормозил, проезжая мимо. Мои попутчики узнали его. Это был их знакомый, по всей видимости, погибший от пули снайпера. Местность была открытая и очень удобная для его работы.

Мы добрались до кольца 125-го автобуса в Красном Яру, это была конечная точка нашего маршрута. Дальше только пешком. Я загнал машину, вернее ее переднюю часть, в автобусную остановку, чтоб хоть с одной стороны она была не видна, и показал направление, где нужно искать группу. Трое моих пассажиров отправились на поиски, а я и наш бывший фельдшер остались возле машины. Мы отошли от нее и спрятались в зарослях так, чтобы в случае обнаружения машины противником, мы обнаружены не были. Фактически позиции ВСУ были на две улицы выше от нашего места нахождения. Только я подумал, что такая глухая тишина не свойственна этой местности, вдруг где-то

недалеко залаяла собака. Тут же, вероятно из Кондрашовки, последовал выстрел из миномета. Мина упала далеко от нас, но мгновенная реакция на шум меня впечатлила.

Мы просидели в ожидании ребят около часа, в конце концов они пришли. Решили не оказывать помощь раненым, пока не выедем туда, где можно будет включить свет, тем более что все члены группы шли своими ногами, никого на руках не несли. Так же медленно и по возможности аккуратно я поехал в обратном направлении. Двигаться назад было легче, чем туда, по крайней мере, я уже знал, где были препятствия и как их лучше объехать.

Все прошло успешно, выезжая к заветному мосту через Луганку, я включил аварийку, дабы не быть обстрелянным своими. На сегодня все. Лимит исчерпан. Я отдал ПМ и стал помогать извлекать из машины раненых. Некоторые из них уже не могли самостоятельно покинуть машину из-за потери крови и нарушения сознания. Пока мы ехали, была вызвана еще одна реанимационная бригада со второй подстанции. Самого тяжелого занесли к ним в машину и стали оказывать помощь.

Мои фельдшер и врач все это время сидели в машине ополченцев и переживали за нас. Теперь можно было выдохнуть. Все прошло хорошо. После оказания помощи мы вернулись на подстанцию, санитарки отмывали от крови машину, выбрасывая рассыпавшиеся по салону патроны, диспетчеры дали мне возможность до утра не работать, но уснуть я так и не смог.

Постепенно я обзаводился всякими знакомыми из среды ополчения. Так же были знакомые, которые занимались сбором и доставкой гуманитарной помощи. Иногда приходилось помогать им.

Сбор гуманитарки проходил приблизительно так – возле супермаркета в Воронеже ставили бортовую «ГАЗель» с объявлением о сборе помощи для жителей Донбасса,

люди, идущие в магазин, видели и «ГАЗель», и объявление. Многие, выходя из магазина, несли к машине то, что для нас купили. Несли все подряд, продукты, медикаменты, одежду. Эта «ГАЗель» ехала к границе, где всеми правдами и неправдами груз переправляли через границу в ЛНР. Несколько раз я встречал эту «ГАЗель» и доставлял все частями, на своей восьмерке, в Луганск. Затем развозил по адресатам.

Чаще всего это были ополченцы. Так я познакомился с экипажем танка, который прикрывал город со стороны Краснодона. Их посылка состояла из медикаментов, спальных, средств личной гигиены и консервов. Мне объяснили, как и где найти этот экипаж, поэтому труда это не составило. Я познакомился с экипажем и, через 15 минут общения мне казалось, что знаю я этих ребят не один год. Они помогли выгрузить груз из машины и, разложив картонные ящики на броне, по одному их вскрывали.

Груз оказался долгожданным и необходимым. Один из членов экипажа теперь мог сменить пляжные тапочки на новые берцы. Теперь у каждого был спальный мешок и каримат. Это было очень актуально, так как спать им приходилось на полу в подвале автошколы. Их машина – Т-72 – была спрятана за зданием автошколы на Острой Могиле. В случае необходимости могла выйти из укрытия, нанести удар и обратно уйти в укрытие. Как предполагалось, машина должна была держать две дороги – одну из Краснодона, другую – из аэропорта. ВСУ до этих рубежей не дошли где-то километр, однако экипажу довелось принимать участие в боях за Хрящеватое.

В одном из этих боев в машину почти одновременно прилетело три выстрела из РПГ-7. Командир танка, парень лет 35-ти, среднего роста, наш, местный, из Луганска. До войны работал в милиции. Без видимых эмоций показал пробоины в броне от попаданий гранат и рассказал

о событиях того боя. Из десятка почти одновременно выпущенных реактивных гранат в танк попали три. Попадание одной обычно уничтожает танк, зачастую вызывая подрыв боекомплекта. Пехотинцы, наблюдавшие за происходящим, были уверены, что машина была уничтожена, но когда дым рассеялся, они увидели, что машина не только движется, но и ведет огонь. То, что машина в норме, удивило всех, экипаж в том числе.

Подробности боя в его рассказе незаметно уходили на второй план, я трогал пальцами оплавленные отверстия в броне, и ко мне приходило понимание того, что этот человек хорошо знает, что чувствовал пилот камикадзе перед вылетом. В скором будущем я на себе испытал эти ощущения. Но об этом, скорее всего, будет написано в следующий раз.

По работе я часто ездил в областную больницу и на обратном пути заезжал к этим парням. Привозил им воду, сигареты, то, что приходило по гуманитарке на «Скорую» и чем я мог безболезненно с ними поделиться. Они тоже старались помочь, чем могли, если это было возможным.

Я не представлял, как можно жить в таких условиях, как они. Неделями спать на бетоне, питаться редко и чем попало, душ и стиральная машинка – это вообще из другой галактики. Но на самом деле все было гораздо проще – все эти проблемы просто меркли на фоне огромной вероятности сгореть в этом танке заживо.

Однажды я вез своим танкистам очередной гостинец, но в привычном месте их не оказалось. Я проехал к ближайшему блокпосту за областной больницей, чтоб узнать, где они. Оказалось, что все, кто мог держать оружие, готовились сегодня к штурму аэропорта. Мне сказали, где их можно найти, и я поехал.

Проехав с километр в сторону аэропорта, я увидел это «страшное войско». Их внешний вид вызывал что-то

среднее между истерическим смехом и паникой. 15 человек с разношерстным вооружением, почти все в гражданской одежде, большинство в пляжных тапочках, у некоторых была разгрузка, остальные рассовывали магазины по карманам. Да и сама публика была еще более разношерстна, чем их оружие. Один парень был лет двадцати с длинным хвостом волос, как у девушки, и в очках с толстыми линзами. Я еще подумал, что автомат ему, скорее всего, не пригодится, ну разве что пошуметь. Много было мужиков почтенного возраста, кому давно уже за 60. В общем, армию эта толпа не напоминала даже приблизительно.

Как оказалось, мои танкисты и еще один экипаж были уже на позициях и ждали пехоту. Ехать к ним было опасно, и я не поехал. Из закопченного чайника мне налили чаю, я сидел среди этой толпы и думал о том, что шансов у них нет не то, что аэропорт отбить, а просто выжить. Я только догадывался, что каждый из них чувствовал, уходя на эту задачу. Подошло время, чихая под загрузку подъехал БТР, за ними пару уазиков и несколько легковушек. Народ не спеша стал карабкаться на броню, помогая друг другу залазить и грузить оружие. Командир, жадно затягиваясь коротким окурком, покрикивал на людей, пытаясь ускорить процесс, но это не помогало. В конце концов, БТР стал вытягивать колонну, парни стали прощаться со мной, поднимая руку, я отвечал тем же, еще через полминуты я остался один. Все стихло, только кипящий на костре чайник говорил о происходящем.

Насколько я знаю, потери после этого боя действительно были существенными, но аэропорт был отбит. Возможно потому, что артподготовка оказалась эффективна. Тактических подробностей этого боя я так и не узнал. Но танкисты мои и в этом бою уцелели, они снова вернулись в точку постоянного дежурства к автошколе, и какое-то время находились именно там. Немного позже одного члена

экипажа я встретил в областной больнице. Он лежал там с ранением в живот. Оказалось, это была случайная мина, которая упала недалеко от машины. Кроме него никто не пострадал, он сам не сразу понял, что произошло. Танкисты находились возле машины, минометная атака, как всегда, была внезапна и потому оказалась результативной.

Вскоре тактическая обстановка поменялась, угрозы со стороны Краснодона не стало, танк с Острой Могилы перевели куда-то под Смелое. С тех пор нам так и не удалось встретиться. В одном из многочисленных боев весь экипаж сторел в своей машине...

Жизнь в Кружиловке существенно отличалась от жизни в городе. Особенно в комплексе с фактором отсутствия зарплаты. Поначалу очень аккуратно тратили последнюю зарплату и отпускные, но было ясно, что надолго их не хватит, вырисовывалась крайне неприглядная перспектива голода. Стали экономить еще больше. Ходили в лес, собирали землянику, яблоки, ежевику, в поле обрывали колхозную кукурузу. Несколько раз ходили за грибами, но то ли погода была не грибная, то ли мы такие грибники, так ни одного грибочка мы и не нашли.

Также большой проблемой было добраться в город на работу. Бензин для машины ушел в страну утерянных вещей. Ни в Луганске, ни тем более в Кружиловке, его не было. Автобус еще ходил, но поездка на автобусе в обе стороны стоила около 50-ти украинских гривен. Ездить на работу становилось невозможным. Нужно было что-то делать, ибо этот расклад меня в корне не устраивал.

Но вскоре жизнь сама расставила все по местам. Каждый раз, когда нужно было в город, я выезжал из Кружиловки на машине за 5 минут до того, как выходит автобус, забирал четырех его пассажиров и вез их по цене автобуса. Что-то заработать таким способом было нереально, но купить в Станице Митякинской бензин, чтоб ездить было

вполне возможно. За бензином нужно было идти пешком километра три-четыре, после того, как на лодке переплывешь Донец, ну и назад столько же. Это довольно тяжело мне давалось, но я ходил. Немного позже я привез из города велосипед и стал ездить на нем. В свою очередь множество людей из Луганска стали массово бежать из города, что сделало меня крайне востребованным перевозчиком и проводником одновременно.

Каждый раз после смены я уезжал из Луганска с набитой беженцами машиной. Незнакомые люди приходили прямо на подстанцию и просили меня вывезти их на границу с РФ. Как эти люди меня находили, я знал далеко не всегда. Слухи распространялись очень быстро, и потом многие беженцы были наши, работники «скорой помощи».

Но однажды я ехал один. Дорога в Кружиловку лежит через Острую Могилу в Краснодонском направлении. Остановка на выезде из города, как обычно, была заполнена людьми с большими дорожными сумками. Я подъехал и спросил: «Есть ли кто на Кружиловку?» Вероятно, из-за большого количества сумок, потенциальные пассажиры какое-то время соображали, что лучше – вазовская восьмерка или рейсовый автобус. Пока они соображали, на противоположную сторону дороги прилетела мина, она вошла в рыхлую обочину и взорвалась на какой-то глубине. Дорожное полотно от взрыва приподнялось наверно на полметра. Почти все осколки ушли под землю.

Разрыв напугал людей, но никто не был даже ранен. Я спросил у скованной ступором толпы: «Ну что, едем?» Ответа не услышал, пять человек без слов кинулись к машине и на удивление поместились вместе со своими баулами. Я успешно их вывез. Впечатлений было много. Каждый из нас понимал, что упали эта мина на полметра ближе к остановке, скорее всего, что поражение было бы стопроцентным, ибо дистанция была не больше двадцати метров.

В связи с военными действиями в Кружиловку перестали возить хлеб. Это была одна из немногих зависимостей от города. Ближайший хлебозавод находился в Луганске. Он не прекращал работу даже в самые тяжелые для города времена. Несколько раз туда прилетали мины и не только они. Кто-то из наших со «скорой» договорился с заводом о поставках хлеба для «Скорой помощи». Любой, кто работал, с утра мог заказать любое количество хлеба по цене 6 украинских гривен за буханку. К обеду его уже привозили. Цена не изменилась с момента начала войны.

Каждый раз, перед тем как ехать в Кружиловку, я покупал по 10 буханок хлеба и вез в деревню. Хлеб расходился до того, как я доезжал до своего дома, причем почти всегда бесплатно, потому что денег в деревне почти ни у кого не было. Еще довоенный уровень жизни тут был крайне низок. Деревня разрушалась в Украине на протяжении всех 25 лет. И достигла, как мне казалось, своего апогея в этой части. Все, что можно было украсть, – украли. Все, что можно было разорить – разорили и разрушили. Было больно смотреть на некогда цветущую деревню, превратившуюся в полную развалину.

Местные жители выживали за счет немногочисленного хозяйства и рыбалки. Видя наше нелегкое положение, нашей семье часто помогали, так как огородом мы не занимались и хозяйства не имели. Все понимали, что приезд сюда – это попытка спасти семью.

Активные боевые действия проходили в Станице Луганской и прилегающих к ней селах Макарово, Балатеново, Ольховая. Некоторые из них находятся на расстоянии менее 10 км от Кружиловки. На таком расстоянии грохот разрывов был вполне отчетливо слышен. Окна и стены домов постоянно дрожали. Также хорошо были слышны разрывы в районе Изварино. Это около 40 км по птичьему полету. Интенсивность обстрелов была чудовищна, несколько

суток грохот не прекращался. Но кроме грохота ничего в Кружиловке не напоминало о войне.

Деревня жила привычной неторопливой жизнью. Мы быстро привыкли к отсутствию электроэнергии. Где-то был перебит кабель, приблизительно пару месяцев деревня была без света. Спать ложились с наступлением темноты, вместо холодильника стали использовать старый, построенный в XIX веке, подвал. Купались в реке либо прямо во дворе, поливая друг друга слегка подогретой колодезной водой. Жена сильно переживала об отсутствии поликлиники и вообще какой-либо медицинской помощи. Но за все время, проведенное там, медицинская помощь нам так и не понадобилась. Чистый воздух и молоко соседской коровы исключало возможность болезней как таковых.

Однажды в селе произошел печальный случай. Один из местных парней, во время купания в реке, получил травму. Это был перелом шейных позвонков. На самом деле травмы подобного характера, к сожалению, не являются редкостью. Звали его Сергей. Был поврежден спинной мозг, что привело к полному параличу всего тела. Хирурги Луганской областной больницы взяли его оперировать. Район больницы в то время часто подвергался обстрелу с аэропорта. Операция шла под разрывы мин и рокот дизельгенератора. Но, как ни старались врачи, Сергей умер. Смерть в то время не от пули или осколка вызывала недоумение. Казалось, что естественной смерти нет вообще, и если удастся пережить обстрел, то жить будешь вечно.

Зная, что у меня есть машина и прицеп, родные Сергея пришли ко мне просить помощи в доставке тела из морга домой, в Кружиловку. Я и до их визита понимал, что эта миссия, так или иначе, будет лежать на моих плечах, и был готов. Я, моя жена Люба и родная сестра Сергея отправились в Луганск. Люба решила воспользоваться возможностью попасть в городскую квартиру, чтоб забрать

необходимые вещи и поехала с нами. Неспеша, мы подъезжали к Луганску. Многочисленные окопы и укрепления были по обеим сторонам дороги. Давно привыкший к таким особенностям местного пейзажа, я не обращал на это никакого внимания. Мое внимание было сосредоточено на дороге, опасность наехать на осколок мины и лишиться колеса была очень существенна. Любу же такие виды шокировали. Но это было лишь начало.

Луганск уже традиционно встречал канонадой. Мы приехали к областной больнице, въезд был свободен, никакой охраны не было. По мере приближения к моргу, все заметнее становился запах. Осколками мин в здании были выбиты практически все стекла. Неожиданно я встретил, уже знакомого читателю, своего товарища по «скорой помощи» – Костю. Он жил в общежитии в ста метрах от морга. Я вкратце объяснил цель своего визита, на что Костя сказал – идем со мной. Я сразу понял, что мой крайне коммуникабельный собеседник не мог не иметь знакомых среди работников морга.

Мы зашли через парадный ход. Я был готов видеть там все что угодно, но не то, что увидел. В фойе сидел санитар и играл на каком-то духовом инструменте. Причем, делал это достаточно профессионально. Увидев Костю, он мгновенно расплылся в улыбке. Они обнялись, невзирая на многочисленные пятна на его рабочей одежде, и санитар торжественно заиграл «прощание славянки».

Я пришел в себя только после того, как санитар спросил, чем он может быть полезен. Я протянул ему паспорт умершего, он глянул и сказал, что нет проблем. После того как покойника оденут – его можно будет забрать, но предупредил, что гробов нет. Те, кто ранее занимался гробами, пополнили ряды беженцев, да и лес возить было неоткуда, так как Станица Луганская была под контролем ВСУ. Видимо, заметив на моем лице крайнюю обеспокоенность

этим обстоятельством, санитар понял, что вопрос с гробом придется как-то решать. Почесав затылок, он предложил нам с Костей пройти за ним. Цепляясь за конечности лежащих на носилках трупов, мы прошли по коридору вдоль всего здания. Один гроб все же у него был, правда, не Бог весть какого качества. Но вариантов не было, мы и этому были рады. Денег взамен он не взял, но попросил съездить в центр города за гитарой.

Я оставил прицеп, Костя с санитаром шумно и весело сели в машину, мы поехали. За время моего суточного отсутствия в городе заметно прибавилось новых воронок, висящих, оборванных тралей и иных разрушений. Мы ехали к центру, не встречая ни людей, ни машин. На Острой Могиле, за зданием автошколы стоял танк, который прикрывал въезд со стороны аэропорта и Краснодона. Прямо на клумбе посреди перекрестка были вырыты окопы. Тут же, вверх колесами лежал какой-то автомобиль. Из его открытых дверей свисали обрывки подушек безопасности.

Мы ехали дальше, по улице Оборонной. За окном мелькали разбитые витрины автосалонов, еще один перевернутый автомобиль лежал на автовокзале, напротив супермаркета «Лелеки», прямо посреди дороги. По городу было много битой и брошенной техники. Сам магазин «Лелека» получил несколько попаданий мин в крышу и был сильно поврежден. Автовокзал тоже был поврежден. Куски кирпича, стекло и всякий другой мусор были рассыпаны кругом и хрустели под колесами. Тут же лежал, скорее всего, случайно сбитый броней столб ЛЭП. Такие случаи были не редки. Магазин «Фуршет» был частично разрушен, на здании имелись следы пожара.

Район автовокзала подвергался особенно жестким обстрелам, я думаю, из-за близкого соседства с военкоматом, в котором находилось одно из подразделений ополчения.

Но по иронии судьбы, в сам военкомат, насколько я знаю, было лишь одно серьезное попадание. Как результат – около 20 раненых. Сколько было убитых – не знаю. Мертвые – специфика не наша. Бригады вывозили их оттуда прямо под обстрелом.

В радиусе 1-2 км от военкомата было разрушено множество зданий и объектов инфраструктуры. Тут же было много раненых и убитых. Частный сектор от квартала Пролетариата Донбасса до ВАУШа (высшее авиационное училище штурманов) обстреливался систематически и страдали от этого исключительно мирные жители. Впрочем, это было визитной карточкой всей войны, всегда в качестве цели оказывались мирные.

Видавший виды санитар тоже не понимал происходящего. Понятно, что война, понятно, что убитые, но когда привозят куски детей, было дико и непостижимо даже для него. Это выходило далеко за рамки его профессионального цинизма и вызывало в нем бурю ненависти к ВСУ и Украине в целом. Я нарочно не разделяю ВСУ, добровольческие карательные подразделения и нац. гвардию. Для меня это все слилось в одном слове, в слове – Украина. Может, это не совсем объективно и корректно, но это так.

Люба молча сидела на переднем сиденьи, уставившись в боковое стекло, не обращая никакого внимания на наш разговор. Я не видел ее лица, но понимал ее моральное состояние. Точнее, думал, что понимаю. Всю дорогу она плакала, стараясь не поворачиваться к нам лицом. Я даже не думал, что психологическая травма будет столь серьезной. Еще несколько дней после этой поездки она не могла прийти в себя.

Мы забрали гитару и вернулись к моргу. Я прицепил прицеп и подогнал машину к пандусу.

Запах просто валил с ног.

В связи с отсутствием электроэнергии холодильники морга не работали, да и при всем желании такое количество трупов поместить в них не представлялось возможным. Несколько тел лежали прямо на улице. Заносить их было некуда. По асфальту кругом ползали опарыши, их было столько, что ходить приходилось, наступая прямо на них. Мне казалось, я слышал, как они хрустят под ногами. На одном дыхании мы погрузились и уехали. Как это часто бывало, ехали молча, каждый думал о своем. Машина пересекла железнодорожное полотно в Новосветловке, мы были в безопасности. Все прошло удачно.

В Кружиловке мы приехали сразу на кладбище, несмотря на то, что уже почти стемнело. Люди быстро собрались, чтоб проститься с Сергеем. В Кружиловке хорошо к нему относились. Он был из тех, кто обязательно поможет любому, кто нуждается в помощи.

Вскоре рейсовый автобус попал под минометный обстрел. Взрывной волной ему вынесло лобовое стекло и раздуло изнутри бока. Водитель не пострадал, но ездить больше не стал и ушел в запой. Пассажиры автобуса перестали выходить утром на автобус, и я лишился тех небольших денег, которые обеспечивали меня топливом. И Новосветловка, лежащая на пути в Луганск, вскоре была занята ВСУ, после чего и стали ездить по полям. Хрящеватое также было занято ВСУ и находилось на той же дороге.

Украинская армия продержала Новосветловку и Хрящеватое около двух недель. Жители этих сел в полной мере ощутили крайне враждебное к себе отношение бойцов «Айдара». Мирного населения для них в Донбассе вообще не существовало, отношение к мирным было приблизительно таким же, как к военнопленным – из ряда вон варварским. Местные, кто пережил этот кошмар, по сей день, спустя полтора года, вспоминают с неподдельным ужасом. Часть населения ВСУ посадили в автобусы и отправили

в Украину, остальные, кто не поехал, считались сепаратистами и не могли рассчитывать ни на какое снисхождение.

На переправе мне довелось общаться с беженцами из Хрящеватого. Их было пять или шесть человек, три женщины лет 50-ти, мужчина лет наверно под шестьдесят и двое подростков, если мне не изменяет память. Они проехали от Хрящеватого на велосипедах около 40 км. К велосипедам были прикреплены листы бумаги с надписью – «Мы погорельцы, помилуй господи!» Ополченцы налили им чая и накормили. Из вещей у этих людей была одна икона и то, что на них надето. Кто-то взял в руки камеру и стал снимать то, что они рассказывали об этих страшных днях. Это видео есть в Сети.

Ополченцы оставили село после ожесточенного боя, вернее, они просто погибли. В результате этого боя было уничтожено множество домов. Население пряталось по подвалам, некоторые погибли, попав под огонь артиллерии.

Одна из этих женщин рассказала, что ее соседка бежала в подвал, но мина упала буквально ей под ноги. Соседка погибла. Когда обстрел прекратился, женщина вышла из подвала и увидела части тела соседки. Ничего не оставалось делать, все, кто был в подвале, собрали останки и захоронили их в воронке из-под той самой мины, которая ее и убила. Они несколько дней провели, не выходя из этого подвала, опасаясь оказаться на месте соседки. Но потом, по каким-то причинам покинули подвал и пешком по степи пошли в Новосветловку. Вероятно, не зная, что там тоже закрепились ВСУ. «Айдаровцы» приняли их и поместили в новосветловской церкви, вместе с жителями самой Новосветловки. Никто так и не понял, для чего их там собрали. Но начался бой, церковь оказалась в эпицентре обстрела, ее древние, мергельные стены выдержали несколько попаданий снарядов.

Когда бой притих, айдаровцы стали по два-три человека выпускать людей на все четыре стороны. Наши беженцы тоже покинули церковь и побрели обратно в Хрящеватое. Когда пришли, увидели, что от села почти ничего не осталось. Воронку, в которой похоронили соседку, разрыли то ли собаки, то ли свиньи, которые контуженные бегали кругом вместе с недоенными коровами и прочей домашней живностью. Останки снова валялись по всему двору. Они опять все собрали, зарыли в ту же яму и положили сверху какой-то тяжелый бетонный обломок. Остановиться было просто негде. «Айдаровцы» безнаказанно выносили из дворов все, что могли вынести, грузили в грузовики и вывозили на свою территорию, одним словом – были сильно заняты и поэтому никакого внимания на этих людей не обратили. Пользуясь этим, они прошли по улице, собрали уцелевшие велосипеды и отправились на переправу.

Мне довелось проехать по дороге Луганск-Краснодон в первый же день после того, как ее разминировали. До этого выезд из города был закрыт. Сама дорога была усеяна осколками. Я ехал на первой передаче, со скоростью пешехода до самой Новосветловки, то и дело выходя из машины и выбрасывая в кювет остроугольные осколки всевозможных мин, снарядов всех мастей и частей ракет. Щиты дорожных указателей были как решето. Некоторые их части были разбросаны на дороге. Дорожные отбойники во многих местах имели повреждения, вероятно, в результате переезда их танками. Помимо сгоревшей и изуродованной военной техники, на дороге можно было наблюдать скелеты сгоревших легковых машин. По обеим сторонам дороги было множество воронок, сгоревшие поля пшеницы и обугленные деревья лесополос.

В течение двух недель знакомая с детства местность была изменена до полной неузнаваемости. Существенные повреждения были в самих поселках. Разрушенные дома,

поваленные опоры ЛЭП и водонапорные башни говорили о силе противостояния в Хрящеватом. Некогда цветущее село практически прекратило свое существование. Новосветловка поражала еще больше. Кругом черные от сажи развалины. Обломки танков, разбросанные в радиусе сотни метров. Глядя на рваную на куски многотонную броню и висевшие на деревьях гусеницы, прилетевшие сюда за несколько десятков метров от самого танка, теряешься в догадках – какая сила могла такое сделать?

Новосветловская церковь со всех сторон имела повреждения – купол отсутствовал, вокруг лежали горы кирпича и штукатурки. Конечно же, отсутствовал памятник Ленину. «Айдаровцы» привязали его к машине и таскали по селу. В конце концов, с криками «слава Украине», взорвали. Тут же стоит венок погибшему ополченцу. «Айдаровцы» привязали его к дереву, к машине и разорвали пополам. Венок и цветы лежат там по сей день. Так же, как и на разбитом танке ополченцев в Хрящеватом.

Взорванную машину специально не стали убирать. Лежащую рядом башню поставили на место, рядом с трассой сделали бетонную площадку и поместили на нее остатки машины, ставшей братской могилой для трех человек. Проезжая мимо, часто можно наблюдать возле этого танка людей. Вокруг машины полно цветов и венков. Один из членов экипажа был наш – луганский, точнее, камбродский парень. Если я не ошибаюсь, осталась его жена и двое детей. Откуда были остальные члены экипажа – не знаю.

Таких машин на этой войне были сотни.

При подрыве танка, попадания в него реактивных противотанковых средств или артиллерии, шансов выжить у танкистов практически нет. Очень часто в результате попадания в машину детонирует боекомплект самой машины, сила взрыва способна подбросить башню танка на несколько десятков метров в небо.

Вся Новосветловка усеяна воронками, глубина которых иногда достигает двух-трех метров. Новосветловский Дворец культуры представляет собой несколько стен, покрытых сажей. Спустя почти два года, там так ничего и не изменилось. Люди, конечно, стараются привести в порядок свое село, остатки разбросанной брони и сгоревшие машины убрали, строительный мусор собрали в кучи и вывезли, но убрать все напоминания тех жутких дней не получится еще долго. Село обстреливали запрещенным фосфорным боеприпасом. Потушить фосфор практически невозможно. Земля, на которую он попадал, по сей день белая, в радиусе нескольких сотен метров нет никакой растительности. Я думаю, что в ближайшие лет 20-30 и не появится.

В одну из смен в сентябре ко мне подошел начальник и попросил меня об одной услуге. Сразу сказал, что приказать не может, но просит. Суть вопроса заключалась в том, что нужно было поехать в Хрящеватое и привезти несколько трупов, которые пролежали под открытым небом уже около месяца. Вывезти их не удавалось потому, что айдаровцы их заминировали. Наконец, у саперов дошли руки и до них. После разминирования их нужно доставит в морг.

Мне дали старую потрепанную «ГАЗель», заправили ее и послали к пожарным для получения ОЗК (общевойсковой защитный костюм). Кто служил в армии, хорошо знаком с этим аксессуаром. В комплект входит противогаз, плащ, чулки и перчатки. Когда все это надеваешь на себя, никакие внешние факторы типа дождя, пыли и химического оружия на тебя не действуют никак. Ехать я должен был в этом костюме.

Я приехал в пожарную часть возле центрального рынка, долго ждал, но получить его так и не сложилось. Оказалось, что перед тем, как забрать трупы, нужно было сначала их описать. Сделать это должны были какие-то

представители милиции. И, как оказалось, сегодня они сделать этого не могут, так что меня отпустили на подстанцию. Но сам факт того, что после «Айдара» остались такие сюрпризы, заставляет лишний раз задуматься. Хотя и так все более чем понятно.

По воле судьбы мне довелось быть в гуще событий гражданской войны 2014 года в Донбассе. Я не был беженцем. И с первых дней войны понял, что являюсь свидетелем неординарных событий, которые не часто происходят на нашей земле.

Активное переписывание истории Украиной и ее заокеанскими партнерами заставили меня запечатлеть увиденное. Я не хотел бы, чтобы спустя много лет кто-то мог переворачивать историю с ног на голову. Хотя украинским СМИ это удается делать прямо сейчас, когда война еще не окончена.

События, происходившие в Луганске летом 2014-го года, коренным образом повлияли на сознание населения. После обстрелов практически не осталось сторонников единой Украины. Поведение ВСУ в Новосветловке, Хрящеватом, Станице Луганской не оставляло иллюзий. Медленно и уверенно все становились сепаратистами. Авторитет России в глазах населения неуклонно рос, в то время как Украина все больше подвергалась отторжению из-за неадекватных и преступных действий ВСУ. Не считая постоянного минометного террора, по городу работала артиллерия из Станицы Луганской, Металлиста, аэропорта и Большой Вергунки – это практически восточная часть города.

Несколько раз для обстрела города ВСУ применяли системы залпового огня. Эти системы не предназначены для прицельного огня, они накрывают значительные площади за счет большого количества ракет и обладают огромной разрушающей силой.

Одна из таких ракет РСЗО «Ураган» прилетела в квартал Гаевого, повредив детский сад. Детей в нем не было, так как время было позднее – около 23 часов. Одна из кассет разорвалась в частном секторе, при этом погиб молодой мужчина. Поражающий элемент весом в 1-2 грамма, внешне напоминающий отрезок алюминиевой проволоки длиной 1 см и диаметром 5, пробил железные ворота, дверь в дом, прошел сквозь тело этого парня и застрял в стене. Вызвали «Скорую», но прибывшая на место бригада констатировала смерть до приезда. Насколько мне известно, никакого отношения к ополчению он не имел. Не исключено, что был сторонником единой Украины. Но тех, кто нажал кнопку «Пуск», не очень беспокоили эти обстоятельства, равно как и то, что жертвой мог стать кто угодно.

Такая тактика ведения войны Украиной и приводила к существенным и ужасающим потерям среди мирного населения.

Для тех, кто все еще считает, что жертвы среди мирных на территории республик лежат на совести ополчения, со всей ответственностью заявляю, что лично являюсь свидетелем как минимум четырех обстрелов городов области и самого Луганска, которые привели к значительным разрушениям и жертвам. Сначала я видел откуда и из чего вели огонь, затем видел последствия. Все увиденное готов подтвердить в любом суде.

Применяемая ВСУ тактика, прежде всего, решала задачи новых украинских властей по удалению враждебно настроенного населения Донбасса. Таким образом, перепуганное обстрелами население было вынуждено бежать. Приверженцы Украины бежали в Украину, сепаратисты – в Россию. Те, кто остался с оружием в руках или без такового, подлежали уничтожению. В случае успешного военного возвращения свободной от населения территории Донбасса, враждебное население осталось бы в России,

дружественное вернулось, свободное жилье и землю раздали бы участникам АТО. При таком раскладе Донбасс стал бы действительно украинским.

Летом 2014-го года все так и вышло. Большинство жителей покинули свои дома. Первая часть поставленной задачи была выполнена, но оставшиеся в практически окруженном городе люди и его защитники не сдавались. На примере Новосветловки все понимали, чем грозит сдача города Украине.

Поддержка России была неоценима. Те, кто не сбежал из города, питались и одевались из гуманитарных конвоев. Из России возили даже воду. Работая на «Скорой», я трижды получал комплекты продовольствия.

Помогало не только государство Россия. Помогали отдельные граждане РФ. Выстаивая огромные очереди на таможне, сюда ехали частные машины, грузовики и микроавтобусы, везя сюда все – от военной снаряды до «памперсов». На разнокалиберных коробках часто писали слова поддержки и пожелания. Читая их, понимаешь, что ты не один, что русский ты не только по паспорту – ты часть большого Русского мира.

ЦЕНА КОРРЕКЦИИ

Рассказ

Одним хмурым утром

Он сидел на штабеле снарядных ящиков и чистил грязь из-под ногтей. Ножом. В голове было пусто. Мыслей не было вообще никаких.

Из коридора бывшей колхозной МТС, где нынче располагался их штаб, вышел заместитель командира батальона с позывным Шурави, он же Саныч, которого Он знал больше 20 лет.

Шурави тяжело присел рядом, достал пачку сигарет. Закурил и осторожно выпустил дым в сторону.

– Слышь, ты как?

Он продолжал вычищать грязь. Молча. Шурави положил руку Ему на плечо, затянутое жестокой тканью «горки».

– Может, в отпуск? Домой съездишь... – осекся Шурави, поняв, что сморозил глупость. Не было у Него больше дома. Час назад сообщили, что артиллерия ВС Украины нанесла очередной удар по Горловке. Погибли люди. В том числе жена и дочка командира разведгруппы одной из бригад армии ДНР, который теперь сидел рядом с Шурави и чистил ножом грязь из-под ногтей.

Дальше сидели молча. Из штаба выскочил молоденький посыльный и дернулся к Шурави, но заметив отрицательный жест, скрылся в полумраке коридора штаба.

Они сидели молча. Шурави выбросил окурочок, сразу же подкурил следующую сигарету.

– Завтра снова выход, под Авдеевку. Ты идешь старшим. К 3 утра будь готов, – затушив недокуренную сигарету, Шурави ушел в штаб.

Он продолжал ковырять ножом под ногтями, пустыми глазами рассматривая носки своих грязных ботинок. Модные тактические ботинки «Лова» купила ему жена, отдав еще в мае 14-го года за них немалую сумму в донецком военторге. Теперь они напоминали Ему о ней.

Ночью Он не спал. Бойцы группы прислушивались, готовые при малейшей тревоге кинуться на помощь, успеть выбить пистолет, приставленный к виску или гранату, прижатую к животу. Прецедентов хватало. Но Он лежал тихо и неподвижно. И дыхание было ровным. Постепенно все бойцы задремали, кроме дежурного у входа. Тот тоже неоднократно соскальзывал в тревожный полусон-полуявь, вздергиваясь головой при засыпании. Тревожно прислушивался к звукам в комнате, даже один раз подошел к Нему, проверить: а вдруг не дышит?

Но Он дышал ровно и спокойно. Дежурный тревожно покачал головой и осторожно вернулся на свое место.

Группа собралась быстро – война шла уже не один месяц. Те, кто выжил, вынужденно становились профессионалами.

Он жестами подгонял людей. И так не особо многословный, в последние дни он стал абсолютным молчуном.

– Попрыгали, – были его первые слова за сутки. Сам Он подогнал все снаряжение еще в штабе. Трофейная РПС была под завязку забита патронами, гранатами, аптечкой и прочими необходимыми вещами. В этот раз Он не взял с собой сухой паек. На вопрос старшины, только отрицательно качнул головой. На его место в «мародерку» улеглись пара пачек патронов и две Ф-1.

– Как знаешь, – пробурчал старшина, закрывая ящик.

В ночном мраке группа сосредоточилась в разрушенном здании. Через улицу начиналась нейтралка. Там 200 метров – и позиции «укров». На невысоком холме, по данным разведки, сидел артиллерийский корректировщик и, что неприятно, – очень грамотный корректировщик. Бригада сильно страдала от его деятельности. Сразу возникли проблемы со снабжением, заменой подразделений на позициях. А два дня назад один из снарядов залетел в бригадный медсанбат. К счастью, никто не погиб, но раненых было достаточно. Это попадание переполнило чашу терпения командования бригады. Вот оно и вызвало Его группу.

Они ползли в темноту уже два часа. Короткие рывки между руинами домов сменялись плавным, тягучим перемещением в увядающей осенней траве.

Очередная ракета взлетела с шипением в небо. Группа уткнулась лицами в землю. Пережидая засветку, они замерли.

Он лежал на осколках кирпича, не ощущая неудобства. Старые, исцарапанные наколенники чуть скрипнули по щебенке, когда он поменял положение тела и повернул голову в другую сторону. Уцелевшая стена дома была густо усеяна щербинами от пуль и осколков – бои в этой местности шли не один месяц. Сквозь пролом стены Он видел остатки серванта с зеркальной стенкой, густо осыпавшей паркет яркими блестками... У самого пролома лежала детская кукла в смешном голубеньком платьице. Одной ноги у куклы не было. «Осколок или пуля?» – лениво подумал Он. Потом с недоумением глянул на куклу еще раз.

«Какой еще осколок... Это у Светланки моей осколок. А этой просто кто-то, не заметив, наступил тяжелым ботинком на ногу. Жалко куклу».

Передовой дозор дал знать, что можно двигаться дальше. Группа заскользила дальше.

Вершина холма слегка выделялась на фоне темного неба. «Хорошо, что не нужно говорить. Можно вообще не открывать рот», – думал Он, жестами направляя своих бойцов.

Они охватывали высоту с трех сторон. Уже сделали проходы в минном поле, уже одна группа перекрыла тропу в тылу. По этой тропе на холм прибывала смена укров.

«Работаем», – сделал знак Он. Слева негромко хлопнул Винторез их снайпера Семена, щуплого, жилистого мужика откуда-то с Урала. Еще один хлопок.

«Чисто», – сделал знак Семен.

Пригнувшись, Он с двумя бойцами двинулся к вершине. Вот уже и первый окоп. Спрыгнув, Он развернулся вправо, напарник – влево. Стволы АКМов с ПБС нащупывали в темноте окопа шевеление, готовые плюнуть свинцом на любой шорох.

Прошла минута. Никакого движения. Третий разведчик замер у кромки окопа, прикрывая их сверху.

«Пошли», – сделал знак Он, указывая направление.

Под ногами тихонько скрипели доски паллетов, устилающие дно окопа. Он обратил внимание на стрекот сумасшедших сверчков и дальнюю канонаду.

«Хорошо, – подумал Он. – Скроет звуки».

У входа в блиндаж Он замер, вслушиваясь. Напарник присел на колено, почти касаясь глушителем плащ-палатки, закрывающей вход.

«Мир в зеленом цвете ночника выглядит нереально. Как в старых компьютерных мониторах», – успел подумать Он, откидывая полог плащ-палатки.

Тусклый свет дежурного светильника почти слепил в ночнике. Он разглядел лежавшие на дощатых нарах фигуры трех человек и без раздумий открыл огонь. Тяжелые пули вспороли камуфляж лежавших, негромкое кашлянье глушителя заглушили стоны и хрипы умирающих.

– Что ты делаешь? – схватил его за руку напарник. – Живой нужен! – прошептал он Ему в ухо.

– Вот тебе живой, – выдохнул Он, указывая столом на заворочавшегося в спальном мешке мужчину.

Напарник резво выдернул сонного пленника, стянул руки ему стяжками и заткнул в рот кепку.

– Уходить надо, – прошептал.

Он кивнул.

На улице из темноты появился третий разведчик. Знаком показал, что все в порядке и перехватил пленного. Вдвоем они вытащили украинского военного из окопа и принялись осторожно удаляться прочь от позиций.

Он задержался, осматриваясь в окопе. Ящики с боеприпасами, полочки с нехитрым кухонным скарбом и бывший когда-то дорогим ковер, покрывающий импровизированный стол из снарядных ящиков. Пока он осматривался, руки на автомате делали свою работу: две Ф1 легли ловушками под ящики с патронами и под тело убитого караульного.

В блиндаже раздалась трель телефонного звонка. Следом захрипела рация.

«Проснулись. Да только поздно, – злорадно подумал Он. – Пора отходить».

Мины завывли, когда они уже были на полдороги к исходному рубежу. На оставленном ими холме слышались крики.

– Уводите его! – крикнул Он, падая в так кстати попавшуюся ямку и разворачиваясь в сторону позиций украинских войск.

– Игорь, а ты!

– Отходите! – рявкнул он, высматривая в окуляр ПСО мелькавшие фигуры преследователей.

Истошный визг мины и вспышка совпали. Глухой удар и темнота.

Спустя какое-то время

Он открыл глаза. Яркий солнечный свет пробивался сквозь листву.

«Странно... Живой. И даже вроде ничего не болит. Может, парализовало?»

Он повернулся набок. Тело было легким, нигде ничего не болело. «Подожди, откуда листва? Ведь осень уже была?»

Он привстал, опершись наколенником на землю. Повертел головой, похрустывая позвонками. Не торопясь осмотрелся. АКМ валялся рядом. «Привет, друг», Он протянул к нему руку, пальцы в обрезанной перчатке коснулись металла. «Странно, а ствол еще теплый», – снова удивился Он. «Что же со мной случилось? Четко помню, прикрывал пацанов на отходе... Потом мина. Потом темнота. Но я-то целый, нигде ни крови, ни ран...». Он встал. «И откуда зелень?»

Похлопал себя по бокам, проверил РПС. Все было на месте. Патроны, гранаты, нож, аптечка – все лежало так, как всегда.

«Ладно, будем выбираться... Главное определиться, куда меня занесло».

Раздвигая стволом ветки, Он осторожно двинулся вперед.

Где-то впереди слышались голоса. Мужские. Несколько человек весело переговаривались, изрядно перемежая разговор матерком. Он замер на несколько минут, прислушиваясь.

Чем больше Он слушал, тем больше недоумевал. По всему получалось, что метрах в 20-ти от него, на небольшой полянке, несколько молодых мужчин устроили пикник. С шашлыками.

«Какой пикник, какие шашлыки!? Тут же война!»

Он осторожно приблизился. Сквозь листву уже можно было различить полянку и суетящихся на ней парней. Жарили шашлыки, накрывали на расстеленной плащ-палатке нехитрую поляну... Один, постарше, сидел в салоне

темно-зеленого «Опель-Вектра», древнего, но в очень хорошем состоянии и слушал музыку.

«Года 1993 Опелек, у меня такой же когда-то был... А музыка какая-то знакомая», – машинально отметил Он, но вспомнить сразу не мог. «Ладно, пацаны, видимо без оружия, явно мирные. Тупо жарят шашлыки и водочку бухают. Спортсмены видать, вон, все в адидасах...», – оценивал Он, рассматривая компанию. Мысли о неправильности ситуации он пока спрятал в глубину сознания, сосредоточившись на ближайшей задаче.

«Ладно, что я теряю... Надо выйти, поговорить», – решил Он для себя и шагнул из кустов. Переводя автомат за спину, он поднял руки:

– Эй, – голос вышел хриплым, похожим на карканье, – здоров, пацаны!

Появление его вызвало неслабый переполох. Один из молодых парней так резко развернулся, что упал на расстеленную плащ-палатку. Двое других отпрянули, а стоящий на коленях и нарезавший хлеб просто замер, судорожно сжимая нож.

Сидевший в Опеле старший плавным движением вынес ноги из салона на землю и замер, увидев автомат и набедренную кобуру со Стечкиным.

– Ох..ть, – выдохнул один из пацанов, – Это че, менты?

– Че, за нами? – стоящий на коленях начал лихорадочно оглядываться. – Как нас нашли!

– Заткнитесь! – рявкнул старший от машины, осторожно вылезая из машины. – Эй, командир, ты чего-то хотел?

Руку при этом старший держал за спиной.

– Шурави, он походу один...

Он замер. Всмотрелся в лицо старшего. Холодея, пришло узнавание:

– Шурави? Сергей Саныч Куропятников? Из Горловки? Старший реально удивился.

– Да, я. А ты меня знаешь?

Он пошатнулся. Потом и вовсе сел на траву. Посмотрел на Шурави.

– Сколько тебе лет?

– 26, – не понимая, что происходит, присел на корточки Шурави. – Эй, с тобой все в порядке?

Он спрятал лицо в ладони. Глухо спросил:

– Год какой?

Шурави удивился просто беспредельно:

– Командир, ты чего, больной?

– Год какой?! – заорал он. – Какой год сейчас?!

– 93-й, – отшатнулся Шурави. – Ты чего, псих?

Он откинулся на спину и стал смеяться. Просто хохотать до истерики. Внезапно рука коснулась холодной стали пистолета. И пришло протрезвление.

Он рывком сел. Шурави тем временем внимательно рассматривал его.

– Слышь, командир, а от тебя реально войной тянет. И автоматик знакомо пахнет...

– Шурави, может, он с Кавказа? – несмело подал голос один из молодых.

– Ага, а к нам он по воздуху попал? Да и снаряга у него какая-то незнакомая...

Он рывком выдернул пистолет. Шурави отшатнулся.

– Ээээ, ты чего?

Молодые замерли за его спиной. Один несмело попятился к машине.

– Пацаны, надо валить, надо...

– Заткнись, – не оборачиваясь кинул Шурави, – мужик, ты пистолетик зачем достал?

Он обвел безумным взглядом окружающую зелень, втянул запах шашлыка. Взгляд зацепился за номер автомашины с забытыми буквами «ДО...».

Рука сама поднесла пистолет к виску.

– Мужик, не надо, – раздался спокойный голос Шурави. – У тебя ведь, наверное, есть кто дома ждет. Дела не доделанные есть. А нажмешь курок – обратно не отыграешь.

«Никого у меня нет... Никого...» – пульсировала в голове мысль. И тут другая обожгла: «Недоделанные дела! Если сейчас 93-й! Еще ничего не произошло!»

Он открыл глаза и Шурави опять отшатнулся. Прежнее безумие в глазах непонятого мужика сменилось такой жгучей ненавистью, что она заставила поежиться бывшего сержанта 103 дивизии ВДВ, полтора года оттянувшего в ограниченном контингенте Советской армии в Афганистане.

Он резко встал на ноги. Привычным движением бросил пистолет в кобуру. Поправил АКМ, отряхнул брюки.

– Сергей... Александрович, – с усилием произнес он. Голос еще не восстановился. – Мне нужна машина. И деньги.

– Ох..ть! – Воскликнул один из молодых. – А пососать тебе не надо?

Руки все сделали сами. АКМ мгновенно оказался в руках, одиночный выстрел вспорол окружающую тишину. У ноги борзого пацана пыль взбила землю с прелой листвой. От неожиданности пацан свалился на товарищей, которые тоже оцепенели от неожиданности. Шурави с легкой усмешкой глянул на образовавшуюся кучу-малу.

– Сопляки... Но ты пойми. Тачка новая, брал за баксы. И отнимать ее – это полный беспредел. Так не делается.

Он подумал и кивнул. Перекинул автомат за спину, потянул манжету Горки.

– Вот. Это «Вашерон Константин». Каждые часы стоят не меньше 100 тысяч долларов. Я не шучу.

Часы эти вручил ему комбриг после боев в Дебальцево. Якобы, принадлежали они раньше полковнику СБУ, развернувшему контрабандный бизнес углем через линию фронта и попавшему в засаду из-за своей жадности.

– Не гонишь? – Шурави недоверчиво рассматривал часы, обратив внимание на их номер.

– Нет. Можешь проверить. Только сейчас... – он сделал усилие. – Сейчас их могут оценить только за границей, ну или в Москве, может, в Киеве.

– Найдутся люди, которые могут за границу выехать, – поднял взгляд на него Шурави. – Но это время. Неделю, две.

– Нет, – покачал головой Он. – Мне нужно сейчас.

Рука небрежно опустилась на пистолет.

– Сейчас, – повторил он.

– Ну, ты не дави так. – Шурави прямо взглянул в глаза. – И стволом не пугай.

Он сунул часы в карман.

– Добавь гранаты и пистолет с кобурой, и мы договоримся.

Он замер. АПС однажды спас ему жизнь, когда в тесноте рукопашной свалки здоровенный украинский сержант собрался размозжить ему голову каской.

С другой стороны, для того, что он задумал, АКМа должно вполне хватить.

Он присел у плащ-палатки и принялся выгребать содержимое РПСки.

Ночник, аптечку, две гранаты, патроны к автомату он оставил себе. В другую сторону он сдвинул все патроны к пистолету и 8 гранат. Отстегнул набедренную кобуру.

– Добавлю еще глушитель к Стечкину. Но за деньги, – протянул он Шурави увесистый цилиндр ПБС.

– Заметано, – явно оживился афганец. – Стечкин, моя ж ты лапочка...

С явным наслаждением Шурави крутил в руках пистолет. Оторвав взгляд от оружия, он взглянул на собеседника.

– Пошли... Черт с ней, с тачкой. Новую достану. Эй, пацаны, подберите гранаты и маслята, – приказал он молодежи.

– Управлять умеешь? – спросил Шурави, стоя у дверей, глядя, как новый хозяин автомобиля устраивается на сиденье.

– Да... у меня был такой, – вырвалось у него.

– Как это? Они же только появились? – удивился Шурави.

Он хмуро посмотрел сквозь лобовое стекло.

– Не спрашивай... Карта есть?

– В бардачке, – кивнул Шурави. – Далеко собрался?

– В Днепр, в смысле в Днепропетровск. Потом дальше.

– Понятно. Ну, деньги есть, кофту гражданскую надень, чтобы на постах не отсвечивать. Если что, дай гайцу 10 баксов и хватит.

Он завел двигатель, ощущая, как возвращаются давно забытые ощущения.

– Удачи, – поднял руку Шурави. – Чувствую, тебе она понадобится.

Глядя на удаляющийся автомобиль, к бывшему сержанту Советской армии подошли пацаны.

– Шурави, ты че... Можно ж было завалить этого психа, да забрать все себе.

Афганец насмешливо взглянул на спрашивающего.

– Дурак ты, Петюня, только и можешь, что железо свое тягать... Этого просто не завалишь. Это волчара еще тот, посмотрелся я на таких. Что там с ним случилось – не знаю, но не хотел бы становиться у него на пути...

Спустя неделю

Начальник убойного отдела уголовного розыска Днепропетровского ГУВД майор Соколов яростно ругался, глядя на суету экспертов.

– Б...дь, снова начальство мозги будет выносить! Опять контроль!

Подошедший капитан Шевченко понимающе взглянул.

– Что, опять заказуха?

– Судя по всему. – Соколов снова выругался. – Расстреляли из «калаша». С контрольным.

– Гильзы, следы есть?

– Да ищут, не хочу мешать. – Соколов уже спокойнее выругался и полез за сигаретами. – Твою мать, ну что ж такое! Прямо невезуха какая-то! Полгода до пенсии, а тут мокруха за мокрухой!

– Ну, что ж ты хотел... – меланхолично проговорил Шевченко, наблюдая за экспертами. – Мы идем в демократический новый мир, отринув отстойные пережитки социализма...

– Ты че, – покосился на него Соколов, – замполита переслушал?

– Да я его вообще не слушаю... – отозвался Шевченко и сменил тему. – Кого хоть завалили?

– Чинуша из облисполкома, Турчинов Александр Валентинович. Из бывших комсомольцев.

К ним подошел один из экспертов.

– Ну что, сыскари, заждались?

– Давай не томи... Что есть? А то сейчас генерал подъедет, не до работы будет. Хорошо хоть пацанов отправил обход сделать.

Эксперт закурил, и выдохнув дым, сказал:

– Четко сработано. Две пули в спину, очень близко, между ранами 5 сантиметров. Когда упал – контрольную в голову. И заметьте, – эксперт назидательно поднял палец. – Все это с дистанции, из автомата. А не в упор и из пистолета.

– Как определил, что первые в спину?

– Выходные на груди... Все разворотили.

– Значит, стреляли... – Соколов оглянулся, – оттуда? Со стоянки?

– Ага, – кивнул эксперт. – Там одну гильзу автоматную нашли, свеженькую.

– Одну?

– Не знаю, видимо, из машины стрелял, только одна выскочила, – пожал плечами эксперт.

– Что-то еще? – упавшим голосом спросил Соколов.

– Да так, мелочь. Маркировка странная. 270 – луганский патронный завод, но вот год выпуска – 99. Ошибка, видимо...

Спустя неделю

Начальник ГУВД Винницкой области с тоской смотрел на телефон. День не задался. С утра у него разрывались телефоны: звонили из министерства, из Нацбанка, из Министерства промполитики... Не считая звонков из обладминистрации и других местных органов.

– Ну почему? Кому он был нужен? Шоколадный магнат, б...дь...

В кабинет вошел начальник управления розыска.

– Ну что, давай рассказывай, а то у меня все телефоны оборвали!

Полковник сел и открыл папку.

– Так, свидетели показывают, что всю ночь под его домом стояла машина, темная иномарка. Когда потерпевший вышел из дома и подошел к своей машине, из иномарки, с водительского места по нему открыли огонь из автомата, очевидно, с глушителем, – полковник оторвался от папки и пояснил: – Выстрелов никто не слышал, водитель говорит, что только хлопки негромкие слышал.

– В результате, 5 попаданий в тело и одно в голову. Причем, гильз мы собрали только 3, – продолжил начальник розыска.

– Почему? – отсутствующим голосом спросил генерал, спрятав лицо в ладони.

– Видимо, остальные гильзы остались в салоне... – поджал губы полковник. – Перехват ввели, водитель иномарку получше рассмотрел, говорит темный «Опель-Вектра». Номера, естественно, не разглядел. Работаем по окружению, предполагаем бизнес-разборки.

– Все? – поднял голову генерал.

– Пока да, – выпрямился полковник. – Эксперты ствол пробивают, пока результатов нет.

– Ладно, иди работай. Буду в министерство докладывать...

Спустя неделю

В Главном управлении уголовного розыска МВД Украины уже объединили дела об убийстве в Днепропетровске и Виннице в одно. Важняк подполковник Алексей Курочкин пытался понять, что связывает двух людей, которых ничего до этого не связывало. Кроме одного автомата, из которого их убили.

– Маркировка еще эта непонятная на гильзах... – пробормотал он, разглядывая скинутые по телетайпу заключения.

– Леха, подъем! Твой ствол снова сработал! – в кабинет ворвался капитан Петров, напарник Курочкина.

– Во Львове вчера грохнули двух студентов. Одного медика, фамилия Тягнибок. Второй историк, фамилия Парубий.

– Твою... – подорвался Курочкин. – А куда ты спешишь?

– Едем во Львов. Шеф приказал. Медика вальнули утром, у дома. Город после этого закрыли. А историка вечером, возле института. Смекаешь?

– Хочешь сказать, убийцы еще там? – начал собираться Курочкин.

– Думаю да. Знаешь ведь, дело на контроле. Хотя, причем тут эти студенты... Давай, по дороге поговорим, машина во дворе ждет.

Спустя день

Он сидел в маленькой комнатке съёмной квартиры и чистил автомат. Привычные движения успокаивали. Наконец-то, за последние несколько недель, он никуда не спешил. У него появилось время поразмышлять.

«Почему все так случилось? Почему со мной? И смог ли я что-то изменить?»

Вчера он попытался выехать из города, но вовремя заметил на выезде плотные посты, которые тормозили легковые автомобили. А утром, выйдя из подъезда к машине, Он увидел возле нее патрульные «Жигули» и понял, что остался без транспорта.

«Жаль, что не успел до Киева добраться... Там тоже есть кого притормозить. А многие ведь еще молодые, школьники... Жаль, что не добрался», – он глотнул крепкого, почти черного чая из чашки и глянул пустыми глазами в окно. «И в Днепре не все сделал. Не нашел эту стерву. На курорт свалила, видите ли... Повезло тебе, Юлия Владимировна, повезло. Может, надо было подождать?»

Подумав, покачал головой: «Нет, не вариант. Уходить надо было. Ждать неделю – засветился бы. Это тут повезло, обоих в один день сработал. И вообще, чувствую, что время на исходе, скоро конец».

На лестнице послышались шаги. Осторожно выглянув в окно крохотной кухоньки, он увидел во дворе бойцов в камуфляже и с автоматами.

«Блин... Ну, вот и все... Сейчас начнут поквартирный обход и вычислят меня. Хотя... какая разница? Часом раньше или позже?»

Он приоткрыл окно и, выставив автомат в небо, нажал на спусковой крючок. Громкая очередь разорвала тишину окраинной Львовской улочки. Благо, ПБС Он снял, когда собрался почистить автомат.

– Третий этаж! – донеслось с улицы.

«Правильно, – согласился Он. – Давайте уже, рабочий день скоро закончится, а вам еще столько писать придется». Выставив автомат в окно, он снова открыл огонь. Грохот непрерывной очереди на весь магазин привычно оглушил, наполнил кухню едким дымом с таким знакомым и привычным запахом. Он с наслаждением вдыхал его. «Интересно, а там есть запахи? Скоро узнаю», – усмехнулся он. Звякнуло стекло, осыпаясь осколками. В кухню с жужжанием влетело несколько пуль. Он посмотрел на это, усмехаясь.

«Да, не донецкий аэропорт... Вот где пули летали роем...»

Осторожно переполз к входной двери. На первый взгляд, старая дверь производила солидное впечатление. Вообще, дом был какой-то надежный, обстоятельный. Только комнаты маленькие.

– Эй, на лестнице! – крикнул Он.

За дверью услышали.

– Слышим! Сдавайся! Гарантируем жизнь!

Он усмехнулся. Он давно умер. Гарантия прозвучала как издевка.

– Вы из «Беркута»?

Пауза. Потом чей-то жесткий голос ответил:

– Да. И значит должен понимать, шансов у тебя нет! Только сдаться.

– Львовский «Беркут»? – крикнул он.

– Да! – уже с нетерпением крикнули в ответ. – Чего ты муму е..шь?!

– Пацаны, я вас уважаю. Боевой товарищ у меня был из Львовского «Беркута», – он был искренен. – Отличный парень, жаль погиб.

За дверью озадаченно молчали.

– Парни, у меня тут граната, так что не надо врываться, не хочу, чтобы вы пострадали.

– А когда ты людей мочил, их тебе не жалко было? – раздалось из-за двери.

– Их не жалко! – закаменел Его голос. – Они заслужили! Жаль, до всех не добрался.

– Ладно, хватит трепаться, давай выходи!

Он снова усмехнулся. Встал, отстегнул и снял РПС. «Может, кому из бойцов пригодится. Нож еще, отличный Ка-Бар, я его как раз в аэропорту с украинского десантника снял. Ну, горка моя их вряд ли заинтересует».

Отложив автомат, выгреб все патроны. «Эти же парни ни в чем не виноваты. Так что не с ними мне в последний бой играть». Раздолбал прикладом ночник и выбросил осколки в мусорное ведро. «Вроде все».

Он осторожно подполз к двери и открыл замок.

– Не стрелять! – раздался крик на лестнице.

Он снова усмехнулся. «Ну вот, как раз последняя граната и пригодилась. Теперь уж точно последняя».

– Парни, запомните! Только на колени не вставайте, кто бы вас не пытался поставить! Мой товарищ до самой смерти простить сам себя не смог. Только на колени не вставайте!

Он разжал ладонь. С негромким щелчком отлетел спусковой рычаг запала. Чека осталась на ладони. «Мое последнее кольцо... Ну что, Ирочка, Светланка, я иду к вам! Тогда не удалось, значит сейчас приду. Видно, не зря меня отпустили на эти три недели...»

Бойцы на лестнице, переглянувшись, осторожно открыли дверь. Станный убийца, видимо, не собирался оказывать сопротивление, но и выходить не спешил. Стоявший на пролет ниже Курочкин толкнул в плечо старшего группы захвата.

– Чего ждем?

Тот замялся, потом махнул рукой бойцам:

– Пошли! – и в этот момент в квартире глухо бухнул взрыв.

Курочкин курил, присев на капот служебной «Волги». Из подъезда, не торопясь, вышел Петров.

– Ну что? – нейтрально поинтересовался Курочкин.

– В ключья. В угол отполз и, видимо, на себе взорвал.

– Из интересного что? – по-прежнему нейтрально спросил Курочкин.

– Гильз полно, все с этой странной маркировкой. Снаряжение интересное, он его с автоматом в угол сложил, все целое оказалось. «Беркута» там сейчас разбираются, но говорят, такого не видели. Ни в Афгане, ни в Приднестровье. Да, еще нож интересный. Похоже, штатовский, один «Беркут» сказал, что нож морской пехоты США.

– Да... Что докладывать-то будем?

– А что тут докладывать? – пожал плечами Петров. – Преступник был найден, окружен, при попытке захвата подорвал себя гранатой. Дело закрыто.

Курочкин щелчком отбросил окурок.

– Поехали в гостиницу, нечего тут торчать. Пусть местные бумаги оформляют.

– Поехали, что-то выпить хочется...

БОГДАН ШТЫБЕНКО

(Ростов-на-Дону)

В ДВУХ ЧАСАХ ОТ МИРА

Рассказ

Один день на границе.

Ростовская область, лето 2014 года...

Ночь выдалась жаркой. Во всех смыслах. Несмотря на завал на работе, к полуночи удалось вернуться из Новошахтинска домой, ополоснуться, впервые за сутки поесть и самое главное – вытянуть ноги.

Я открыл окно нараспашку, расстелил простыню на полу и быстро упал на спину, подложив под голову небольшую автомобильную подушку. Закрыв глаза. Зной удваивал усталость, опьянял и обессиливал. Но спёртый воздух стеснял дыхание и не давал уснуть. Да и всякие связанные с работой мысли постоянно лезли в голову.

Нехотя встав, сделал несколько приседаний и открыл холодильник. Да уж, ничего интересного, кроме лимонада. Хоть так. До краёв наполнив стакан холодным напитком, я подошёл к окну и высунулся наружу. Духота, температура – под тридцать градусов, ни ветра, ни влаги, ни намёка на дождь.

Попивая лимонад, я задумчиво смотрел на улицу, пронизанную тусклым желтоватым светом двух кривых фонарей, на серые соседние высотки напротив, на старые мрачные деревья с пожухшей листвой, на трёх молодых парней с банками пива, громко выясняющих отношения на скамье под подъездом.

Несуветно ревя мотором и разгневанно перегазовывая, где-то недалеко мчался мотоцикл. Стекло окна мелко задрожало под напором его необузданной мощи. Вслед за байкером медленно и лениво ехал любитель громкой музыки, басы которой заставили вибрировать всё вокруг, включая мою грудную клетку. Бу-бум, бу-бум! Интересно, водитель этого «дискомобиля» в наушниках ездит, или просто глухой? И по барабану им, полуночным фанатам красивой жизни, что люди с работы пришли и хотят отдохнуть.

Негромко пискнул телефон, доставлено сообщение от начальника Гуковского таможенного поста Ростовской таможни: «В 21:15 приостановили работу, личный состав эвакуирован. В районе сопредельного пункта пропуска Червонопартизанск идут боевые действия».

Как зыбок мир! Всего в двух часах езды отсюда идёт настоящая война, а Ростов живёт себе обычной жизнью и ничего в упор не замечает.

Всего два часа – и ты на войне, всего два часа – и ты в параллельном мире, живущем своими ценностями, радостями, заботами, проблемами, целями и задачами. Пахнущем кровью, гноем, потом, спиртом, гарью, порохом. Стонущем в бреду, кричащем от боли, плачущем от отчаяния, причитающем от немощи, молящемся в надежде, дрожащем в предсмертной агонии. Существующем как бы в стороне, поодаль, в другом измерении. Или – несуществующем вовсе.

Я разнервничался. Обрывки расплывчатых воспоминаний нахлынули неприятным фейерверком миномётного обстрела в Гуково двухнедельной давности. Тогда только быстрота реакции позволила нам с коллегой-пограничником не только спастись самим, но и организованно увести за собой и спрятать в лесополосе порядка тридцати журналистов.

Сполоснув опустевший стакан, я вытер полотенцем мокрый лоб, лимонад не охладил, а заставил меня вспотеть, стать неприятно липким. Лучше бы чай попил.

Ополоснувшись холодной водой ещё раз, я успокоился и быстро уснул.

В это время в приграничной полосе в районе пункта пропуска Червонопартизанск, у одноимённого шахтёрского городка Луганской области, с новой силой разгорелся бой между украинскими силовиками и ополченцами. Как я понял позже, разведчики ополченцев, пытавшиеся вести наблюдение за позициями украинских военных, были замечены и обстреляны из стрелкового оружия и миномётов. Открыв ответный огонь, ополченцы, вероятно, отступили в сторону садоводческого товарищества, крайние домики которого практически примыкали к российско-украинской границе.

Меня разбудил звонок телефона. Беспощадно ворвавшись в мой странный сон своей громкостью и назойливостью, он прервал поток нестабильных беспокойных мыслей, владевших моим мозгом крайние три часа.

Морщась от яркого света, я пытался посмотреть на экран мобильного. Входящий номер не определён. В последние дни даже давно известные мне журналисты довольно часто звонили из разных городов и с различных номеров, поэтому я нажал кнопку «ответить». Мужчина, недовольным голосом представившись российским журналистом, сказал мне о гулкой стрельбе в приграничье и спросил: нет ли повреждений или пострадавших на российском таможенном посту, расположенном в пограничном контрольно-пропускном пункте Гуково, и осуществляется ли пропуск физических лиц через границу. Мужчина этот, видимо, имел информаторов в Червонопартизанске, а может, черпал новости в украинских СМИ или интернет-блогах. Точного ответа я не знал, звонившего

журналиста не идентифицировал и решил не сообщать ему о вечерней эвакуации сотрудников таможенного поста. Заплетающимся языком я попросил звонившего обратиться в пресс-службу пограничного управления ФСБ России по Ростовской области, ибо за режим в пунктах пропуска ответственны пограничники. Тот недовольным голосом возразил, что пресс-атташе пограничников не берёт трубку, и грубо попрощался. Конечно, не берёт, улыбнулся я, и правильно делает, поспать-то надо немного.

В течение часа я принял ещё несколько звонков от журналистов, окончательно проснулся, попил чаю и почитал новостные ленты в российском и зарубежном интернете. Погладив форменную рубашку и брюки, взглянул на часы. Шесть утра. Ну что же, заканчивалась моя обычная ночь знойного лета 2014 года. До ста телефонных звонков в сутки, отсутствие сна, сладкий чай и беспокойство на подсознательном уровне стали её постоянными спутниками.

Ситуация с эвакуацией требовала подробностей, и часов в семь я позвонил начальнику Гуковского таможенного поста, задав вопросы об итогах ночного боя. Он ответил, что все живы и здоровы, а остальная картина сложится позже, что он уже в пути, и перезвонит, как доедет до поста и всё разузнает.

Солнце, прогнав остатки ночной тьмы, воцарилось на небе. Жара отвоёвывала позиции у иллюзорной утренней прохлады. Ростовчане, спешащие на работу, выстраивались в пробку на проспекте Стачек. Я, поднимая боевой дух, слушал ДДТ и Игоря Растеряева.

Добравшись до улицы Береговой, минут пять постоял на берегу Дона, любясь стальным красавцем – уникальным разводным железнодорожным мостом и проходящими под ним судами. Всегда удивлялся: как люди строили и строят подобные многотонные конструкции?

Поднявшись в свой кабинет, заварил чаю покрепче, поставил на зарядку обе батареи фотоаппарата и начал традиционный ритуал утреннего обзвона руководителей приграничных таможенных постов. Когда разговаривал с заместителем начальника таможенного поста МАПП Весёло-Вознесенка Таганрогской таможни, ночь которого также прошла беспокойно, поступил долгожданный звонок из Гуково.

Сразу набив услышанную от постовиков информацию в компьютер, я подготовил и распечатал новостной пресс-релиз для распространения в СМИ.

Утвердив релиз у начальника управления, получил задание сделать фотовидеофиксацию повреждений на посту в Гуково и ответить на вопросы журналистов о принимаемых таможенниками мерах для обеспечения беспрепятственного пропуска граждан, транспортных средств и товаров через границу в условиях, приближенных к боевым. Действительно, война войной, а таможенный контроль никто не отменял, и ребята на постах трудятся не покладая рук, зачастую рискуя своими жизнями. Сам видел и снимал, как инспектора под обстрелами беженцев спасали, как оружие с боеприпасами у несознательных элементов изымали, и быстро, и компетентно, и в рамках действующего законодательства. Принципиально важно, чтобы и общественность узнавала и понимала, что происходит на российско-украинском участке границы в Ростовской области, и как работают сотрудники контролирующих и правоохранительных органов.

На совесть, вот как!

Позвонил коллеге-пограничнику, сверил наши данные. Всё сходится. Перечитал текст ещё раз. «В 21 час 15 минут из-за начавшихся боёв в районе пункта пропуска Червонопартизанск (Луганская область) и вблизи российско-украинской государственной границы, сопредельный

таможенный пост МАПП Гуково Ростовской таможни приостановил работу. Личный состав был эвакуирован в безопасное место. В 6 часов 30 минут следующего дня, после прекращения боя вблизи границы, гуковские таможенники вернулись на рабочие места. При осмотре территории пункта пропуска и служебных помещений поста выяснилось, что осколками боеприпасов повреждена крыша навеса на линии оформления грузового автотранспорта, посечено осколками асфальтовое покрытие пункта пропуска и вентиляционный канал ливневых стоков. В целом инфраструктура таможенного поста сохранила работоспособность. Пострадавших нет». И разослал его в федеральные информационные агентства.

Снова созвонился и обговорил планы на день с пограничником. Дело-то одно делаем, общее, государственное. В связи с огромным количеством событий на границе и большими расстояниями, на преодоление которых тратится много времени, решили сегодня разделить, чтобы «объять необъятное». Договорились, что он поедет на пост в Весёло-Вознесенку, его техник отправится на Матвеев-Курган, а я в Гуково.

Определив круг задач подчинённым, захватив бронезилет, каску и фотоаппарат, я спустился во двор. Водителя сегодня выделили добросовестного, он уже ждал в машине. В десять часов мы покинули управление.

Ехать по федеральной автомобильной трассе М-4 «Дон» в июле 2014-го – удовольствие малоприятное: бесконечный ремонт дорожного полотна, качество которого колеблется от низкого до среднего, множество мостов и путепроводов в неудовлетворительном состоянии, обилие спешащих на море и с моря жителей центральной части страны, от усталости долгих поездок неадекватно реагирующих на происходящее. Поэтому мы спокойно сворачиваем на окольные пути: через Ленинанкан, Красный Крым,

Родионово-Несветайскую слободу и Новошахтинск. Так чуть дальше, зато быстрее и безопаснее.

За окном красивые жёлто-оранжевые поля радостных подсолнухов, сменяющиеся выцветшим ковылём бескрайних степей, пологие склоны неглубоких лысых балок, угрюмые красно-бурые холмы угольных терриконов, невысокие тонкие деревья в узких лесополосах – типичная картина Восточного Донбасса.

Конусообразные терриконы – рукотворные отвалы горной породы, оставшиеся после угледобычи, придают степным просторам незабываемый, фантастическо-марсианский вид. Каждый раз мне хочется остановиться у одного из них и, забыв о слухах о радиации и опасности осыпи, штурмом взять вершину и установить там флаг. Вот такое детское желание любителя гор и походов. Но на развлечения традиционно нет времени, и сегодня я с обычным сожалением осматриваю Несветайский террикон, представляя, как однажды я всё же покорю его, с рюкзачком за спиной поднявшись по осыпающемуся пыльному склону на неровную пурпурную вершину.

Подремать в дороге мне не позволят журналисты, то и дело названивая с допросами о ночной эвакуации, наличии пострадавших и просьбами предоставить фото- или видеоподтверждения обстрела российской территории. Всех просил немного подождать, и скинуть мне смс со своей электронной почтой, на которую надо выслать фотографии с поста.

А вот и город Гуково, основанный в конце XIX столетия как железнодорожная станция Ковалёво, соединившая крупную станцию Лихая с тогдашним центром Донецкого угольного бассейна – Дебальцево. Станцию переименовали в честь казачьего сотника в 1904 году и развивали благодаря обнаружению запасов высококачественного угля-антрацита.

Угледобыча процветала вплоть до Великой Отечественной войны. Затем, после почти десятилетнего перерыва, шахты восстановили, открыли трест «Гуковшахтострой».

Пятидесятые-восьмидесятые годы прошлого века стали расцветом Гуково. Профессия шахтёра считалась престижной, зарплаты были стабильно высокими. В городе построили Дворец культуры, строительный техникум, профессиональное училище, музей шахтёрского труда, бассейн, больницы, профилактории, стадионы.

С падением Советского Союза и разразившимся промышленным кризисом, шахты постепенно закрывались, доходы населения падали, Гуково вместе с двумя соседними шахтёрскими городками включили в список моногородов с наиболее сложным социально-экономическим положением.

На окраине города, в десяти метрах от знака «Гуково» и неподалеку от местечка «Шахта №26», у подножия небольшого террикона на ровном участке между двумя лесополосами сотрудниками МЧС России построен палаточный лагерь – пункт временного размещения вынужденных переселенцев из Украины. До пункта пропуска от него – ровно два километра.

В лагере спасателями организовано продовольственное и медицинское обеспечение. Есть душ, палатка с газетами и телевизором, развернуты полевые кухни. Работают психологи и сотрудники ФМС. Пару раз видел и священника в рясе. Много волонтеров и просто неравнодушных людей, привозящих воду, консервы, овощи со своих огородов.

Останавливаемся. Здесь дорогу перегородили двумя автомобилями пограничники. Дальше никого из гражданских лиц не пропускают – опасно, да и смысла ехать нет – пропуск через границу на неделе не осуществляется по причине отказа впускать и выпускать людей украинской стороной.

Выхожу из машины, оглядываюсь. Как обычно, очень много женщин с детьми. Есть и совсем груднички, и дошколята, и те, кто постарше. В надежде услышать что-нибудь интересное, старшаки шатаются на площадке возле грузовиков спасателей. Рядом стоят легковушки с украинскими и российскими номерами из самых разных регионов страны. Сегодня вижу номера краснодарские, московские, волгоградские, воронежские и липецкие. Обычно с желанием найти и увезти своих близких подальше от войны, в лагеря беженцев приезжают родственники. Кроме того, беженцы ежедневно уезжают отсюда вглубь России не только с родней, но и организованными группами на автобусах.

– Как дела? Кормят нормально? – спрашиваю у лысого пацанёнка лет четырнадцати в шлёпках и грязных шортах.

Он, не отрываясь от игры в телефоне, хитро на меня покосился:

– Ага, трёхразовое питание, – и засмеялся. – И суп горячий на обед дают. Иди, в столовку, там у нас печеньки есть, конфеты, пряники, чай. Всё на столах. Хочешь?

Вернулся старший пограничного наряда. Показываю ему служебное удостоверение и командировочный. Нас пропускают дальше.

Едем в напряжении. Молчим. Граница в непосредственной близости – в десяти метрах слева, за тонкой лесополосой и железной дорогой.

Через открытое окно слышен не только вой шин и скрежет кузова, подпрыгивающего на ухабах, но и пение птиц. Или мне просто очень хочется слышать это пение.

Подъехали. Слева, перед пустующей площадкой для стоянки служебных автомобилей, пограничники вырыли небольшой окопчик. Справа, за основательной на вид автобусной остановкой, ещё один. Окопчики пусты, бронетранспортёра, который обычно здесь прячется внизу – в капонире в поле под остановкой, тоже не видать.

Наверное, БТР сегодня стоит внутри пункта пропуска, укрытый со всех сторон административными зданиями.

Прошу водителя сразу развернуться и припарковаться за остановкой так, чтобы машину не было видно с высокого террикона – господствующей высоты, возвышающейся над полями и посадками в промышленной зоне Червонопартизанска в двух километрах отсюда. Подозреваю, что там оборудован наблюдательный пункт украинской армии, и пост наш – как на ладони. Примерно через год после описываемых событий я нашёл во Всемирной паутине фотографию МАПП Гуково, сделанную кем-то с вершины этого террикона. Пост и вся округа на многие километры, действительно, просматриваются полностью.

Водитель послушно выполняет мою просьбу. Он не первый раз со мной на границе и тоже всякого повидал.

– В пункт пропуска лучше не заезжать. В случае обстрела машина может пострадать. А отсюда – дашь сразу по газам, точно не попадут, мной уже проверено.

– Понятно, я слышал, что тебя тут дважды миномёты накрывали. Весело! А сколько ты сегодня здесь пробыть планируешь? – спрашивает шофёр, зевая и открывая дверь. – Я сейчас чайку из термоса хлебну, перекушу бутербродами. Поспать успею?

– Часа два точно пройдёт. Ешь, спи, отдыхай.

– Договорились, – он обошёл машину, потягиваясь и приседая. Лицо белое, встревоженное, копна растрёпанных волос взмывала вверх и лихо опускалась в такт приседаниям.

– Ну, давай!

– Удачи! Я пока перекурю, – закинув сигарету в зубы, осторожно озираясь, он присел на корточки между машиной и остановкой. – Знаешь, дружище, не люблю я эту дорожку вдоль посадки! Взмок весь! Спина мокрая, рубашка и штаны – хоть выжимай! Носки даже от пота

промокли, – сознался водитель. – Еду, а сам в мыслях ма-
тот крою и войну эту проклятую, и себя – за то, что сюда
попёрся, и дорожников – за разбитый асфальт, и дере-
вья – за красоту, и машину – за вонь солярки! И солнце
вдвойне костерю – за то, что жарит и сплит! А доехали,
и сразу – жизнь хороша, и солнышко теплом греет, и ко-
фейку глотнуть хочется, и сигареткой подымить! Люблю
я покурить под кофе!

– Согласен, будь проклята эта война!

Широкие металлические ворота в пункт пропуска за-
крыты на замок. Для сложившейся обстановки – самое
правильное решение.

Из помещения ЧШ-1 (часовой у шлагбаума), обложен-
ного рыхлыми мешками с песком, выглянула симпатичная
пограничница лет тридцати.

– Вам на пост? Документы при себе? – уточнила она ско-
роговоркой.

– При себе, – потянулся я в карман за удостоверением.

Женщина, по уставу упакованная в защитный шлем
и бронежилет, быстро вышла из своего укрытия, отодви-
нула засов и приоткрыла ворота:

– Быстрее. Ко мне туда забегай! Чтоб не прибили!

Я протиснулся в будку сквозь едва приоткрытую
дверь. Пограничница, заперев ворота на засов, поспе-
шила за мной.

– Ну, давай, скорее, я запишу, и пойдёшь, – протарато-
рила она, снимая каску и раскрывая журнал. – Фу, жара,
невыносимо просто!

В углу окошка, за стоящими на столе рациями, я заме-
тил маленькую бумажную икону.

– На днях я приезжал, её там не было, – я указал на ико-
ну. – Можно я посмотрю?

– Да, смотри, конечно, можно, разрешается, – погранич-
ница, окончив дела, убрала журнал в ящик стола. – Это

утром сегодня, когда бой там, за лесочком, закончился, когда стихло всё, к нам раненые ополченцы вышли. Без оружия, с документами, всё по закону, как положено. В Россию попросились. Ну, мы оформили, пропустили. Один из ополченцев, с перевязанной рукой, вроде как старший он у них был, мне эту икону и протянул. На, говорит мне, возьми, сохрани, в благодарность к русским пограничникам. Я, говорит, тоже пограничник, хоть и бывший, зато советский. Я и взяла. А он мне руку жмёт и продолжает: «Икона эта нас с самого Донецка берегла и много раз в бою спасала. Пусть теперь на посту будет, пусть бережёт всех, кто здесь служит». Вот так!

– Ясно. Спасибо вам за историю, – осторожно повертев икону в руках, я вернул её на место. – Знаете, кто изображён?

– Нет, не знаю. Не поняла ещё. Военный какой-то, но молодой очень, – женщина пожала плечами. – А ты знаешь?

– Знаю. И многое могу вам рассказать. Это икона мученика – воина-пограничника рядового Евгения Родионова. Она символизирует крепость воинского духа, верность Отечеству, совершение подвига за веру свою.

– Ого, мученика, говоришь. Он что, спас кого? Или погиб? Почему на иконах-то его пишут? – удивлённо всмотрелась в икону пограничника.

– Да, Родионов погиб. Родился он 25 мая 1977 года в Пензенской области. Призван в армию летом 1995 года, в Калининград. В январе 1996-го направлен в Кавказский особый пограничный округ, в Назрановский погранотряд. Служил на административной границе Ингушетии и Чечни, недалеко от Бамута. Это такое стратегическое место, за которое шли бои весной и летом 1995-го, а потом в мае 1996-го. Только 25 мая 1996 года Бамут окончательно перешёл под контроль российской армии.

– Как произошло? – женщина приподняла бронезилет над телом, поддев снизу за лямки.

– В феврале 1996-го вместе с тремя товарищами Родионов попал в плен. Его жестоко пытали, предлагали отказаться от нательного крестика, сменить веру. Взамен обещали свободу. Но Евгений отказался и был зверски убит. Через сто дней плена, в день православного праздника Вознесения Господня, рядовой Евгений Родионов был обезглавлен боевиками.

– Обезглавлен, – подавленно прошептала прапорщик. – Вот нелюди! Изверги... А как всё случилось? Как в плен-то попал?

– Во время боевого дежурства парни остановили «скорую помощь». В машине сидели опытные боевики так называемого «бригадного генерала Чеченской Республики Ичкерия» Руслана Хайхорова. Они применили оружие и захватили молодых пограничников в плен.

– Да... Кошмар... Представляешь, а матери какво? Я сама – мама, – расстроено покачала головой женщина. – Сын у меня подрастает...

– После исчезновения бойцов с поста, их сначала объявили дезертирами, мол, сбежали. И мать Евгения, Любовь Васильевна, приехала в Чечню его искать. Она несколько месяцев бродила по сёлам и вышла на известного бандита Шамиля Басаева. Тот пообещал ей найти сына. Но, как обычно, слово он своё не сдержал. Вместо этого боевики из его банды жестоко избили женщину и бросили умирать на дороге.

– Выжила? – осторожно, еле сдерживая в голосе дрожь, спросила пограничница. – Не томи. Неужели не выжила?

– Выжила. Вернулась домой, заложила квартиру, с деньгами вернулась на Кавказ и заплатила боевикам, чтобы они показали ей место казни и захоронения сына. Они показали.

– Опознала?

– Да. По самодельному нательному крестiku на его обезглавленном теле.

Мать забрала останки с собой. То, что останки действительно Евгения, подтвердила и официальная экспертиза в Ростовской лаборатории. Годы спустя мать передала этот крестик на верёвочке, заляпанной кровью, в один из Московских храмов, а сына похоронила в Подольском районе Московской области возле церкви Вознесения Христова. Родина, когда узнала правду о Родионове, посмертно наградила его орденом Мужества. Но важнее то, что для многих участников боевых действий на Кавказе Евгений стал символом мужества и чести. Не только в России, но и в Сербии, где о нём узнали от наших десантников, выполнявших свой воинский долг на Балканах.

И не только в узком кругу ветеранов войн его почитают, для простых людей Евгений тоже герой. Иеромонах из Алтая составил молитва мученику рядовому Родионову. Многие певцы написали песни, поэты сочинили стихи, а режиссёры сняли фильмы, – я задумался. – И, кстати, вспомнил, церковная комиссия отказала в канонизации Родионова из-за отсутствия достоверных сведений о праведной жизни и мученической смерти. Могут ошибаться, но иконой, по христианским канонам, изображение Родионова не считается, и креститься и молиться перед ним, целовать его изображение священники не будут. Однако самодельным, как эта, иконкам с изображением Евгения, которые появились в армии ещё во время второй чеченской, приписываются магические свойства. Люди верят и чтят его поступок...

– Хм, вот, значит, какая Родионов... личность. А у нас как всегда – отказали! Да... Странно, что нам на службе об этом герое не рассказывали, упустили...

– Уверен, ещё расскажут, обязательно! Придёт время!

– А ты что, пограничником в Чечне служил? Откуда про Родионова столько знаешь?

– Все, кто интересуется темой современной военной истории России, – помнят о подвиге Евгения.

– Вот теперь и я буду! А на Украине-то откуда им знать? Украинец мне эту икону подарил, и он явно понимал, чьё изображение!

– В Днепропетровске лет десять назад сделали документальный фильм «100 шагов в Небеса» и крутили по телеку. Я его видел в Интернете, отличный фильм, рекомендую. И, если не ошибаюсь, в Харькове в честь Евгения построили храм иконы Божией Матери «Взыскание погибших». Не знаю, правда, что с ним теперь станет, после всех этих событий с Крымом, Одессой и Донбассом.

И ещё, важно, что ушёлёпок Хархороев в 1999 году сдох от ран, полученных при нападении на дагестанский Ботлих. Горит в аду. А на месте казни четырёх пограничников в лесу под Бамутом стоит поклонный крест, который местные жители не только не оскверняют, но и содержат в надлежащем состоянии.

– Да-а-а, – пограничница громко вздохнула, размышляя о чём-то своём, – жуть!

В раздумьях она согнулась так, чтобы между бронежилетом и телом образовался зазор, и запустила руку под форму. Нащупав свой нательный крестик, пограничница вытянула его за цепочку. Аккуратно уложив крестик в ладошку, она по-женски заботливо и нежно посмотрела на него и, обернувшись, бросила выразительный взгляд на изображение Евгения Родионова. Лицо её озарило волнующей красотой. Она перекрестилась.

– Ладно, пойду, работать пора, – я приоткрыл дверь. – Хорошего вам дня!

– Давай, беги! Идти пешком – не советую, поверь, – предупредила прапорщик, незаметно смахивая слёзы с глаз. – Кто знает, что там у этих украинцев на уме!

Прижимая фотоаппарат к телу, чтобы дорогостоящая техника при беге не раскачивалась и не повредилась, ударившись о бронежилет, я поспешил к центральной и самой массивной постройке в пункте пропуска – двухэтажному зданию автовокзала, в котором находились кабинеты руководства поста.

У служебного входа, прикрытые слева зданием, по фронту – высокой баррикадой из мешков, набитых песком, справа – будками паспортного и таможенного оформления на линии контроля легковых автомобилей «на выезд из России», стояли двое таможенников. Все остальные должностные лица дежурной смены находились в городе, подальше от границы. Будучи откомандированными в железнодорожный пункт пропуска Гуково – Красная Могила, они занимались другими делами.

– Доброе утро, пресса, – улыбаясь, инспектора крепко пожали мою ладонь. – Опять кино снимать будете?

– Будем. Что ночью было? Кто проведёт, покажет и расскажет?

– Сейчас начальника позовём, он всё разрулит. Только я лично не уверен, что там можно гулять и фотиком щёлкать, – отозвался таможенник постарше, с крупной родинкой на щеке. Его вспаханный морщинами широкий лоб напрягся, брови налезли на глаза. – А здесь вот и тень под навесом, и защита.

– Все повреждения – на «въезде в Россию», на той стороне вокзала. Там никакой защиты нет, ни мешков, ни блоков, в случае обстрела – не спасёшься, – как бы огибая здание рукой, показал второй таможенник. Высокий и худой, он согнулся под тяжестью бронежилета, а лицо его словно отвисло и растянулось под весом каски и массивного подбородка. – Не первый раз там всё осколками усыпано. Они, вроде как, пристреляли это место!

– О, а вот и начальник, – кивнул мне первый. – Заметил вас, сам идёт.

Начальник таможенного поста, полковник таможенный службы, был человеком грамотным, уравновешенным и неторопливым. Он улыбался мне хитрой улыбкой человека, который всё знает, но ничего никому не скажет, сохранив секреты потомкам.

– Привет. Добро пожаловать, – полковник приветливо развёл руки в стороны. Улыбка поспешно исчезла. – Зачастили к нам. Может, ну его, этот пыльный и душный Ростов? Может, к нам переведётесь? На свежем воздухе под пение птиц работать – одно удовольствие!

– Ага, и под радостный свист мин, пуль и снарядов – то в подвале сидеть, то с поста когти рвать, – засмеялись его подчинённые. – Ну, сами же попадали здесь в замес!

– В каждой шутке есть доля, – раскланялся я, – давайте поработаем.

– Надо спросить погранцов, выяснить, какая у них информация по текущей обстановке. Давайте, зайдём и уточним, – начальник поста показал на дверь, ведущую к блоку кабинетов пограничного контроля. – Сегодня у них замначальника за главного, нормальный мужик.

Дверь тотчас распахнулась, на ступеньках показался искомый нами заместитель начальника КПП, улыбчивый и рассудительный майор крепкого телосложения. Общаясь с ним раньше, я отмечал его радушие и профессионализм.

– Здравия желаю! Мне ещё утром наш пресс-атташе звонил, что вы приедете и снимаете. Для общего дела. Думаю, сейчас вы можете это сделать, пока тишина. Информация об обострении обстановки отсутствует, – он крепко сжал мою ладонь и пристально посмотрел в глаза. – Действуйте. Желательно быстро, но без суеты.

– Рисковать не будем, – разумно заметил полковник, – пройдем через здание.

Мы вышли на линию контроля легковых автомобилей «на въезд в Россию». Навес, шлагбаум, два тесных помещения с компьютерами, на которых таможенники совершают операции, – открывают временный ввоз автомобилей на территорию Таможенного союза. В десяти-двенадцати метрах вперёд – забор из тонкой металлической сетки-рабицы с колючей проволокой поверху. В десятке шагов за забором – плотный кустарник и великовозрастная лесопосадка, это уже Украина.

Я включил фотоаппарат и отснял валяющиеся на асфальте осколки. Самый крупный из них – сантиметров десять в длину, два в высоту и полтора в ширину – лежал точно посреди надписи «STOP» перед широкой чертой стоп-линии, под поднятым шлагбаумом.

– Похоже, что мина разорвалась в «зелёнке». Может, ополченцы отступали, а украинская армия их обстреливала. А может, я ошибаюсь. Трудно предположить.

– Крыша навеса цела. Значит, осколки прилетели не сверху, а сбоку, то есть взрыв был не близко, – вслух подумал я. – А где ещё повреждения?

– Там, нам направо, в сторону ЧШ-2. На полосе контроля грузового транспорта. Той, где смотровые ямы и лестницы-мостики. Навес там продырявило и вентиляционный канал ливневых стоков, – начальник поста бодро зашагал к месту оформления грузовиков.

Я поспешил следом. Миновав дорожный знак «Движение прямо», подумал о водителе. Спешно набрав его номер на мобильнике, отправил мужика в город. Пусть в спокойной обстановке, в Гуково поест и поспит, чего зря рисковать. Будет нужен, позвоню, и приедет.

Запихивая телефон в кармашек на бронежилете, боковым зрением заметил ровное пулевое отверстие на оббитой алюминиевым листом хозпостройке (очистное

сооружение) – узкой будке двухметровой высоты с вентиляционной трубой-грибком на плоской крыше.

– Что за? – я остановился и нашёл ещё одно пулевое отверстие. – Не пойму, для чего и кто сюда стрелял?

– Я тоже не пойму, – покрутил головой полковник. – Смысла нет.

– Да вот же, – я дотронулся до стального равнополочного металлического уголка, в сечении напоминающего букву «Г», вбитого перед хозпостройкой в землю, – видите!

– Раз, два, штук пятнадцать выбоин! Ничего себе, – подсчитав количество выщерблин на толстом металле, воскликнул полковник. – Пристреляли! Снайпер? – с сомнением в голосе прохрипел он.

– Думаю – да! Вон, – я развернулся и возбуждённо указал на террикон, – там он на вершине в окопе сидит! Я бы там позицию занял! И, на всякий случай, отлично пристрелял винтовку. Замечательное местечко для снайперской пары, ничего им не мешает! Жаль, бинокля нет под рукой, я бы их сейчас разглядел.

– Обалдеть, – полковник сокрушённо покачал головой. – Мы у них, как зайцы на мушке!

– Нет, нет, тихо, дайте сообразить! До террикона – два километра! Для СВД далековато, у неё прицельная дальность 1200-1300 метров. И вряд ли обычный украинский армейский среднестатистический снайпер сумеет попасть оттуда в эту железяку... Точно знаю, что у ВСУ есть ещё швейцарские винтовки V&T SPR300 и финские Sako TRG, но у них примерно схожая прицельная дальность.

– Ну и?

– Смотрите, он попал точно в кусок размером пятнадцать на пять сантиметров. Это – ас! Может, там что-то посерьёзнее у стрелявшего? И оружие, и прицел, и дальномер. Американская Barrett M90? Нет, она крупнокалиберная! Хотя пару дней назад я находил здесь пулю калибра 12.7

миллиметров, помните? Я показывал вам! Большая такая! Со слегка сплюсненным от удара о бетон носом и следами нарезки от ствола! Я ещё сказал, что она от пулемёта ДШК, и что на излёте скорее всего была!

– Да откуда всё запомнить? Столько всего каждый день нового, – брови полковника выгнулись дугой.

– Откуда он пулял? Не с дерева же!

– С дерева или с луны, он нас и сейчас превосходно видит, – заключил начальник поста. Щёки его порозовели, лоб покрылся испариной. – Пойдём-ка отсюда! Не хочу быть дичью!

– Секундочку. Возможно, там и миномётные расчёты, за кустами, сразу под терриконом. Они, фактически, трижды били в одни и те же места! Ага, думаю, здесь, – я повернулся и ткнул пальцем в лесополосу за забором, – должен быть корректировщик. Возможно, и не один. Хотя, может, и никого нигде нет, – успокаивающим жестом я остановил свою красноречивость.

Сделав несколько снимков, я огляделся вокруг и зашагал к начальнику поста, уже дошедшего до невзрачной постройки с большими окнами, похожей на киоск по продаже газет. Это операционный блок, в котором работают инспектора, проверяющие документы у водителей грузового автотранспорта.

– Вот, целый дуршлаг вместо кровли, – полковник обратил моё внимание на россыпь отверстий на навесе над линией контроля. – Всевозможные формы и размеры, выбирайте.

Я поднёс фотоаппарат к лицу, чтобы через оптический видоискатель повнимательней рассмотреть отверстия, приблизив их вращением объектива. Но плотно прильнуть к видоискателю мешала каска. Я снял её и, держа в левой руке, правой – поднёс фотик к глазу.

– Да что такое, – недовольно пробормотал я, нагнувшись и поставил каску на асфальт. – Одной рукой удерживать

камеру ровно не получается, неудобно. – Объектив тяжёлый, рука дрожит.

– Я бы посоветовал вам ускорить рабочий процесс, – начальник поста – тёртый калач – осмотрительно встал так, чтобы закрыть себя от террикона помещением для инспекторов, а от лесопосадки – одним из столбов, на которых держался навес. – Украинцам, может, не очень понравится ваше размахивание руками и исследовательские похождения по посту.

– Минутку!

Отсняв испорченный осколками навес, я вышел из-под него на солнце и, в поисках выбоин и осколков, стал изучать асфальт. Ничего нет. Странно. Где осколки, продырявившие металлический профнастил? Шаг вперёд, шаг в сторону, поворот влево, поворот вправо, нет осколков! Глюки какие-то!

В поисках разгадки я решил проверить результаты фотографирования на жидкокристаллическом экране камеры, увеличив изображение до максимальных размеров. Важно было понять, под каким углом и с какой стороны прилетели эти дурацкие осколки.

Яркое солнце било лучами прямо в экран, он бликовал. Нужна тень, подумал я, и сделал полшага влево, ещё полшага. Ничего не видно. Создавая тень своим телом, я резко согнул колено, почти до земли, и весь подался вперёд, практически сложившись напополам. В этот момент прозвучала длинная автоматная очередь. Очень громко. Стреляли из посадки, метров с сорока-пятидесяти.

– Бежим, – закричал начальник поста и рванул к мешкам, скрывающим спуск в подвал автовокзала. – Эвакуация! Валим отсюда!

Сейчас я побегу и получу пулю в ноги, а может – в голову. Нет, сначала нужно подобрать и надеть каску, иначе, переворачивая мой труп и исследуя рану в затылке,

скажут – сам виноват, нечего было бронешлем снимать. Нет, лучше я завалюсь и через правое плечо перекачусь вперёд, к высокому дорожному бордюру, отделяющему асфальт от газона. лягу на спину, упрусь в бордюр, прижмусь к нему, вытяну ноги и стану неуязвим. За бетонным бордюром они меня не достанут!

Эти мысли пронеслись в моей голове за долю секунд, в которые я, вопреки своей идее притаиться за бордюром, вскочил, выключая фотоаппарат и прижимая его левой рукой к бронике, в два шага допрыгнул до каски, зацепил её правой рукой, и помчался к подвалу.

Странное чувство безразмерной пустоты возникло внутри меня. Пустота обжигала лёгкие, делала больно, сверля где-то глубоко в груди. Так иногда бывало во сне, когда я, падая с большой высоты, просыпался за сантиметры до смертельного удара о землю.

Пятнадцать метров до спасительных мешков с песком я пролетел быстрее, чем мог себе представить, занимаясь лёгкой атлетикой и выигрывая чемпионаты в юношестве!

Пока бежал, слышал два негромких характерных хлопка, похожих на выстрелы из подствольного гранатомёта, устанавливаемого на автомат Калашникова, и звук металла о металл. Скорее всего, это были гранаты ВОГ-25П, «морковки».

При попадании в преграду – навес, они подскочили и взорвались в воздухе. Обычно такая граната-подкидываш взрывается на высоте до полуметра и поражает лежащего или находящегося в окопе противника. То есть те, кто в меня стрелял, тоже подумали, что я растянусь за бордюром, и решили накрыть из подствольника или даже двух. А стреляли точно из посадки, потому что дистанция взведения такого боеприпаса – порядка тридцати метров.

Полковник ждал на ступенях в подвал. Крепко схватив за руку, он рывком втащил меня за собой в укрытие. Вместо

харизматичного, сильного, организованного и уверенного в себе мужчины передо мной стоял задумчивый, осунувшийся и помрачневший старик с тяжёлым взглядом.

– Жив? – полковник пронзил меня исследовательским взглядом, как рентгеновским лучом.

– Жив, слава Богу, – выпалил я. Во рту появился привкус ржавого железа, рубашка прилипла к потной спине. Но адреналин не погрузил меня в пучину страха, наоборот, захотелось раздобыть пулемёт и, встав в полный рост на крышу вокзала, с радостью всадить всю ленту в «зелёнку».

– Вот, ты как приедешь к нам, так трюндец полный, – пыхнул жаром обычно невозмутимый начальник поста, – хоть сам, хоть с журналистами! Так сразу стрельба, шум, гам! Не нужны мне тут раненые, убитые, мне живые и здоровые нужны! Это вам – сенсации подавай, а мне – чтобы коллектив не пострадал, люди! Понимаешь? Невозможно голыми руками остановить громадную лавину, несущуюся с горы! Она разогналась, и сметёт всё и вся на своём пути! Украинцы давно объявили охоту на российских журналистов, и стреляют, не обращая внимания на вашу безоружность! Надо прекращать все эти ваши съёмки, пока в прямом эфире кто-нибудь не скончался!

Полковник запнулся. Набрав побольше воздуха, он задержал ненадолго дыхание. Громко выдохнув, вытер платочком лоб. Расправив плечи, выпрямился.

– Пойдём, компоту холодного рубанём, домашнего. В холодильнике стоит банка, с утра нас дожидается, – ровным голосом, будто ничего и не случилось, предложил полковник. – Да и водка есть. Может, раз такая война нагрянула, водочки тяпнем, под огурчик?

– Лучше чайку. Горячего чаю полную кружку. Татары любят чай...

– Договорились! Тебе – чай с конфетами, а мне – компот с вишнями, – миролюбиво подытожил начальник

поста. – Каждому – по делам его! А водки после работы напьемся, когда война закончится.

– Каждый кулик к своему болоту привык, – неожиданно выдал я. И засмеялся.

До чая мы выполнили необходимые процессуальные формальности. Доложили об инциденте своему руководству: я – начальнику управления, а начальник поста – начальнику таможни. Позвонили в надзирательные и следственные органы. Пообщались с пограничниками. Те попросили нас быть более осторожными и осмотрительными, во избежание неприятностей не выходить сегодня на линию «въезда в РФ».

Сели пить чай с булочками.

– Почему ты решил, что стреляли в нашу сторону, по нам, и с близкого расстояния? Вдруг очередь дали вверх или в другую сторону? – поинтересовался полковник, надкусывая сочный помидор. – Помидор, кстати, с моего огорода. Не турецкая резина, а донская мякоть. Угощайся, и поймешь!

– Спасибо, попробую. Но сначала – чай! Пить хочу, не могу, – я с животной жадностью отхлебнул из чашки. – Знаете, обычно такие вещи не рассказывают, это не повод для гордости, но как-то, много лет назад, по-молодости, на стрелковом полигоне, мы с одним товарищем сидели за бетонным забором, а третий наш друг в этот забор стрелял с 25 метров. Из снайперской винтовки СВД. Мы, типа, хотели отличать звук выстрела, понимать его, звук. Ориентируетесь? Чтобы знать, что стреляют в твою сторону, в тебя, с близкого расстояния. Вот сидишь за забором, знаешь, что его пуля не пробьет, но всё равно стрёмно, страх под «коркой» есть, и он шевелится, и слышишь выстрел, своеобразный шелест такой, как короткий свист, почти как в фильмах. И понимаешь, каков он, звук пули, которая в тебя летит. Ну, или очень близко, почти в тебя.

Сегодня я слышал, я понял, что это именно тот звук, такой, как в тот день на полигоне.

– Да... Чую, что вы, парни, совсем сумасшедшие, – только и вымолвил полковник. Он перестал жевать и выпучил на меня глаза. Потом, сильно сдвинув брови к переносице, зажмурился, как ослеплённый тысячей прожекторов. – Дуристика какая-то, ей Богу!

– А, знаете, лет через пятнадцать-двадцать мы наверняка с вами случайно наткнёмся и прочитаем откровения какого-нибудь отставного украинского офицера, полысевшего и потолстевшего, но верного своей присяге. И в этих славных воспоминаниях будет короткий эпизод, почти фелъетон о том, как он, находясь с важным правительственным заданием в засаде в Червонопартизанске, наблюдал за двумя русскими таможенниками, слонявшимися на границе вблизи его позиций. И чтобы испугнуть этих непутёвых таможенников, нелепо размахивавших руками и сующих свой нос куда не следует, бравый украинский воин пальнул разок в воздух. С целью отпугнуть врага от важного опорного пункта. А трусливые россияне, подпрыгнув со страху до небес, дали дёру так быстро, что сам Усэйн Болт попросил бы у них автограф!

– Смешно, – каменным голосом тьякнул начальник поста. Он сосредоточенно жевал. И размышлял о жене, детях, родителях, друзьях, карьере, футболе и рыбалке. Как глупо было бы потерять всё, что называется жизнью, из-за амбиций майданных политиков, загнанных в тупик украинских солдат и крохотного кусочка раскалённого металла.

Перекусив, мы разошлись по разным кабинетам. И пока полковник занимался своими прямыми обязанностями, я, следуя поступившей от начальника управления команде, подготовил новый пресс-релиз.

«Сотрудники таможенного поста МАПП Гуково Ростовской таможни и Южного таможенного управления

подверглись обстрелу во время исполнения служебных обязанностей на территории пункта пропуска.

Таможенники вели видео- и фотосъемку повреждений инфраструктуры таможенного поста на линии контроля грузового транспорта, полученных во время ночного обстрела. В это время со стороны Украины по сотрудникам был открыт огонь, предположительно, из автоматического оружия и подствольных гранатометов. Таможенники были эвакуированы в безопасное место. Пострадавших нет. Навес и полоса контроля грузового транспорта на пункте пропуска получили новые повреждения».

В телефонном режиме согласовав текст с начальником управления, позвонил корреспондентам информационных агентств и надиктовал сообщение.

Порядка двух часов ушло на переброску фотографий с последствиями ночного обстрела с камеры на компьютер, обработку и пересылку пяти отобранных изображений журналистам федеральных телеканалов.

О, оператор одного из центральных телеканалов звонит.

– Привет. Получил ща твои фотки. Маловато их, совсем, считай, нет, – в своей обычной манере он приветствовал меня скороговоркой с южнорусским акцентом. – А эксклюзивное видео где? Гони мне картинку! Мы – телевидение, нам видос нужен!

– Извини, нет возможности отснять. Попробуй использовать то, что получил!

– А, да, я ща читал сообщение ТАСС и Интерфакса об очередном обстреле таможенников! Это типа в тебя эти горемыки не сумели попасть? Мазилы, – азартно загоготал оператор. – Ты снял изюмину? Запечатлел момент обстрела? Как ты бежишь, ползёшь, прячешься, или падаешь, снял? Это же супер-мега-эксклюзив! Ну, и себе на память!

– Представляешь, – в голове я воспроизвёл те секунды, – камера была включена в режиме «фото»! Но я, вместо

того, чтобы перевести её в режим «видео», нажать кнопку и снимать автоматически, бережливо отключил аппарат. И прижал к груди, чтобы ненароком не разбить.

– Ну, бродяга, ты даёшь! Представь, ты бежишь, камера раскачивается, как качели, слышны взрывы, твоё дыхание и топот шагов! Это зависть коллег и премии кинофестивалей! Понял? Ты прощёлкал свой «Оскар» за документалистику! Профукал счастье, прощёлкал!

– Значит, прощёлкал!

– Эх, ни фиги ты не журналист, – поставил своё клеймо телевизионщик. – Бюрократ!

– Ты прав, здесь я с тобой согласен, не журналист. Таможенник.

– Эй, таможенник! Я тебе утром два раза звонил? Звонил! Просил взять с собой на пост? Просил! Ты зажал, отмазался! Сказал, что опасно, брать не захотел! Вот и получи вместо моей нетленки, вместо профессиональной киноленты со скромным названием «Таможня на линии огня», готовой к демонстрации на всех экранах страны, неизвестность и забвение!

– Спасибо, обрадовал, – расплылся я в улыбке.

– Запомни на будущее, деревня! Одну камеру надо сразу ставить на штатив, чтобы она общий план снимала, а вторую – использовать как ручную для средних и крупных планов! Если бы ты поставил так одну камеру, и она бы охватывала всю площадку, по которой вы шарахались, ты получил бы ценнейший видос со стрельбой по тебе! Вот такая петрушка!

– Да нет у меня второй камеры, хотя хотелось бы. Есть бронежилет, каска, два телефона, фотик, фонарик, куча разных батареек, папка с кипой бумаг – хожу, как ёлка!

– А прикинь, если бы ты зафиксировал свою смерть? Тоже десятку премий бы выиграл посмертно! Денег бы детям твоим дали, квартиру, в санатории отправили, хоть

какая-то польза от тебя была бы, – кричал в трубку журналист. – Ладно, гирлянда с фонариками, пока, мне, в отличие от тебя, работать надо!

– Не пропадай!

Позвонил коллега-пограничник.

– Ты еще в Гуково? Есть дело, – загадочно прошептал подполковник.

– Да, здесь, фотками занимаюсь, – не менее загадочным голосом шепнул я, отчётливо представляя лицо погранца, обычно по-военному строгое, словно рубленное топором, а сейчас округлённое хитрым прищуром.

– Не уезжай. Сейчас будет интересное для всех событие, надо сфотографировать. Я и мой техник приехать не успеем, зато подъедет съёмочная группа телеканала «Звезда», помоги им.

– Не переживай, съёмки организую. Что планируется?

– Украинская сторона вновь обратилась к России с просьбой помочь эвакуировать своих раненых военнослужащих. У них, видишь ли, закончились медикаменты, еда и вода, и без квалифицированной помощи они умрут. Так как напрямую украинские военные из Червонопартизанска вглубь Незалежной попасть не могут из-за ополченцев, фактически их окруживших, то просят помощи у россиян. Ты понял, да? Россия снова спасёт тех, кто её ненавидит и костерит.

– Спасать жизни – это отлично!

– И, как не раз уже бывало, украинские военные транзитом через нас пройдут. Восемь раненых. И один убитый с ними. Пешим порядком зайдут в Россию через МАПП Гуково, получат медпомощь, продукты и воду, погрузятся на наши машины и, в сопровождении охраны, поедут в пункт пропуска Матвеев-Курган. А с Кургана вернутся в Украину и поедут лечиться на Мариуполь, Одессу и Киев!

– Нормальный ход! Два часа назад они по нам стреляли, а теперь собираются сюда же к нам идти сдаваться!

Просто красавцы! Гениально, – я почувствовал, как в венах закипела кровь, и по спине побежал холодок недоверия и злости.

– Песня! – возбудился пограничник. Обычно выдержанный и невозмутимый, он почти перешёл на крик. – Короче, жди, приблизительно через полчаса украинцы вылезут из лесопосадки и под белым флагом на деревянной палке прихромают на МАПП Гуково.

– Я непременно выйду к этим несчастным, и спрошу у них: кто стрелял, в кого конкретно, за что, и с какой целью, – провозгласил я бодро.

– Спокойнее, дружище. Они же не попали в вас, промахнулись, чему скорбят, каются, и для очистки совести идут просить прощения, – доверительно-откровенным тоном произнёс пограничник. Он остывал так же быстро, как и накалялся. – Или ты, конечно, мечтал, что украинцы, терзаемые угрызениями совести, встанут на колени, заплачут, перекрестятся и попросят прощения? Ожидай с распростёртыми объятиями!

– Мечты помогают людям мириться с действительностью.

– Не тупи, не лезь к ним, сохраняя достоинство, – поучал коллега. – Пожалей. Вряд ли Киев встретит их с караваем с солью и горилкой на перце. Судить, наверняка, начнут. Не дай Бог кому-то из нас оказаться на их месте.

– Жалость позволительна лишь в мирное время. А здесь, кто жалеет – тот и слабее!

– Мы не сторона конфликта. Мы соблюдаем нейтралитет между враждующими на Донбассе сторонами, – завёл старую шарманку пограничник. – Короче, как украинцев от вас вывезут, набери, пожалуйста, моего техника, он же на Кургане, пусть готовится снимать.

– Принял. Пойду ребят из «Звезды» встречать, – я завершил входящий вызов и выключил компьютер.

Пока туда, сюда, звонки, согласования, пришли украинцы. Все взрослые мужики, на срочников не похожи. Одеты вразнойбой: одни – в уставную форму, другие – в камуфляж западного образца, похожий на немецкий, третьи – в рваньё.

Выглядели они крайне измождёнными. Двое были закопчёнными и загорелыми, серо-чёрными, словно африканцы. Да и остальные, похоже, не мылись с месяц. Все заросшие, небритые, нечесаные. Трое понаглее – с жёсткими колючими усами и патлатыми бородами как у пиратов в мультиках – шагали, опустив глаза, но с железобетонными лицами. Они не считали себя виноватыми. По другим троим можно было понять, что придя сюда, они понимают, что им вряд ли рады, и помогают не из добрых людских побуждений, а исключительно соблюдая международные договорённости.

Один боец, в грязной зелёной майке и разодранных армейских штанах, еле передвигавший опухшими ногами в разбитых берцах, остановился напротив меня. Скорее всего, он был конкретно контужен. Его осунувшееся, бледное, словно размытое болью лицо, молило о помощи.

– Я ни в кого не стрелял. Я не виноват, – усилием воли выдавил он из себя. – Меня призвали на 45 суток из резерва, мобилизовали. А я тут два месяца в окружении. Домой хочу.

Один из бородачей, замыкавший колоритное шествие, в потускневшей тельняшке и закатанных до колен камуфлированных штанах, потянув контуженого за руку, подвинул ближе к себе. Обернувшись, он собрался с силами, искривил губы и бросил на меня злобный взгляд.

– Ещё в десантном тельнике ходит, там-мо-ожня-а, – прошипел он недовольно, намекая на тельняшку, выступающую над расстегнутой верхней пуговицей рубашки.

Нагловатые карие глаза, хищное выражение лица, замысловатые каракули наколок на предплечьях. «Интеллигент», одно слово.

– Вам что-то не нравится? – я сделал шаг навстречу нахалу и скрестил на груди руки.

– Слава ВДВ! – ухмыльнулся украинец. – Слава, – он улыбнулся неискренней механической улыбкой, лишённой всяких чувств, как бездарный актёр дешёвых рекламных роликов на надоевших съёмках.

– А вы достойны такие слова здесь произносить? – я начинал закипать, но ещё контролировал себя. – Десантные тельняшки – наследие СССР, Советской армии и её славных традиций. А у вас люстрация и декоммунизация полным ходом! И войска ваши, не воздушно-десантные, а аэромобильные. Так что непатриотично вам, военнослужащий ВСУ, советский тельник носить!

Украинец спрятал улыбку за крепко сжатыми губами. Мы настойчиво, не моргая, посмотрели друг другу в глаза. Каждый думал о своём, и каждый остался при своём мнении.

– Спокойно, парни, – между нами возник широкоплечий пограничник с автоматом наперевес. – Не надо шуметь.

– Извините, – я опустил руки, засунул кулаки в карманы. Для чего лезу в перепалку? Кому от этого лучше? Что я ему докажу? Ничего!

– Ты понимаешь, что он сейчас заявит сотрудникам ОБСЕ, Красного Креста, журналистам, инопланетянам и вообще всем, кто под руку попадётся? То, что россиянин в форме и с погонами, находящийся при исполнении, угрожал ему, а может, и тяжкие телесные пытался нанести. Успокойся, земляк, – шепнул мне на ухо автоматчик. – Зачем тебе лезть в дерьмо?

– Я – айсберг, – ответил я пограничнику, унимая адреналиновую дрожь в плечах.

Подъехали три легковушки с полицейскими и другими правоохранителями. Обогнав их, на площадке у ворот остановились два бортовых тентованных УАЗа пограничников и «Волга» с полковником – одним из руководителей погрануправления. За ними парковалась светлая иномарка с парнями с телеканала «Звезда».

Журналисты выпрыгнули из машины и, вынимая здоровенную видеокамеру из мягкого чехла, подбежали к украинцам, сбившимся в тесный круг.

– Привет! Нам пограниец по телефону сказал, что ты сегодня здесь, и ты нам поможешь. Паспорта и аккредитации проверять будешь? Снимать можно? – тяжело дыша, обратился ко мне оператор.

– Документы ваши наизусть знаю, даже лучше своих. Дерзайте, снимайте. Единственная просьба...

– Знаю, знаю, понял, – и оператор приступил к работе.

– Вперёд, грузимся, не тормозим, – уверенноскомандовал украинцам один из вооружённых пограничников в полевой форме.

Украинцы отстегнули брезент и откинули задний борт ближнего внедорожника, и безропотно, наглец – сам, остальные – помогая друг другу, полезли в кузов. Забились вшестером. Во второй УАЗ вкарабкались двое. Носилки с погибшим, лицо и грудь которого накрыли кителем, погрузили туда же.

Без лишнего шума и пыли колонна спецтранспорта укатила с поста. Остался только полковник из погрануправления. Он, в сопровождении майора, удалился в кабинеты.

– Слышишь, пресса, не надо на открытом месте стоять. Кто вышел и сдался, тот уехал, и никто не знает, сколько в тех кустах ещё украинцев сидит, и какие у них намерения и психологическое состояние. Сейчас возьмут, от безнадёги или с пьянки, и палить начнут. Пойдём в кабинет, – подтолкнул меня под локоть начальник поста.

Попрощавшись с журналистами «Звезды» и подождав, пока их автомобиль скроется вдаль, я отзвонился технику-пограничнику: «готовься работать». Он, круглосуточно энергичный, улыбчивый и острый на язык, ответил: «Я их так отработаю, сам Кевин Спейси обзавидуется и волосами прорастёт», чем заставил меня улыбнуться. Классный он парень, этот старший прапорщик. И чрезвычайно скромный. К слову, работая с ним бок о бок третий год, я совсем недавно и случайно узнал, что он спас от неминуемой гибели ребёнка, за что отмечен государственной наградой.

А моя работа на сегодня завершена, подумал я, и засобирался в Ростов. Но полковник охладил мой пыл.

– Есть звонок от оперативного дежурного. Номер машины скинули, чтобы пропуск сделать на въезд в пункт пропуска. Генерал-лейтенант, начальник управления, сейчас сюда едет, – сказал он с озадаченным видом. – Я начальнику Ростовской таможни отрапортовал, но он по телефону на мои вопросы не ответил, конечно. Ты не знаешь, для чего сюда генерал едет?

– Понятия не имею.

– Пограничники нам не дают никаких гарантий, что обстрел не повторится. Я с начальником КПП только вот переговорил. Не видно им в бинокли, есть кто в деревьях, или нет. Не видно – слишком «зелёнка» густая, – недовольно покачал головой полковник.

– Чего ему надо? Тут война, суматоха, «палево» и «шухер»! Нормальные генералы в такую погоду должны в Ростове сидеть и кофе без сахара пить в закрытом кабинете без окон, автоматчиками оградившись от всех, – добавил инспектор с родинкой.

– Тише ты, философ! Своим делом займись. И в зеркало посмотришься, всех касается, внешний вид в порядок приведите. Будьте готовы ответить на вопросы.

– Всё будет нормально, шеф, не переживай, – инспектор жестом показал «о'кей». – Свою работу мы знаем.

Я позвонил начальнику управления. Действительно, он находился в пути.

– Товарищ генерал-лейтенант, наверное, вам не стоит сегодня сюда прибывать. Нам не дают никаких гарантий, что обстрел не повторится. Существует вероятность...

– Я принял решение, и я еду, – прервал меня начальник управления. – Гуково на горизонте. Готовьте пять комплектов средств индивидуальной защиты, я не один. Ждите через полчаса, – и положил трубку.

– Ну чего? – полковник, в предвкушении успеха, потёр руки. – Ложная тревога? Не к нам?

– К нам, – я смущённо пожал плечами. – И с гостями! Ищите шесть касок и броников.

– Такого добра, слава Богу, достаточно. После первой ситуации, ну, ты помнишь тот обстрел, тыловики выскребли склады под чистую и на всю смену «брони» привезли!

– Помню, конечно! Это когда полснаряда, пробив металлическую балку несущей конструкции и обвалив навесной потолок, влетело в кабинет оперуполномоченного по административным расследованиям? Ага! Пролетев над столом, железяка вонзилась в стену! Повезло тогда, что в кабинете не было людей, и что снаряд оказался бронбойным, а не осколочно-фугасным, – наэлектризовался я. – Кстати, снарядов в то утро в Россию прилетело три! Один попал в это здание, второй – долетел аж до хутора Васецкого, а третий взорвался в районе «Шахта №24». И ещё помню, что вы с погранцами человек тридцать украинцев спасли, беженцев, заведя их с нейтралки в пункт пропуска и укрыв в подвале.

– Было дело, – просиял полковник. – Ты ещё, агитатор, взвод журналистов тогда с собой припёр! Еле угомонили...

Приехав на пост, генерал-лейтенант послушно облачился в предложенный бронежилет и надел шлем. Группа сопровождающих лиц, кряхтя и потея, последовала его примеру. Их лица наливались кровью, а глаза заметно грустнели, пока начальник поста напоминал о технике безопасности и призывал к собранности и бдительности.

Один из гостей, в гражданском костюме с галстуком и в очках, мимоходом заглядывая в ежедневник, эмоционально выступил. Начальник управления сделал ему пару замечаний, но с остальным согласился. Гость, залившись краской, важно выпятил грудь.

– Теперь за мной, – пригласил генерал гостей на обход поста и предоставил право командования «хозяину тайги» – начальнику поста.

Открытые участки преодолевали торопливой рысцой, втянув шеи в бронежилеты и максимально сторбившись, а полосу легкового направления «на въезд в РФ», подальше от неприятностей, исключили из схемы обхода.

Итоговое совещание по итогам осмотра устроили за мешками с песком. Первым убедительно выступил генерал-лейтенант, вторым – чуть менее – активный мужчина в очках. Остальные задавали вопросы. Получив развернутые ответы, они отдельно о чём-то переговорили с начальником поста, а главный таможенник юга конфиденциально пообщался с полковником-пограничником. Консенсус, судя по их рукопожатию, был найден.

Поинтересовавшись у меня реакцией прессы на сегодняшние события, генерал отдельно поблагодарил за работу инспекторов за спасение жизней гражданских, пересекавших границу под обстрелом.

– Вижу, что всё у вас под контролем. Спасибо, – и он каждому пожал руку.

Вернув нам средства индивидуальной защиты, начальник и сотоварищи убыли с поста.

– Я в шоке, – лицо таможенника с родинкой на щеке блестело. – Целый генерал приезжал! Сюда! На пост! На границу! В войну! Не побоялся!

– А ты чего хотел? – устало спросил начальник поста. – Удивлён?

– Конечно, шеф! «Удивлён» – не то слово! Я реально обалдел! Когда многие офицеры рангом пониже – захворали, пропоносились, сбежали в отпуск или сделали вид, что смертельно больны, чтобы «откосить» от исполнения обязанностей, генерал инспектирует на границу!

– Да, генерал в бронезилете и на посту – это круто, – признался другой инспектор. – Эх, проспал момент, надо было «селфи» с генералом сделать!

– Слышишь, нарцисс, завянь, проспал и добре. А то я бы тебе селфи-палку в одно место вставил. И про-вернул. Понял? А на самом деле, мужики, гордитесь и цените, что под началом такого командира служите, – полковник дружески похлопал подчинённых по плечам, – повезло!

Застрекотал телефон на столе начальника поста. Оперативный дежурный Ростовской таможни предупредил, что звонили из следственного комитета и просили оставаться на месте: следователи выехали из Каменск-Шахтинска для проведения процессуальных действий по факту обстрела российских граждан со стороны Украины.

– Незадача. Твой отъезд вновь переносится. Теперь ждём следаков. Опросят – уедешь.

Солнце скрылось за терриконами. Сумерки, с их густым ароматом заката и кристально чистой росой на ботинках, принесли долгожданную прохладу.

Я попил чаю и совершил вечерний ритуал обзвона руководителей таможенных постов, расположенных на границе с Украиной. К счастью, ничего экстраординарного за световой день не произошло, личный состав трудился

в штатном режиме, если таковыми можно назвать полувоенные условия несения службы.

Эту информацию я довёл представителям средств массовой информации, стандартно атаковавшей меня по телефону после семи часов вечера.

Ожидание следователей и беседа с ними заняли три часа. Кстати, место происшествия «молодые Шерлоки» осмотрели лишь издали. Зачем необоснованно рисковать жизнями в потёмках, когда можно скачать фотографии, снятые мной при достаточном освещении?

Вообще, дело своё следки делали исправно, мы часто сталкивались то в Куйбышево, где их обстреляли на наших глазах (это отдельная песня), то в Новошахтинске, где мы едва не попали в замес все вместе.

Из Матвеев-Кургана позвонил техник-пограничник. Передача вышедших в Россию украинских военных представителям пограничной службы Украины прошла без эксцессов. И слава Богу!

– Завтра, скорее всего, будем вместе работать. Веселее будет! Одна голова – хорошо, а две – лучше, чем одна! Главное, чтобы по нам не стреляли, а то, если меня ранят, меня потом жена убьёт, – оптимистично заявил техник, призадумался, и засмеялся своему каламбуру. Этот малый в любой ситуации умел поднять настроение и себе и окружающим. – Уж очень сильно она за меня переживает! Так, что любого переживёт!

Вызвав на пост водителя, с утра куковавшего в железнодорожном пункте пропуска, я попрощался с гуковскими таможенниками и заглянул на ЧШ.

– Добрый вечер, – улыбнулась пограничница. – Покидаете нас?

– Пора! Время девять вечера! Мне ещё два часа до дома ехать. От войны – к миру.

– Да... А я вам хочу сказать, что я думаю, я искренне болею за сегодняшние события. Иконка, обстоятельный рассказ о Евгении Родионове, обстрел и ваше чудесное спасение – это неспроста. Всё взаимосвязано. Поэтому я хочу подарить вам этот образ, иконку воина-пограничника, образ Родионова. Я думаю, и я увидела, что вам он душевно дорог и близок. Пусть он будет с вами и оберегает вас от вражеских пуль, – прапорщик говорила искренне, волнуясь и сопереживая. – Возьмите!

– Спасибо! Приятно! Но я предлагаю оставить иконку здесь. Пусть рядовой Евгений Родионов остаётся на боевом посту и продолжает нести службу на государственной границе и своей силой оберегает всех! И тех, кто служит рядом с ним, и тех, кто границу пересекает. И это будет справедливо.

– Справедливо, – повторила женщина. Она обвела взглядом три иконки – Иисуса Христа, Богородицы и Святого Николая – закреплённые на стене над сейфом. Повесила изображение Родионова под ними. И перекрестилась, глядя на образа. – Справедливо...

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

Новелла

1

Мы были Белкой, Арбалетом и Метелицей. Хотя я просил для себя позывной «Поэт».

– Только не это! Нет и ещё раз нет! – вскинул руки к потолку штабной палатки командир. Дремавшая на проводе лампочка, получила по затылку, отскочила за центральный стояк и завилась вокруг него удавом. Опасаясь гнева хозяйина, юркнуло в «буржуйку» и пламя, до этого зажигательным танцором бросавшее огненные ленты в приоткрытую дверцу. – Романтики, едрёна вошь! Воевать надо, а не стихи складывать. У меня вас, поэтов, уже семеро по блок-постам, как по лавкам.

Сел на свою личную – коротенькую, на два ведра, неизвестно из какого подворья экспроприированную для военных нужд. Удав с выпуклым электрическим глазом начал разматываться в обратную сторону, высвечивая на стенах триколор России, флаги Луганской и Донецкой республик. Вытянулся из топки и острый ирокез танцора: тут всё успокоилось? Крышкой по лбу не получу?

«Получиш-ш-шь, получиш-ш-шь», – зашипела на плите вода из погнутого чайника.

– «Я – поэт, зовусь я Цветик. От меня вам всем приветик», – процитировал командир строки из Незнайки. Но ему хорошо, у него позывной «Печенег» – красиво, непонятно, но гордо. А тут точно вlepит какого-нибудь «Цветика»!

– Вон, за окном метёт – будешь Метелицей.

Позывные вместо имён – повсеместный атрибут войны на Донбассе. Причём с обеих сторон: никто до конца не верил в окончательную победу, а потому воюющие не себя оберегали, а возможные репрессии к родным и близким. Мстительна гражданская война, ох, коварна!

На плите шипело, подразумевая угощение, но делиться кипяточком Печенег не стал, кивнул на полог:

– Жди машину, поедешь на пятнадцатый блок-пост.

Не Чапаев! А чайку хотелось. Хотя бы «женатого» – с вторично использованным после Печенега пакетиком. И даже на «покойника» согласен – уже остывающего...

За палаткой текла своя жизнь.

– Взво-о-од! Правое плечо вперёд!

Одна из самых несуразных команд в армии, кстати: чтобы повернуть строй налево, говорят про правое плечо. А именно слева самая желанная для любого солдата палатка – столовая, где меня перед встречей с командиром пытались откормить гречневой кашей с «белым медведем» – дрожащим куском варёного сала. Бррррр... Вот стоящую колом гречку и запить бы горячим чайком!

– Взво-о-од! Запе-вай!

– Облака-а-а – белогривые лоша-адки-и-и...

Блеск! Самая позорная строевая песня, которую заставляет петь командир своих подчинённых за какие-то провинности. Значит, даже «белого медведя» новобранцам видать не скоро.

– Облака-а-а, что вы мчитесь без оглядки-и-и?

На земле без оглядки куролесила моя прародительница – метель. Прячась от её желания наместить вокруг моих ног сугробы, передвинулся за штабную палатку, прикрытую от обстрела связанными между собой автомобильными шинами. Там текла своя жизнь: пятеро ополченцев,

выбрасывая вперёд руки и приседая, упоённо перекрикивали лошадок и ветер:

– Жо-па, жо-па, жо-па!

– Повторяю для бестолковых, – ходил перед своей порцией провинившихся бородатый казак в папахе. – При ранении последовательность действий именно по «жопе»: Жгут, Обезболивающее, Перевязка, Автомобиль для эвакуации. И никак иначе!

– Жо-па, – подтвердила вприсядку группа.

Ничего не изменилось в армии со времён Петра Первого: вот тебе три мужика, сделай из них одного солдата...

А ведь ещё утром я рыбачил на русском берегу Северского Донца, торкая над лункой палочкой с привязанной верёвкой. Так сказали друзья в Москве, указав точку на карте: рыбачишь и ждёшь. Ровно в полдень с другой стороны появится такой же «рыбачок», махнёт рукой. Осторожненько по льду к нему – и ты уже на войне.

Но на саму войну сразу не пускали. Сопровождающий, от холода и для конспирации укутанный шарфом по солнцезащитные очки, не ответив ни на один мой вопрос, привёл в учебный центр. Здесь и шла сортировка добровольцев из России, наречённых «северным ветром». Кто вообще не служил – те вприсядку запоминали у казака одну из частей человеческого тела. Прошедших армию распределяли на второстепенные блок-посты, высвобождая бойцов для передовых траншей. Мои солдатские познания Печенега удовлетворили, раз не стал держать на сборном пункте.

– Кого везти на пятнадцатый? – слышался сиплый голос, тут же разорванный надрывным кашлем.

Меня искал щупленький, подстать собственному голоску, старик-возница с автоматом вместо кнута и рулоном рубероида на плече. Снаряжённый в дорогу старенький БТР, присыпаемый снегом, дремал в колее. Головы на попутчика не повернул, и стараясь не будить «самодвижущийся

металлолом» раньше времени, я влез в стылое чрево через боковую дверцу: да, люк «героя», да, не для мужественного сэлфи, но на войне желательно ездить подальше от водителя, которого при засадах подрывают или расстреливают первым...

– Взво-о-од! Бегом...

Даже по команде «бегом» надо сделать всё наоборот: замереть, согнув руки в локтях и наклонившись вперёд. Армия – она и впрямь очень смешная, если наблюдать за ней со стороны.

– ...Арш!

А вот теперь бегом.

Нам тоже пусть и с рывка, словно отрывая примёрзшие к насту сани, вперёд.

Но-о, милая!

2

На «Пятнашке» шли похороны.

– Кого? – замер придавленный рулоном возница. Не согнуться в три погибели ему помогал автомат, которым, как посохом, старик опирался на землю.

– Ольга Сергеевна, – чуть отклонившись назад, шёпотом пояснил оказавшийся рядом рыжий боец с родимым пятном на левой скуле. Если не бриться, оно и не видно было бы...

Окоченевшая на морозе Ольга Сергеевна лежала перед вырытой могилой на окровавленной плащ-палатке. Вспомнилось по прежней службе: кровь отмывается только холодной водой, горячая здесь не помощник...

– Короче, растяжка. Задела вчера, – прошептал боец и дёрнул плечом на минное поле перед водонапорной башней справа. Мины – это плохо. По солдатской классификации ПМН – «противопехотная мина нажимная» переводится не иначе, как «Принеси Мою Ногу», а для изысканных

гурманов чёрного юмора – «Пораскинъ Мозгами Невзначай». Всё это и впрямь смешно, пока не касается тебя лично... – Ползла всю ночь. Но когда пробито лёгкое...

Стоявшая рядом женщина-толстوشечка зыркнула синими глазами – помолчите! Был бы в руках поварской черпак, точно стукнула бы по головам.

– Товсь! – скомандовал стоявший у изголовья Ольги Сергеевны капитан с лётной планшеткой через плечо.

Вообще-то на боевых позициях с офицеров снимается любая атрибутика, выдающая в нём командира. Да и прощальные салюты отдаются при уже оформленной могилке, а не заранее...

– Огонь!

Щелчки курков. Без выстрелов. Режим тишины? Лишь зародился, буравчиком вонзаясь в сердце, чей-то тонкий надрывный вой. Так скрипочки ведут своё соло в оркестре...

В перерывах между беззвучными салютами капитан и простился первым с Ольгой Сергеевной, смахнув ей со лба напавший снежок. Направился к зарытому в землю металлическому кунгу с табличкой каракулями: «Собственник «Небо».

Лётчик? Потому не знает сухопутных порядков?

По пути кивнул мне: заходи, попьём чайку с дороги, представишься. Чай – это единственно желаемое. На секунду лишь задержался у пожарного щита с белой надписью теми же каракулями: «Место для хранения ваших смартфонов», к которому гвоздями «сотка» были прибиты три мобильных телефона и планшет. Сурово тут со связью! Зато наглядно.

Укрыться в тепле с Чапаевым не успели: со стороны небурного поля подсолнечника, оказавшегося нейтральной полосой, бежал боец. Сами подсолнухи, – чёрные от мороза, остекленевшие после недавнего ледяного дождя,

напоминали немцев под Москвой, виденных на военных фотографиях.

Подбежавший разведчик вытащил из вязаной цветастой варежки записку на тетрадном листке. Пока командир разбирался в слабосильных карандашных строчках, скосил глаза на растущую могилу, к которой полз, скуля, собачонка.

– Не надо, Затвор, не надо, – пытался отпихнуть щенка боец с родимым пятном.

Но пёс лез под лопаты, пытаясь отбросить кривыми лапками комья глины со слюдяными вкраплениями застывшего в них мороза. Там, под землёй, словно в засыпанной угольной шахте, лежала его мамка – Ольга Сергеевна, жившая на «Пятнашке» с начала войны, родившая его под кроватью командира «Небо». Боролся с всё увеличивающимся завалом, выл на одной ноте, умоляя людей помочь ему, но они, наоборот, оттягивали его от могилы, торопливо махая лопатами. Повариха вместо креста приспособила холмик найденное среди кухонных дровишек перекрестие от выбитой оконной рамы. Интересно, а собаку можно отпевать по церковному чину? Тоже ведь живая душа...

Лётчик разобрал, наконец, записку:

– «Верните Андреюку. Иначе вам хана. Клод Ван Дамм».

«Что за Андрейка?» – вывернул я голову. Сорока так выставляет вперёд глаз, чтобы лучше видеть, а я – ухо в готовности расслышать ответ: хотелось быстрее освоить специфику донбасской войны.

– Наркоша с той стороны. Младший брат командира. Наглодается «колёс» и шарахается по подсолнечнику. Где он сейчас? – спросил командир у разведчика.

– Бросился то ли обниматься, то ли врукопашную. Но упал, да ещё челюстью прямо на собственную коленку, – поведал тот, посмотрев почему-то на свой увеличенный варежкой кулак.

– Андрейку перевязать и вернуть, он единственный порядочный среди этого зычья. «Белка», а ты больше туда ни ногой. Понял? Зэки на той стороне, – пояснил мне и увёл, наконец, в кунг для более детального знакомства под долгожданное чаепитие.

3

Плохо зимой на войне. Стыло и неповоротливо. Время тягучее, без роду и племени, никому не подчиняющееся и уставшее от самого себя. Одна отрада, что противника жмёт тот же мороз и засыпает тот же снег. Молить погоду о снисхождении бесполезно, ей каждого слушать – с ума сойдёшь выбирать главного на земле, потому она глуха, слепа, никому ничего не должна. Может, где-то в южных городах женские каблучки уже и выстукивали весну, но в нашем секторе обстрела мела позёмка.

Мы с Затвором греем и развлекаем друг друга. Щенку то ли понравились не виданные им за свою короткую жизнь куриные окорочка, забытые мной на дне рюкзака и скормленные ему на поминальном обеде, то ли сумел отметить, что я единственный, кто не причастен к похоронам его мамки, – не отходит ни на шаг.

Выделенным капитаном куском рубероида заделал щели в окопе, и ветер калмык теперь лишь воет над головой да сечёт пургой высунувшийся за бруствер длинный нос «Утёса». Ножки пулемёта привалены мешками с песком, чтобы не прыгал лягушкой при стрельбе. Траншея изгибается в зависимости от корней деревьев, земля окопа морщинистая, седая от снежка.

Плохо на войне и от бездействия. Прямого противостояния нет, лишь время от времени зычье пытается по-жабьи прыгнуть вперёд, отвоёвывая кусочки территорий. Но на каждый такой прыжок есть свой «Утёс» с 750

выстрелами в минуту, способными перемалывать «жаб» вместе с укрытием в труху.

Рукопашных нет тем более, подсолнуховые рейды Андрейки не в счёт. Война сосредоточилась на обмене артиллерийскими выстрелами: ты мне, я – тебе. Затем перерыв на обед. Вместо компота три снаряда сюда, тройная «ответка» – туда. Пехоте радость: пустые ящики из-под снарядов – это и шкафчики, и стол, и растопка для «буржуйки», и лежаки.

Не спит только «Небо».

– Проиграет тот, кто расслабится первым! – науськивает он перед каждым дежурством. – Мы здесь поставлены причинять добро и наносить пользу.

Формулировка придумана для международных наблюдателей ОБСЕ, призванных фиксировать обстрелы мирных домов. Прекрасное знание русского, а не украинского языка косвенно указывало их принадлежность к трём-пяти разведкам мира, но подобный ответ одного из ополченцев чуть не свёл с ума этих «миротворцев», попытавшихся понять русскую логику.

Сам «Небо» мужик не вредный, отлетавший на «вертушках» треть жизни и списанный в отставку в Киеве из-за нехватки в армии вертолётов. – Ваше бессмертие находится у каждого из вас в районе копчика. Его слушайте.

Копчику хочется тепла и уюта, но кресло, притащенное в наш узкий, словно балкончик, окоп, само промёрзло минимум до майских праздников, и приходится отстаивать смену на ногах, подставив под них пустой ящик из-под патронов. В Чечне за подобные удобства, расслабляющие часовых, взгребли бы по первое число, ибо хуже либерального командира на войне только вшивый повар, но «Небо» умеет находить золотую середину между порядком и человеческим отношением к окопникам.

Позиционная война и убаюкивает, тащит в воспоминания.

Лавочки парочки
Заняли с вечера.
Парню без девочки
Делать здесь нечего...

Стишки. Стишата. Рифмы в столбик. Внукам для гордости, что дед – поэт. При этом настоящий поэт Николай Дмитриев говорил, что кроме отчества мы должны оставить своим детям ещё и Отечество.

Затвор вскидывает голову. Вороны с голубями, как по расписанию, прилетели на обед? Парадокс времени: птицы мира на Донбассе есть, а самого мира нет. А вот орлы, говорят, лет десять после войны не селятся на тех местах, где шли бои. Но у них есть выбор. У людей – нет!

По траншее, стирая плечами изморозь с траншейных щёк, протискивается Арбалет. Родимое пятно прикрылось трёхдневной щетиной, а вот глаза блестят. Торжествует, издали протягивая термос:

– Наконец-то и у нас в России кто-то умный отыскался.

Мы и впрямь иронично усмехаемся, когда сердобольные земляки вместо свитеров присылают с «гуманитаркой» белые рубашки с коротким рукавом. Белка, прыгающий ныне по подсолнечнику, лишь однажды нашёл в пакетах цветные женские варежки. Похихикал, но не отдал их даже поварихе Маше.

Арбалет отвинтил крышку. Вырвавшийся из разгорячённой, тесной колбы кипятка в охотку расправил плечи, но тут же присел, скукожился на обжигающем холоде. Обрадовался моим ладоням, обнявшим крышку, заластился над ними оскудевшим парком. Только какое от моих посиневших пальцев тепло, они сами последнее отберут.

– Нету? – Арбалет порыскал взглядом по нейтралке. «Немцы», боясь надломиться в своих стеклянных скафандрах, не шевелились. А должны были: Белке заступать на

пост через пять минут. Скорее всего, Арбалет не ради чая явился, а прикрыть друга.

– Куда ходит-то?

– Тебе адрес с номером квартиры? – Арбалет почесал рыжую щетину. Добавил мне кипяточку – только молчи. Белка никогда прежде не опаздывал из самоволки. Только вот с такой регулярностью, да по одному и тому же маршруту в разведку не ходят. Даже «Небо» в небе вряд ли летал по одной и той же траектории.

Калмык лениво подметал наст перед траншеей, нерадивой хозяйкой загоняя припорхнувший снежок в углы. Берёт пример с дорожников, у которых весной приходит дедушка Апрель и сам убирает сугробы?

Но сначала пусть прискачет Белка.

Арбалет долго вглядывался, как секундная стрелка не хуже реальной белки прыгает с деления на деление. По тому, как вздохнул, стало ясно: 12 часов пополудни. Смена. Пусто. Пора становиться на хвост.

– Не лезь! – отпихнул Арбалет подсунувшегося под руку Затвора. Вчера грустно признался, поглаживая подушечками пальцев лоб щенку: а ведь это он мины устанавливал, на которых подорвалась Ольга Сергеевна. Там есть один зигзаг, который он оставил на случай собственного прохода, но откуда его было знать собаке...

Под прикрытием щенка ещё раз глянул на часы. Но что изменится за пятнадцать секунд? Закурил, отпил из термоса, но помечтал о другом:

– Короче, сейчас бы молочка с булочкой да на печку с дурочкой.

Скорее всего, он соотнёс присказку с Белкой, где-то заплутавшего в тылу врага. Это Россия всегда славилась своими блудилищами – тайными лабиринтами под домами, по которым купцам-помещикам можно было уйти в случае, если крепостные начинали бузу и жгли усадьбы. Так

и звали: терраса – гульбище, тайные ходы – блудилище. А где в шахтёрском крае среди подсолнечника-то заплутать?

– Та-ак, командир к нам нежданчиком.

По-футбольному чеканя коленками сдвинутую вперёд планшетку, к нам шёл «Небо». У последнего изгиба траншеи углядел забытую на бруствере, наполненную снегом сковородку. С ней, как с чугунной булавой, надвинулся на нас, пытающихся не хуже щенка втиснуться в щели.

– Курим и ждём, когда вас меньше станет? Что в одно ухо влетает, в другое вылетает?

– Пуля снайпера, – Арбалет моментально обул голову в каску.

– Я вижу, мои приказы тоже. Белка отдыхает?

Затвор утвердительно гавкнул. «Небо» прилёг рядом с пулемётом, поверх припорошенного ствола осмотрел нейтралку. На застывшем за его спиной автомате удобно устроился и надетый на шомпол дверной ключик. Дом командира в самом начале войны накрыло «градом», и это всё, что осталось у него от прежней жизни.

Ключик дремал не долго, качнулся:

– Не слышу ответа.

Затвор вновь попытался защититить нас, но я зажал собачий нос: если хочешь, чтобы хвост не прищемили, то не дразни начальство. Часы перед глазами давали уже минус двенадцать минут отсутствия Белки. Но если что, я готов простоять дополнительную смену. «Я тоже могу раньше своей выйти», – сделал невинной рыжую мордашу Арбалет. Нас, добровольцев из России, на блок-посту как раз троица, «Небо» и свёл нас в одном окопе, чтобы держались вместе. Мы и держимся.

Да только что наши молчаливые уверения ключику на шомполе. Замер подозрительно.

– На осинке не растут апельсинки, – вдруг пропел капитан, на последней ноте двинув локтем под дых «Утёсу».

Пулемёт, несмотря на приваленные к ножкам мешки, подпрыгнул, и длинная, идеально ровная снежная грядка на загровке ствола рассыпалась. – Я ведь приказал ему туда больше не соваться. Или командира уже ни в грош, ни в полушку?

Больше всего об исчезнувшем сменщике знал, конечно, Арбалет, они почти год вместе воюют. Но водит глазами по стылому небу, рисует восьмой цвет в радуге. Командир безошибочно поворачивается к нему, лихо заламывает каску набекрень покруче берета. ВДВ! «Никто, кроме нас!» Только сделал это, чтобы схватить Арбалета за ухо как распоследнего разгильдяя из стройбата:

– Что, за смертью без очереди хотите пролезть? Где?

– К сыну пошёл, – ляпнул несусветную чушь Арбалет и дёрнулся, освобождаясь от боли. Слетевшая каска завалила термос с недопитым чаем. Перепугавшийся Затвор, сляясь зацепиться ногтями за мёрзлые стенки и крышку термоса, сполз на дно траншеи и по-демпельски мудро замер, поджав хвост. Не удержавшаяся на бруствере крышка термоса наделась ему на голову каской, но, в отличие от Арбалета, он смахнул её лапой.

...Парню без девочки

Делать здесь нечего.

Делать здесь нечего

В каждой аллее.

Холодом этим встреченный –

Ушёл побыстрее.

– Врастаешь в землю тут! – указал мне свободной рукой «Небо» место для будущего памятника погибшим, но не сдавшим «Пятнашку» ополченцам – где-то рядом с Затвором и крышкой из-под термоса. – Готовность номер один. А ты за мной, – выпустил, наконец, на волю красное ухо Арбалета.

Погнал коленями планшетку обратно в штаб.

– Гав, – подпрыгнул Затвор, стараясь вернуться на бруствер.

На бруствере опасно, друг милый. Иди на руки. Где-то там ещё и крышка затерялась, но ей ценность без чая нулевая. Лучше продумем налетевший на пулемётную ленту снежок. Переукрепим пулемётные ножки. Смотри, Затворище, они такие же, как у тебя – в раскоряку. Но от них-то как раз и зависит устойчивость и кучность стрельбы, друг мой. Ты если чего не знаешь, спрашивай. Вот снег, например, со ствола испаряется, только во время стрельбы. А «немцы» не шевелятся. Хорошо это или плохо? Бушлат уже не греет, опять холодок по спине. Где индивидуальный пакет!? Куда денется, если привязан к прикладу бледно-розовым жгутом. И не забывать уроки казака: сначала жгут, потом обезболивающее, потом только перевязка... Авто нет, какое может быть авто, друг сердечный. Чего дрожишь? Нам нельзя падать раньше выстрела. Дай Бог, возница хоть и чахленький БТР, но подгонит. Да и командир должен понимать: если с Белкой и впрямь что-то случилось, нас одних в окопе оставлять нельзя. Мы здесь на направлении главного удара, потому как «северный ветер». Печенег сказал – надёжный по силе и направлению. Так что врага пропустить нельзя. Но и помирать, честно говоря, желания никакого. Подождут памятники?

– Гав, – согласился Затвор, лизнув меня в нос.
Тогда к бою!

4

- Я устала лепить тебя из воздуха.
- Но ты же видишь, как я кручусь!
- Крутись дальше. Но – без меня!

Сказала без надрыва, заламывания рук в тайной надежде, что начну отговаривать. Как вообще терпела меня рядом? Или потому, что водились деньги?

Догадка показалась гнусенькой, недостойной Леры и наших с ней отношений, и я усмехнулся пришедшей на ум глупости. На деле же получилось, что ухмылка досталась как бы самой Лере на её слова. С облегчением, теперь уже полностью оправдывая себя, она встала из-за любимого углового столика любимого арт-кафе «Бардак» на Маросейке и подняла бокал. Но не мне на прощание, а навстречу толпящимся у барной стойки друзьям: я снова с вами!

Вы уходили, но вы обернулись.

Где же судьбою мы разминулись?

Где не совпало наше дыханье...

Сочиняю. Не обернулась. Зато у стойки заговорили обо мне в третьем лице, демонстративно вычеркнув из времени и пространства:

– Как всякий мент, он имел склонность и слабость ничего не делать.

Я сжал рюмку, но признал: в чём-то они правы. Десять лет топтаться на станции метро «Кропоткинская» – работа и впрямь вроде не мужская. Но это если не знать, что на самом деле держишь под контролем подступы к Храму Христа Спасителя, сортируя лица обитателей подземки на предмет выявления террористов. Самый большой наплыв пассажиров случился в дни, когда привезли с Афона для поклонения Пояс Богородицы. Тогда Лера и подошла ко мне с просьбой помочь ей с друзьями сократить двадцатичасовую очередь. Красота и стать девушки сразили, а полномочий хватило продвинуть новых знакомых всего за 4 часа.

– В «Бардаке» быть героем легче, чем в окопах.

Водки в рюмке на два глотка. Чётное число – поминальное. Но про окопы тоже почти правда. Новые знакомцы только что вернулись из Киева со стойким убеждением, что на Донбассе с доверчивой красавицей Украиной, не зная сна, еды и отдыха, воюют исключительно все до

одного спецназовца Главного разведуправления России вкуче с чеченцами, бурятами, псковскими десантниками, водолазами Северного флота, амурскими тиграми, белыми медведями с Новой Земли, а по выходным едва ли не сам Путин обстреливает мирную украинскую армию. Я же, намекая на причину нашего знакомства, назвал Донбасс Поясом Богородицы, защищающим Крым и Россию от стрел на картах, рисуемых в Брюсселе и Вашингтоне. И что имеющие совесть вообще-то должны ехать на Донбасс, а не на киевский майдан.

Водка вошла всё же в один глоток. Повторяя Леру, поднял пустую рюмку бывшим знакомцам: а я без вас. Я с Поясом Богородицы, который самому так и не удалось увидеть в Храме: как раз за использование служебного положения в личных целях, а по сути помощь Лере, был переведён на самую отдалённую от центра, открытую, продуваемую всеми ветрами, бестолковую, тесную станцию «Выхино».

Как легко меняется судьба, когда сам в этом участвуешь!

Затвор вскинул нос. Вернувшийся Арбалет потянулся к термосу, по весу определил в нём количество чая в ноль целых хрен десятых. Не жалея копчик, опустил в кресло. Пересадил каску с головы на колено, хлопнул по ней, как друга по плечу.

– Короче, получил по полной.

– Про какого сына ты ляпнул?

– Почему ляпнул... Пацан у него там, на той стороне.

Посчитал ответ исчерпывающим, но молчать было тягостно, и он продолжил:

– Короче, Серёга жил здесь до войны. Накануне майдана развёлся и уехал к себе на Урал. Как тут всё началось, вернулся. Ходил на свиданки.

Ну вот. А я думал и впрямь – герой-разведчик, оберегает нейтральную полосу.

– Я смотаюсь за ним, – Арбалет хлопнул «друга» теперь уже по башке. Повторяя командира, навалился на бруствер, взгляделся в подсолнечник.

– «Небо» в курсе?

– Если только ты скажешь.

Не скажу. Но лезть головой в петлю...

– Короче. Серёга мне кровь перелил после ранения, – он дёрнул плечом, посчитав данный аргумент для принятия любых решений и потому не подлежащим обсуждению. – А дорогу я знаю. Однажды вместе ходили. Так что постоишь ещё одну смену и за меня.

Я, оказывается, мало чего знаю об обитателях «Пятнашки». Точнее, совсем ничего. Две недели пребывания на блок-посту – не срок. Срок – это когда переливают кровь и называют друг друга по имени вместо позывного...

Под немигающим взглядом Затвора Арбалет переоделся «в снег» – извлечённый из пустого патронного ящика-подставки маскхалат. Подёргал контуженным плечом. Чует проблемы вместо копчика? Хорошо, что плечо левое – на правом, никого не пуская, хозяйничает автомат, для маскировки перебинтованный по самую мушку.

– Я бы всё же... Не к теще на блины...

Запнулся. Белка как раз к теще и ушёл. Но что-то же должно остановить Максима!

Арбалет – Максим. Родом из небольшого городка Карачев, пустившем корни между Орлом и Брянском. Убеждает, что именно в тех местах Илья Муромец по пути в Киев сразился с Соловьём Разбойником. На том месте даже планировали памятник поставить. И не Богатырю, естественно, а Соловью. Это ныне такое поветрие – стесняться говорить о главном. В Воронеже изваяли Белого Бима с Чёрным Ухом, а не Гавриила Троепольского, эту собачью историю написавшего. Так что не стоит обольщаться насчёт памятника и здесь. Если и поставят, то не ополченцам. И даже не

Затвору. В лучшем случае водрузят на постамент пулемёт с завязанным в узел стволом. Гуманно, символично, только вот мудрые китайцы учат, что последней войны не бывает.

Пока идеально ровный, готовый к бою заиндевелый ствол «Утёса» прикрывал Максима, по-пластунски утюжившего наст. Несмотря на комплекцию, у него горбится только «мародёрка» – карман на спине, в который я сунул две из трёх выделенных мне гранат. Оказывается, это достаточно – отдавать боеприпасы перед боем другому. Влип, конечно. Себе-то можно в этом признаться. Из Чечни выполз словно в игольное ушко, казалось бы, хватит испытывать судьбу, но подвернулась Лера... Только бы всё обошлось, потому что через недельку всё равно надо возвращаться в Москву. Сдавал резюме в службу безопасности Госзнака: охранять чужие денежки, раз своих нет. Вдруг там что-то прояснилось, а меня найти не могут...

Арбалет тем временем растворился среди «немцев», и щенок обеспокоенно поглядел на меня: а ты не исчезнешь? Не исчезну. Мне ещё надо приехать в любимый Лерой «Бардак» и завершить вечеринку. Можно в камуфляже. Зайти, заказать порцию водки. И подарить ей розу. Железную. Белка обещал дать адресок в Донецке, где какой-то кузнец выковывает их из осколков снарядов, падающих на город. На самых крупных укрыи пишут «Всё лучшее – детям». Где моя артиллерия?

Оставшаяся в единственном числе «лимонка» лежала бедной родственницей на бруствере. Давай-ка катись поближе, голуба. Да ложись в сковородку, чтобы не затерялась – не зря же её командир от снега очищал. И какая же ты удобная для ладони. Bravo конструктору. Как пасхальное яичко. А Пасха в этом году ранняя, апрельская. Под неё – уже крайний срок, нужно вернуться в Москву. Родителям сказал, что поехал охранять сочинские олимпийские объекты. Именно до Пасхи. Тогда казалось, что она далеко.

А у «немцев» тишина. Гнетущая. Каска лезет на глаза, от её тяжести отваливается башка, но на войне, чтобы не протянуть ноги, берегут именно голову. А она советует заранее загнать патрон в патронник.

– Гав, – сообщил Затвор о новом госте.

Картошкой-синеглазкой, а по сути, бильярдным шаром постучав круглыми боками по бортам траншеи, вкатилась в лузу моего окопа Маша.

– Где он?

Симпатия повара на блок-постах высчитывается по упитанности того или иного бойца. Через Максима перепадало с кухни и нам, даже Затвор, несмотря на грозный вид Маши, завилал хвостом.

– Где?

Припала к брустверу. Несмотря на сопротивление, напялил ей оставленную Максом каску. Росточка поварихе не хватило даже с ней, приподнялась на цыпочки оглядеть подсолнечник. Стоит, милый. Никуда не делся. Делись ребята...

– Дураки вы, мужики. Какие же дураки!

Неправда её. Мы ещё хуже. Отец, готовясь к походу за продуктами, всегда вздыхал: нас на рынок ведут как баранов, назад возвращаемся гружёными ишаками.

Маша вжалась в мёрзлую землю с желанием сидеть в лунке до возвращения Максима. Но и меня по голове не поглядят за посторонних на посту. А главное, одного себя защищать легче, чем кого-то ещё, к тому же бестолкового, как не окученная картошка.

– «Небо» будет первым знать обо всём, – пошёл на обман.

Повар, словно в фильме при обратной перемотке, выкатилась из лузы, принялась биться о те же траншейные борта на изгибах. Затвор вновь заглянул мне в глаза: у нас всё в порядке?

– Домой! – махнул ему, указывая на повариху. – Домой, фу! Пошёл.

Щенок для очистки совести потоптался на месте будущего памятника, но в итоге, не гавкнув даже «спасибо», заячьими прыжками пустился догонять попугайчика с исходящими от её бушлата и рук вкусными запахами.

Через мгновение он уже нёсся обратно, боясь попасть под ноги разбегающихся по траншее бойцов: капитан поднял «Пятнашку» по тревоге – причинять добро и наносить пользу.

5

– Сироты мы, сироты. Только я без отца и матери, а вы без мозгов и совести.

«Небо» рыскает окулярами бинокля по нейтралке. Белки и Арбалета нет даже в семикратном увеличении, потому всё вдвухается лишь в мои уши. Терплю за троих.

– Вернутся – самолично расстреляю! – передал им будущую кару лётчик и погнал планшетку дальше по траншее, утыканной касками бойцов.

А меня осенило: зря он прибывал мобильники на пожарный щит. По крайней мере, по геолокации телефона можно было бы установить место нахождения Максима. Хотя нет, не факт. Выкупившая у нас в районе бывшие колхозные поля фирма «Мираторг» вживила завезённым австралийским коровам чипы в уши, чтобы оператор мог по компьютеру отслеживать бурёнок на пастбище. Заприметили, что одна с самого утра топчется на одном месте. Послали пастуха проверить, а у того лошадь на дыбы: лежит в травушке-муравушке отрубленная коровья голова с чипом в ухе, а самой австралийки-то и нет. Уволокли давным-давно цыгане тушку через ограждение...

Дёргаю головой: не те истории вспоминаются. У ребят ничего не должно случиться. Хотя уже темнеет. Перевалить,

перепозти через ночь! Хоть по-пластунски, хоть строевым по плацу вместе с белогривыми лошадками.

Под бушлат, – ну сколько можно, вновь просочился холод, и пришлось плечами разгонять стадо мурашек, бизонами топчущихся по позвоночнику. От стылости, конечно, лучше всего спасает горячая еда, но перед боем только идиот побежит к повару, даже если это синеглазая Машенька: солдату лучше, если при возможном ранении в живот тот будет пуст. Войной дирижирует физиология. Хотя, если не кашу, то чайку с лимончиком глотнуть не помешало бы. Как-никак, а пять часов на ногах. Уже пять. А когда-то двенадцать минут казались вечностью. Лере не прижиться в таких условиях, ей, неумной, через каждые полчаса требовалось куда-то бежать. Плохо, что стихи не пишутся. Даже про неё. Отдельные строчки, как проталинки, ещё отогреваются от мороза, но весеннего полноводья нет. Или года к суровой прозе клонят?

А с ребятами, конечно, беда. Странно лишь, что ни выстрелов, ни взрывов не прозвучало. Оправдание одно: мужики заприметили у укров что-то важное и высматривают, не выдавая себя.

...Я высмотрел Арбалета часа через два, когда совсем стемнело и пошёл снежок. Монокль ночного видения, разжижающий темноту до бледного лунного пейзажа, ухватил некое шевеление у водонапорной башни. Пять-семь белых всплесков оторвались от немецкой шеренги подсолнечника и мелкой зыбью лизнули наст минного поля. Показалось или всё же диверсионная группа? Но они что, не знают о минах? На что надеются?

Надеялись на Арбалета!

Его вытолкали вперёд, сбили с ног, но он с усилием встал снова. На груди по всему маскхалату шли тёмные пятна – при зелёном искажении света это могла быть только кровь. Максим же, словно надеясь, что мы видим его,

сделал лёгкий успокоительный жест рукой.левой. Когда-то прострелянной. Сейчас безжизненно свисала правая, которой удобно было выхватывать гранаты из «мародёрки». Промчалось, никуда не девшись, стадо бизонов, впившись острыми копытцами между лопаток: а если бы не увидел разведку? Если бы Арбалет не встал? А не сдрейфи я сам и рыскай во все глаза в поисках опасности – и поминай как звали?

На войне не бойся бояться!

– Сюда! Сюда! – позвал я громким шёпотом в обе стороны хоть кого-нибудь. Прибор ночного видения только у меня, потому что я главная, выдвинутая вперёд, огневая сила.

Подскочил сам «Небо», без усталости гонящий планшетку по изрезанному траншеями футбольному полю. Вместо того, чтобы выхватить из кармашка судейский свисток, выудил собственный монокль, что мгновенно превратило его из футболиста в театрального зрителя, поглощённого разворачивающимся на сцене действием.

– Он повёл их на минное поле! – примерил капитан на себя ещё и роль комментатора. И? Что дальше? Почему замолчал? Я бы первым выгнал его из окопной радиостудии, потому что слушателю важнее следить за происходящим событием, чем вслушиваться в тишину.

Не надеясь больше на репортаж, припал к своему окуляру. Резкость упала, усиливающийся снежок заретушировал картинку, но позволил рассмотреть, как к ногам Арбалета снежные хомяки-суслики привязывали верёвку. И едва Максим вновь попытался встать, её дёрнули, заставив пленника воткнуться лицом в снег. Хотят проползти по безопасному зигзагу, который знает только проводник?

– Сидишь тут, – приказал лётчик мне и рванулся на правый фланг, к тайному проходу в минном поле. За ним

вслед, виляя хвостиком, заскользила по траншее солдатская ниточка, нанизывая на себя бусинки-каска.

Не доверяет? Я своим «Утёсом» перемолочу этих сусликов в труху. И до лампочки, жрали они кашу перед этим или только о чае с лимоном думали. Одни шнурки из снега торчатъ будут.

Но Максим, Максим! Как же попался? Ведь не Белка же сдал, не выдержав пыток! Лично я не хочу пыток! Потому гранаты надо носить не на спине, а...

Перепугал до смерти, ткнувшись в ноги, Затвор. Получив пинка, заскулил: ты что, не знаешь, как страшно потерять, остаться одному во всей этой суматохе? Знаю, дружище. Но там Арбалет ползёт зигзагом. Вместе с врагом, который перестреляет нас, как собак. Извини за сравнение, но тебя тоже вряд ли пощадят. Но если хочешь на бруствер, то поднимайся быстрее. А то ведь зыбь не замирает, движется еле уловимым перекатом, плотно сливаясь с усиливающимся снегопадом. Даже мне глаза не гарантируют, какой бугорок закрепился за Максом. А вдруг там ещё и Белка? Или жена его? И что делать капитану в этой ситуации? Даст команду на открытие огня? По своим? Нет большей подлости на войне, чем укрываться живым щитом. Мечта уголовников. Чем потом гордиться будут? Как и какую историю изучать? Кто войдёт в герои украинских книг? Интересно, а Андрейка-наркоша среди наступающих? Или командир родственничков бережёт?

Вдавился в резиновый ободок моногля, приближая минное поле. И зря настраивал резкость: в ту же секунду в глаз, в самый его зрачок полоснул огонь, заставив отпрянуть от окуляра. Боясь отстать от вспышки, оказаться второстепенным, третьесортным, вернулся улетевший было в небо грохот разрыва, за ним братом-близнецом – второй. Кто? Только не Арбалет! Потому что если подрыв, то

он – не предатель. Он не пополз зигзагом! Он завёл зычьё на минное поле.

Вернул себя в зелёную Луну, торопливо отыскал два дымящихся кратера. От их рваных краёв отползали раненые инопланетяне, и когда подумал, что самое безопасное место для них – это как раз воронка, а не чистое поле, под одним из лунатиков прогремел третий взрыв.

Зашёлся лаем Затвор, мешая угадывать Максима. Получил в бок, но не отстал, перешёл на визг. Вторя ему, у водонапорной башни залилась непрерывным лаем стрельба. Всё же прорыв. Опасность там!

Рванул пулемёт бежать на подмогу. Тот с неохотой, цепляясь ножками за мешки, но поддался, однако в тот же миг оцепенел я сам: прямо на нас с Затвором из темноты метели неслись, легко преодолев под отвлекающий маневр на минном поле уже половину нейтралки, нацики. Бежали молча, до последнего стремясь не привлекать внимания – белые от маскхалатов, пушистые от снега при молчаливой поддержке чёрных фашистов. И эта их психическая атака, их жабий прыжок, их близость парализовали мою волю, оставив лишь возможность смотреть на свою скорую чёрно-белую пушистую смерть.

Сорвав на первой же ноте голос, зашёлся сиплым лаем перед нашей общей с ним гибелью Затвор, родившийся на войне и потому самый опытный и преданный боец «Пятнашки». Дёрнул зубами за локоть – делай же что-нибудь, у меня ведь нет рук, как у тебя, чтобы стрелять! Благо патрон, поставленный первым погибнуть, сгореть в адском пламени порохового заряда, готов потянуть за собой в бой всю ленту. Мне оставалась лишь самая малость – нажать на гашетку.

С усилием, но нажал. И, почувствовав отдачу в пальцах, очнулся. И косил врага непрерывной очередью так долго, что задымился, как в бане от жара, заиндевший ствол

«Утёса». Не выдержав суматошной тряски, вырвались из-под приваленных мешков его ножки циркулем.

Но слишком близко подбежали нацики, мне не хватало секунд перезарядить ленту и собрать их под одну пулемётную очередь. Схватил со сковородки и бросил перед собой ладное «пасхальное яичко». С Пасхой, православные, да только неверные! Думаете, рано? А вдруг я вас больше не увижу?!

6

За ранеными сквозь снегопад чихающий от дешёвого топлива «бэтр» пробился лишь к утру. Ещё более надрывно кашляющий возница нёс на плече моток проволоки: бойцы давно предлагали взять электричество со столбов, проходящих невдалеке.

Самого капитана вывели из штабного кунга как невесту – под руки. Лишённый при развале Союза возможности летать, «Небо» получил теперь автоматную очередь и по ногам – чтобы ещё и не ходить? И книжек читать не надо, в одном человеке вместились целая эпоха. Более всего командир жалеет, что в суматохе боя соскочил с шомпола и потерялся ключик от дома. Попытались всей «Пятнашкой» просеивать сквозь пальцы снег в траншее, да только на осинке не растут апельсинки, как приговаривает сам капитан. Остаётся надежда лишь на дедушку Апрель, который растопит снега. Хотя он, конечно, – юноша, ошиблись с метриками дорожники...

В список на отправку внесена и моя фамилия. Плечо, хотя и задетое пулей по касательной, не давало уснуть всю ночь, и преодолевать её помогал Затвор. Засыпал он, конечно, по-детски бессчётное количество раз, но вскидывался по-солдатски мгновенно, едва я делал неосторожное движение.

Маша крутилась над носилками с Арбалетом. «Принести ногу» ему при подрыве оказалось некому, и вместо жгута он перетянул остатки ступни оторванным от маскхалата рукавом. Потерявшего сознание, замерзающего, его под прикрытием лавины огня всей «Пятнашки» вытащил по зигзагу капитан, на последних метрах сам схватив автоматную очередь. Мой «Утёс» прикрыл бы его более надёжно, но «Небо», лётчик «Небо» просчитывал возможный прорыв по земле в моём секторе и не тронул меня с места. Поберёт «Пятнашку», а сам пополз под свинцовый дождь с дырявым зонтиком. Всё же знатно учили в советских военных училищах будущих офицеров.

Про Белку Максим ничего не знает. Может случиться и так, что его исчезновение останется тайной на веки вечные. Война это допускает – пропадающих без вести. Страшно представить, что могло случиться с нашим попавшим в плен уральцем. Если жив – сил тебе выстоять в застенках мирной красавицы Украины. Самого Макса сдал весёлый беззаботный Андрейка, поведавший «Клод Ван Дамму» о своих встречах в подсолнухах. Не желая судьбы Белки, предложил провести разведгруппу через минное поле...

Кроме мотка проволоки, возница привёз трёх сменщиков. В новом командире по точечкам въевшейся в лицо угольной пыли угадывался бывший шахтёр. Сменив одного из «свадебных» пажей, он сам повёл, как к ЗАГСу, капитана «Небо» к бронетранспортёру, выпытывая на ходу условия службы. Два новых, озирающихся по сторонам бойца топтались на месте, обнюхиваемые Затвором и позёмкой. Возможно, они были как раз из тех разгильдяев, кто тренировался в лагере у Печенег: бурятские кавалерийские водолазы спецназа ГРУ Космических войск Российской армии. Но даже этого звания им недостаточно, чтобы заменить нашу тройцу у «Утёса». Тяжеловато придётся мужикам без нас, как ни крути.

– Быстрее, чтобы по колее обратно пробиться, – прокричал и для провожающих, и для отъезжающих возница. Главный на войне не командир, а тот, кто привозит вести.

– Пять минуток! – гражданским голосом попробовал взять руководство блок-постом в свои руки шахтёр, уговаривая двигаться быстрее. Не Чапаев и даже не «Небо». Кого определит в расчёт на направление главного удара?

Я оглянулся на лагерь. Провожающих почти нет, все на постах или отсыпаются после смены. Метель притулила самодельный крест на могиле Ольги Сергеевны, и через эту разорванную взрывом раму рассмотрел заметаемые на нейтральной полосе бугорки-трупы. Окошки на войне одинаковы для всех и открываются в обе стороны: с чем заглянул в него, то отражение и получишь. С моей солдатской точки зрения яичницу из сковородки я приготовил для «жаб» отменную. Наелись досыта. Потому как не надо заглядывать к повару в кухню, если он не просил об этом! Трупы на вес золота, ими можно будет поторговаться за Белку. Война – не только физиология, она ещё и игра, торговля...

Оберегая руку, тащу свой рюкзак к БТР волоком. Что не успел, так это расспросить Белку про донецкого кузнеца с его розами из осколков. Только зачем это теперь мне: я ничего не собираюсь доказывать ни Лере, ни её друзьям. И в «Бардак» не пойду. И дел-то в Москве у меня с гулькин нос – побывать для очистки совести в Госзнаке, чтобы получить почти гарантированный отказ, да съездить к родителям. Хотя с таким плечом показываться нежелательно, на сочинских курортах руку можно сломать или вывихнуть, но не подстрелить.

Ветер калмык сёк лица, от нейтральной полосы веяло предгрозовым затишьем. Время поторапливали двое – Шахтёр и возница. Может, ещё и «Небо» с Арбалетом мечтали побыстрее попасть под опеку врачей. Мне полегче,

касательная заживёт, как на Затворе. Он и провожает меня до брони. Чую скорое расставание, запросился на руки. Вскарabкался по живой, как матросик по канату, лизнул в лицо: ты ведь ещё вернёшься? Как мне одному без вас, которые пришли с северным ветром, а теперь исчезаете один за другим? Обхватил меня кривыми лапками: стрелять ими не умею, а признаться в любви могу. Но даже такой слабой ласковой силы хватило, чтобы причинить боль плечу, и подавляю стон, боясь напугать малыша ещё больше.

Возница, запихивая свой надрывный кашель в люк механика-водителя, кивает – трогаем.

– Иду, – хлопнул, словно по крупу, я по броне «бэтра». Тот легко задрожал в ответ, фыркнул: тоже готов!

Ну что. Вот и конец моему пребыванию в параллельном с Москвой мире, в который после Чечни даже во сне не планировал возвращаться. И убеждаешься в тысячный раз, что от тебя совершенно не зависят события, происходящие в мире. Есть ты или нет, а снег будет падать. И пули отольют для стрельбы, а не хранения пороха. И Затвора тоже кто-то подкормит. О тебе говорю, дружище. Хочешь со мной в Москву? Покажу златоглавую, а то одни окопы да траншеи в биографии...

Примеряюсь к скобе на броне. Люк «героев» заняты тяжёлыми ранеными, придётся лезть в верхний, словно специально сотворённый для тренировки снайперов в их стрельбе по живым мишеням. Но авось дважды в одну воронку снаряд не попадёт, хватит вчерашнего ранения. Да и чеченская контузия имеет свой счёт. После неё я не стал возвращаться в свою роту, дослуживал в Подмоскowie. Никто не упрекнул, да и не за что, контузия в десятки раз опаснее пулевого ранения, потому что неизвестно, когда и как проявится. Но сержант Васька Васильев, сам обгоревший, но вытолкнувший меня из подорванного БТР, вернулся и через полгода погиб. Чего лукавить: потом часто

думал-сопоставлял: а служи я рядом, сумел бы что-то изменить в раскладе его судьбы? Виновен или нет в его гибели? Прятался ли потом в московской подземке от самого себя или просто отмаливал грехи, устраиваясь на службу у Храма Христа Спасителя – не знаю и старался не акцентировать на этом своё внимание. Нет, конечно, просто случайное совпадение. Как и Лера с друзьями совершенно ни при чём в моём решении ехать в Луганск. По большому счёту, я просто опосредованно вернулся в Чечню через десять лет. Судя по ранениям, войны меня не любят, выталкивают из себя как инородное тело, но ведь именно мой «Утёс» сорвал вчера жабий прыжок врага. Может, та давняя контузия сберегла меня для того, чтобы сегодня оказался в нужное время в нужном месте. Пусть и по приказу «Небо», который, как и Васька Васильев, нужны для того, чтобы вытащить кого-то из боя. Войне не жить без героев, без них у неё нет дыхания, она мгновенно захлебывается, не получая развития под пятой более сильного и алчного противника. На Донбассе ополченцы зачехлили парадные знамёна Украины, и «северный ветер» сыграл в этом не последнюю скрипку.

А сейчас... сейчас о моей судьбе за меня думает Госзнак. Хотя как думает? Большие деньги чужим людям охранять не доверяют, так что итог предreshён. Это мы с какой-то лёгкой глупостью доверяем другим свои души, мысли, принятие решений. Чтобы снова спускаться в подземку и отмаливать грехи? Как же я соскучился по самому себе!

БТР подгазовал, набирая обороты, и вместо того, чтобы влезать на броню, хлопаю дряхлую механическую лошадку:

– Пошёл!

Для подтверждения машу вознице, хотя у БТР нет боковых зеркал: без меня!

Глупость, конечно, несусветная, детский взрыв эмоций. Завтра, скорее всего, пожалею о содеянном, но не состоит ли Вселенная из наших же поступков?

Боясь передумать, вновь потеряться между войной и миром, отталкиваюсь от брони. Устроившемуся на груди Затвору непонятны мои резкие движения, он любопытной варварой выворачивает шею: что опять изменилось в этом мире? На этот раз я сам целую его в чёрную кляксу носа и, не смотря на боль, прижимаю к груди.

Откуда я родом, вы не спросили.

Я – северный ветер. Я – из России...

СВЕТЛАНА ТИШКИНА

(Луганск)

ФОРТОЧНИК

Рассказ

Не поверите, в войну даже голуби стали другими. Ну как же? Животные наравне с людьми хлебнули страха – быть убитыми, страха – не найти крох для пропитания... Сердце сжалось от сострадания, когда обратила внимание на пустые, ввалившиеся вовнутрь, зоба Божиих птах, заглянувших в моё окно.

Голубь – символ мира, целомудрия, чистоты, и незлобия...! Голубь – символ Святого духа, сошедшего на апостолов – третьей ипостаси Троицы!

Я ахнула, подумав об этом. Но передо мной были вовсе не символические, а самые настоящие Божии тваринки, причём голодные преголодные!

Помню, как делила с трудом добытую буханку хлеба, чтобы и голубям достались крохи, которые аккуратно, чтобы не потерять ни одной, высыпала на подоконник. Оголодавшие голуби с жадностью накинулись на угощение, сметая своими крыльями то, что хотелось достать клювом. Когда подоконник опустел, голуби проявили немалую смекалку, чтобы найти под окном упавшие крошки. На десерт им достались ещё остатки перловой крупы, которую, если честно, боялась давать, сомневаясь, что такие малые птахи смогут её переварить.

Судя по громкому воркованию, от которого я проснулась следующим утром, перловка не причинила голубям

никакого вреда. Они требовали повторить сытный завтрак. Как им было объяснить, что кормить крылатых гостей мне было нечем? Я попросила у них прощения и пошла собираться на дежурство, во время которого мне должно было перепасть кое-какое пропитание для семьи... а теперь ещё и для голубей. Смотреть на их пустые зоба было невыносимо стыдно.

Но голуби никак не хотели отпускать меня на работу. Один из них – самый крупный, с серо-чёрным оперением и радужными переливами на грудке – взлетел и уселся на раму открытой форточки. Пронзительным воркованием он не просил, он требовал подать ему завтрак. Мне было некогда, настроение было не из лучших, но я вернулась на кухню, ещё раз открыла ящик, где хранила крупы, собрала со дна просыпанные ранее крупинки и положила на подоконник. Но этих крох было слишком мало, чтобы накормить десяток голубей. Большинство из них вошли в положение и улетели в поисках другой хозяйки в окне, которая по каким-то причинам ещё не стала беженкой в это горячее артобстрелами лето. Но вот два голубя улетать не собирались. Тот крупный вожак стаи неотрывно следил за каждым моим движением.

Что было делать? Не без сожаления из того же ящика я извлекла последний пакет риса, который берегла как неприкосновенный запас. Распаковав его, пару горстей зёрен я высыпала всё на тот же подоконник.

Вожак не в меру осмелел. Когда я открыла окно, он перелетел с форточки на подоконник и прямо из рук начал заглатывать угощение. Утолив голод, пернатый «боров», как я назвала этого милого нахала, допустил к трапезе и свою белокрылую подругу. Хотя, если подумать, какой же он боров, если за голубкой ухаживает? Но ведь уже назвала...

Когда остальные голуби попробовали вернуться на подоконник, произошла самая настоящая голубиная драка.

Остатки рисовых зёрен разлетались в разные стороны, но можно не сомневаться, победителем потасовки стал «боров».

С того дня, стоило мне появиться на кухне, голубь бросал все свои неотложные дела и прилетал на подоконник.

– А сама виновата. Не надо было причучать!

Слава Богу, совсем уж голодный период не растянулся на всю войну. Уже через два-три месяца, благодаря помощи из России, выдвижной ящик для круп на моей кухне заметно потяжелел. Голубь не раз наблюдал, как я доставала из него пакет и, к его радости, часть содержимого высыпала на подоконник.

Хлебные крошки также перестали быть дефицитом. Я с удовлетворением отмечала, что и у голубей дела пошли на лад. Их зоба из вогнутых вновь стали привычно выпуклыми. Пернатые перестали так жадничать и намного реже дрались за лакомые крошки. Не раз наблюдала, как соседи благоразумно выносили на улицу корм для птиц. Превозмогая природную осторожность, воробьи, вороны, сороки, галки украдкой тоже подбирали голубиное угощение. Мирная жизнь брала своё, не спрашивая разрешения у затянувшейся войны.

– Опять к Светке с третьего этажа полетел, – услышала я как-то знакомый голос соседки, – ты посмотри что вытворяет! Во даёт!

Со стороны кухни раздалось характерное хлопанье крыльев. В это время я сидела за компьютером и, стараясь не отвлекаться, дописывала статью в газету. По этой причине решила, что пусть уж голубок подождёт, пока я не закончу работу...

Какая же я была наивная! Хозяйка сидела и писала, а в это время голубь, не дожидаясь, пока она накроет для дорогого гостя стол, влетел на кухню в открытую форточку. Сначала гость прошёлся по полу, оставив на нём пару «мин» птичьего помёта, затем взлетел на стол. Крышка на

сковороде сдвинулась под его весом и поехала в сторону. Через мгновение она со звоном упала и покатилась по полу.

– Кто это хозяйничает на моей кухне? – удивилась и стремглав понеслась выяснять...

Голубь вжал голову, готовясь взлететь, но, посмотрев мне в глаза, почему-то передумал и продолжил клевать остатки гречневой каши со сковороды. Тут я увидела следы помёта на полу, на которые едва не наступила. Думаю, это любой хозяйке бы не понравилось. Я не стала исключением, но больше того я испугалась, что каша на поджарке с луком и морковкой – слишком жирная пища для голубя. Он хоть и «боров», но не свинья же на самом деле.

– А ну кыш отсюда! – крикнула я обжоре, – Кыш, кыш, кому говорю!

Но каша нравилась «борову», он не хотел отрываться от такого изобилия. Похоже, этот сизарь был уверен, что я не причиню ему вреда.

Тогда я схватила кухонное полотенце и замахнулась на наглеца. Подействовало. «Боров» тяжело взлетел, стукнулся об оконное стекло, сделал полукруг, чтобы подняться выше, и благополучно вылетел в форточку. Убрав следы пребывания непрошенного гостя, в знак извинения, я насыпала хлебные крошки на подоконник и вернулась к работе над статьёй.

Думаете, голубь обиделся и перестал прилетать? Ничего подобного. Один либо в паре с голубкой он ежедневно прилетал в гости. Мое отсутствие его не останавливало. Один раз я пришла домой и увидела на столе разорванный целлофан и поклёванный батон. Кто это сделал, вопроса не возникало. Повсюду тёмными пятнами на светлом линолеуме лежала благодарность за хлеб и воду.

В следующий раз я застала обоих – голубя и голубку – за расклёвыванием пачки пшеничной крупы. На столе и на полу уже лежали разбросанные крупинки.

– А сама виновата. Нужно было сразу убрать в стол.

Я стала гнать «форточников», но тут же пожалела об этом. «Боров» легко вспорхнул и вылетел в полуоткрытую форточку, а вот голубка заметалась от испуга. Она несколько раз стукнулась о стекло, прежде чем я смогла открыть настежь окно, чтобы она вылетела.

Во избежание повторения неприятных моментов, я стала прикрывать форточку, оставляя лишь малюсенькую щелочку, в которую голубь не мог протиснуться. Лето стояло жаркое, только сквозняками и спасались, а из-за голубей приходилось терпеть неудобство.

Но и на этот раз я недооценила голубиные мозги. По-прежнему, вернувшись домой, я находила следы пребывания голубя на кухне. Каким образом этот хитрый «форточник» проникал в дом? Элементарно. Он приспособился всей своей «боровской» тушкой биться о стекло. С первой, второй или третьей попытки форточка со скрипом поддавалась, и щель становилась шире. В неё голубь виртуозно влетал и вылетал обратно из моего дома, оставляя мне все те же следы пребывания.

Голубка тоже научилась влетать в полуоткрытую форточку, но вот найти выход обратно у неё не получалось и пару раз она ожидала, пока я не приду и не открою ей окно.

Когда жара пошла на убыль, форточку я стала закрывать наглухо, отучая голубей хозяйничать у меня дома. А то ишь, голубятню из кухни устроили!

– А сами виноваты! Не надо было так наглеть...

Хватит того, что вдобавок к голубям, мою лоджию оккупировали осы. Эти немилые насекомые тоже пользовались моей добротой и, не обращая внимания на недовольство, спокойно строили свой улей. Мне советовали соседи избавиться от них ядохимикатами, но у меня рука не поднималась вот так взять и убить их. За это они безжалостно жалили меня, когда я выходила на лоджию подышать свежим

воздухом или взять какой-то инструмент. Иногда доходило до десятка укусов сразу. Теперь это была их территория, которую они охраняли. А тут ещё на любимую кухню голуби покушаться стали. Терпению моему приходил конец. Пора было обратно отвоёвывать у настырной фауны место для жизни человека.

А вот к голубю тому у меня вопрос-таки остался: «Если бы не война и не голод, набрался бы он такой смелости не просить, но требовать у человека накормить его?»

Вот и опять прилетел.

– Слышу-слышу... Да иду я, иду... Ишь какой нетерпеливый...

АВТОБИОГРАФИЯ

Рассказ

Спустя 26 лет и три недели после дня рождения, Роман Загоруйко вместе с группой попал под минометный обстрел. Тех из них, кто подавал признаки жизни, добивали украинские снайперы. Или снайпер. А Ромку укрыла тяжелая ветвь, ее осколком буквально срезало с дерева. Она стволом ударила парня по спине, когда он лежал на земле и терял сознание от боли – осколок сильно повредил левую руку.

Мысли в забытьи текут медленно.

Левую руку ранило...

И только ли ранило...

Повезло, что левую...

Наверное...

Очнулся ночью. Подал голос. Тишина. Вдалеке грохотал «артой» и лупцевал автоматными очередями бой. Наши, по всей видимости, были уже на окраинах Дебальцево.

«Дотуда – километров десять. Не дойду...», – с ходу от-мел первый вариант Роман.

Тогда – двигать к совхозу. До него – километра три-четыре. Тоже не близко. Но отлеживаться здесь и по давню не имело смысла: их группа должна была быть в составе объединенного «кулака» на Дебальцево. Искать здесь тела никто не станет.

В общем, сначала – раненая рука. Уже примерзла с кровью к снегу. Отодрал сперва плечевую часть. Потом ниже

от локтя. Ах! Все, швах руке! И к доктору ходить не нужно. Стянуть руку выше локтя. Чем? Справа нащупал «калашников». Кое-как достал нож. Отрезал ремень автомата, орудуя зубами и здоровой рукой. Перетянул. Теперь встать. Правой (левая отозвалась острой, всепроникающей болью) отодвинул от тела здоровенный сук. Резкой «ответкой» саданула спина. Он аж замер, боясь шевельнуться. Чем не иллюстрация вредности военной профессии?..

Ладно, опираемся на землю правым локтем.

Подтягиваем левую ногу и упираемся коленом в землю.

Теперь подтягиваем правую ногу.

Тут все дело в правильном упоре.

Резко встаем.

Спина брызнула россыпью самых различных ощущений. Так и замер в полуприсяде. Кое-как ухватился здоровой рукой за стоявшее рядом дерево. Встал, обнял ствол всем телом. Читал когда-то, что у деревьев можно напиться силой. Если правильно попросить.

Но это лирика, наше дело – физика.

Луна светила ярко. Нужно взять автомат. Попробовать его, как посох. Нет, ерунда – будет в снег проваливаться. Упал на колени, сгибать спину поостерегся. Правым коленом вперед, правая рука страхует. Есть, схватил упавший сук! Ножом, осторожными, экономными движениями срезал с ветви более-менее ровную палку.

Попытка номер два: ровная спина, здоровой рукой – за посох (выдыхай!), правая нога встает, затем левая. Огляделся. Пятеро его товарищей не подавали признаков жизни. Он – шестой. Ему докладывать. Если доживет до доклада. Молча постоял, глядя на распростертые тела. Во многих местах снег окрасился в бордовый цвет. Молча кивнул, прощаясь. Потом их обязательно похоронят. По-человечески, по-христиански. Нечего пацанам лежать на морозе.

Сначала шел по обратным следам. Нет, шел – громко сказано. Брел. Это тоже громко. Еле двигался. Вот, уже честно.

Затем ситуация осложнилась: снег стал глубже, каждый шаг отдавался дикой болью в спине. Осторожно, опустил-ся на колени. Дышал. Сунул в рот кусок снега. Пожевал.

Дело гиблое. Это уже ясно. С такой скоростью идти дня два, а то и больше. Не выдержит ни рука, ни спина. А быстрей тоже не получится. Ползком? Такой вариант отшел с ходу: может, попозже. Сейчас лучше идти.

По ходу движения мысли текли плавно. Это странно, ведь ноет все тело. Но мысли отвлекают, и это хорошо.

Ромка начал вспоминать своих погибших товарищей. Витька «Арбат» – ходячий выпуск последних сплетен. Но насчет наступления оказался прав. Кстати, почему «Арбат»? Точно! Он рассказывал, что по совсем уж молодости выступал на Арбате. Чем Витька всех насмешил в «Заре», когда пришел в ополчение? Заявил, что незадолго до войны прошел по несколько раз компьютерную «стрелялку» «Сталкер», а потому считал себя крайне опытным бойцом. И позывной себе такой же выбрал – «Сталкер». Но «Арбат» оказался короче, да и «укров» тогда троллили на каждом шагу наличием в рядах ополчения «конных буряттов Путина».

Марат. И позывной такой же. Собран, спокоен, в противовес балагуру «Арбату» казался даже нелюдимым. А ведь они оба потом сдружились. Видать, принцип равновесия сработал. Кем он был, Марат? Строителем, кажется.... Нет, водителем.

Саша «Граф». До войны – фотограф в салоне. В отличие от ребят, «клацающих» и снимающих на видео с телефона, категорически отрицал все эти «клацания». «Я не снимаю, я – фотографирую!», – любил он подчеркивать. А «Граф» – это коротко от «фотограф».

Мишка «Цой». Ну, тут сразу ясно и понятно: фанат группы «Кино» и Виктора Цоя персонально. Петь не умел, в игре на гитаре тоже не замечен. Но в телефоне – все альбомы группы, все пиратские записи. В свободное время, при наличии интернета, любил находить перепевки песен группы. Как-то «Цой» показал выступление одной дородной российской певицы, ранее зарекомендовавшей себя исполнением народных песен. Та нанесла на лицо несусветный возраст и имиджу «камуфляж» и исполнила «Группу крови». Хватило духу просмотреть один куплет.

Ромке позывной дали очень незамысловатый – «Ром». Ну, «Ром» так «Ром». Напиток, кстати, фигня. Пробовал как-то. Не пошел. Да и вообще не любитель он крепких напитков.

Игорь «Ярик». Еще один балагур и весельчак, но только на отдыхе. В часы «работы» на лице – ни улыбки, даже хищное какое-то лицо становилось. Ни одного лишнего движения, ни одного лишнего выстрела. Командир их группы.

Именно «Ярик» накануне выхода к Дебальцево принес в «располагу» и раздал всем чистые бланки с надписью сверху в центре «Автобиография».

– В штабе передали, чтобы все заполнили, – пояснил он.

Ромка взял свой бланк. Достал ручку и задумался.

– «Граф», а как заполнять, не подскажешь? – обратился он к Саше.

Тот отвлекся от своей писанины, развернулся к Ромке.

– Ты что, ни разу автобиографию не писал?

– Неа, – признался Ромка. И это было чистой правдой. В типографии он писал только заявление на работу.

«Граф» подошел к нему.

– Вот, пишешь сначала: «Я, такой-то, такой-то, родился тогда-то, там-то». Потом пишешь про родителей, где они родились, потом про брата или сестру, если есть. У тебя же брат есть, правильно?

– Двоюродный. Родных нет.

– Ну, тогда пиши про родителей, затем далее – про себя. Где учился, где работал.

– Слышь, Сань, да я ж после школы сразу в типографию ушел работать учеником. Батя рано умер – шахтер. А у мамки зарплата была копеечная.

– Так и пиши – после школы работал там-то.

– И все? – удивился Ромка. – Да ну нафиг, что ж это за биография?! Ну ладно...

Однако погружение в свое недавнее прошлое у Ромки затянулось надолго. А бланк был всего один. Парень боялся сделать ошибку, тем более, что ручкой писать давно уже не приходилось. Так и оставил недописанный бланк на кровати «с прицелом», что вернется – закончит.

А теперь выходит, под вопросом его автобиография, даже такая куца...

Ладно, нужно сделать привал. И попить немного. Скоро он должен выйти к электрощитовой. Там можно будет передохнуть. Ромка помнил, что от «щитовой» они недалеко отошли, когда их «накрыли». Меньше километра.

А шкандыбать становилось все труднее. Это в книжках герои преодолевают боль, и совершают подвиги, несмотря ни на что. В жизни – нет, в жизни все не так.

... В «щитовую» он уже заползал. Ноги просто не удержали перед входом. Да и как – «заползал»? Подтягивал все тело одной рукой, ногами едва отталкивался.

Минут десять просто лежал. Потом достал флягу, сделал маленький глоток. Вода была ледяная. Четыре стены спасали от ветра. Да и крыша у «щитовой» уцелела.

«Надо отлежаться», – была последняя мысль перед забытьем.

Тем временем пошел снег. Жирные хлопья лениво падали с неба. Все больше и больше. Вскоре цепь следов, которая указывала на путь Романа от места трагедии до

«щитовой», оказалась полностью засыпана. И снег продолжал идти. Тихо, словно сказочная история наперекор войне.

А Ромке снилась улыбка тети Маши. И снилось, как он с братом, зажав в кулаках мелочь, наперегонки мчат к заветному киоску, до которого от двора – метров 50. Их ждет сказочный момент: приготовление газировки. Это последний уцелевший в городе киоск, где делают настоящую газировку, в бутылках уже «не тот компот».

Тетя Маша встречает улыбкой: «Маленький стакан, помню!».

Процесс приготовления газировки прост как та мелочь, которую Ромка с братом отдают киоскеру. Она бросает деньги в тарелку. Затем берет граненый стакан, слегка ополаскивает его под тонкой струйкой воды из спецустройства. Перед ней другое специальное устройство: закрепленные вместе перевернутые вниз узкой частью три конусовидные емкости. К «носикам» приделаны краники. В одной емкости сироп, в другой – томатный сок, третья неизменно пустует. Почему одна емкость всегда была пустой – загадка, мучавшая Ромку все детство.

Тетя Маша продолжает священнодействовать: в ополоснутый стакан она наливает чуток сиропа и щедро заливает его шипучкой из третьего спецустройства, подключенного к громадному баллону с таинственными манометрами. Все знали, что это – манометры, а в баллоне – углекислый газ. Что из себя представляет углекислый газ, доподлинно было неизвестно, но то, что без него газировка не получится, знал любой ребенок.

Ромка с братом залпом выпивают по полстакана, а затем уже неспешно потягивают напиток богов. Вокруг кружат осы и мухи, некоторые опрометчиво бросаются в стакан с газировкой. Вокруг негой разливается жаркое лето. Еще Ромка сквозь сон вспоминает, что тетя Маша никогда не

менялась. Уменьшались деревья, километровая увлекательная прогулка сжималась в банальные «15 минут ходу», а тетьа Маша все также священнодействовала в своем кioskе. Всю дорогу обратно газировка весело плескалась в животе, а спустя время передавала вполне отчетливый «привет».

Он и очнулся от «приветов» мочевого пузыря. Подумалось: «Организм-то функционирует!». Но уже попытка перевернуться на бок, чтобы отползти ближе к углу «щитовой», закончилась фантастическим взрывом боли в спине, ближе к пояснице. Пришлось лежать осторожно растегнуть штаны, по миллиметру переворачиваться на бок и делать дело.

Рядом, на расстоянии руки заметил веревку. «Можно же левую руку к телу привязать, хоть болтаться не будет, – мелькнула мысль, – И почему вчера не догадался?..».

Кое-как протянул веревку под телом. Словно баюкая, аккуратно положил измученную кисть на живот. Та уже даже не подавала признаков жизни. Даже боль, в сравнении со спиной, была далекая, зыбкая.

– Все, Ром, отвоевал ты свое, – пробормотал вслух.

Веревку пришлось еще раз протянуть под телом, чтобы закрепить нижнюю часть руки. Вспомнилось: «Одна кость – лучевая, другая – локтевая. Та, что выше, ближе к плечу, – плечевая». Да уж, читать газеты – дело не только полезное, но и архибесполезное. Кажется, так выражался их мастер-печатник.

Ладно, пора двигать дальше. Пора выползть из «щитовой».

– Да ладно! Вперед ногами что ли?! – вслух заявил он сам себе.

– А как? – поинтересовался Ромка у Ромки.

– Как угодно, но придется разворачиваться! – бодро ответил он сам себе.

Так, отставить сходить с ума!

Развернуться головой к выходу мешали две проблемы. Одна – спина. Вторая – маленькое пространство внутри «щитовой». На живот уже не ляжешь, там рука. Придется спиной.

Ээй, ухнем!

Это очень больно.

Но принципы – есть принципы.

Разворачивание на «пяточке» внутри строения заняло у него кучу времени. Несколько раз он лежал с закрытыми глазами, дыша, как паровоз.

Есть!

Теперь выползаем. Пока он вертелся в «щитовой», снег под ним слежался, отталкиваться ногами и здоровой рукой было легко. Рядом, возле входа он поднял брошенную ночью палку. Опираясь не нее, сел.

Лучше б он этого не делал!!!

Черт!

Упал опять на спину. Отдышался.

Вероятно, вчера в нем просто гулял адреналин. Поэтому получилось так легко встать. Что делать теперь, уму непостижимо.

Он схватился за ветку, поднял тело, встал на колени. Теперь проще. В голове грохотало, спина била наотмашь. Но он встал. Стоял, опираясь на ветку. Ноги дрожали. Но держали.

Попытался разогнуться. Хватило на три секунды. За это время успел сориентироваться. Так, идти к той, такой далекой водонапорной башне на горизонте. Хорошо хоть нет тумана.

Теперь пошли.

Оказалось, что брести полусогнутым даже удобно: меньше болела спина, и лучше был упор на три точки, где две – ноги. Третья – палка.

Шаг правой. Перенос палки. Подтягиваем левую. Шаг правой. Перенос палки. Подтягиваем левую.

Все дело в физике. Или все-таки в геометрии? Треугольник – это геометрия. Правило «жесткого» треугольника – это физика. Или строительство?

Как звали их физика? Виктор Александрович. Старенький, но дело свое знал. Ромка физику учил охотно. Потому что нравилось.

И геометрию он учил хорошо. По геометрии у них был... Нет, была! Нина Анатольевна. Веселая училка, еще недавно из «педа». Еще идеалистка.

Кто у них был еще? Директор школы, он же – историк. Тоже Роман, тоже Геннадиевич. Поэтому к Ромке у доски обращался шутливо – по имени-отчеству. Но по датам гонял, мало места! Когда окончилась Вторая мировая? 2 сентября 1945 года. Даты Столетней войны? Да запросто: 1337-ой и 1453-ий. Открытие Америки: 1492-ой. Помнил до сих пор!

Так, а что все-таки случилось вчера? Ведь все шло четко. Четыре группы ушло к Дебальцево, там, на окраине командование аккумулировало силы для прорыва. Ромкина, точнее – «Ярика» группа ушла пятой. Все как писанному.

«Братка, увидимся у Дебальцево!», – прощался с ним Вася. Да, Вася, – редкое имя. Как и Марат. Сдружились с Васькой они еще в ополчении, под Луганском. К Ромке он редко обращался по имени, чаще – «братка». Хороший парень, почти ровесники. Никого у него, кроме Ромки не было. Сам из детдома. Вот и считал Ромку братом. А уж после того, что им под Луганском пришлось хлебнуть... Одно слово – кровные братья. Вот только где теперь Васька?.. Дебальцево, наверное, освобождает.

Шаг правой. Перенос палки. Подтягиваем левую. Шаг правой. Перенос палки. Подтягиваем левую.

Возле дерева остановился передохнуть. Садиться рядом на поваленный ствол побоялся – вдруг не встанет. Привалился к дереву спиной. Стоял, дышал.

Скорость, конечно, черепашня. Навскидку со вчера может с полкилометра только и прошел. Водонапорная башня как маячила на горизонте, так и маячила. Ну, хоть ориентир.

А вдруг не та это башня?!

Нет, «Ярик» же предупреждал: ежели чего, ориентир для отступления – водонапорная башня. Только никто отступать не собирался. Наоборот, все в бой рвались. С лета насиделись-то. Кто эти «минские» выдумал, гнать врага нужно было еще тогда! Ох уж эта политика.

Ладно, пошли дальше. Шаг правой. Перенос палки. Подтягиваем левую. Шаг правой. Перенос палки. Подтягиваем левую.

Где-то через час понял: все, пора на перекур. Где-то во внутреннем кармане должны быть два «сникерса». Подталяли, наверное, но зато еда.

Достал батончики. Те не только размякли от тепла тела, но и крепко сплющились. Да хрен с ним! Привалился спиной к дереву, аккуратно начал протягивать ноги. Фух, сел и, кажется, не все так плохо. Но ложиться нельзя. Иначе точно не встать. Съел половину батончика. Остальное положил на снег, чтобы подмерзли.

Очень хотелось закрыть глаза и подремать. Но крепла уверенность, что помимо спины и руки скоро проявится еще одна беда: воспаление. Ранение – есть ранение. Пусть даже руки он уже не чувствует, такая рана сама по себе не заживет. Да и спина не дай Бог окончательно откажет. Что тогда?

«Где-то здесь, в полях, и замерзну», – мелькнуло.

Ладно, придет время и это обдумает. Пора вставать.

... Когда солнце плотно стояло в зените, он уже отдыхал в четвертый раз. С каждым разом вставать было все

трудней. Каждый, и без того черепаший шаг теперь давался с трудом. Пульсировала рука. Да и тело стонало, требовало отдыха.

А вот водонапорная башня явно приблизилась.

Но все равно еще далеко. Ой, как далеко!

Забивать голову мыслями получалось все сложнее. Проще было уподобиться роботу и просто двигать ногами.

Раз. Палка. Два.

Раз. Палка. Два.

Спать. Как бы сейчас поспать! Хоть пару часов! Вон, труба коллекторная или еще какая-то... Залезть в нее и подремать. Хорошо бы и вовсе – заночевать.

– Ну, залезешь ты в нее, а потом как обратно? – убеждал он сам себя.

Тут идти почему-то стало легче. Но затуманенный мозг не сразу это понял.

Тропинка! Они шли по ней! Это было... Когда? В прошлой жизни, кажется...

Все!!!

Больше не могу!

Бессильно сполз по стволу очередного дерева. Не хотелось ни пить, ни есть. Только закрыть глаза. И спать. Через силу огляделся. Вот, углубление в земле. Зарыться в снег. Звери же прячутся от мороза в снегу. В книжках так писалось.

Очнулся ночью. Тело ломило. Тело превратилось в один большой костер.

Все, воспаление! Приехали.

До совхоза – километр. Не больше. Если сейчас встать, к рассвету добреду. Не добреду, значит, доползу. Лежать нельзя!

... Рядовой Алексей Михеев позже, белый как мел, рассказывал, что огонь на поражение он не открыл просто в силу абсурдности увиденного. В лунном свете из-за

посадки выбралась странная фигура. Встала на пригорке и плашмя упала в снег. А затем начала двигаться вниз. В какой-то момент просто покатила с возвышенности. И через минуту прикатилась практически к его ногам.

– Я ж его пристрелить мог, – то и дело повторял Михеев.

Вскоре примчалась подмога. Старший осмотрел тело и вдруг приложил ухо к лицу чужака.

– Шепчет что-то...

С закрытыми глазами парень, словно литанию, шептал одно и то же: «Я, рядовой Загоруйко Роман Геннадиевич»...

* * *

Девушка была красивая. Такая, как надо. Но неловкая, что ли... Словно тяготил ее Ромкин протез. Она все пыталась смотреть Ромке в глаза, а взгляд снова возвращался к протезу. Тогда она отводила глаза на монитор, потом на Ромку, потом снова на его искалеченную руку.

Ромка только что написал заявление на прием на работу. Справился. Пусть за 15 минут, но справился. Девушка явно понимала, что он – точно не писатель. И вряд ли когда им станет. И стеснялась помочь. И хотела, а стеснялась.

Ромка уже привык к такому поведению людей. И виду не подавал. Взял заявление, передал девушке.

– Извините, но это не все, – пролепетала она.

– А что еще?

– Видите ли. Я все понимаю, вам трудно. Но правила – есть правила. Не я придумала...

– Слушайте, говорите уже по-русски, – попытался пошутить Ромка. Теперь и он начал нервничать. И это еще более смутило девушку в отделе кадров.

– Вам еще нужно написать автобиографию. Я понимаю, в вашем положении это непросто, но надо. Понимаете, правила...

Ромка взял бланк. Да, такой же, как тот, который он тогда не заполнил в «располаге».

Молча начал писать. Первые строчки дались легко. Еще бы, благодаря им его опознали, когда нашли. Теперь про родителей. Теперь про школу и работу. Так: «Летом 2014-го ушел в ополчение. В феврале 2015-го...».

Зима 2015-го. Совсем недавно!..

– Братка! Ну как ты, бродяга?!

Это в палату ввалился Васька. Бодрый, с мороза. А в палате тепло. Господи, как же хорошо! Ромкино тело, словно не веря, вот уже третьи сутки жадно впитывало тепло, и никак не могло насытиться.

– Ну, как ты? – Васька подвинул табуретку и сел возле Ромкиной койки.

Ромка попытался сказать что-то хорошее, но внутри все сломалось еще вчера утром, когда он увидел левую культю. Да, знал, что хана руке. Но никак не мог привыкнуть к тому, что лишился такой важной части тела.

– Вот... – он осторожно достал культю из-под одеяла и показал Ваське.

– Зато живой же, братка! Да про тебя уже в части легенды ходят!

– Ребят-то нашли? – хмуро поинтересовался Ромка.

Васька резко помрачнел.

– Нашли. По твоему описанию и следам нашли. Прямо по вам приложили. Парней сильно покромсало. Похоронили, конечно. Всех. Уже.

Он достал фляжку.

– Давай по глоточку!

Ромка проглотил коньяк, словно воду.

– Дебальцево-то взяли? – спросил он.

– Да! Братка, поверь, не зря ребята погибли, уж поверь.

– Да верю я...

Васька заговорчески посмотрел на дверь. В палате кроме Ромки все были ходячие, так что кроме них никого больше не было.

– Короче, Ромк, я командование подключил и там, «сверху» (Васька показал взглядом на потолок), кто нужно, подключился. В общем, спину твою в Питере лечить будут. В какой-то академии медицинской.

Здесьние врачи разводили руками, сыпали мудреными словами, но общий смысл сводился к тому, что ходить Ромке больше не удастся.

«Видите ли, у вас сперва ушиб спины сильный был, а потом вы еще своим марш-броском и падением с высоты довели позвоночник фактически до отключения», – пояснил один из лечивших его докторов.

Ноги утратили чувствительность еще там, на «марш-броске». Но тогда он списывал все на перенапряг. Как выяснилось, тело ниже спины просто отключилось.

Так что поводов для паскудной хандры у Ромки было предостаточно.

– А что там, в Питере – мне новый позвоночник вставят? – нехотя пробурчал он.

– Братка, у наших пока возможностей для сложной операции нет, нужны особые специалисты. А тебе срочно операцию делать надо! – пояснил Васька.

– И что, ходить буду? – проворчал Ромка.

– Ты, брат, только веру не теряй, – посерьезнел Вася. – Нам ведь еще дальше республику освобождать.

– Нет, Васька, кажись моя «освобожденка» закончилась..., – бросил Ромка.

Но Васькин оптимизм в колхоз бы направить: горы сворачивать. Наутро Ромку вынесли на носилках, погрузили в «скорую». Через семь часов он был в Ростове. Еще через сутки – в Питере.

Его врач оказался пожилым, но крепким мужчиной. Разумеется, в очках. И даже трубка в зубах не удивила Ромку. Все правильно, светило медицины (а Васька божился, что именно такой за Ромку и возьмется) просто обязан выглядеть экстравагантно.

Врач пришел наутро после прибытия Ромки.

– Ну, молодой человек (и обращение к пациенту, как в книжках!), как себя чувствуете? Что спина?

– Болит, очень болит, – признался Ромка. – Мне бы укол, а?

– Укол – то укол. Давайте-ка сперва я вас осмотрю.

Осмотр занял более получаса. Потом доктор, назвавшийся Робертом Владиленовичем (а, по-другому, светило медицины, именоваться и не может, это факт), изучал рентгеновские снимки. Посмотрел Ромке прямо в глаза. Честно посмотрел. И Ромке это тоже понравилось. Лучше пусть хреновая новость, к ее вероятности он уже мысленно привык.

– Ситуация у вас, Роман Геннадиевич, очень сложная, – заявил доктор.

– А какова вероятность, что ходить буду? – осторожно спросил Роман.

– Честно?

– Лучше уж честно.

– А вероятность, молодой человек, 50 на 50. И никак иначе. Либо все получится, а мы очень постараемся. Либо мы очень постараемся, но результат будет плачевный. Тут, к сожалению, полумеры невозможны. Я знаком с вашей историей, хм, болезни. Откровенно говоря, вообще удивлен, что вы смогли столько пройти. Уж сколько раз встречал на своем веку чудеса человеческой выживаемости. Вы – уникам в своем роде, да...

– Я согласен! – рубанул Ромка. – Пусть будет, как будет.

– А вот депрессию, Роман Геннадиевич, гоните прочь. Не наш это метод, – резюмировал доктор. – Отдыхайте, копите силы, они вам понадобятся.

И ушел.

А Ромка лежал, перебирал в памяти знакомых парализованных. Дядя Петя все Ромкино детство проездил в инвалидной каталке. Еще был муж соседки Нади. Шахтер. Спьяну попал под машину. И все.

Дядя Петя был веселым, угощал конфетами. Рассказывал, как правильно рыбу нужно ловить. А мужа Нади Ромка не помнил. Знал, что он лежит всегда в кровати. Только руками и головой может двигать.

Вечером снова зашел Роберт Владиленович. В руках он держал довольно увесистую книгу.

– Вот, Роман Геннадиевич, это я вам принес. Полюбите читать на досуге. Как аппетит? Ужинали?

Ромка кивнул утвердительно.

– Ну и хорошо, силы вам понадобятся. В понедельник – оперируем.

Роман посмотрел на название. Незнакомое. Книга старенькая, уголки потертые. Вообще, книги он любил. Прежде чем читать, перелистывал, вдыхал запах типографской краски. Знакомился с аннотацией. Позднее, когда стали популярны электронные книги, все равно ходил по книжным развалам, что-то выбирая. Мать сердилась, мол, рассадники пыли одни от его книг. Хотя в детстве и юности сама же к чтению приучала. Ромка потому и в типографию пошел позже работать, что надеялся книги печатать. А пришлось печатать газеты. Интересные и про политику. Часто, читая только что отпечатанную газету с очередной пропагандистской статьей, диву давался: как у этих власть имущих все так складно со словами получается? А ведь война все по местам расставила. И вот уже те, кто по мирному времени бил себя со страниц газет в грудь, обещая «не забыть и не простить», и простили. И забыли. И уехали, едва горячо стало.

А история в книге, которую врач дал, была необычная. По заснеженному снегу полз советский летчик. Его

самолет сбили фашисты. Осколками посекло ноги. Позже он выполз к своим, но остался без ног. Читал Ромка споро, но вскоре сосед справа, 40-летний Виктор, предупредил, что выключает верхний свет. Пришлось нехотя согласиться. Очень не хотелось Ромке с этим Виктором говорить. Тот вечно костерил власть, причитал, что Россия скоро развалится. А когда узнал, что Ромка «оттуда», начал зло подначивать. Дескать, именно таким как Ромка, дуракам, на Украине не жилось, теперь вот расплачиваются за глупость.

Поначалу Ромка спорить пытался, потом плюнул и предпочитал молчать.

– Ты с ним не спорь, – вскоре, когда Виктор ушел на перекур, обратился к Ромке второй сосед, помоложе, Кирилл. – Люди везде разные. А что ты думал – все за вас горой в России? Как видишь, нет. Не обращай на него внимания, он и сам скоро тебя в покое оставит.

– А ты сам тоже нас не понимаешь? – насупился Ромка.

– У меня старший брат у вас, – объяснил Кирилл. – Еще летом 14-го никого не предупредил, только письмо семье написал, что уезжает на Донбасс. И уехал. Теперь с женой раз в неделю по «скайпу» разговаривает. Жена сперва и слышать о нем не хотела, думала, что он ее бросил. Теперь ругается, но ждет. А он возвращаться пока не собирается. И я его понимаю. Одни Интернет читают, ужасаются, фотографии убитых детей «перепощивают», в соцсетях возмущенно пишут «доколе!». А другие не хотят сидеть просто так. Брат мой – из вторых. Я и первых не осуждаю, тут личный выбор каждого. Сам-то – «ботан», компьютерщик. Но по брату соскучился. Вот, ногу полечу и поеду – проведу.

С Кириллом Ромка сошелся быстро. Было им что обсудить.

Наутро Ромка плотно поел и снова за книгу взялся. Читал, как летчик с ума сходил, привыкая к мысли, что

остался без ног. Читал, как тот учился заново ходить, на протезах. Восторгался, когда главный герой танец сплясал на тех же протезах. А потом летать снова начал. И то и дело Ромка эту ситуацию на себя примерял. И никак не сходилось. Ведь летчик-то хоть и без ног остался, но ходить мог. А вот Ромка без руки (хоть и левой), да ведь так и останется лежачим на всю жизнь. Кому он нужен?

И накатила на него снова тоска смертная. Когда Виктор что-то спросил, наорал на того, а потом еще и нахер послал. Виктор даже на кровать осел от такой ереси. Но заткнулся. И ладно.

В ночь на понедельник спал Роман удивительно крепко. Утром по привычке стал завтрак ждать, потом вспомнил, что со вчерашнего обеда он – на жесткой диете. Еще и вечером две клизмы пережить пришлось. До чего все-таки унижительно, особенно, когда нянечка «судно» выносит.

Неужели теперь так на всю жизнь?..

А вот Роберт Владиленович в палату зашел решительно.

– Ну что, Роман, поехали творить историю? Как книга-то?

– Хорошая, Роберт Владиленович. Всю прочел! Только книга-то эта – про Героя. Я-то понимаю, вы меня подбодрить хотели. Но где я, рядовой непризнанной республики, и где он – летчик Советского Союза? Даже сравнивать нескромно.

Доктор помолчал. Потом ответил.

– У каждого времени, Роман, свой Сталинград. Не мои это слова, прочел где-то. Но уверен: для некоторых Сталинградов нужно время, чтобы общее осознание пришло. Ладно, сейчас тебя на носилки и – в операционную. До встречи после наркоза!

От наркоза Роман долго отходил. А еще дольше привыкал к отсутствию боли в спине, которая уже сроднилась с ним.

Акогда снова пальцы на ногах почувствовал, лежал имолча улыбался. Акогда ногами шевелить начал, отвернулся к стене

и плакал. Честно плакал. Как и положено мужчине, возвращающемуся домой...

– Роман Геннадиевич, с вами все хорошо? – возле него стояла девушка из «кадров». Держала за здоровую руку и встревоженно смотрела в лицо.

– Все хорошо, – вздрогнул Ромка. И улыбнулся. – Просто вспоминал, как буквы пишутся.

Твердой рукой он продолжил: «В феврале 2015 года получил ранение в бою. Госпитализирован. Уволился из рядов Народной милиции в августе 2015 года по причине невозможности проходить дальнейшую воинскую службу». И к черту подробности! Все равно все протез видят.

* * *

Похмелье было классическим. Лютым. Это когда корка в горле спеклась от «сушняка». Когда глаза открыты больно. Когда каждое движение – боль. В таком состоянии лежать бы тихонечко, утешать себя и мысленно ругать за жадность, за ту «последнюю» стопку, которая уже явно лишней была. Все ведь по правилам, как заведено: начать с пятничного аванса. Довести дело до ночной посиделки у «товарища», с которым познакомился час назад. Потом брести по утреннему городу, броском закинуть тело в сиденье «маршрутки». Уже по пути домой взять «маленькую». Выглушить ее прямо на тротуаре, не таясь. А чего – человек имеет право! Человек – инвалид. Видите – руки нет! А потом, потом взять в магазине две по «ноль-пять» да нехитрую закуску. Уже бодро дошагать домой. А там тяпнуть пару стопок. Заснуть. И вечером, уже под включенный телевизор, «додавить» остальное. Перед «отключкой», на кровати или в кресле, наградить себя пониманием, что завтра – воскресенье. Можно отлежаться. Потом – пивка и весь день приводить себя в порядок.

Словом, алгоритм был проверенный, рабочий.

Сегодня что-то сбило.

И не что, а кто – тот, который не переставая трезвонил в дверь.

Таких гадов, которые портят людям все похмелье, убивать надо. Некому к Ромке приходиться. Васька на той неделе был, все также балагурил, за пьянки ругал. А кроме Васьки, приходиться сюда некому.

Черт, вот ведь упертый этот «кто-то»!

По дороге к двери увидел на столе полную стопку. Ха, вчера даже «последнюю» не осилил. Ну и отлично! Жадный глоток. Эх, как вода!.. Так, в бутылке еще граммов 200 осталось. Ну, пусть потерпят звонящие. Инвалиду ведь в себя прийти нужно! Влил в себя еще стопку. Мир приобрел краски. Теперь можно и выяснить, кто это в воскресенье в гости приперся?

Щелкнул замком, распахнул дверь, держа на языке неслестный набор высокопарных фраз.

И все слова пришлось проглотить.

На пороге стоял Семеныч. Точнее, Евгений Семенович Забейворота. Командир их подразделения в 2015-м. Тогда, до Ромкиного ранения еще. Хмуро подписал он летом 15-го заявление Романа об увольнении со службы. Попросил только: «Не спейся!».

И вот что теперь Ромке сказать?

А Семеныч и виду не подал. Да и одет был он, Ромка только сейчас понял, «по-гражданке». Коротко спросил:

– Можно зайти, Роман?

Ромка посторонился. Пропустил командира. Тот сбросил куртку. Начал было снимать туфли.

– Да не надо, Семеныч, я все равно еще полы не мыл сегодня, – запротестовал Ромка.

– Да ты их, Роман, и вчера не мыл, да и на прошлой неделе, похоже, тоже, – определил командир наметанным глазом.

Зашли в зал. Роман, краснея, бросился убирать бутылку и рюмку со стола.

– Да погоди, Ром. Не убирай!

Ромка понимающе подмигнул. Полез в сервант, достал еще одну. Направился было на кухню, сбавать по быстрому «закусь», да Семеныч остановил.

– Сядь, Роман. Не мельтеши.

Ромка сел в соседнее кресло. Семеныч разлил водку по рюмкам.

– Давай Васю помянем.

Роман замер. Затем опустил голову. И заплакал. Уже второй раз во взрослой жизни.

Семеныч молча встал. Подошел, по-отечески приобнял Ромку.

– Есть такое дело, Ром, – Родину защищать. Простые слова. Где-то даже затасканные. Но для Васи это не пустой звук был. И не ради зарплаты он служил.

Потом-то разговорились. Ваську снайпер убил, оказывается. Два дня назад. Помянули.

– А тебя пришлось потрудиться, чтобы найти, – заметил Семеныч. – Из охранников ты ушел. Квартиру свою, как я выяснил, сдаешь. А сам, значит, здесь обретаешься? В этой халабуде?

– А я, Семеныч, больше не смог охранником работать. Все на меня смотрят, как на убогого. Вертятся, напарники по смене, то дело помочь вызываются. А я-то – живой, и правой рукой владею! Не выдержал, ушел.

– А теперь, смотрю, понравилось инвалидом быть, да? – жестко спросил командир.

Ромка шмыгнул носом.

– Да я теперь ночным сторожем. А чего: сам ночью, один. Книги читаю...

– И водочку люблю... – продолжил Семеныч.

Крыть, что называется, было нечем.

– В общем, Роман, сопли жевать я не стану. Мальчик ты уже взрослый. Да и как сам говоришь, не инвалид. А потому зову тебя к себе в часть, – заявил Семеныч.

Его слова не умещались в Ромкином разуме.

– Да я... Я же – вот, – он показал на культю, на которую так и не надел протез. Васька, кстати, и с протезом ему помог.

– «Я же», «вот», – передразнил командир. – Будет тебе, чем заняться. Поверь, молодых обучать будешь.

– Чему?! – поразился Ромка.

– Всему, – отрезал Семеныч. – А прежде всего, как голову в жопу при опасности не прятать. Этого достаточно?

Ромка встал. Его еще пошатывало.

– Да, Евгений Семенович, достаточно. Когда приходиться?

– А вот дорабатывай, бросай пить и приходи.

... Он сидел за обычным столом в канцелярии части. И снова держал в руках чистый бланк с одним словом по-верху в центре. «Автобиография». Вот только как и полтора года назад, рассказывать о себе ему было нечего. Не о пьянках же писать?..

Но правая рука все помнила. И твердо вывела первые слова: «Я, Загоруйко Роман Геннадиевич...».

* * *

Вот, вроде бы ко всему жизнь готовит. А нет-нет, да и выпадают минуты, когда просто не знаешь, как реагировать. Ромку то и дело била незаметная дрожь. И снова напомнила (как не вовремя!) отсутствующая левая кисть. Но стоял он твердо, ни глазом не моргнув. Нельзя слаbinу давать: Вася не поймет!

– За проявленные летом 2014 года во время обороны Луганска мужество и героизм наградить Загоруйко Романа Геннадиевича медалью... – услышал он.

И четким строевым шагом направился в центр зала.

ОПЕРЕТКА. ЭПИЗОД

Рассказ

«Есть не только у нас и за рубежом деятели, которые предрекают ситуацию перед началом Первой мировой войны, ссылаясь на накопление противоречий в Европе, в том числе на Балканах, между прочим. Но мое крепкое, твердое убеждение заключается в том, что политики в ключевых странах не могут допустить какой-то большой войны. Что им этого не позволит общественное мнение, не позволят народы. Надеюсь, что и парламенты в каждой западной стране проявят максимальную ответственность».

Сергей Лавров,
из интервью 17.12.2018 г.

Официальный представитель МИД России Евгения Парамонова сделала заявление о существенном прогрессе, достигнутом на очередном раунде переговоров в Минске. Участниками процесса подписан окончательный вариант соглашения о прекращении боевых действий в Украине и разоружении незаконных военизированных формирований сепаратистов в Донецкой и Луганской областях. Евгения Парамонова выразила надежду на скорейшую нормализацию социально-политической обстановки в восточных областях Украины и проведение там выборов в органы власти под контролем международных миротворческих сил, поэтапный ввод которых на территорию, ранее контролируруемую сепаратистами, начался несколькими

днями раньше. На сегодняшний день неконтролируемый участок государственной границы между Украиной и Российской Федерацией временно закрыт для пропуска граждан. Его охрану со стороны Украины осуществляют совместные группы из украинских силовиков, представителей миротворцев и сотрудников международных миссий ООН и ОБСЕ. Обстановка на временно закрытых пунктах пропуска спокойная, наблюдатели ОБСЕ не зафиксировали провокаций или насильственных действий».

Со стороны Изварино снова донёсся неспешный и чёткий звук пулемёта. Несколько коротких очередей. Начальник российской пограничной смены капитан Егоров скосил глаза в сторону ярких огней, освещающих бывший пункт пропуска Луганской Народной Республики, над которым теперь, мокро шлёпая складками, висел огромный голубой флаг ООН. Над терминалом был растянут баннер с надписью «International Peace Corps for Eastern Ukraine. Zone «East». Надпись по-английски была продублирована более мелким шрифтом на украинском и албанском.

Приграничную территорию от Северского Донца до Должанки занимал сводный батальон Албанских вооружённых сил. Начиная со Свердловска стояли те же албанцы, только косовские. После них на границе от Дьяково до Успенки чередовались уругвайские и иорданские подразделения. Поговаривали, что в первый день после ратификации Договора на Успенку торжественно въехали три НММВВ под красочным флагом Южного Судана. Однако весёлые чернокожие мужчины вместо того, чтобы заступить на службу, сперва обкурились в хлам, а к вечеру устроили гонки на своих чудесных джипах, сопровождая импровизированный праздник стрельбой из пулемёта и разудалыми песнями. В итоге один джип благополучно утоп в неглубоком ставке, один миротворец сломал ногу, второй получил проникающее ножевое ранение бедра (им

приспичило выяснять, кто виноват, что запас ката забыли в транспортном самолёте), ещё пятеро отделались разными не тяжёлыми ушибами и ссадинами.

К утру приехал лично командующий ИРСФЕУ полковник канадской армии Дональд Дюваль, распорядился южных суданцев отправить в Луганск, закрыть на территории Штаба и больше одних никуда не выпускать. Вместо лихих чёрных парней на заставу прислали мрачных, рыбаглазых норвежцев, которые немедленно закрылись в здании таможенного терминала, выставили в окна видеорегистраторы и больше не показывались.

Албанцы на Изварино моментально продемонстрировали простоту нравов и прагматичность. Для начала они повесили на дороге, ведущей к пункту пропуска, щиток на английском и албанском языках, в котором предупредили окрестных жителей о том, что сразу за знаком начинается территория, на которой запрещено находиться всем гражданским лицам. Слова «Огонь по нарушителям будет открыт без предупреждения» выделили жирным шрифтом, но местным населением текст был не понят. На табличку просто не обратили внимания. Первая же машина – переживший своё время ВАЗ-2101 невнятного голубого оттенка, которая попыталась подъехать к зоне таможенного контроля, была тут же расстреляна. Позже выяснилось, что в легенде советского автопрома ехал бывший депутат Молодогвардейского совета с супругой и внуком. Поскольку телефонная связь с заставой была отключена, он хотел только спросить, когда им можно будет выехать в Калугу, к сыну, который поехал туда подработать и после объявления о временном закрытии границы вынужденно застрял. Спросить он, по понятным причинам ничего не успел. Албанцы кое-как столкнули насквозь дырявую, покорёженную машину в сторону, на всякий случай щедро облили бензином и подожгли. Тела они доставать побрезговали. Сожгли всё вместе.

На следующий день невестка покойного, Ольга, отправилась в полицию выяснить, куда пропал её сын, свёкор и свекровь. В полиции был полный кавардак. Дежурный сидел ещё республиканский, в бирюзовой ЛНРовской форме со старыми нашивками, но над зданием отдела уже был вывешен украинский флаг и, чуть пониже, флаги ЕС и ООН. В кабинете начальника сидела аттестационная комиссия, которая по одному вызывала полицейских и в течение пары минут принимала решение об увольнении. Двух человек, которые в самом начале подались служить в «Зарю», сразу же отделили от остальных и куда-то увели. Знакомый дежурный по-тихому предложил Ольге приходить через недельку, когда бардак закончится, но она устроила скандал, кричала и требовала прокуратуру. Прокуратура была здесь – её представитель сидел в аттестационной комиссии. Когда он вошёл в вестибюль, Ольга его узнала – он вернулся в 2016 из Днепропетровска, давал громкое интервью на телевидении об ужасах жизни на Украине, был обласкан, получил должность в Генеральной прокуратуре ЛНР. Этот пухлый мужчина с опрятным животиком, с лысиной, в костюме и хороших ботинках спустился вниз, вполуха выслушал Ольгу, говорившую напропалую с дежурным, и велел ему связаться с переводчиком командира албанского батальона. После недолгого разговора по рации с переводчиком миротворцев приехали люди в форме цвета хаки. Они вежливо предложили пройти с ними, забрали у дежурного Ольгино заявление и все вместе уехали. Домой она уже не вернулась. Через несколько дней пришёл участковый и опечатал двери, игнорируя истеричный кошачий мяв, тянущийся из дома сквозь пластиковые окна.

Удивительно быстро нашли общий язык с албанцами местные контрабандисты. В лоб они, конечно, не поехали. Обратились сразу к главе Временного комитета самоуправления, которым, вопреки стандартной практики,

был назначен местный житель, бывший МГБшник. После штурма СБУ в апреле 2014 г. дисциплинированно выехал в г. Северодонецк и сидел там тихонько за штатом. Когда в октябре 2014 г. стало понятно, что никаких танковых колонн российской армии на дорогах Украины не будет, он также незаметно вернулся в Луганск, был обласкан и с тем же рвением продолжил службу уже в МГБ. В Луганске у него была своя квартира, хороший дом на дачном участке и наработанные схемы. А в Северодонецке ему предложили только крысью должность и съёмную квартиру. Мотивация у Василия Александровича была, на первый взгляд, предельно прозрачная, но неполная для его типа личности. Корыстный мотив явно был недостаточно сильным для него, поскольку вынуждал рисковать, а этого он не любил. Поэтому перед формальным увольнением из СБУ он выехал в Киев, был переведён в штат другого управления, получил псевдоним «Шаляпин» и выехал в ЛНР с конкретными задачами. После окончания всего этого «цирка с пингвинами» – так он называл в узком кругу посвящённых Республику, его, правда, не вернули в штат и не дали желаемую должность. Но нельзя сказать, что обидели. Должность фактического главы города и района приграничной контрабандной вольницы давала заманчивые перспективы, возможно, даже более интересные, чем возвращение в систему.

Поэтому главы основных контрабандных группировок без всякого труда нашли с ним общих знакомых и общий язык. Ну, а сам Василий Александрович не без труда, но всё же нашёл общий язык с албанским полковником. После месячного затишья движение по тайным тропкам возобновилось как ни в чём ни бывало. Помимо традиционных сигарет, палёного спиртного и горючего, удалось наладить постоянный транзит высококачественной марихуаны, которую гуманитарные конвои с двуглавыми чёрными

орлами на ярко-красных бортах везли непосредственно из Албании. Там их провожали в путь торжественно, с оркестром и стрёкотом многочисленных корреспондентов как пример европейского сотрудничества. Встречали тоже торжественно, опять же, с оркестром, детским хором и выступлениями активистов. Действо благословляли белозубые улыбки благожелательно кивающих в ответ на торжественные речи смуглых албанских военных. Мари-хуану, плотно упакованную в мешки с мукой, ночью перегружали в шустрые УАЗики, и они, дребезжа и взрыкивая на ухабах, нестройной вереницей, по-муравьиному, споро перетягивали всё через границу. Отдельно, с гораздо большим пиететом, тащили упаковки с кокаином и героином, обрушивая розничные цены на товар в ведущих ночных клубах Ростова, Москвы, Питера.

Начальник смены, капитан Егоров, со смуглым полковником Энвером впервые увиделся, когда с границы снимали ЛНРовских пограничников и передавали пост под временную юрисдикцию ООН. Планировалось присутствие нескольких мировых и российских телеканалов. Раньше всех примчалась съёмочная группа «Аль-Джазире» и с ходу, прямо из окон своего джипа, стали снимать нескончаемую очередь людей и машин, тянувшихся со стороны Луганска в Россию. Хвост очереди начинался едва ли не от окраины Краснодона и вырастал в дикую, мало управляемую мешанину машин, грузовиков, сумок, баб и детей на Изварино. Луганская смена несколько раз пыталась прекратить работу, но толпа многоруко колотила в окна контроля, орала и визжала на разные голоса. Пугнуть их было нечем – оружие сдали ещё неделю назад. Непрерывно звонил телефон, требуя немедленно остановить пропуск лиц, но сделать ничего было нельзя. К 11.00 пограничники только вяло взмахивали руками, бегло бросая взгляд в раскрытые книжечки паспортов. На российской

стороне с оформлением документов всё было в полном порядке – контролёры придирчиво проверяли фотографии на соответствие, таможенники заставляли показывать содержимое сумок, поэтому совсем скоро хвост гигантской очереди стал начинаться сразу за последним окошком контроля с луганской стороны. Усиленный наряд, в касках и бронежилетах, наглухо перекрыл узкую калитку. Со стороны бетонных укреплений равнодушно рассматривали толпу чёрные дырки пулемётов.

В момент, когда наиболее нетерпеливые в очередной раз попыталась прорваться на российский пункт пропуска, прибыл полковник Энвер Лята. О его прибытии Егоров узнал по отчаянным крикам, которые понеслись со стороны Изварино и длинным автоматным очередям оттуда же. Автоматы стрекотали непривычно, отрывисто и дробно. Толпа перед контролем заволновалась, притиснулась ещё ближе, однотонно загудела, напирая на хлипкую решетчатую ограду, оцепляющую проход со всех сторон. Он поднялся на второй этаж, подошёл к окну. В нейтральной зоне люди сбились в плотную, колышущуюся массу. Видно было, как за шлагбаумом они жмутся друг к другу, пытаются втиснуться глубже в людскую массу. А на луганской стороне было уже почти пусто. На бетоне валялись какие-то бурые и серые тюки разного размера. Под крышей терминала стоит бронированный Iveco, и из верхнего люка прямо на него, Егорова, глазел в бинокль военный в голубом берете миротворца. Капитан тоже поднял бинокль, всматриваясь в оппонента. Узкое лицо. Тонкая, тщательно подбрита бородка, усики. Миротворец отнял бинокль от глаз и широко улыбнулся, оттопыривая блестящую, будто намазанную жирным кремом нижнюю губу. Позади броневедомобиля просматривались силуэты белых джипов ОБСЕ и хаотичное движение множества человеческих силуэтов. Ещё он заметил, что под тем, что сначала он принял за брошенные

тюки, растекались во все стороны большие, чёрные пятна. И у этих «тюков» были лица.

Заверещал кислотным ревом мобильник.

– Егоров! Тебе была дана команда прекратить пропуск с 12.00?

– Так точно.

– А время сколько сейчас, капитан?!

– 11.23.

– А какого хера у тебя толпа стоит такая? Ты что, успешь их всех оформить до 12?

– Но они прошли уже луганский...

– Какой, к херам, луганский? Ну какой луганский?! Ты стоишь на российско-украинской границе. Нет никакой больше твоей Лугандии, забудь. И не было никогда. Выбросьте из головы этот бред, товарищ офицер. А сейчас гони их всех к едреней фене обратно. Сколько у тебя за полчаса контролёры успеют пропустить? Человек 20-30? Вот. Отсчитай этих тридцать. А остальных разворачивай. Журналисты приехали?

– Да, «Аль-Джазира» вон снимает. Больше никого пока нет.

– Там должна ещё Россия24 подтянуться, может, Первый канал ещё. Ты меня понял? Всё, давай разворачивай их нахер.

– Так с той стороны уже миротворцы встали. Они же назад их не пустят.

– А тебя это долбёт?! У тебя полчаса на то, чтобы освободить пункт пропуска. Пусть делают дальше что хотят, хоть норы роют в нейтральной зоне. Выполняйте.

Команду не удалось выполнить ни через полчаса, ни через час. Ровно в 12.00 Егоров дал команду прекратить приём документов и закрыть проход. Толпа попыталась прорваться, но характерный лязг передёрнутых затворов

остановил первый толчок. Затем несколько очередей в воздух. Толпа отхлынула, но не отступила. Кое-кто, не выдержав многочасового качания в душной массе протискивался и брёл назад, стараясь обойти чёрные лужи. Трупы к тому времени уже куда-то оттащили. Видно было, что на той стороне их просто пропускали, даже не пытаясь досмотреть. Там вместе с миротворцами сверкали белыми жилетками ОБСЕшники и какие-то люди в военной форме, без шевронов. Изредка появлялись отдельные группы людей в пиджаках и стайки журналистов, которые бегали за ними, тряся пушистыми микрофонами.

На Егорова кричали, его пытались ухватить за рукав, его просили отойти в сторону «на минуточку, поговорить тет-а-тет». Он же, как заведённый, повторял раз за разом:

– Пропуск прекращён, покиньте территорию контрольно-пропускного пункта!

Толпа не разошлась и до ночи. Ещё днём подтянулись съёмочные группы ведущих телеканалов, которые, посовещавшись, аккуратно сняли с разных планов закрытые окна контроля, фигуры пограничников, экипированных по полной программе и краски заката. Стендапы снимали наискосок, так, чтобы рука корреспондента могла указать в сторону Украины, но чтоб камера не захватила колышущуюся толпу. Свежие, вечерние репортажи с мест были на диво единообразными:

«Сегодня на государственной границе России обстановка спокойная. Наши пограничники говорят, что закрытие границы произошло без происшествий, количество людей, следующих из Украины в Россию было незначительным, ниже среднесуточной нормы».

Когда стемнело, на переход привезли воронежский ОМОН. Бойня, которую они устроили в терминале, Егоров

вспоминать не хотел. Зрелище было откровенно неприятное, до озноба. Ему запомнилось немного. В память крепко врезалась только семья, мужчина, молодая женщина и девочка лет 7-8. Они забились в густую тень у служебной лестницы и чудом остались незамеченными, пока капитан почти наступил на них. Мужчина смотрел на него снизу вверх, не умоляя, не скуля. Он прижимал к голове тряпку, обильно испачканную кровью. Правая рука была, скорее всего, сломана или сильно вывихнута, потому что бессильно лежала на ступеньке, с неестественно вывернутой ладонью вверх кистью. Женщина вся сжалась в комок, прижала к себе девочку и крупно дрожала. Мужчина негромко сказал:

– Пропусти нас, жалим тебе. Я серб, я тут с 2014. Там шкиптари. Они меня знают. Нас убьют всех. Нам нельзя вернуться.

Егоров остановился и молча смотрел на семью. Он почти решился, но в этот момент подъехал ещё один автобус с полицией. Фары ярко осветили железные ступени и прижавшихся друг к другу людей. Он молча отступил в сторону, давая возможность крепким ОМОНовцам поднять их с земли и поволочь, едва успевающих перебирать ногами, в сторону границы. Девочка громко кричала и цеплялась за мамину шею. Капитан не стал оборачиваться и смотреть вслед. Дел было по горлу, рация непрерывно верещала докладами мобильных групп, которые мотались вдоль границы и выкидывали обратно пытавшихся проваться в Россию. Уже утром, очнувшись после короткого сна, он нашёл под ступеньками пачку порванных бумаг и крест добровольца. Паспорт Республики сербу порвать одной рукой не удалось, поэтому он просто смял его в комок. Ещё там были наградные листы и какие-то справки. Утренним ветром к этим комкам бумаги прибило сухой листвы, окурков, пустых упаковок от сигарет и шоколадок.

Капитан машинально поднял крест, повертел в руках, сдул пыль. Положил находку в карман.

«Вчера состоялась пресс-конференция заместителя руководителя Пограничной службы ФСБ России генерал-лейтенанта Александра Пурова с официальным комментарием к информации, которую распространяют некоторые зарубежные интернет-издания об организации в отдельных районах Донецкой и Луганской областей Украины так называемых «интеграционных лагерей» для временно перемещённых лиц. Александр Пуров заявил, что слухи о массовых расстрелах, нечеловеческих условиях содержания задержанных ничем не обоснованы. Периодически появляющиеся в Интернете фото- видеоматериалы со сценами насилия в отношении неизвестных лиц сделаны, скорее всего, в иранских или кубинских концентрационных лагерях для диссидентов. На территории Украины действительно действуют несколько гуманитарных пунктов для временно перемещённых лиц, контроль над которыми осуществляют представители международных организаций и неправительственных фондов. Российские пограничники работают в полном взаимодействии с представителями Международной миротворческой миссии ООН в Восточной Украине. Никаких инцидентов за время совместного патрулирования участка государственной границы не произошло».

Поздно ночью, телефон Егорова завибрировал. На экране высветилось – «Горох». Он поднёс трубку к уху. Из динамика откашлялись и через паузу сказали:

- Дарова, Саня. Эт я.
- Да я узнал.
- Ну шо ты?
- Встретимся?

- Ну. Куда подъехать?
- Давай туда же, где в прошлый раз.

В половину третьего ночи они почти одновременно подъехали к автомойке, в это время давно закрытой. Мойка располагалась в самой глубине большого, хозяйственного двора. Сторожем там работал тесть того самого Коли с погонялом «Фасоль», в телефоне у Егорова записанного как «Горох». Известный контрабандист, работавший в районе ещё с 90-х годов. Из потёртой «Нивы» выбрался сам «Фасоль» – мужичок в камуфляжном бушлате, сухощавый, с крупным, мосластым лицом, густо обросшим светлой щетиной. На правой руке неряшливая татуировка, на костяшках пальцев – память о недолгой юношеской отсидке. Два маленьких якоря и буквы Н.Ф. Мужичок, ещё не успев толком выйти из машины, сразу закурил. Егоров подошёл к нему, поздоровался.

- Ты сразу обратно?
- Ну, мне ж ещё мотнуться надо. Утром заеду. Твоих не будет там? Или чужих?
- Нет, там пусто. Вчера рейд был.
- Что скажешь?
- А шо... Ездил я под Дарьино на днях. Блиско нельзя, блок-посты. И там не албанцы стоят, а эстонцы что ли какие-то.
- А шевроны, знаки какие на форме?
- Щиток такой, как шахматная доска, красно-белый.
- А говорили на каком?
- Да хер знает, я ж не подъезжал к ним. В бинокль смотрел.
- И что они там построили?
- Ну шо, построили. Поставили там три ангара здоровых. Два ряда колючки вокруг. Вышек нету. Там постоянно беспилотник висит, когда один, когда два. На флаге

красный крест и ниже ООНовский. Днём там тихо. Ночью фуры грузовые. Не сильно тяжёлые.

– Думаешь, там у них перевалка?

– Да не. Весь конвой сгружают в Краснодаре, на музее. Там у них склад теперь. Незачем им под Дарьино груз таскать. Фуры туда полные идут, оттуда пустые. Мы сутки там торчали почти – нечем им вывозить оттуда.

– А что они тогда завозят туда ? Откуда фуры?

– Там ночью весь движняк. За ангаром ложбинка такая есть. Там скрепер и экскаватор. Днём стоят, а ночью роют. Ветер с той стороны тянет иногда – вониче... Химией какой-то прёт.

– А фуры откуда идут?

– Та со всей области. Номера все грузинские, транзитные. Но мы одну угадали. У ней на двери слева лошадь нарисована, голова конская. Мы с Тёмычем её в Луганске увидели, она на ВВАУШ заезжала. Водила её на кольце оставил, а сам в «Инициал» пошёл.

– «Инициал» – это что?

– Ну, гостишка в Луганске. Там сейчас миротворцы живут. Офицерский состав.

– Все контингенты?

– Не, там только третий сорт, негры да арабы. Белые только в «Дружбе».

– Так и что водила?

– Он до вечера там был. Потом вышел, поехал. Нерусский, то ли грузин, то ли армян. По дороге они в колонну встали, с сопровождением. Мы за ними проехали до Юбилейного, но дальше не вышло, там блок-пост, нас тормознули.

– А говорят что?

– Да арестантов они возят. Все знают.

– Чем подтверждается?

– Ну, говорили мне так. Есть один хрен у ментов, помогал мне по Луганску, до войны ещё. Так он говорит, как их

от работы отстранили, то предложили пойти во вспомогательную полицию. Ну, кто пошёл, кто нет. Он пошёл, семью кормить. Кто пошёл – они сейчас все на казарме, зарплату им дали по 400 евро, форму новую. Там и полиция, и «пятнадцатитысячники» бывшие, местные все. Так вот он, мент этот, так и сказал. Как вышла амнистия – эков-то сразу почти распустили, а в Вахрушево, на 17-й, в Брянке и ещё где-то сразу поставили вспомогательных в вертухай, а миротворцы с эсбичами внутри фильтрацию проводят. Туда везут отовсюду, кто на чём. А вот оттуда уже фурами вывозят, кого в Дарьино, кого дальше, под Дьяково.

– А дальше?

«Фасоль» поднял на него глаза, чуть прищурился. Затянулся, пустил дым по ветру.

– Саня, а ты сам шо, не шарить? Закапывают их там.

– В смысле?

– Да какой, к херам, смысл, могилы им там роют, отфильтрованным этим, и закапывают. Скажи ещё, что ваши не знают никто. Шо ты мне мозг паришь? Нема там никакой наркоты, трупы только. И всё. Сейчас на Луганск-Донецк со всех зон сепаров везут, кончают по тихому и зарывают. Амнистию только уголовным же дали, а политических куда? Не отпустить же.

– А зачем на границе зарывают? Места мало им, что ли?

– А хрен знает. Может эксперименты у них.

«Фасоль» снова замолчал. Закурил вторую, привычно пряча зажигалку в пальцах.

– А вообще, Саня, валить отсюда надо. У тебя вон семья почти уже есть – бросай всё и уезжай.

– Чего вдруг?

– Я тебя старше. Видел, как всё начиналось в 1991. Мне тогда ещё старый мой, земля ему пухом, говорил – продавай дом, Колёк, да на Алтай езжайте. Здесь сперва границу сделают, потом шахты закроют, так что света белого не

будет. А потом увидишь ты, сына, на той границе танки немецкие, как в 1941. И как увидишь – значит всё, кончилась Россия. Попрут они отсюда опять на Москву, прямо через твои сараи. А вас с говном смешают и не обернутся даже.

– Ну и чего ты паникуешь? Где ты танки-то видел?

– Я не видел. Алексеич видал.

– Ну так-то миротворцы же с техникой ходят.

– Ночью вчера состав разгружался на Рубежном. А он там сигареты брал у цыган как раз. Танки, говорит, немецкие, с крестами. Их на тягачи ставили и увозили. И немцы сами там были, оцепление выставляли. Алексеич, может, без высшего образования, но «Хальт, цурюк» – это он знает.

– И много танков?

– Состав он видел. А сколько их там ещё пришло, кто ж знает. Вот так вот, Саня. Так что – всё как старый говорил. Границу сделали, шахты закрыли, танки – вот они. Сгрузили уже. Дурак я был, что сразу на Алтай не поехал, всё думал, пропетляю. А теперь бегом надо всё делать, бегом. Смотреть, как они своими гусеницами мои кишки на мой же сарай наматывать будут, мне не улыбается.

– Коля, ну как ты себе это видишь? Ну XXI век уже, какая Мос-ква, какие танки?

– Увольняйся, Саня, и езжай отсюда. Подальше куда. Я, может, с виду дурак-дураком, но чуйка есть, согласишься. Так? Так. Я хребтом чую, когда жопа наступает. Да ты сам шо, не видишь, что творится?

– Ну так-то чо творится... Конфликт окончен, границу скоро откроют, потом...

– Ты дурак, Сань? Ты ж в 14-м где был? В училище небось, экзамен сдавал? А я тут был всё время, всё видел. Там – всё уже. Там людей пачками кончают, никто не спрашивает. И не спросит уже. Погоны тебе повесили, а мозги забыли нарисовать. В общем так. Сворачиваюсь я. Дом

продаю и еду. Дела вот закончу на той стороне и домой. Там жирная тема намечается, платят нормуль.

– Какая ещё тема?

– Да кино снимают для миротворцев учебное. Штуку евро пообещали. Мне тему Алексеич подогнал через албанца знакомого. И ещё, капитан. Ты, как начнётся, в гроев не играй. По тебе даже похоронку не пошлют. Услышишь, как бабахает – ноги в руки и беги. Не 41-й сейчас, не поможет никто. А Нинку свою лучше сразу отправляй подальше. Хочешь, с собой возьму, до Барнаула подкину. Как надумаешь, звони.

«Фасоль» пошёл в темноту, не оборачиваясь, брызгая крохотными искрами с кончика сигареты, которые летели в сторону и гасли, несомые порывистым ветром.

Уехал он не на неделе и не в следующем месяце. Через три дня Фасолин Николай поехал в Луганск, сниматься в учебном фильме для миротворческого контингента. На связь вышел пару раз, написал смс-ку жене: «У меня всё хорошо, скоро вернусь». Но не вернулся.

«Специальный представитель государственного департамента США в Украине Курт Уолкер обратился к так называемым правительствам сепаратистов ОРДЛО с жёстким требованием ускорить выдачу Международному Трибуналу по преступлениям в Восточной Украине лиц, виновных в терроризме. Господин Уолкер отметил, что на сегодняшний день ситуация с задержанием лидеров и активных пособников террористических организаций ДНР-ЛНР является неудовлетворительной. По состоянию на утро 12 октября работниками Объединённой военной прокуратуры Донецкой области задержано всего 234 человека, несмотря на то, что количество судебных ордеров превышает несколько тысяч. Представитель Объединённой прокуратуры Олесь Звитка заявил, что его ведомство ведёт

большую работу в этом направлении и активно сотрудничает с органами внутренних дел России и стран Евросоюза. Согласно имеющимся в его распоряжении сведениям, с территории Российской Федерации экстрадировано 12 боевиков. Ещё 17 террористов выдали правоохранные органы Казахстана, Беларуси и Узбекистана. Однако в распоряжении Государственной комиссии по реинтеграции Украины имеется информация о пособничестве некоторых лиц из числа сотрудников ФСБ России незаконному пересечению государственной границы Украины отдельным боевикам, подозреваемым в совершении тяжких преступлений против человечества. До сих пор не установлено местонахождение особо опасных преступников, скрывающихся от международного правосудия, проживавших на территории Российской Федерации. В адрес МИД России направлена официальная нота протеста».

Конвой был упакован по всем канонам галактической пехоты. Сферы с тёмными тактическими очками, налокотники, наколенники, броники, облепленные какими-то гаджетами, пистолеты, автоматы, больше напоминающие бластеры, всё в обвесах, с оптикой и цифрой. Всё хищное, тусклое, без бликов, агрессивное. В другое время «Змей» облился бы слюной на все эти чудные приبلуды, но не сейчас. Это был конвой. А «Змей» в нём – подконвойным. В наручниках, пристёгнутых к кольцам в сиденье.

«Змей» закончил свою миссию в Донбассе ещё в марте 2015, после Дебальцево. Боевые действия кончились, в Минске подписали новое перемирие. Сменили командира, заставили вступать в какой-то территориальный батальон. Осмотревшись вокруг, «Змей» обнаружил, что старые товарищи рассеялись, из добровольцев в роте он да пару-тройку молодых, прочие все местные, малознакомые. Не заладилось с командиром – он начал с построений

и утренних подъёмов. «Змею», как человеку, отслужившему срочку ещё при Союзе, затем по контракту в Таджикистане, такое обращение не понравилось. Месяц ещё он покрутился в Горловке, съездил в Донецк, где, по слухам, формировалась особая разведрота, убедился, что никто никаких рот не собирает, и поехал домой, оставив на всякий случай свои координаты и телефон матери в Магнитогорске. Некоторое время следил за новостями, с кем-то переписывался, но в конце-концов плюнул. Устроился в ЧОП, ходил сутки через трое охранять стройсклад, подженился и купил машину.

К осени в новостях снова стали усиленно рассказывать про разрешение конфликта на Востоке Украины, про героические усилия новоизбранного правительства России по урегулированию ситуации. «Змей» заставил себя посмотреть ток-шоу, где несли какую-то чушь люди, которые сами плохо понимали, о чём они говорят. Мало что понял из сказанного. Вечером ему позвонил «Броня», который осенью 2014 г. в Новоазовске был у него БТРщиком.

- Здорово, брат. Как сам?
- Да коптим потихоньку. У тебя чо?
- Да я норм. Бэху продал, хочу китайца взять. Слышь, Влад, я чо звоню. Тебя в прокуратуру не вызывали?
- Когда?
- Да вот, на днях.
- Не. А чо?
- Да мне Михалыч с Остапом писали, что наших вроде как подтягивают, показания какие-то давать. Мне вот повестку принесли.

«Змей» вспомнил, как во вчерашнем ток-шоу одна из барышень уверенно рассказывала, что к ответственности обязательно будут привлечены лица, виновные в военных преступлениях и их дела рассмотрит международный трибунал. И что никто не останется безнаказанным. Что все

ответят за гибель мирных граждан и обстрелы жилых районов. Она сверкала стёклами очков, трясла документами и выглядела очень убедительно.

– Да там это... наши же договорились, документы на трибунал готовят. Я вчера видел у Соловьёва. Свидетелей, наверное, опрашивают. У тебя чо в повестке написано?

– Ща... а, вот. Вызывается в качестве свидетеля по делу, номер... хрен разберёшь, в кабинет 505. Ну, в областную, короче. В Челябинск ехать. Что скажешь, брат?

– Да езжай. Ну, расскажешь, как они «Градом» нас в посёлке накрывали. А! Ещё помнишь, миномётчиков этих в Донецке, на мусоровозе? Которые по школе отработывали?

– Точно! Мы ж их тогда взяли, когда они сворачивались, «Кум» по ним полоснул, помнишь?

– Да, один «200», а трое сдались сразу. Мы ж их местным «беркутам» тогда сдали. Вот, про них можешь рассказать.

Оба замолчали. У «Змея» перед глазами снова всплыл тот школьный двор, в который кучно прилетели две мины из пяти, выпущенных командой «мусоровоза». На ветках дерева, побитого осколками, висела маленькая рука с длинным белым осколком кости, торчащим из оторванного рукава. Рука казалась самостоятельной, будто она сама туда заползла. Две неглубокие чёрные воронки. Три тела. Два маленьких, одно крупное, грузное. Бабушка шла с двумя внуками из гостей. Кефир из литрового пакета ручейком тёк вдоль бордюра в жухлую траву.

– В общем, ты сходи, брат. Потом вернёшься, набери, расскажешь, чо, как.

– Без вопросов. Меня к 11.00 вызывают, послезавтра съезжу.

«Броня» не перезвонил. Через день «Змея» попросили подъехать в бухгалтерию ЧОПа, расписаться в квартальной ведомости. В офисе ждал участковый и трое высоких,

светлых парней с одинаковыми причёсками. Его вежливо, по имени отчеству попросили проехать вместе с ними для решения небольших вопросов по его службе, совершенно незначительных и вполне решаемых.

Разговор в здании прокуратуры показался «Змею» совершенно бредовым. Он даже смеялся. Прокурорская барышня в ответ тоже улыбалась и с интересом слушала его рассказ о задержании укроповской ДРГ. Несколько раз уточнила, кто именно стрелял по диверсантам и кто куда попал. «Змей» с сожалением сообщил, что стрелял по ногам, но попал по колесу, а водилу задвухсотил «Кум», который сам потом погиб где-то со стороны Чернухино. Потом прокурорша ему зачитывала длинное постановление об экстрадиции и говорила о международном праве. А потом ему одели наручники и повезли в СИЗО.

Через неделю его, «Броню» и ещё пятерых самолётом перевезли в Воронеж, где он встретил ещё несколько знакомых по 2014 году. В понедельник, уже перед Днём единства, их погрузили в автозаки и повезли на границу.

Конвой был молчаливый, неживой. На разговоры в клетке внимания не обращали. «Броня» сидел наискосок, через двух человек, напротив. Увиделись они впервые после ареста. Голова у «Брони» была перебинтована. Почувствовав, что его свидетельские показания приобретают какую-то странную тональность, он попытался выскочить в коридор, сбив с ног сопровождающего. Не получилось. За дверью стояли двое в гражданском, которые технично подсекли ему ноги и скрутили в один момент, между двумя ударами сердца. «Броня» крепко приложился об угол и даже потерял сознание – удар пришёлся аккурат на старую трещину, которую он заработал ещё во время службы в ВДВ.

Они посмотрели друг на друга. «Змей» слышал о рывке друга на волю и улыбнулся своей фирменной, кривой улыбкой, демонстрируя железную коронку.

– Как сам-то? Голова болит?
– Не. Прошло уже. Кожа плохо заживает. Гноится.
– Что говорят?
– Сказали, по миномётчикам и за июль 14-го. Аэропорт.
– А... Ну, у меня тоже миномётчики. И Дебальцево. Я там отделением командовал. Следственный эксперимент будет. Мы там, говорят, каких-то канадцев задвухсотили. А миномётчиков потом обменяли. Они, говорят, нас опознают. Очные ставки будут проводить.

«Змей» вспомнил, как с шага врубил носком берца валяющемуся на сером асфальте человеку куда-то под рёбра, под разгрузку с привязанной к ней георгиевской ленточкой. «Кум» орал, выхватил свой узкий, как шило, нож, то и дело отводя его для удара. Он склонился над пленным, держа его за шиворот и орал прямо в лицо какие-то проклятья. Тот, которого ударил «Змей», встал на четвереньки, упёрся лицом в землю и кричал на одной ноте, не прекращая: «Не убивайте, не убивайте, не убивайте». «Змей» быстро обшарил его, вывернул за подбородок голову к себе. Правильное лицо, с редкой щетиной на щеках. На вид лет 25. Русые волосы растрёпаны, рот приоткрыт. Зубы с большими промежутками, пахнет перегаром и кислятиной. Глаза широко открыты, зрачки крошечные, с игольное ушко. Он его не видел. Он продолжал на выдохе повторять нескончаемое «не убивайте», но ничего вокруг не видел и не слышал.

– «Кум», да они угашенные совсем. Брось его, он всё равно ничего не чувствует.

– Я их! Я их! Я их сейчас всех кончу!!! Суки!!! Всех!!! Они мне этого мальчика!

– «Кум», всё, хватит. Вяжем и сдаём. Вон «беркута» уже приехали.

– Как же они нас опознают? – подумал «Змей» – как будут показания давать, если они вообще не соображали.

Ездили с этим миномётом по городу, кололись дрянью и гасили в белый свет. Обычно улетало в никуда, но иногда получалось так, как в школе тогда. С оторванной рукой на ветке.

Автозак несколько раз дёрнулся, громыхнув железными листами и встал. Двери открылись.

Капитан Егоров стоял за спиной высокого начальства и наблюдал, как из серой машины выводят людей и, придерживая за локотки, ведут через пункт пропуска. Один из них обернулся, поймал его взглядом. Ухмыльнулся криво, сверкнув на позднем солнышке металлической коронкой. Лицо было длинное, со впалыми щеками, с крупным носом. Глубоко посаженные глаза смотрели без насмешки, без горечи. Улыбались чему-то внутри, неизвестному для капитана. У шлагбаума их так же, под локоточки, принимали люди в балаклавах и сажали в точно такие же автозаки, только с украинскими номерами. Тут же, засунув руки под бронезилет, стоял полковник Энвер Лята и перекачывал в зубах зубочистку. Он молча наблюдал за погрузкой и иногда благожелательно улыбался, переводя глаза на российскую сторону границы.

«Оперативная группа продолжает работать на месте преступления в подмосковном посёлке Денежниково, где произошло убийство бывшего лидера незаконных вооружённых формирований в Восточной Украине Игоря Гиркина. Как сообщил журналистам представитель Следственного комитета России Михаил Доренко, в убийстве обосновано подозревается его жена, Мирослава Регинская, которая была задержана при попытке скрыться с места преступления и уже дала признательные показания. Известно, что после вступления в силу Договора о сотрудничестве между государственными органами Российской

Федерации и Украинской державы многие лидеры боевиков были объявлены в розыск. Игорь Гиркин был кем-то предупреждён и ему удалось скрыться от правосудия. Как выяснилось, он прятался в Подмосковье, намереваясь вскоре нелегально выехать в Иран, чтобы присоединиться к одному из шиитских радикальных террористических движений».

Аким шёл напрямик, перепрыгивая через отбойники трасс, через негустые подмосковные перелески. С утра напало снега на палец, подморозило так, что листья под ногами хрустели. Он всё рассчитал правильно и был готов к такому повороту событий. Поэтому, когда ночью звякнуло сообщение в «Телеграмме» от аккаунта Vanya с текстом «Сходи за хлебом», раздумывать было некогда. Это означало, что за домом уже выставили наблюдение и утром, или прямо ночью, за ним придут. Не включая полного света, вынул из заначки деньги, документы, положил во внутренний карман. Снял с антресоли давно приготовленный рюкзак. С сожалением поглядел на шкаф с книгами. Отключил ноутбук от сети, собрал в пакетик флеш-карты. Обмотал ноут плёнкой, засунул во внешний карман рюкзака. Прошёлся по квартире. Ну, вроде всё. Скрытая наружная вебкамера показывала пустой коридор. Можно выходить. Вышел, аккуратно, медленно, провернул ключ в замке. Подождал. Тихо. Три часа ночи, из 207 квартиры медлительный, густой храп.

Аким не спеша поднялся на последний этаж, осторожно, чтобы не громыхнуть цепью, вскрыл замок на чердачном люке. Поднялся наверх, затем на крышу. Подбравшись к краю, выставил зеркальце, сосчитал машины во дворе. Всё то же, что и вчера. Чужих машин не было. Пригнувшись, дошёл до последнего подъезда, так же аккуратно вскрыл замок и пешком спустился вниз. Из подъезда сразу

завернул за угол дома и быстрым шагом прошёлся через палисадник, огибая гаражи и ларьки, которые в этом районе ещё не успели снести. Только отойдя на приличное расстояние, достал из кармана резервный мобильник, вставил в него батарею и включил. Дальше всё было проще. Выйти за МКАД, добраться до Реутова, там обозначиться. По готовности добираться оттуда на основной сборный пункт. Аким, правда, изначально решил ни на какие сборные пункты не ходить – это явное палево. О сборном пункте знает слишком много народу. Если в спокойное время этим можно было пренебречь, то в такой ситуации вероятность того, что на этом пункте их всех и хлопнут, выростала до 100%.

В Реутов он добрался к полудню, ощущая тёплую тяжесть в ногах. Несколько раз пришлось огибать высоченные заборы, обходить невесть откуда взявшиеся ангары и стройплощадки. На знакомой уже улице он подошёл к ещё вполне приличному домику, поднялся на второй этаж. Внимательно осмотрел дверь. Глазок закрыт, внизу, под отставшим дермантином обивки торчит кусок лески. Вроде бы всё в порядке. Аким открыл дверь, вошёл в квартиру. Там пахло как и в первый раз, когда он приехал снимать её – запахом безысходной, одинокой старости, ветхой одеждой и лекарствами. В холодильнике лежали нехитрые припасы, всё в точности, как складывал. Он уснул, едва сбросив тяжёлые ботинки и джинсы. Раньше такие путешествия ему давались легче. А тогда, в Донецке, он сутками проводил в беготне и движении без всяких последствий для организма. Но тогда ему ещё не было тридцати. И осколок в ногу прилетел уже потом.

Утром Аким проснулся, словно вышел из комы. Разлепил глаза, нащупал мобильник. Залез в новостную ленту.

«... Жена Гиркина, Регинская, отказалась ехать в исламскую страну, где она не смогла бы продолжать вести

привычный ей разгульный образ жизни. Во время делёжки денег (около 30 миллионов долларов), награбленных террористами во время оккупации Донбасса, между супругами возникла пьяная ссора, в ходе которой Мирослава несколько раз выстрелила в мужа из пистолета и попыталась сбежать, но, как мы уже сообщали, была задержана. Для участия в следственных мероприятиях по делу Гиркина в Москву прибыла рабочая делегация Генеральной прокуратуры и Службы безопасности Украины».

На прилагаемых фото полицейские вели в машину фигуру в камуфляжном бушлате. Лица видно не было. Волосы растрёпаны. Стояла «скорая», люди в солидных пальто и кашне что-то солидно говорили в микрофоны.

Он даже не удивился. Этого следовало ожидать, что именно на основной сборный пункт они явятся сразу же. Снова звякнул «Телеграмм». Аккаунт «Sevas».

– Уже видел?

– Да.

– Ты был прав.

– Знаю. Предупреждал. Как всё было?

– Его в Москве завалили, на квартире, ещё вчера. Арестовывать не собирались. Ждали, что кто-то придёт на сборняк по сигналу. Никто не явился. Тогда труп туда привезли, железо и сумку с баксами. А потом Регину.

– Кто ещё на связи?

– Наши почти все вышли. «Страх» и «Гоблин» пока молчат. Мы в Читу уходим. Ты с нами?

– Нет, я по своему плану.

– Хорошо. Удачи.

Сообщения исчезали через пять секунд, по таймеру. «Чита» на их сленге обозначала Китай. Аким не видел себя в этом государстве и не мог понять, на что рассчитывают его товарищи. Поэтому от предложения отказался сразу же. Уходить из страны он вообще не собирался.

Перспективы эмиграции у него прочно ассоциировались с полным проигрышем и возможностью в глубокой старости увидеть напоследок Родину, исковерканную, чужую и неприятную. Этого ему не хотелось. Он снова зашёл в чат, отправил смешной стикер с Арни аккаунту «Ivanoe», подождал. Ответа не было.

Аккаунт в этот день не ответил. Как и на следующий. И ещё через несколько дней. Через полгода он самоудалился. Но Акиму на это было уже плевать. Он успешно получил новый паспорт с регистрацией в Чите (это совпадение его сильно позабавило). По паспорту он был уже не Аким, а Игорь, моложе на пару месяцев и уже без татуировки на левом предплечье. Он знал, что парни всё-таки смогли добраться до своей «Читы» и сейчас гоняли по африканским джунглям в китайской ЧВК. Всё у них было в порядке, и Аким знал, что всегда может на них рассчитывать. Но план у него был совсем другой. Он бросил листать популярный блог и поднял глаза.

– Ну что? Готовы сдавать работы?

Поднялся нестройный шум, кое-где нездоровая суета. Первой к нему подошла, естественно, Мила Зелинская, неся тетрадь с текстом контрольной на растопыренных пальцах, как поднос с визиткой аристократа. За ней торопился круглый, рыжий и буйный Влад. Потом набежали все остальные, галдя все одновременно и заглядывая в глаза снизу вверх.

– Игорь Иваныч, а когда мы будем учить уже про средние века? А вот тут в этом вопросе я не понял, про что... А эти в первом варианте мы же давно учили, зачем же... А следующая тренировка у нас...

Он бегло отвечал на вопросы, собирая тетради в стопку и размашисто двигался к выходу, облепленный подростками, как пчелиным роем.

Перспективы в этой работе были туманные. Возможно, даже полностью проигрышные. Но важно сохранять

форму. Важно – закладывать в эти пустые головы то, что необходимо. Важно – не попадаться как можно дольше или, что ещё лучше, вовсе не попасться. Возможно, страна полностью просрана и летит в пропасть. Возможно, что у него ничего не получится. Но он не имеет права сдать. Даже если всё будет уничтожено, он обязан сохранить максимум из того, что есть. Он – вирус из прошлого, который может проснуться через десять, сорок, через тысячу лет и сделать то, что не смогли все они, здоровые, крепкие, тренированные, вооружённые, сделать в 2014. Он должен.

«Корреспондент Государственной службы новостей России Владимир Кусков передаёт из г. Свердловск, Украина:

По данным отделения Объединённой военной прокуратуры Луганской области, в г. Свердловск резко снизилось количество преступлений в районе. Наблюдается устойчивое снижение количества тяжких и особо тяжких преступлений против личности: убийств, похищений, причинения тяжких телесных повреждений, что было характерной чертой для периода оккупации города террористическими формированиями. В городе спокойно, он патрулируется группами международных миротворцев. Жителей больше не беспокоит постоянная ночная стрельба и взрывы, которые были столь характерны для периода оккупации. Свердловск входит в зону ответственности миротворческих сил Республики Косово. Население тепло приветствует солдат ООН на украинской земле. Вчера в администрации города состоялась совместная пресс-конференция главы Временного комитета самоуправления г. Свердловск Владимира Квяткивского и командующего ротой косовских миротворцев подполковника Ибрагима Бериша, с участием городского актива и работников местных предприятий... Подполковник И.Бериша имеет большой опыт участия в антитеррористических операциях. Свою службу

начинал в конце 90-х годов прошлого века в спецподразделениях Армии Освобождения Косово, много лет воевал против сербских террористических подразделений так называемого «Войска Сербии», несколько раз проходил специальную подготовку в США. Ибрагим Бериша заверил собравшихся, что с большой ответственностью относится к выполнению своей миссии, поэтому не допустит в зоне своей ответственности никаких эксцессов со стороны остатков террористических банд.

– Все они будут найдены и предстанут перед международным трибуналом – заявил подполковник И.Бериша в комментарии нашему корреспонденту – ни одно кровавое преступление пророссийских террористов не останется безнаказанным».

«Экстренный выпуск новостей на канале Украина ведёт наш собственный корреспондент в Киеве. Что произошло вчера в Луганской области? Саймон, ты слышишь нас?

– О да. Итак, вчера специальная комиссия Объединённой прокуратуры сообщила об обнаружении массового захоронения украинских военнослужащих и гражданских лиц, зверски убитых пророссийскими боевиками возле населённого пункта Дьяково. Сейчас я со съёмочной группой нашего канала нахожусь прямо возле этого места, где сейчас работают эксперты из международной комиссии. Это ужасно, вы видите сами площадь захоронения. Здесь десятки тысяч трупов. Ужасный запах. Просто ужасный.

– Что говорят эксперты? Есть уже какие-то данные?

– О да. Сейчас рядом со мной глава группы независимых экспертов, доктор Бьёрн Нидстаг. Бьёрн, что вы можете сообщить нам сейчас?

– В этом захоронении несколько тысяч трупов. У многих тел связаны руки, что может свидетельствовать о том, что жертв жестоко пытали.

– Когда террористы стали прятать здесь убитых ими людей?

– О, совершенно точно можно сказать, что убитых украинцев привозили и закапывали здесь, начиная с апреля 2014 года.

– Мы слышали от представителей «Врачей без границ», что вам удалось найти нечто очень важное для расследования?

– О да. Помимо того, что среди тел мы находим очень много гильз от новейшего российского «Калашникова», нашим специалистам удалось обнаружить мобильный телефон, который с высокой степенью вероятности принадлежал одному из офицеров российской армии. Вероятно, он потерял его, но мы можем утверждать, что на телефон снимали видео расстрелов всех этих невинных людей. Это ужасное зрелище, тем более, они убивали даже детей.

– Неужели?

– Да, мы можем предоставить в ваше распоряжении некоторые кадры, которые удалось восстановить.

– Саша, ты смотришь? – голос в телефоне был непривычно тихим.

– Смотрю. Они уже второй час эту запись крутят.

На экране снова шли всё те же кадры. Небритое лицо с коротким ёжиком волос. Неясные голоса на заднем плане. Крупным планом – зубы, щетина на подбородке. Рука держит ствол автомата. Татуировка на костяшках, два якоря по бокам и буквы Н.Ф. в середине. Голос сносит ветром, но всё равно слышен однообразный мат и сказанное глухо и хрипло:

– Стрелять по готовности. Огонь.

Громкий визг, камера показывает, перевёрнутую в кадре группу военных в зелёной «цифре», затем несколько тел, падающих на землю.

– А, сука, не успел. Давай следующих.

Камера приближает лица трёх женщин, одна из которых держит на руках мальчика трёх-четырёх лет.

– Готовы? Огонь!

Трещат вразнобой очереди. Голова ребёнка разлетается брызгами в разные стороны. Люди падают.

– Зашибись! Снято!

Дальше начинают озабоченно, сохраняя трагическую мину на лицах, вещать разнообразные эксперты, ведущие, политики третьего эшелона, политологи, актёры. Капитан Егоров их не слушает, убавляет звук. Он слышит дыхание в трубке.

– Нин, ты здесь?

– Ну да.

– Собирай вещи. Ты уезжаешь.

– Я без тебя не поеду никуда.

– Ты сейчас соберёшь вещи, я за тобой приеду. Билеты на самолёт сейчас возьму. Поедешь к моим, в Новосиб. Это ненадолго. Вернёшься через месяц-два. Истерика эта закончится и вернёшься.

– А ты?

– А я на службе. Я объяснял уже сколько раз. Всё, тема закрыта. Машина будет через два часа у тебя под домом.

Он отбивает настойчивые повторы. Потом ставит телефон в беззвучный режим. По ветру, звеня тросом, бьётся триколор. На экране телевизора демонстрируют чью-то офицерскую книжку, лицо крупным планом. Потом студия, говорит чьё-то лицо в галстучке бабочкой. Он восстанавливает звук.

«...несомненно, что Россия во все века своего существования была наиболее омерзительным государственным образованием, которое трудно сравнивать даже с наиболее одиозными, известными нам режимами...» Это Россия24. Дальше.

«...иностранных дел России срочно вылетел в Нью-Йорк для участия во внеочередной сессии Совета безопасности ООН. Не исключено, что российская делегация не будет допущена к обсуждению ситуации...» Это Первый канал. Дальше.

«...Германия намерена разорвать дипломатические отношения с Россией, если информация об участии кадровых офицеров вооружённых сил в массовых расстрелах мирного населения Украины подтвердится. Канцлер Германии на срочной пресс-конференции в Берлине заявил...» НТВ. Ну, с этим тоже понятно.

«...вне всякого сомнения, это чудовищное преступление против человечества, жестокое, которое мировым общественным мнением было воспринято совершенно однозначно, преступление, которое мировое сообщество не может оставить без последствий. Народы мира требуют привлечь виновных в массовом геноциде украинцев к ответственности. Сегодня проходят многотысячные митинги протеста в Нью-Йорке, Лондоне, Париже...»

Телефон всё время мигает экраном. Почти без паузы. Он всё таки снимает трубку.

- Саша, сколько у нас осталось времени ?
- Не осталось времени. Совсем не осталось.

Луганск, декабрь 2018 г.

ДРАМАТУРГИЯ

OPUS 23

ЭКСТ. ДОНБАСС, СТЕПНОЕ ШОССЕ – ПОЛДЕНЬ

Жаркий безветренный день. По пустынной дороге движется армейский КраЗ, грузно перекатываясь на ухабах и ямах. Прицепом тянет за собой гаубицу.

ИНТ. КАБИНА КРАЗА – ДЕНЬ

За рулём – мужчина в камуфляже лет 50, позывной Вуйко. Рядом – молодой боец, позывной Моцарт.

ВУЙКО. ...Роботу кинув, сім'ю кинув, сів на потяг і – до Києва. Боже, яких людей я там побачив. Своїх, розумієшь? Рідних. Рідніших, ніж батьків. Навіть не уявляв, що такі існують. З різних куточків України. Да що там з України! З Америки хлопців було багато, з Германії, з Польщі. Навіть з Донбасу. З Парижу жінка з донькою приїхала. А донька, уяви, чорна, як ця... як її? Як Вупі Голдберг! Одразу видно, що не від москаля. І таких людей – ціла площа. І всі як я. Думають, як я, радіють, як я. І головне, бісить їх те ж саме, що й мене бісить. Янукович той, комуняки всякі, москалі... Москалі особливо. Дивлюся на цих людей і серце з грудей ледь не вискакує – ось вона справжня Україна. Як би не москалі з рабами Януковича, жили б ми зараз як у Паризі. Уяви! На сніданок – круасан з кавою, на обід – стейк з кров'ю, а на вечерю – баварське пиво зі смаженими ковбасками.

(крестится)

Боже, покарай ворогів наших.

Смотрит на напарника.

ВУЙКО. Чому не хрестися?

МОЦАРТ. Атеист.

ВУЙКО. Як це?

МОЦАРТ. Ну, так.

ВУЙКО. А як на майдан потрапив?

МОЦАРТ. Просто. Шел из консы в общагу мимо Майдана. Гляжу – народ пианино притащил. Остановился. «Можно?», говорю. «Будь ласка». Ну, я и врезал Шопена, Революционный этюд. Слушатели стали подтягиваться. Лица сияют. А когда закончил, такой гром аплодисментов грянул, какого за всю жизнь не слышал. Простят еще. Вот так в прессу и попал. Решил, вот она – судьба. Так на Майдане и завис. А когда АТО началась, повестка пришла. Мобилизовали прямо со студенческой скамьи, так сказать. Переодели, сунули автомат – и сюда, в пекло.

Вуйко вздыхает.

ВУЙКО. Тобто не сердце на Майдан привело, а слава.

МОЦАРТ. Моё дело – музыка. Музыка привела. Ты прости, Вуйко, но война – не моё. Точно не моё. Столько всего посмотрелся уже, позвончик знобит. Ну, раз назвался груздем... Вот и воюю. Как могу.

Вуйко переключает передачу, жмет педаль газа. Мотор кашляет.

ВУЙКО. Шо за херня?

ЭКСТ. ДОРОГА – ДЕНЬ

КРАЗ съезжает на обочину и останавливается. Из-под капота ползет пар.

ИНТ. КАБИНА КРАЗА – ДЕНЬ

МОЦАРТ. Что там?

Вуйко, не отвечая, вылезает из кабины, по бамперу пробирается к капоту, поднимает крышку. Из-под капота вырывается белое облако. Вуйко от неожиданности теряет равновесие и спрыгивает на землю.

ЭКСТ. КРАЗ – ДЕНЬ

Из кабины выходит Моцарт, подходит к Вуйко.

МОЦАРТ. Что-то серьезное?

ВУЙКО. Я ж казав, радіатору амба. Закипів грішний. Не дивно. Така спека.

Вуйко стягивает с головы кепку, проводит по потному лицу.

ВУЙКО. Лізь у кузов. Бери канистри, підем воду шукати. Бачиш хату. Нам туди.

ЭКС. ПОСЕЛОК НОВОСВЕТЛОВКА, ЦЕНТРАЛЬНАЯ УЛИЦА – ДЕНЬ

По дороге идут Вуйко и Моцарт, смотрят по сторонам. В руках – канистры. По обе стороны дороги – разрушенные дома. В кювете – гусеницами вверх – бывший танк. Невдалеке – обутленная башня танка.

МОЦАРТ. Что здесь случилось?

ВУЙКО. Не бачиш хіба?

МОЦАРТ. Зачем же так?

ВУЙКО. Війна, хлопче. Отримай, фашист, гранату, раз не схотіли в Україні жити.

На обочине лежит труп военного. Он принадлежит совсем молодому бойцу, ровеснику Моцарта. Вуйко брезгливо обходит его стороной. На груди бойца георгиевская ленточка.

ВУЙКО. Сепар довбаний, тьху. Собаці собача смерть. Казали ж тобі, Донбас буде або укрїнським, або безлюдним. Чуешь, ти, навала королюдська? Безлюдним!

Моцарт, глядя на «сепара», краем глаза замечает какое-то движение.

МОЦАРТ. Смотри, живой, кажется.

Под разлапистым дубом ничком лежит раненый из гражданских. Судя по комплекции – подросток. Шорты, футболка, тапочки на босу ногу. Моцарт ставит канистру на землю, опускается на корточки. Переворачивает тело лицом вверх. Веснушчатый, белобрысый паренёк лет 15-ти. Окровавленное тело густо иссечено осколками. Паренёк разнимает веки и чистыми голубыми глазами смотрит на Моцарта. Видит рядом Вуйко с автоматом наготове.

ПАРЕНЁК. Вы кто?

МОЦАРТ. Свои, свои.

ПАРЕНЁК. Вы из Луганска?

МОЦАРТ. Не совсем.

ПАРЕНЁК. Айдаровцев выбили?

МОЦАРТ. Пока не знаем. А где они?

ПАРЕНЁК. Тут. Везде.

ВУЙКО. Ну все, все, пішли. Треба ще воду знайти...

МОЦАРТ. Слушай, маленький, где тут воды набрать? У нас мотор закипел.

Паренёк смотрит в сторону, показывает рукой куда-то, пытается что-то сказать. Но не успевает...

ВЫСТРЕЛ!

Пуля пробивает голову паренька. Кровь брызжет на лицо Моцарта. Моцарт бросает на Вуйко злобный взгляд, но Вуйко испуганно смотрит в сторону. Из-за дерева выходит боец с автоматом наперевес.

БОЕЦ. Руки в гору. Зброю на землю. Хто такі?

Вуйко ставит канистру на землю, рядом кладет автомат. Поднимает руки. Моцарт делает то же самое.

ВУЙКО. Вісімнадцята артбригада. З аеропорту до вас гаубицю веземо.

БОЕЦ. Де?

ВУЙКО. Там, на виїзді. Радіатор закипів, воду шукаємо.

Боец подходит, берет с земли оба автомата, вешает себе на плечо, продолжая держать на мушке Вуйко и Моцарта. Умело и быстро обыскивает обоих.

БОЕЦ. Так, слухаємо сюди. Церкву бачите? Туди. Вперед. Там разберемось. Щось не так, ляжете поруч з цим сепарським шакалом.

Пинает ногой труп мальчишки.

ИНТ. КОМЕНДАТУРА – ДЕНЬ

За столом – КОМЕНДАНТ. Вуйко и Моцарт кладут на стол свои документы. Комендант читает паспорт Моцарта. Радист протягивает ему трубку.

РАДИСТ. Аэропорт.

КОМЕНДАНТ. Ага, давай сюди.

(в трубку)

Алло. Героям слава. Це хто? Слухай, Лойко, я коли за допомогою до тебе звертався? Вчора. Вчора й чекав. А ти... Добре, що машина в них зламалася за кілометр від блокпоста, а то б замість подяки... Коротче, твої хлопці у мене. Пушку я забираю, дякую. Ага, давай, на зв'язку. Привіт Миколі.

ЭКСТ. КОМЕНДАТУРА – ДЕНЬ

Из комендатуры выходят Вуйко и Моцарт, они берут свои канистры. В дверях – комендант. Он отдает им автоматы. На стенах черной краской выведен трезубец, рядом – волчий крюк. Комендант показывает куда-то вправо.

КОМЕНДАНТ. Метрів за п'ятдесят – колодязь. Знайдете.

ВУЙКО. Ага, дякуємо. Слава нації!

КОМЕНДАНТ. Смерть ворогам.

ЭКСТ. НОВОСВЕТЛОВКА – ДЕНЬ

Моцарт крутит колодезный барабан. Вуйко подхватывает ведро и переливает воду в канистру. Вешает ведро на колодец.

ВУЙКО. Все, третя. Пішли.

Моцарт и Вуйко идут по изувеченной улице мимо разрушенных домов. Моцарт несет две канистры, Вуйко одну. По лицу Вуйко градом катится пот.

МОЦАРТ. Помочь?

ВУЙКО. Не знущайся. Давай до тієї вишні та покуримо.

МОЦАРТ. Давай.

Вуйко ставит канистру на землю. Кепкой снимает с лица пот. Жадно пьет из канистры. Поднимает глаза. Двухэтажный особняк, чей второй этаж снес снаряд.

ИНТ. НОВОСВЕТЛОВКА, РУИНЫ ДВУХЭТАЖНОГО ОСОБНЯКА – ДЕНЬ

По пыльному полу осторожно ступают Вуйко и Моцарт. Держат стволы наготове, озираются. Брошенный и разбомбленный особняк еще хранит следы былой, совершенно не деревенской роскоши. Дизайнерский ремонт, копии французских импрессионистов в позолоченных рамах. Полки с множеством книг.

ВУЙКО. Ні, на мента не схоже. Дуже книжок багато.

МОЦАРТ. Может, профессор какой жил...

ВУЙКО. Та може. Тільки звідки йому тут взятися?

Останавливается у книжной полки, повернув набок голову, читает корешок книги.

ВУЙКО. «Пища богов». Маккена. Золото Маккены, чи шо? Мабудь, продовження. Моцарт, кіно «Золото Маккены» бачив? Про цих... як їх? Про ковбойців. Чуєшь?

Ответа нет.

ВУЙКО. Моцарт!

МОЦАРТ. (из глубины дома) Да тут я.

Вуйко заходит в гостиную (или то, что от нее осталось). Посреди гостиной стоит белоснежный кабинетный рояль. На боку надпись Blütner. Возле рояля Моцарт, он смотрит на инструмент как завороченный. Бережно поднимает крышку, берет пару нот. Не снимая автомата, садится за рояль. Играет начало 2-го концерта Рахманинова.

ЭКСТ. НОВОСВЕТЛОВКА – ДЕНЬ

Пока Моцарт играет, бойцы ВСУ отцепляют гаубицу от Кра-За, цепляют к бронетранспортеру. На броню бронетранспортера сгружают несколько ящиков с боеприпасами. Весело садятся рядом, едут в сторону Луганска.

ЭКСТ. НОВОСВЕТЛОВКА, ОГНЕВОЙ РУБЕЖ – ДЕНЬ

Бойцы разворачивают гаубицу, закрепляют, вскрывают ящик с боеприпасами. Дневальный выносит режиссерское кресло с надписью «Купол», в которое садится командир батареи и смотрит в бинокль.

КУПОЛ. Заряжай!

ИНТ. ОСОВНЯК – ДЕНЬ

Вуйко, прислонясь к дверному косяку, слушает игру Моцарта. Перед его глазами проносится...

ЭКСТ. МАЙДАН – ВЕЧЕР

Вуйко среди слушателей возле пианино, выкрашенного в черно-красный цвет. За клавишами – Моцарт. Он играет Шопена.

ЭКСТ. НОВОСВЕТЛОВКА, ОГНЕВОЙ РУБЕЖ – ДЕНЬ

У гаубицы бойцы готовы к бою.

КУПОЛ. Вогонь!

Гаубица стреляет. Через несколько секунд издалека доносится взрыв.

БОЕЦ. *(протирая руки)* Жара... Пішла вода в хату.

Командир смотрит в бинокль.

КУПОЛ. Візьми ліворуч. Градусів п'ять. Заряджай.

БОЕЦ. Готово!

КУПОЛ. Тоді вогонь!

Снова выстрел. Со стороны Луганск доносится ответный выстрел. Шепеляво свистит снаряд.

КУПОЛ. Обратка, хлопці. Лягай!

Вся батарея падает в траву. Судя по свисту, снаряд проносится над ними.

ЭКСТ. ОСОБНЯК – ДЕНЬ

Возле калитки – три канистры. Снаряд попадает прямо в них.

ВЗРЫВ!

Оглушающе вспыхивает пылеводяной фонтан. На землю падает искореженный осколок канистры.

ИНТ. ОСОБНЯК – ДЕНЬ

Взрыв сотрясает стены. Вуйко от испуга садится на корточки, накрывая руками голову. С потолка сыплется труха – прямо на клавиши. Моцарт продолжает играть, будто ничего слышит. Кроме музыки. Перед его глазами проносятся фрагменты своих выступлений.

ИНТ. КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ КОНСЕРВАТОРИИ – ВЕЧЕР

Моцарт во фраке за черным роялем играет Прокофьева. Встает из-за рояля. Кланяется залу. Зал аплодирует стоя.

ЭКСТ. МАЙДАН – ВЕЧЕР

Моцарт играет на пианино. Ему аплодируют. Среди аплодирующих – Вуйко.

ЭКСТ. ОСОБНЯК – ДЕНЬ

Пыль от взрыва оседает, и от металлической калитки не остается и следа. Чуть поодаль вспыхивает новый взрыв.

ЭКСТ. ОГНЕВАЯ ПОЗИЦИЯ – ДЕНЬ

Бойцы заряжают гаубицу.

КУПОЛ. Вогонь!

Бойцы зажимают уши. Выстрел.

ИНТ. ОСОБНЯК – ДЕНЬ

Моцарт играет Прелюдию Рахманинова, опус 23. Балки, на которых держится потолок, угрожающе трещат. Вуйко смотрит

вверх. Потолки по всему дому шумно рушатся на пол. Везде, кроме гостиной, где за роялем – Моцарт. Он продолжает вдохновенно играть, будто ничего не происходит. Его глаза блаженно закрыты. Из-под века по щеке предательски скатывается слеза, оставляя на запыленном лице светлую полоску.

ЭКСТ. СТАНЦИЯ ДЕБАЛЬЦЕВО – ДЕНЬ

К Дебальцево приближается тяжелый поезд. На платформах – военная бронетехника разной степени тяжести. «Слава Украине!», «На АТО» – написано на каждой второй платформе. На перроне – военный бронированный Хаммер. На подножке – генерал ВАХОВСКИЙ (45), поджарый пружинистый мужчина в солнцезащитных очках. Он с радостью смотрит вслед каждому БТРу, каждому танку, каждой самоходке, каждому «Граду...» Эшелон заезжает на резервный путь и останавливается. На джипе подъезжает генерал Ваховский. С платформ на щебенку спрыгивают свободные от караульной службы конвоиры. Ваховский выходит из Хаммера, водружая на голову генеральскую фуражку. Конвоиры бегут к нему и выстраиваются в ряд. Один из бойцов, чеканя шаг, делает два шага вперед, поворачивается к отряду. В руке – желтый конверт формата А4.

КОНВОЙНЫЙ. Загін, шикуйсь! Струнко!

Поворачивается кругом и делает шаг к Ваховскому.

КОНВОЙНЫЙ. Пане генерал, потяг 28-біс прибув у кінцевий пункт, залізнична станція Дебальцево, Донецька область, Україна.

Конвойный отдает Ваховскому конверт.

ВАХОВСКИЙ. Вільно!

КОНВОЙНЫЙ. Вільно!

ВАХОВСКИЙ. Як доїхали?

КОНВОЙНЫЙ. Чотко! Правда, вночі від холода ледь дуба не врізали. А так – як по маслу. Від Харкова жодної зупинки. Літерний, як ні як.

ВАХОВСКИЙ. Добре, лейтенант... е-е...

(читаєт на груди ковойного)

Ковойный его опережает.

КОНВОЙНЫЙ. Белов.

ВАХОВСКИЙ. Белов. Дякую за службу, лейтенант Белов!

Белов вытягивается и отдаёт честь. Ваховский небрежно подбрасывает к виску расслабленную кисть.

БЕЛОВ. Слава Україні!

ВАХОВСКИЙ. Героям слава! Опівночі вас змінить свіжий конвой, він супроводить потяг до Иловайська. Вас проводять до готелю, нормально помієтесь, хоч і на нормальних ліжках поспите, в теплі и злагоді, як то кажуть.

Белов улыбається, с ним улыбається весь отряд.

БЕЛОВ. Неплохо бы.

ВАХОВСКИЙ. А завтра – першим експресом назад. Ваша мисія успішно закінчена.

ОТРЯД. (хором) Ура-а-а!

БЕЛОВ. Відставити.

ЭКСТ. ФРОНТОВАЯ ПАЛАТКА – ДЕНЬ

Невдалеке останавливается армейский джип. Из него спрыгивают на землю два военных, идут к палатке. Что-то говорят дневальному у входа, показывают документы. Дневальный козыряет и ныряет в палатку.

ИНТ. ФРОНТОВАЯ ПАЛАТКА – ДЕНЬ

Ваховский за столом просматривает деловые бумаги. В палатку входит дневальный.

ДНЕВАЛЬНЫЙ. Дозвольте докласти, пан генерал.

ВАХОВСКИЙ. Що там?

ДНЕВАЛЬНЫЙ. Майор Філіпов и капітан Мірошник.
Особливий відділ.

ВАХОВСКИЙ. Особливий?

ДНЕВАЛЬНЫЙ. Саме так! Документи перевірів. Кажуть, терміново. Дозвольте впустити.

Полковник торопливо надевает фуражку.

ВАХОВСКИЙ. Впускай.

ДНЕВАЛЬНЫЙ. Слухаюся.

Дневальный выходит. В палатку входят два офицера.

МАЙОР. Слава Україні!

ВАХОВСКИЙ. Героям слава!

МАЙОР. Эники-беники їли вареники...

ВАХОВСКИЙ. Пішла баба на базар и купила самовар.

КАПИТАН (подозрительно) Баба?

ВАХОВСКИЙ. Баба, баба... Українська версія.

МАЙОР. Все на мазі?

ВАХОВСЬКИЙ. Конвой змінюємо рівно опівночі. Локомотив буде вчасно.

(подає со стола папку)

Осьштатний розклад усього конвою, звання, посадити що. Майор бере папку, швидко листав, зашлюпує, через плече передає Капітану.

МАЙОР. Не пропусти там нічого.

КАПІТАН. Чорт не пролізе.

МАЙОР (Ваховському). А далі, як і домовлялися. Тільки фронт перетнемо, одразу координати есемескою кину. Резервний канал на частоті чотирі десять. Но це лише на крайняк.

Ваховський дивиться на чорний пластиковий брусок рації на грудях майора, дивиться на стіл – бачить свою рацію. Знову дивиться на майора, трохи помітно киває.

МАЙОР. Ну ось і добре. Приємно мати з вами діло, шановний Павло Богдановичу.

ВАХОВСЬКИЙ. Навзаєм, Ігор Сергійович.

Все троє жмут одне одному руки.

ЭКСТ. СТАНЦИЯ ДЕБАЛЬЦЕВО, ЗАПАСНЫЙ ПУТЬ – ПОЛНОЧЬ

Мимо состава с бронетехникой уверенно идет майор в сопровождении капитана.

КАРАУЛЬНЫЙ. Стій! Хто такий?

МАЙОР. Конотоп.

КАРАУЛЬНЫЙ. Біла Церква.

Карaulьный знімає з пояса рацію.

КАРАУЛЬНЫЙ (в рацию, радостно). Росомаха, зміна, прийом.

МУЖСКОЙ ГОЛОС (в рации). Бачу тільки двох, спи-тай, де решта?

КАРАУЛЬНЫЙ (Майору). Де решта?

МАЙОР. До півночі п'ять хвилин. Не журися, змінемо секунда в секунду.

КАРАУЛЬНЫЙ. Охоти немає ще ніч на залізі спати.

МАЙОР. Як на тій стороні кажуть? Свобода пуще не-волі.

КАРАУЛЬНЫЙ. Во-во!

Караул спрыгивает с платформ на щепенку, строится в колонну по четыре и строевым шагом уходит в тень. Нестройным отрядом входит новый караул, рассыпается по всему составу. Поезд дёргается.

МАЙОР. Потяг дали. По вагонах!

Майор взбирается на платформу и оказывается рядом с Капитаном. Состав медленно трогается.

КАПИТАН. Он сказал – поехали.

Капитан бросает на него подозрительный взгляд.

МАЙОР. Гаразд, гаразд... Псяча мова – табу. Як і канні-балізм.

КАПИТАН. Ну, не настільки ж.

Тяжелый состав уверенно набирает ход.

ЭКСТ. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ ПОЛОТНО – НОЧЬ

Тепловоз ВЗОР на скорости тянет тяжелый состав, набитый бронетехникой. Состав минует переезд-блокпост.

ЭКСТ. ПЕРЕЕЗД-БЛОКПОСТ – НОЧЬ

У железной дороге стоят два бойца, провожают глазами состав. Им в глаза бросаются надписи «Слава Україні» и «На АТО».

БОЕЦ-1. Ну все, кірдик сепарам.

БОЕЦ-2. Всій Рашці кірдик.

БОЕЦ-1. Разом з Путіним.

БОЕЦ-2. Прощавай, старік Кабаєв.

Бойцы смеются.

ИНТ. ПОЕЗД – НОЧЬ

МАЙОР (в рацию). Ну всё, пацаны, мы дома. Переодевайте ёлки. Скоро Коммунарск.

Бойцы со своих мундиров срывают украинские нашивки и погоны – благо, на липучках, вместо них приклеивают свои – ЛНР, ДНР, Новороссии, Российской Федерации. Майор со смартфона пишет СМСку.

ИНТ. ШТАБНАЯ ПАЛАТКА – ПОЛНОЧЬ

Ваховский при свете диодного светильника дремлет за своим столом, положив голову на сложенные руки. На столе две черные коробочки – мобильного телефона и рации. Мобильный сигналил об СМСке. Полковник хватает телефон, читает.

ДИСПЛЕЙ ТЕЛЕФОНА, НАДПИСЬ: 121 456

Ваховский рывком встает из-за стола.

ЭКСТ. ШТАБНАЯ ПАЛАТКА – ПОЛНОЧЬ

Из палатки выходит Ваховский и садится в Хаммер. Запускает двигатель. Хаммер стремительно исчезает.

ИНТ. КАБИНА ХАММЕРА – ПОЛНОЧЬ

Ваховский за рулем. Левой рукой управляет рулевым колесом, правой выстраивает маршрут на смартфоне.

НАВИГАТОР

Маршрут построен. Через двадцать метров поверните направо.

ЭКСТ. СТЕПНОЕ ШОССЕ – ПОЛНОЧЬ

По шоссе мчится одинокий Хаммер. Визжа тормозами, джип останавливается. Из Хаммера выходит Ваховский со смартфоном, смотрит на дисплей. Смотрит вокруг – степь. Смотрит по ноги – степь. Задумывается. Злобно топает ногой. Подошва кованого ботинка ударяется о что-то металлическое. Ваховский носком ботинка смахивает пыль. Садится на корточки, наощупь убеждается, что под ним что-то вроде чугунного канализационного люка.

ИНТ. КОЛОДЕЦ ЛЮКА – РАССВЕТ

Ваховский по ржавым скобам спускается вниз. Лучом фонарика ощупывает стены. Видит метку в виде креста мелом на одном из кирпичей. Сует фонарик в зубы и двумя руками вынимает меченный кирпич из стены. Следом вынимает второй. За ним – третий. В стене колодца – тайник.

Ваховский запускает глубоко в тайник руку и вынимает большую спортивную сумку.

ИНТ. КАБИНА ХАММЕРА – РАССВЕТ

Ваховский бросает сумку на пассажирское сиденье. Жужжит молнией, вспарывая капроновое брюхо. Сумка до отказа набита пачками стодолларовых купюр. Лицо генерала озаряется счастьем.

ЭКСТ. СТЕПНОЕ ШОССЕ – РАССВЕТ

Хаммер резко берет с места и стремительно удаляется по шоссе.

ЭКСТ. СТАНЦИЯ ДЕБАЛЬЦЕВО – РАННЕЕ УТРО

На запасном пути – морской контейнер на платформе. Возле контейнера маячит постовой. Рядом тормозит Хаммер. Из Хаммера выходит Ваховский с сумкой и идет к платформе. Караульный отдает честь и помогает Ваховскому взобраться на платформу. Ваховский срывает пломбу, открывает контейнер, входит внутрь.

ИНТ. КОНТЕЙНЕР – РАННЕЕ УТРО

Подсвечивая себе фонариком, Ваховский проходит в дальний конец контейнера. Контейнер доверху забит домашней утварью – мебелью ручной работы в стиле барокко, несколько холодильников, несколько стиральных машин, торшеры, люстры, плазменные экраны, компьютеры и прочие ценные вещи. Все разных фирм. Ваховский запикивает сумку в проем между шкафом и холодильником. Идет назад. На выходе еще раз смотрит на свои сокровища. Видит пустое место. Чешет висок. Закрывает

контейнер на замок, вешает пломбу. Думает и вешает еще одну. На всякий случай.

ИНТ. НОВОСВЕТЛОВКА, ОСОБНЯК – ДЕНЬ

Моцарт яростно заканчивает Прелюдию. Переводит дух. И только тут замечает, что за плечо его трясёт Вуйко.

ВУЙКО. Моцарт! Тікати треба. Мерщій! Оглух, чи шо? Іване, ти чуєшь? Моцарт!

МОЦАРТ. А?!

ВУЙКО. Жити хочеш?

ЭКСТ. ОГНЕВАЯ ТОЧКА – ДЕНЬ

Гаубица смотрит дулом вверх. Рядом стопкой сложены снаряды. В кузове КраЗа – тот самый рояль. Моцарт играет Шопена. Весь личный состав батареи сидит на траве и внимает музыке. Моцарт заканчивает этюд. Нестройные аплодисменты.

ГОЛОС. А Мурку слабо?

Бойцы оборачиваются, злобно ища глазами того, кто это сказал.

2-Й ГОЛОС. Мурка буде в Москві.

3-Й ГОЛОС. Або на ямі, якщо пельку не затулиш.

2-Й ГОЛОС. Ага, там тобі і Мурку, і Дурку, і Владімірській централ. Кацап чортов.

БОЕЦ. Хто кацап?!

БОЕЦ-2. Ты кацап.

БОЕЦ. Від кацапа чую.

БОЕЦ-2. Цветков – хіба не кацапське прізвіще?

БОЕЦ-3. Скоріше жидівське. На морду подивись.

БОЕЦ. Что ты сказал?

БОЕЦ-3. Що чув.

Бойцу-3 в голову прилетает фляга.

БОЕЦ-3. Да ти ох...в!

Боец-3 хватается за автомат. Боец-4 поднимается с травы.

БОЕЦ-4 (поёт). Ще не вмерла України ні слава, ні воля...

Моцарт подхватывает на рояле. Все бойцы встают и присоединяются к пению, сливаясь сначала в нестройный, но вскоре в мощный хор. Моцарт к чему-то прислушивается. Рассеянно смотрит вдаль. По проселочной дороге к позиции приближается Хаммер Ваховского, оставляя позади густой шлейф слежалой пыли.

ИНТ. КАБИНА ДЖИПА – ДЕНЬ

За рулем – Ваховский. На пассажирском сиденье – его АДЪЮТАНТ.

АДЪЮТАНТ (заканчивает анекдот). Ну все, хлопці, більш не можу. Беріть свою штуку баксів.

Ваховский заливается громким смехом.

ЭКСТ. ОГНЕВАЯ ПОЗИЦИЯ – ДЕНЬ

В расположение артиллерийского расчета въезжает Хаммер, останавливается. Из Хаммера выходят Ваховский и Адъютант. Адъютант показывает рукой на рояль в кузове. Оба идут к нему. Бойцы вокруг КраЗа поглощены исполнением гимна и почти не замечают гостей. И только Моцарт, не прекращая играть, внимательно следит за приближением старших офицеров.

Ваховский легко запрыгивают в кузов КраЗа, подает руку Адьютанту. Адьютант хватается за руку и тоже оказывается в кузове. Показывает Моцарту скрещенные руки, мол, заканчивай. Моцарт перестает играть. Встает с ящика.

АДЬЮТАНТ. Що тут відбувається?

МОЦАРТ. Гімн поем.

АДЬЮТАНТ. Бачу, що гімн. Не глухі. Піаніно звідки?

МОЦАРТ. Это рояль.

АДЬЮТАНТ. Та хоч арфа. Звідки? Віджав? У кого?

МОЦАРТ. Скорее, спас. Из-под завала.

Ваховский тем временем обходит рояль, скрупулезно рассматривая, пробует на ощупь.

АДЬЮТАНТ. Я ж кажу, як новенький. Ні сучка, ні задорінкі, хе-хе.

Ваховский умело ставит пальцы на клавиатуру, берет аккорд.

ВАХОВСКИЙ. Супер! Те, що треба. Дружина зрадіє. Забираю. Вези на станцію.

АДЬЮТАНТ (Моцарту). Хто за кермом?

ГОЛОС. Я за кермом.

К машине подходит Вуйко.

АДЬЮТАНТ (Вуйко). Цю бандуру мы забираємо. Їдь за нами.

МОЦАРТ. Нет.

АДЬЮТАНТ. Що?

МОЦАРТ. Рояль мой.

АДЬЮТАНТ. Був твій, став не твій. Все, розмова закінчена.

(Вуйко)

Зачиняй борти. Часу обмаль.

МОЦАРТ. Нет!

ВУЙКО. Слухай, малий, віддай по-хорошому. Все одно не утримаєш. Або снаряд улучить, або сепари заберуть.

МОЦАРТ. Пусть так, умру вместе с ним.

АДЪЮТАНТ. Ну все, ти мене допик. Трое суток га-уптвахти!

Смотрит на Ваховского. Тот одобрительно кивает.

АДЪЮТАНТ. П'ять суток губи. Зброю сюди! Швидко!

Моцарт стягивает с плеча АКМ. Но вместо того, чтобы отдать Адъютанту, передергивает затвор и стреляет очередью, выпуская весь рожок – в рожаль. Идеальный внешний вид холеного инструмента премиум-класса в несколько секунд превращается в безобразное месиво.

МОЦАРТ. Забирай!

Моцарт бросает раскаленный автомат к ногам Адъютанта.

КОНЕЦ

ПЕРЕМИРИЕ

Притча в двух частях

Действующие лица*:

НОЙ

АХИЛЛ

ЧЕ ГЕВАРА

ШУМАХЕР

МАРИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

День первый

Где-то за сценой слышится нарастающий гул митинга, призывы ораторов, рёв толпы, подхватывающей знакомые лозунги. Раздаются выстрелы, крики. Стреляют одиночными, затем – очередями. Автоматная пальба сменяется звуками общевойскового боя. Разрывы снарядов ложатся всё ближе. После последнего, оглушительного взрыва наступает тишина. Открывается занавес. На сцене слева направо лежат Че Гевара, Ахилл, Шумахер и Ной. Они одеты в одинаковый потрёпанный военный камуфляж без знаков отличия. Рядом валяются их вещмешки. Вначале кажется, что все мертвы, но вот, одна за другой, фигуры начинают двигаться. Кто-то переворачивается со спины на живот, кто-то присаживается на корточки. Сейчас они похожи на солдат, отдыхающих на

---

* Ной, Ахилл, Че Гевара и Шумахер находятся на сцене постоянно.

привале где-то в тылу. На заднем плане виднеется полуразрушенная деревянная стена без окон с дверью посередине. Слышатся звуки мирной жизни: шум ветра, пение птиц, стрёкот кузнечиков, кваканье лягушек. Некоторое время все наслаждаются тишиной и покоем.

ЧЕ ГЕВАРА. Первым они убили Макса. Он зашёл в нашу палатку на майдане в начале января, засмеялся и сказал: «Здоровенькі були. Я – Макс, титушок из Донецка». А потом, будто фокусник, начал доставать из рюкзака тёплые носки. Пар десять, не меньше. Он улыбался застенчиво, словно мальчишка, который боится, что его не примут в игру. Тогда, в январе, всё было ещё неясно. На Грушевского стоял «Беркут», а в Мариинском парке – «антимайдан»: толстые рыночные тётки и пьяная шахтарня, которую рыги поездами свозили в Киев. У шахтёров были одинаковые рыбы глаза с чёрным ободком по краям, глаза, в которые навсегда въелась угольная пыль. Потом, после победы, в феврале мы выдёргивали их из толпы по одному, ставили на колени и отпускали. Они смотрели на нас, словно рыбы, вытасненные из воды, – бессмысленно и равнодушно.

Я снова увидел Макса в Донецке, в марте, на площади Ленина. Он мелькнул в толпе с сине-жёлтым флагом на плечах. Я махнул рукой – Макс в ответ поднял над головой сжатый кулак. В нас уже летели яйца, камни, куски арматуры. Напротив, в двух десятках шагов, стояли они – та самая отморозенная толпа из Мариинского парка, разбавленная ростовской гопотой. Мы пришли без оружия, мы думали, что они не посмеют – в центре города, на глазах у ментов... Один из камней задел голову парню рядом: брызнула кровь. Мы пытались сопротивляться, но их было больше. Тупо больше.

Нас окружили и стали гнать к автобусам. Сперва они кричали: «На колени! На колени!» Потом, когда многие опустили, – «Молодцы! Молодцы!» А Макс стоял. Стоял

и улыбался. Как тогда, в палатке, на майдане. Из толпы выскочил парень в чёрной вязаной шапочке, надвинутой на глаза, и резко ударил Макса в живот. Макс побледнел и пошатнулся. Никто поначалу не понял, что в руках у гопника был нож. Несколько секунд Макс продолжал стоять – ровно, будто ничего не случилось. А потом упал – сразу, ничком...

Он родился в городе, где можно быть только бандитом или рабочим быдлом. А он не хотел становиться ни тем, ни другим. Его убили за то, что он был свободным – в толпе, которой эта свобода на фиг не нужна... Макс был первым. Потом их было много. Так много, что я уже не помню прозвища и имена.

Шумахер встаёт, поднимает два вещмешка, подходит к Че Геваре и садится рядом с ним. Ахилл таким же образом подсаживается к Ною. Теперь герои образуют две маленькие группы по краям сцены.

НОЙ. Реально на весь блокпост у нас было три калаша, два карабина и несколько древних берданок. Наверное, с такими когда-то дед Мазай ходил на зайцев. Если бы укры послали сюда всего одну «бэху», мы смогли, наверное, только поднять тревогу и героически умереть. Но укры не шли: то ли у них не было исправной «бэхи», то ли соляры, то ли желания воевать. Когда темнело, они лениво выпускали в нашу сторону десяток мин, которые ложились с перелётом в кукурузном поле между блокпостом и шахтным посёлком. Дождавшись дежурного обстрела, мы пили чай, выставляли часовых и шли спать в блиндаж.

Днём мы проверяли редкие машины. Шахтный посёлок был от нас метрах в трёхстах, поэтому возле блокпоста всё время крутились местные – тащили воду и домашний харч, беседовали за жизнь. Женщина с мальчиком всегда

приходила после обеда, часам к пяти – приносила картошку в большом эмалированном ведре. Пацан – серьёзный пятилетний мужичок – тоже нёс свою долю в крохотном пластмассовом ведёрке. Картошка в июне ещё мелкая и копоть её резона не было, но женщина каждый день упорно набирала ведро и шла к нам. Мы запекали клубни на костре вместе с кожурой. На вкус они были сладкими и, словно чипсы, хрустели во рту.

В тот день Колобок, исполнявший у нас обязанности повара, как обычно с серьёзным видом принял у мальчишки пластмассовое ведёрко и пересыпал картошку в кастрюлю. Мальчик попросил потрогать автомат, но Колобок не разрешил. Пацан попытался улыбнуться, но губы его предательски дрогнули, а на глазах выступили слёзы. Женщина поспешно взяла мальчишку за руку и повела домой. В тот день у укров что-то пошло не по графику. Раздался короткий свист и сразу грохнуло – будто на въезде в посёлок опрокинулся грузовик с железом. Потом опять стало тихо.

Женщина лежала прямо на дороге возле воронки от укроповской мины. Одной ноги у неё не было, вторая вывернулась к телу под каким-то немислимым углом, словно у тряпичной куклы. Самое страшное, что она была ещё жива и пыталась привстать, чтобы увидеть сына. Колобок начал сворачивать жгут из ремня, хотя в этом не было смысла. Мальчик лежал чуть дальше, возле срезанных стеблей кукурузы. Когда я наклонился, он сказал: «Я еще чуть-чуть полежу, а потом мы пойдем домой». Он казался совсем спокойным. Я взял его руку в свою. Несколько раз мальчик переставал дышать и начинал снова. Потом...

Ахилл хлопает Ноя по спине.

АХИЛЛ. О чём задумался, Ной, братуха?!

НОЙ. Слышишь, Ахилл, – поют!

Прислушиваются.

АХИЛЛ. Соловьи?

НОЙ. Лягушки. Помню, в детстве с отцом в Донецке на Кальмиус рыбачить ходили. Донки забросим, прикорм ки-нем и сидим. А кругом – лягушки. Мне всё чудилось: кричат они в камышах: «Клюё-ё-ё-т! Клюё-ё-ёт!».

АХИЛЛ. А чё? Похоже...

НОЙ. Только не клевало оно ни хрена. Сколько помню – никогда ничего не клевало.

Прислушиваются. Лягушки квакают.

НОЙ. Гляди: всего час как стихло, а уже повылазили. Не боятся...

АХИЛЛ. Шрекам разведка донесла, что перемирие, вот они и на расслабоне.

НОЙ (*очень серьёзно*). Ага. Перемирие. Неделя. Говорят, в этот раз на самом верху договорились!

Ной и Ахилл смотрят друг на друга, потом куда-то вверх и вдруг, словно по команде, начинают хохотать.

АХИЛЛ (*сквозь хохот*). Договорились?! Без понтов?!

НОЙ. Ага! Неделя!

АХИЛЛ (*со смехом*). Ничё, к вечеру укры нажрутсЯ враскатуху и так мириться начнут, что от шкреков мокрое место останется!

Пауза. Ахилл достаёт из кармана монетку, подбрасывает и ловит её.

АХИЛЛ. Короч, собирайся, в деревню пойдём. Там на нейтралке укропы дом из арты размандячили. Баба-хозяйка

к Медведю пришла, просит хоть как подлатать, пока дожди не начались.

НОЙ. А разве в деревне живёт ещё кто?

АХИЛЛ. Выходит, живёт.

НОЙ. Что за баба?

Ахилл (*пожимая плечами*). Я её видал?

НОЙ. А, кроме нас, людей во взводе не осталось? Или кто везёт – того и грузят?!

АХИЛЛ. Ну, у Гуся нога до сих пор гниёт, Цыган с Валетом на увал, к бабам своим рванули. А у остальных сам знаешь, из чего руки растут. (*Пауза.*) Да, ещё. Медведь сказал, оружие в распоряже оставить.

НОЙ. Погоди, я что-то не въехал. Это как?!

АХИЛЛ. Обыкновенно. Не веришь – сам спроси.

НОЙ. А если укропы?!

АХИЛЛ. Не парься. Голыми руками передушим... (*Смеётся.*)

На другом конце сцены Че Гевара сидит возле собранного вещмешка. Шумахер перебирает содержимое своего, складывая туда банки тушёнки и другие полезные вещи. Вещмешок Шумахера заметно выделяется среди остальных своими большими размерами.

ШУМАХЕР. Ты б, Че Гевара, сказав: не зустрів я Шумахера – та й усе. Іншого б знайшли. Мені ремонтуватися треба. Кров з носу! Тиждень пройде...

ЧЕ ГЕВАРА. Не части, Шумахер, не понимаю ни хрена!

ШУМАХЕР. У меня на «газели» мост шумит. Неделя пройдёт – мне ехать. Тысяча километров туда, тысяча обратно. Я зимой под Винницей три дня ждал, пока коробку переберут. Тогда хоть мороз был, а сейчас – жара! Стану где-то в поле, а в кузове груз...

ЧЕ ГЕВАРА. У тебя, Шуми, запасной мост есть?

ШУМАХЕР. Нема. *(Пауза. Шумахер продолжает сбормы.)* Я вот думаю: умеют всё-таки немцы машины делать. У «мерса» ходовка неубиваемая, считай. Даже по нашим дорогам. Двигатель мановский миллион выбегает – и не чихнёт. А у «газели» весной движок перебрал – так она уже масло жрёт за обе щеки.

ЧЕ ГЕВАРА. Ну, это она в хозяина пошла. Лучше скажи: не родила ещё?

ШУМАХЕР. Не родила. Утром звонил.

ЧЕ ГЕВАРА. Не дрейфь, Шуми, всё пучком будет. Ты автомат сдал?

ШУМАХЕР. Сдал. Ты б им сказал... *(Безнадёжно машет рукой.)* А что хоть делать-то?!

ЧЕ ГЕВАРА. Крышу, походу. Или стены... Тебе не всё равно?! Ротный сказал, сепары дом у тётки конкретно размолотили.

ШУМАХЕР. Если сепары размолотили, чего мы делать должны?!

ЧЕ ГЕВАРА. Я почём знаю? Может, ротный на тётку глаз положил? Он мне не докладывает. Долго ты ещё копать будешь?! Достала уже хомячливость твоя!

ШУМАХЕР. Так надо на неделю запастись.

ЧЕ ГЕВАРА. Какая неделя, расслабься! Дня два – и то, если пофартит. А там сепары по новой насыпать начнут. Как всегда.

ШУМАХЕР. Так договорились вроде.

ЧЕ ГЕВАРА. С сепарами только с мёртвыми договариваться можно. И то – в оба глядеть, чтобы не накололи... Неужто всё?!

ШУМАХЕР. Собрал, вроде.

ЧЕ ГЕВАРА. Ну, потопали тогда.

Че Гевара с Шумахером и Ной с Ахиллом одновременно направляются к двери. Ной с Ахиллом оказываются там первыми.

Слышится лай собак, мычание коровы, крик петуха. Укры и сепары замечают друг друга. Пауза. Ахилл принимается колотить в закрытую дверь.

АХИЛЛ. Открывай, курва! Открой, кому сказал!

НОЙ. Да не психуй ты! (*Оглядывается на Че Гевару и Шумахера.*) Укры, вроде, тоже – без оружия.

АХИЛЛ. Чуйка у меня была – идти не хотелось. Жопой чуйл! У меня знаешь, какая жопа чувствительная?!

Снова стучит. Че Гевара и Шумахер стоят в стороне.

ЧЕ ГЕВАРА. Хером себе по башке постучи, придурок.

Испуганно мычит корова.

ШУМАХЕР. Скотину перепугал.

Присаживается на землю, достаёт из вещмешка банку тушёнки, открывает, начинает есть. Ахилл, чуть передохнув, продолжает стучать с удвоенной силой.

ЧЕ ГЕВАРА. Откуда сепары? Что за развод тупой?!

ШУМАХЕР. Вони ж без зброї.

ЧЕ ГЕВАРА. А мне один хрен.

ШУМАХЕР. Видать, тоже строить пришли. Подшабашить хотят, пока перемирие.

ЧЕ ГЕВАРА. Бригада конкурентов, мать твою! А тётка, гляжу, – не промах... Дай кусочек. Да не жмоться!

Присаживается рядом с Шумахером. Поддевает ножом кусок тушёнки. Ест. Поглядывает в сторону Ноя и Ахилла.

АХИЛЛ (*у двери*). Это лядство ей боком выйдет. Я таких хитросделанных знаешь сколько на войне перевидал?! И нашим, и вашим! И здесь, и там зарядить успела. А теперь очканула – нос высунуть боится.

НОЙ. Может, ушла куда.

АХИЛЛ. Ага. На дискотеку, в Дом культуры. Вчера на передке как раз пригласительные раздавали. Отворяй, курва!!!

Колотит в дверь ногой. Неожиданно дверь отворяется. Появляется Мария с кувшином в руках. Она на последних месяцах беременности. Ной и Ахилл замирают у дверей. Шумахер и Че Гевара встают. Долгая пауза.

МАРИЯ. Меня Мария зовут. Я корову доила. В кувшине – молоко парное. Вода – в колодце. Заночевать на сеновале можно. В доме места нет.

Ной, Ахилл, Че Гевара, Шумахер стоят неподвижно. Слышны звуки наступающего вечера.

МАРИЯ. Ночью холодно будет. С реки сыростью несёт. Я вам сейчас одеяла принесу...

Заходит в дверь, оставив кувшин у входа.

День второй

Ной с Ахиллом и Че Гевара с Шумахером сидят на противоположных концах сцены. Шумахер, Ной и Ахилл пытаются дозвониться куда-то по мобильникам, Че Гевара читает книгу.

ЧЕ ГЕВАРА (*глядя в книгу*). Дорогие старики! Я вновь чувствую своими пятками рёбра Росинанта, снова, облачившись в доспехи, я пускаюсь в путь. Около десяти лет тому назад я написал Вам другое прощальное письмо.

Насколько помню, тогда я сожалел, что не являюсь более хорошим солдатом и хорошим врачом; второе уже меня не интересует, солдат же из меня получился не столь уж плохой. Считаю, что вооруженная борьба – единственный выход для народов, борющихся за своё освобождение, и я последователен в своих взглядах. Многие назовут меня искателем приключений, и это так. Но только я искатель приключений особого рода, из той породы, что рискуют своей шкурой, дабы доказать свою правоту. Может быть, я попытаюсь сделать это в последний раз. Я не ищу такого конца, но он возможен, если логически исходить из расчета возможностей. И если так случится, примите мое последнее объятие.

Во время чтения Шумахер несколько раз безуспешно набирает телефон.

ШУМАХЕР. Чтоб ему пусто! А ты со своего не пробовал?

ЧЕ ГЕВАРА. Мне звонить некому, Шуми.

ШУМАХЕР. Разве это хорошо?

ЧЕ ГЕВАРА. На войне хорошо.

Снова погружается в чтение.

АХИЛЛ. От женщин, Ной, в жизни проблемы одни. Бабы хуже укропов. От этих (*кивает в сторону Шумахера и Че Гевары*) хоть знаешь, чего ждать. Вчера ни за хрен собачий сдохнуть могли.

НОЙ. Ты же смерти не боишься, Ахилл.

АХИЛЛ. Глупой – боюсь! Пришли бы «укры» с оружием, в канавку нас положили, земелькой присыпали – и адъёс. Как пацанам потом в глаза смотреть? Я Валету ещё пятихатку торчу. Скажет Валет: трепло Ахилл, обещал с зарплаты отдать, а сам слился... Ну что – не ловит «Феникс»?

НОЙ. Глухо.

АХИЛЛ. И с моего – голяк.

НОЙ. А если без звонка в распорягу дунуть? Как-никак – «укры» в деревне, реальный форс-мажор.

АХИЛЛ. Ты что, Медведя не знаешь?! Вызверится в момент, отвечаю! Скажет: приказ нарушили. В лучшем случае в табло выхватишь, в худшем...

Пауза.

НОЙ. Слышь, может, у этих ган...нов трубу попросить?! У них – «Киевстар», должен ловить!

Пауза.

АХИЛЛ. Ну спроси, раз тебе надо.

НОЙ. А тебе не надо?!

АХИЛЛ. Я и тут посидеть могу. Мне за шкуру не заливают.

Ной подходит к Шумахеру и Че Геваре.

НОЙ. Слышь, хлопцы, трубу дайте. У нас «Феникс» не берёт.

Че Гевара продолжает читать. Шумахер молча протягивает мобильный. Ной пытается позвонить, потом возвращает телефон.

НОЙ. Что, влом сказать, что сети нет?!

Во время отсутствия Ноя Ахилл копается в его вещмешке. Ной возвращается. Ахилл невозмутимо подбрасывает и ловит монетку.

НОЙ. Опять в моём мехаре лазил?

АХИЛЛ. На кой мне?

Ной достаёт из вещмешка пачку сигарет и пересчитывает.

НОЙ. Сигареты! В пачке двух не хватает!

АХИЛЛ (*пожимая плечами*). Чудеса... Ну что – дозво-
нился?

НОЙ. Не ловит «Киевстар».

АХИЛЛ. А укры чё?

НОЙ. Расстроились, что помочь не могут. Извинялись
долго.

ЧЕ ГЕВАРА (*Шумахеру*). Совсем сепары оборзели. У нас
тут переговорный пункт, что ли? На хрен ты им трубу давал?!

ШУМАХЕР. Всё равно связи нет. А ты читаешь – читай!

Набирает телефон.

ЧЕ ГЕВАРА. Нервный ты стал, Шуми. Не парься, ро-
дит – куда денется? В прошлый раз всё как по маслу прошло.

ШУМАХЕР. Прошлый раз я дома был.

ЧЕ ГЕВАРА. Ничего, без тебя справятся. Пускай привы-
кают – без тебя...

Из двери выходит Мария с пустыми вёдрами.

АХИЛЛ. Блин, да что за день сегодня. Ещё и баба на-
встречу с пустым ведром. Теперь денег точно не будет.

НОЙ. А когда они у тебя были, Ахилл? Помог бы лучше.

АХИЛЛ. Ты, Ной, гляжу, по бабам истосковался.

НОЙ. А тебе завидно?

АХИЛЛ (*кивая на живот Марии*). Только тут, кажись,
место застолбили давно.

Ной подходит к Марии.

НОЙ. Давай вёдра. Давай, говорю. Тебе тяжёлое нельзя...

Забирает у Марии вёдра. Вместе идут к краю сцены.

НОЙ. У вас со связью всегда туго так?

МАРИЯ. Связи два года нет. С тех пор, как вышку разбили. А свет с весны пропал. Я в район ходила – сказали, никто новые провода тянуть не будет, пока бои.

НОЙ. Как же вы живёте?

МАРИЯ. Так и живём.

Останавливаются у невидимого колодца.

НОЙ. И много в деревне народа осталось?

МАРИЯ. Никого. Я одна.

Ной присвистывает.

НОЙ. И не боишься? Одна, без людей?!

МАРИЯ. А кого бояться, если людей нет?

НОЙ. Ну да... А чего не уехала?

МАРИЯ. Так хозяйство у меня. Жалко бросить. Две коровы, две собаки, две кошки. Куры...

НОЙ. Много?

МАРИЯ. Тоже две. Курица и петух. Остальные передохли. Зимой ещё.

Пауза. Набирают воду из невидимого колодца. Слышен характерный колодезный скрип.

НОЙ. А муж где?

МАРИЯ. Может, не замужем я?

НОЙ. Тогда кольцо чего носишь?

МАРИЯ. А ты уже рассмотреть успел... Пошли!

Ной берёт вёдра, вместе возвращаются к двери.

НОЙ. Зря ты к «укропам» полезла. Медведь – командир чёткий. Сказал – сделал. Поправили бы тебе дом в момент. А теперь – попробуй всё распетлять... У тебя хоть материал есть какой?

МАРИЯ. Доски, битум, рубероид. Мы до войны ещё строиться хотели.

НОЙ. Доски – это хорошо... *(Рассматривает стену.)* Да, конкретно «укропы» дом покروшили... Походу, не один прилёт был. 152-ми ложили, как пить дать.

ЧЕ ГЕВАРА *(с места, не глядя на Ноя)*. Кончай бабе лажу варивать. От вас летело, не видно, что ли?!

НОЙ. Это – как?! Глаза разуй: где воронка?! Даже осколки в стене остались!

Показывает.

ЧЕ ГЕВАРА. На них написано, что наши?!

НОЙ. А снаряд – он вроде НЛО: круг сделал, а потом рванул?! Как же он летел интересно?!

ЧЕ ГЕВАРА *(резко встав)*. Подойти показать?!

ШУМАХЕР *(дёргает Че Гевару за рукав)*. Заспокойся! Сідай. Сідай, кату!

Че Гевара нехотя садится. Пауза.

НОЙ *(Марии)*. А вообще, хозяйка, дом у тебя плохо стоит. Пряма на высотке. Его артой зацепить – раз плюнуть. Что от них, что от нас. *(Пожимает плечами.)* Зачем было так строить?!

МАРИЯ *(с иронией)*. Не подумали как-то. *(Пауза.)* Здесь река в сильный дождь до самых огородов разливается. Оттого и построили – на холме.

НОЙ. Давай вёдра в дом занесу.
МАРИЯ. Не надо. Я дальше сама.

Забирает вёдра и заходит в дом. Ной возвращается к Ахиллу.

АХИЛЛ. Отшила?
НОЙ. Не твои заботы.
АХИЛЛ. Может, целка она ещё – вот и стесняется...

Хохочет. Вслед за Ахиллом начинают хохотать Че Гевара и Шумахер.

НОЙ. Отвали!

Пауза. Ахилл пробует звонить по мобильнику.

НОЙ. Можешь не париться. Тут связь уже два года не фурычит.

АХИЛЛ. Придётся-таки обратно в распорягу топать.

НОЙ. Нет смысла.

АХИЛЛ. Это почему?

НОЙ. А ты мозги включи. Если укры без оружия пришли, значит, там (*кивает вверх*) в курсе все. Стрелковку специально забрали, чтоб у нас тут меж собой бодалово не началось.

Пауза. Ахилл думает.

АХИЛЛ. Выходит, Медведь в курсах? Насчёт укропов?!

НОЙ. Ясен пень!

АХИЛЛ. Что-то заморочливо всё. Медведь, прямо сказать, не мог?!

НОЙ. А ты бы пошёл?!

АХИЛЛ. Хера!

НОЙ. То-то и оно!

Пауза.

АХИЛЛ. А смысл какой во всём этом?

НОЙ. Ну, чтобы гарантия была. Чтоб ни они, ни мы село артухой не накрыли. (Пауза.) Жалко бабу. Мужик её свалил, походу.

АХИЛЛ. Куда?

НОЙ. Не говорит.

АХИЛЛ. В Россию, куда ж ещё?! Мы когда с Тохой через Изварино сюда в 14-м въезжали, на уродов этих на таможе не насмотрелись. Из Украины машины в три ряда стояли. И на всех надпись: «Дети». А за рулём – мужики, ряхи в два раза шире моей. Таких на танчики с голыми руками послать... Вражья мазута от одного их вида обсерется. «Дети»! Тьфу!

НОЙ. Кто-то и вправду семьи спасал.

АХИЛЛ. Задницы они свои спасали, а не семьи! Много потом обратно вернулось?! Теперь по России бегают – подбираются: беженцы, приютите! Только не в Сибири и не на Урале. В Подмосковье можно или – в Нижнем, на крайняк. А чё? Россия добрая. Свою землю просрали...

НОЙ. Заткнись!

АХИЛЛ. Да я ж не про тебя.

НОЙ. Каждый сам выбирает.

АХИЛЛ. Ага. Классный выбор. Пускай другие за тебядохнут. Другим не тяжело.

Пауза.

НОЙ. Работать будем?

АХИЛЛ. Тебе баба приглянулась, а я здесь боком каким? «Укры» расхерячили – пускай делают. Они загорать будут, а мы за них ж...пы рвать? Эй, ты куда?!

Ной встаёт и направляется к Че Геваре и Шумахеру.

АХИЛЛ (*качая головой*). Не, странно всё-таки... Из-за какой-то развалюхи такой движняк затевать...

Достаёт из кармана две спрятанные сигареты. Играет монеткой. Ной подходит к «украму». Ощупывает вещмешок Шумахера.

НОЙ. Классную ты себе мародёрку надыбал. Вижу, хозяйственный ты мужик. Я себе такую же взять хотел, да не нашёл нигде. В Донецке выбора – ноль. Не вещмешки, а ранцы школьные – ничего не влазит. Ребята в Ростове заказать обещали, да только...

Умолкает под мрачными взглядами «укров». Пауза. Шумахер подвигает вещмешок ближе к себе.

НОЙ. Я дом глянул... Если вчетвером – там делов на пару дней.

ШУМАХЕР (*с сомнением качая головой*). Пару дней? Ну ты шустрый...

НОЙ. Балки разбитые на место поставить, доской обшить. Потом – олифой пройти. Щели можно ветошью заделать. Там ветоши старой до хера. Сверху – рубероид раскатать, битумом просмолить... (*Пауза.*) Ну? Что скажете, пацаны?

Пауза.

ЧЕ ГЕВАРА (*подумав*). Да пошёл ты!

День третий

Ной с Ахиллом и Че Гевара с Шумахером работают на противоположных концах стены. У них в руках инструменты: пилы, молотки, топоры. Материала, с которым они работают, не видно. Но мы можем догадаться о происходящем по звуку: с грохотом падают распиленные доски, со скрипом входят в дерево вколачиваемые гвозди...

ЧЕ ГЕВАРА (*Шумахеру*). Парит конкретно... На солнце – все сорок, походу. Меня через час на шашлык пускать можно будет. Вместо свиньи...

ШУМАХЕР (*тяжело отдуваясь*). Лежал бы сейчас в теньке под «газелькой» своей, горя не знал...

Смотрят в сторону Ноя и Ахилла.

ЧЕ ГЕВАРА. Прикинь, эти придурки доски внахлёт кладут.

ШУМАХЕР. Козлы...

Продолжают работать.

НОЙ (*Ахиллу*). Что, тяжело на сухую работать?

АХИЛЛ. Тяжко. Сейчас бы пивца холодненького – сушняк загасить.

НОЙ. Парит... Как бы дождь не лупанул.

АХИЛЛ. Не лупанёт. Стопудово.

НОЙ. Чуйка?

АХИЛЛ. Угу.

Смотрят на «укров».

НОЙ. Видал? Эти колхозники доску встык лепят!

АХИЛЛ. Уроды! У нас так не делает никто...

ЧЕ ГЕВАРА (*Ахиллу, громко*). Где это у вас? В Москве? Али на Урале?

АХИЛЛ. А чё? Может, местный я.

ЧЕ ГЕВАРА. Ага, по говору слышно – шахтёр. Ты часом не на Колыме раньше уголёк рубил, дядя?

ШУМАХЕР. Страна у них маленькая, все друг у друга на головах сидят. Куда им податься? Только в чужую землю лезть, как тараканы...

Пауза. Работают.

АХИЛЛ (*Шумахеру*). Это где здесь, скажи, чужая земля? Отсюда до Львова твоего сколько? Тыща?! А от Ростова до ленты – 100 км. И язык один, и люди такие же, и у всех – родня в России. А что три долбодятла с похмела границы по живому провели – так это мне похер дым!

ЧЕ ГЕВАРА. Ты б тогда уже сразу на Аляску ехал. Там тоже когда-то долбодятлы границы провели.

ШУМАХЕР. И родня там твоя живёт – чукчи. Братья ваши по разуму. Как не помочь?

Пауза. Работают.

АХИЛЛ (*Шумахеру*). А ты в «газельке» своей, чё возишь? Она на передке до задницы, в ней больше двух тонн не увезёшь.

НОЙ. Известно что: за Днепр – рухлядь намародёренную, оттуда – тушкарь. Он тушёнку уже третий день жрёт без передыха.

ЧЕ ГЕВАРА. Насчёт мародёров – кто бы пасть раззевал? У вас пол-Донецка на тачках отжатых рассекает...

Пауза. Работают.

НОЙ. Зачем им «газель»? Они добро «Новой почтой» всегда отправить могут.

АХИЛЛ. Прикинь, в Селидово на «Новой почте» объявление висит: «Холодильники принимаются пустыми». Этим уродам даже жрачку из морозилок вытряхнуть в лом, когда дома шкурят!

НОЙ. В ПЕсках розетки поснимали и женские трусы из шкафов выгребли...

АХИЛЛ. Хлопцы, на хера вам бабьи трусы?!

НОЙ. Это они жёнам, в подарок!

АХИЛЛ (*обращаясь к Шумахеру*). У твоей Гали ж...па какого размера? Во? Или – во?

Показывает размер.

НОЙ. На себе не показывай – примета плохая!

ШУМАХЕР. Мою жынку не Галя, а Карина зовут.

АХИЛЛ. Тю, а Галю куда дел?! В Европу на заработки отправил?

Изображает жестами половой акт, показывая, как именно жена Шумахера зарабатывает в Европе. Пауза. Работают.

АХИЛЛ. Не, хлопцы, честно скажите: после «майдана» сильно хорошо жить стали? Раскрыли пиндосам очко – и довольны. Их тр...ют во все дыры – они кайф ловят. А дома скоро хрен собачий с голодухи сосать начнёте.

ЧЕ ГЕВАРА. Зато у вас зашибись!

Переглядывается с Шумахером, оба хохочут.

ШУМАХЕР. Сало – 250 рублей кило!

ЧЕ ГЕВАРА. Чем вы там свиней своих кормите?!

ШУМАХЕР. Не иначе – российской гуманитаркой!

ЧЕ ГЕВАРА. То-то у вас её отродясь не видал никто!

Хохочут.

ШУМАХЕР. Яйца – 50 рублей десяток...

НОЙ. Сорок.

ШУМАХЕР. Смотря какие! Сыр...

ЧЕ ГЕВАРА. Эй, клоуны, вы что творите?! Х...ли ты балку туда тулишь?!

АХИЛЛ. Где стояла – туда и тулю.

ЧЕ ГЕВАРА. Так треснутая она, отсюда видно! Нагрузку дашь – рассыплется на хер.

АХИЛЛ. А где я тебе новую возьму, гоблин?

ШУМАХЕР. Доской подбей!

ЧЕ ГЕВАРА. Никак вкурить не может. Ему, видать, после контузии последние мозги отшибло.

НОЙ. Доской слабо – уж лучше брусом.

Ахилл вколачивает гвозди в невидимый брус. Че Гевара и Шумахер подходят и наблюдают за его работой.

ШУМАХЕР. Ещё пару гвоздей добавь.

АХИЛЛ (*Че Геваре*). Ну, задавай, умник! Чё вылупился, как баран?!

Поднимают невидимую балку.

АХИЛЛ. Куда?! Слетит щас!

ШУМАХЕР. Не слетит, мы отсюда держим!

НОЙ. Толкай!

АХИЛЛ. Упёрлась, блин...

ЧЕ ГЕВАРА. Давай с другого конца...

АХИЛЛ. Как я оттуда достану, бобёр? В прыжке?!

ЧЕ ГЕВАРА. А с лестницы не хочешь?

АХИЛЛ. Где ты тут лестницу увидел?

ЧЕ ГЕВАРА. А сбить слабо? Или совсем криворукий?

ШУМАХЕР. Лестница по-любому нужна. Без неё дальше не двинемся.

НОЙ. На хрен материал переводить? Может, у хозяйки готовая есть?

ЧЕ ГЕВАРА. Так спроси.

ШУМАХЕР. Хозяйка, вроде, в сарай пошла.

Ной направляется к краю сцены.

АХИЛЛ (*вслед*). Ну-ну, удачи...

Ной подходит к невидимому сараю. Там его ждёт Мария. Остальные продолжают работать возле стены.

НОЙ. Что ты тут делаешь?

МАРИЯ. Вещи разбираю. Мне место для телёнка нужно освободить. Сегодня-завтра корова отелиться должна. (*Пауза. Мария смотрит на Ноя.*) Новую лестницу при обстреле разбило, а старая – в углу, ящиками завалена.

Вместе разбирают невидимый хлам.

НОЙ. Я мальчишкой летом на каникулах любил у бабушки в сарае копать. Там всё на свете можно было найти. Детский велосипед, санки, швейную машинку, керосинку, патефон... Копаешься – будто археолог слой за слоем снимаешь. Думал, рано или поздно кольчугу откопаю или богатырский шлем...

АХИЛЛ (*с места*). Ной! Чё там?! Есть лестница?!

НОЙ. Есть! Завалена только барахлом всяким.

АХИЛЛ. Откопаешь – тяни сюда!

МАРИЯ. А почему тебя позывной такой странный – Ной?!

НОЙ. С гражданки ещё прилепилось. Меня так художники на бульваре прозвали. Я там корабли рисовал. До войны покупали неплохо.

МАРИЯ. Так ты художник?

НОЙ. Не-а... Художником родиться нужно. Вот у бывшей моей лица выходят, как живые. Она – художник. А я так – маляр-штукатур...

МАРИЯ. Долго женаты были?

НОЙ. Год гражданским прожили. Она в Киеве теперь персоналку готовит про героев АТО. Потом с ней в Канаду поедет.

МАРИЯ. Общаетесь?

НОЙ. Заочно.

МАРИЯ. Это как?

НОЙ. Она мне статьи из инета на фейсбук скидывает. Про то, какие мы здесь козлы и как сами себя херячим... Хоть бы раз спросила – жив ли, здоров?

МАРИЯ. Раз в сети выходишь – значит, жив.

НОЙ. Лучше бы вообще не писала.

Пауза.

НОЙ. А ты как здесь очутилась? Ты на деревенскую не похожа.

МАРИЯ. Я сюда на практику приехала – да и осталась. Замуж вышла, а тут война...

Пауза. Разбирают вещи.

НОЙ. Это отец захотел, чтоб я в художественное пошёл. Придумал, что у меня талант. Отец сам копии с известных картин срисовывал, нравилось ему. Хотя всю жизнь инженером на заводе проработал. У нас в зале Шишкин висел. А в коридоре – «Грачи прилетели». Грачи

у отца жирные получились, матёрые, с курицу величинной. От души рисовал...

АХИЛЛ. Ной! Чё ты там вошкаешься? Резче давай!

НОЙ. Иду!

Берёт невидимую лестницу, несёт её к стене.

ЧЕ ГЕВАРА. Где ты антиквариат такой отрыл?

АХИЛЛ. Пойдёт! Гвоздями сколотим – будет как новая.

ШУМАХЕР. Гвоздей не хватит.

НОЙ. Хватит. В сарае целый ящик стоит.

ЧЕ ГЕВАРА. Доски внизу не гнилые хоть?

ШУМАХЕР. Живая доска.

НОЙ. Стругануть бы ещё.

ШУМАХЕР. Навищо? Перед кем марафет наводить?

АХИЛЛ. Для битума костёр нужен. Спички есть?

ШУМАХЕР. Держи.

ЧЕ ГЕВАРА. Жаль, козла нет... С козла задавать – самое оно...

НОЙ. Как нет? За забором пасётся.

ЧЕ ГЕВАРА. Так веди его сюда.

ШУМАХЕР. Бумагу подпали, а то не разгорится...

НОЙ. Тяжёлый...

ЧЕ ГЕВАРА. Сейчас помогу...

АХИЛЛ. Щепу давай!

НОЙ. Цепляйся...

АХИЛЛ. Отсырели...

ШУМАХЕР. Бензином плесни...

Голоса становятся всё тише. Их заглушают звуки работающих инструментов и производственный шум. Работа спорится. На сцене постепенно темнеет.

День четвёртый

Ночь. На одной стороне сцены Ахилл и Че Гевара лежат, подложив под головы вещмешки. Они заняты беседой. Чуть дальше в той же позе, закрыв глаза, дремлет Ной. На другой стороне сцены – Шумахер и Мария. Слышится жалобное мычание невидимой коровы. Мария держит в руках свечу.

АХИЛЛ (*Че Геваре*). ...Тогда она говорит Парису: «Эта ночь была ошибкой!». И смотрит на него, как похотливая кошка. А муж – с гостями, за дверью. М...нда шивая! (*Сплёвывает.*)

ЧЕ ГЕВАРА. Это в фильме «Троя» сочинили. В мифах по-другому всё. Парис похитил Елену, когда Менелай был в отъезде. А познал её на Саламине.

АХИЛЛ. В смысле?

ЧЕ ГЕВАРА. В смысле тр...нул первый раз.

АХИЛЛ. На чём... познал?!

НОЙ. На Саламине. Остров такой в Эгейском море.

АХИЛЛ. Я думал, ты дрыхнешь давно.

НОЙ. Заснёшь тут. Чего ж она так орёт?!

ЧЕ ГЕВАРА. Ты б на её месте тоже орал. Третий час отелиться не может.

НОЙ. Сходить помочь?

АХИЛЛ. Лежи, Айболит. Шумахер без тебя справится.

Ной отворачивается и закрывает глаза.

ШУМАХЕР (*Марии*). Ты придержи её и посвети, я дальше сам... Видишь: у телёнка нога подвернулась. Его чуток назад пихнуть, а ногу выпрямить...

МАРИЯ. Ну что?

ШУМАХЕР. Мыло нужно...

МАРИЯ. Держи.

Мария подаёт мыло. Корова мычит.

ШУМАХЕР. Как звать-то?

МАРИЯ. Кого?

ШУМАХЕР. Корову.

МАРИЯ. Беяна.

ШУМАХЕР. Беяна, Беянушка... Ты не бойся, главное... Сейчас организуем всё...

Невидимая корова понимающе мычит.

ШУМАХЕР. Давай ещё мыло... Пошло, вроде!

МАРИЯ. Выпрямил?

ШУМАХЕР. Готово!

Корова мычит. На другом конце сцены Ахилл подбрасывает и ловит монетку.

ЧЕ ГЕВАРА. Решка!

АХИЛЛ. Угадал. (*Смотрит в сторону Шумахера.*)
А Шумахер чё – сильно гоняет на «газели» своей?

ЧЕ ГЕВАРА. Ползает, как черепаха из анекдота. Ребята его так по приколу прозвали. Правда, раньше Шуми тот ещё гонщик был. Гоцал, как ненормальный. Пока кости себе не переломал.

АХИЛЛ. Разбился? На машине?

ЧЕ ГЕВАРА. Ага, разбился. В горах с детьми на лыжах катался. По склону съезжал – а там камень под снегом...

АХИЛЛ. Ну?

ЧЕ ГЕВАРА. Что – ну? Чуть шею не свернул! Год в гипсу провалялся.

АХИЛЛ. Жесть! Скорость – штука стрёмная...

ЧЕ ГЕВАРА. С тех пор больше шестидесяти по трассе не выжимает. Правда, не обгоняет его почти никто.

АХИЛЛ. А чего?

ЧЕ ГЕВАРА (*пожимая плечами*). Боятся.

НОЙ (*зевая*). Конечно: ряху такую в кабине увидят – сразу по тормозам...

На другом конце сцены Шумахер возвращается к работе акушера.

ШУМАХЕР. Теперь я, Белянка, тянуть буду – а ты помогай. Тужься, милая, тужься! Давай!

Корова мычит.

ШУМАХЕР. Первый, что ли?

МАРИЯ. У кого?

ШУМАХЕР. У коровы.

МАРИЯ. Первый. И у меня – первый.

ШУМАХЕР. Сама-то как дальше? Или тоже в хлеву рожать собралась?!

МАРИЯ. Там видно будет. Вы же дом мне поправите?

ШУМАХЕР. Поправим. Может, завтра уже стены кончим, кровлю начнём.

Тянет невидимого телёнка.

ШУМАХЕР. Ты не переживай! Я телят знаешь сколько принял?! Не сосчитать... Тужься, Белянка... Ну?!

Корова громко мычит.

ШУМАХЕР. Выплюнула! Слава те Господи!

Ахилл снова подбрасывает монетку.

ЧЕ ГЕВАРА. Орёл!

АХИЛЛ (*раскрывая ладонь*). Решка!

ЧЕ ГЕВАРА (*рассматривая монету*). Дай глянуть. Юбилейный... Талисман?

АХИЛЛ. Вроде того. С собой ношу.

ЧЕ ГЕВАРА. У меня тоже талисман есть. На удачу. Хочешь поглядеть?! (*Достаёт из вещмешка какой-то предмет.*) У нас в батальоне Войцех поляк служил. Когда уезжал, на память оставил.

АХИЛЛ (*рассматривает предмет*). Так это ж магнитная мина. Ею на гражданке кого-то грохнуть хорошо. Под днище машины поставил, замедлитель на время выставил – и адъёс. Милое дело. Любого разорвёт, как хомяка. А на нулёвке она до задницы. На хрен тебе?

НОЙ (*зевая*). Он с ней за танчиком по полю гоняться будет. Догонит, под гусеницу сунет – мазуте кранты.

ЧЕ ГЕВАРА. Ничего, и на передке сгодится. Чтob в плен живым не попасть.

Пауза.

АХИЛЛ. Да ладно, чё нас бояться?! По крысаку получишь, не без этого. Живой останешься, а там обменяют. Да, Ной? С нациками из «Азова» или «Айдара» – там, конечно, расчёт особый...

Пауза.

НОЙ (*прислушиваясь*). Вроде – всё.

АХИЛЛ. Ага. Стихла.

ЧЕ ГЕВАРА. Пора на массу давить. А то завтра глаза не продерём...

Че Гевара и Ной устраиваются поудобнее и закрывают глаза. Ахилл некоторое время ворочается, потом – встаёт, потом – садится.

ШУМАХЕР. У меня дома свинья вот-вот разродиться должна. Я на жену с детьми хозяйство бросил, а теперь места себе не найду. Свинья, если не уследить, всех поросят сожрать может. Мне хотя б штук десять на откорм. (*Пауза.*) Всё думаю – как они там?

МАРИЯ. Свиньи?

ШУМАХЕР. Дети. Марыська та Михайло. Ось. Дывысь. Скоро школу окончат.

Показывает Марии фотографию.

ШУМАХЕР. У жинки в роду худосочные все. А дети – моя порода. Кровь с молоком!

МАРИЯ. Да, на тебя похожи. Справные... (*Рассматривает фотографию, потом Шумахера.*) Одно лицо. А где дочка, где сын?

ШУМАХЕР. Доця ливоруч... Сын хочет на агронома поступать, в сельскохозяйственный.

МАРИЯ. А дочка куда хочет?

ШУМАХЕР. Доця замуж хочет.

МАРИЯ. Тогда ей на филфак нужно. Там хорошо: ничего не делаешь, книжки читаешь, ждёшь, когда замуж позовут.

ШУМАХЕР. А вообще думаю детей в Германию отправить. Только пусть выучатся сперва. Я в Германии проездом бывал. Там дороги – ровные, как стекло, а городки вдоль дорог – будто кукольные. Дома стоят, словно из сказки детской. Шпили на башнях, флюгера. Живи, радуйся.

Пауза.

ШУМАХЕР. Только гроши по-любому нужны – что на учёбу, что на визу. У нас в селе работы нет, а на войне хоть платят. Мне ведь без разницы, где баранку крутить.

МАРИЯ. А если убьют?

ШУМАХЕР. И на гражданке убить могут. Тут уж кому как на роду написано. Я, когда на войну ехал, думал на блокпост попасть. Так туда столько денег запросили – не потянуть! А за баранкой много не заработать. (Вздыхает.) Только на хозяйство надежда.

МАРИЯ. Не переживай. Родит свинья. Двенадцать штук. Все – как на подбор, словно сахаром кормили. Одна в одну.

ШУМАХЕР (*с гордостью*). У меня свиньи меньше двухсот кило не дают. А ты попробуй такую вырастить! Вон у соседа моего ничего не выходит. Так – он хлопец хороший. Если кого в селе зарезать надо, сразу к нему идут. (*Пауза.*) Бычков режет, свиней. Как забьёт – стакан крови выпивает. Это у них в семье традиция. У него и отец, и дед бойщики были. А своих свиней выкормить не может. Дохлые выходят, будто из концлагеря. А почему? Потому, что он секрета не знает. Надо свинье в еду фрукты и овощи с огорода добавлять. Чтоб витамины были.

МАРИЯ. Даёт твой сосед фрукты – толку с того?

ШУМАХЕР. Точно?

МАРИЯ. Точно. Просто не любит он скотину свою, как ты. А без любви даже свинья расти не может.

Пауза. Слышится сопение коровы.

ШУМАХЕР. Всё, облизала телёнка, приняла. Ты ей теперь ведро воды с солью дай, тогда место быстрее отойдёт. Да гляди, чтоб не сжевала его, а то потом болеть будет.

МАРИЯ. Погляжу.

Уходит. Шумахер остаётся. На другом конце сцены Ахилл встаёт, делает несколько шагов. Подбрасывает и ловит монетку.

НОЙ (*сквозь сон*). Ахилл, харэ шариться впотьмах. Спи, не маячь.

Ахилл садится, начинает говорить. Шумахер слушает.

АХИЛЛ. Тохе проще было. К нему Жиган мёртвый пришёл. Ночью, под Аргуном. Тоха у костра чайник кипятил. Жиган подошёл, из кружки хлебнул и говорит: «У тебя, мол, мелочёвкой разжиться нельзя?! А то там, на переправе, говорят, башлять нужно». Тоха карманы вывернул – пусто. Только полтос бумажный. А Жиган: «Не, полтос не покатит. Ладно, не парься, пойду у пацанов спрошу». И ушёл. Тоха не въехал сперва. Удивился только, что Жиган без калаша был. А утром узнал: разведка наша ночью на чехов напоролась. Жиган почти сразу пулю в живот словил – по дороге кровью истёк...

У Тохи с той ночи башню малёхо сдвинуло. Материться перестал, а если церковь где увидит – сразу крестится. И перед едой тоже – три раза. (*Трижды мелко крестится.*) А ещё стал всегда с собой монетку носить. Оно, вроде, крест к монете – и не в масть. Только кто его знает, какие там расклады? (*Смотрит вверх.*)

Тогда, в НовосЕтловке, у Тохи тоже монетка была. Точно знаю. Рубль юбилейный с двуглавым орлом. Только отдать её Тохе было нечем... «Айдар» вошёл в НовосЕтловку поздним утром. Сперва артой сыпанули, потом – зашли. Человек двести на броне. Нас пятерых на окраине, на блокпосту «градом» накрыло. Кого ранило, кого контузило. Тохе ноги посекло. Пока мы отходняк ловили, «айдаровцы» нас и приняли. Тоха даже СВДшку свою скинуть не успел. Окружили, забавляются: уронят – подымут, снова

уронят... Как наскучило, убивать начали: сперва – Рыжего, потом – Шмеля, потом – Малого. Меня с Тохой на десерт оставили. У нас ведь у обоих красные паспорта были.

Тут гляжу: какие-то новые рожи на «бэтэре» нарисовались. Вроде, начальство ихнее. Кричат:

– Вы чё ребята, озверели?! Пленных валить?!

А те на Тоху:

– Так это снайпер ихний! С ним СВДха была!

А с «бэтэра»:

– Да он же раненый, не видишь?! Ему в больничку нужно!

И машут Тохе: давай, брат, к нам! Тоха с ногами перебитыми начал на «бэтэр» карабкаться. Жить-то хочется. Два раза срывался, пока его ребята на броню за руки не затянули. Я было за ним ломанулся – куда там! Сзади прикладом по спине приложили – я и лёг. Услышал только, как «бэтэр» уходит. Потом ломать начали. Ну, думаю, раз бьют – значит, поживу пока. Даже чуток обрадоваться успел. После похер всё стало. А потом молился только, чтобы добились скорей.

Помню – вроде, на машине куда-то везут. Опять бьют – по глазам, по ногам... Потом в подвал кинули. День, ночь – не поймёшь. Я тогда уже ослеп почти: темнота, только жёлтые пятна кружат. То ли глаза вытекли, то ли свет в конце тоннеля – хрен проссышь...

Помню только в конце всё вокруг ходором заходило. Это арта наша «Айдар» из посёлка выбивать начала. Укры свалили по-быстрому, а меня, видать, в спешке позабыли дострелить. Мальчишки в тот подвал случайно полезли. Когда меня увидали, решили, что мёртвый. *(Пауза.)*

А Тоху те ребята в центр посёлка довели. Руки к дереву привязали, ноги – к «бэтэру». И по газам: руки отдельно, тулово отдельно. Тоха так до вечера лежал. Потом уже ночью местные схоронили. *(Пауза.)*

Я думал, Тоха ко мне тоже придёт. Как Жиган. Или приснится хотя бы. Скажет, отдал монету – не отдал. Или

просто постоит, молча. Я бы всё понял. (*Смотрит вверх.*)
Только нету там ничего – ни Стикса, ни Харона, ни света
в конце. И Тохи нет...

Пауза. Ной и Че Гевара спят. Ахилл и Шумахер по-прежнему
сидят на противоположных концах сцены. Шумахер начинает
говорить по-українски, Ахилл слушаєт.

ШУМАХЕР. Я виїжджаю уранці – о восьмій чи о дев'ятій.
Начмед дає папери і гроші на дорогу. Поспішати нікуди:
там, куди я їду, мене точно дочекаються. Труна – в кузов,
табличка «вантаж двісті» – на лобовуху. Поїв, заправився,
рівень олії перевірів – і вперед. Далі – як карта ляже. Іноді
за добу обернешся. А буває, що і тиждень колесиш. Навесні
в Рогачі їхати потрібно було. А це від будинку мого – кіло-
метрів двадцять. Ну, думаю, пощастило: до своїх заїду хоч
на пару годин. Я навіть на трасі притопив трохи. До Рогачів
підїжджаю – дивлюся, кума моя на дорозі стоїть, голосує.
Я її сина Петра колись хрестив. Потім вони з чоловіком
з села нашого поїхали – та й пропали. Зрадів я, загальму-
вав, з вікна висунувся:

- Здорово, кума!
- Здорово! – відповідає.
- Сідай, підкину! Далеко тобі?
- Та поруч, вважай.

Сіла. Їдемо.

- Скільки не бачилися, кума? Років десять?
- Дванадцять, – говорить.
- Так я до тебе хоч у гості заїду. Ти почекай, мене тут
зустрінуть, я тільки вантаж передам.
- Так зустріли вже, – говорить.
- Їдемо далі, мовчимо. Я лише обернувся – на труну глянув.
- Так це Петро?
- Петро. Ти тепер ліворуч поверни. До зелених воріт.

Під'їхав. Зупинилися. Мовчу. А кума:

– Про що замислився? Давай заносити. Удома немає нікого.

– А чоловік?

– Помер три роки тому.

Кума – тітка здорова, взяла під ноги, я – під голову. Занесли, на лавку поставили. Кума:

– Борща будеш?

– Буду, – кажу.

Сіли за стіл. Кума теж посьорбала трохи. Борщ у неї завжди смачний був. Потім і говорить:

– А там точно Петрик? – І на труну закриту дивиться.

– А хто ж ще?

– Взяли в Можарах жінці теж чоловіка привезли в закритій труні. Вона відкрила – а то не чоловік виявився. Наплутали десь.

– Та ну, – кажу, – навряд чи.

– Давай відкриємо, куме!

Що робити? Сходив в машину за монтуванням і молотком. Відкрили. Дивимося. А що дивитися, коли у нього півголови немає?! Його денеровський снайпер майже впритул зняв. А кума:

– Слава Богу: Петрик! – І перехрестилася.

– Слава Богу, – кажу, – кума, слава Богу!

– Бачиш: родимка на шиї. Петрик про неї завжди говорив: «Це мене, мамко, янгол – охоронець поцілував. На щастя».

Я давай назад кришку приладнувати.

– А правда, кум, що пам'ятник безкоштовно поставити повинні? Чи, може, брешуть?

– Правда, кажу, поставлять. І пам'ятник, і стіл, і лавку, щоб сидіти.

– Ось і добре. Буде тепер куди мені у свята ходити, після церкви. У Оксани син ще в 14-му десь під Катеринівкою пропав. Досі поховати по-людськи не може. А я Петрика у

Богородиці вимолила. Ти, кум, їдь, тебе дома чекають. Я ж не одна тепер.

А що я? Сів, поїхав, у своїх переночував. Потім назад. Прийшов до начмеда:

– Все, кажу, Андрійович, не можу більше. Краще – в окопи, на передок.

А він:

– На передок завжди люди будуть. А на твоє місце – спробуй знайди кого. Йди вже з Богом, відпочивай! Завтра вранці заглянеш – я тобі нові папери оформлю.

Долгая пауза. Ахилл и Шумахер смотрят друг на друга.

АХИЛЛ. Эй, Шумахер! Как там телёнок? А то целый вечер душа не на месте.

ШУМАХЕР. Живой!

Занавес

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

День пятый

На авансцене сидит Мария. Перед ней – большая корзина с яблоками. Мария чистит яблоки и бросает их в ведро. На заднем плане Ной, Ахилл, Че Гевара и Шумахер работают у деревянной стены. Ной – в паре с Че Геварой, Ахилл – в паре с Шумахером. Сейчас стена выглядит совершенно целой. Как и в третий день, звуковым фоном идёт производственный шум: стук молотков, визг пилы...

НОЙ. Чудеса... Пятый день тишина. Когда было такое?!
АХИЛЛ. Видать, правда: на самом верху договорняк был.
ЧЕ ГЕВАРА. Фартовая наша хозяйка!

ШУМАХЕР. Если дожди не зарядят – через пару дней всё добьём.

АХИЛЛ. Успеем. Не будет дождя.

ЧЕ ГЕВАРА. С чего взял?

АХИЛЛ. Мне в плену «айдаровцы» костыли перебили. *(Хлопает ладонью по ногам.)* Теперь перед дождём крутит – мама не горюй! Мне прогноз погоды на хрен не нужен!

ШУМАХЕР. Везёт тебе...

НОЙ. А яблоки сладкие, хозяйка?

МАРИЯ. Попробуйте, а то все на варенье уйдут. Белый налив в этом году как никогда уродился...

Пауза. Работают.

ШУМАХЕР *(Ахиллу)*. Куму, чтоб на блокпост попасть, всем селом деньги собирали. Так он за месяц долги раздал. Надо было и мне поднапрячься. А за баранкой что? Ну бензин когда-никогда сэкономить... *(Вздыхает.)*

ЧЕ ГЕВАРА. У Шуми «газель» прожорливая. Больше «краза» ест. Куда бензин только уходит?!

Выразительно смотрит на Шумахера.

ШУМАХЕР. Карбюратор менять нужно. Давно говорю.

АХИЛЛ *(Шумахеру)*. Почём щас медь на Украине?

ШУМАХЕР. Смотря где. И сто гривен принимают, и сто двадцать.

АХИЛЛ. Не кисло! У нас – стыдно сказать... С начала войны половина точек закрылась – выгоды никакой! А раньше... Помню, в 14-м пацаны «градом» на пустыре шпульнут – глядь, а в посадке уже местные с тачками нарисовались. Ждут. И что ответка вот-вот прилетит им похер дым! Пацаны гадают: что за хрень?! Потом въехали: гильзу «града» на поллитра самогона сменять можно!

ШУМАХЕР. Теперь дурных нет – арта сама гильзы на приёмку тянет.

Работают.

НОЙ (*Че Геваре*). Где ты так гвозди вколачивать надročился?

ЧЕ ГЕВАРА. А я стройку всегда любил. Первый раз после третьего курса на шабашку попал. Пацаны, что со мной пришли, три месяца на подсобе мусор таскали, а я через две недели гипс уже крутил не хуже спецов. Тогда как раз аэропорт к евро достраивали. Фирма Ринатовская генподрядчиком была...

Пауза. Ной на несколько секунд прекращает работу.

НОЙ. Так ты донецкий, что ли?!

ЧЕ ГЕВАРА. Не похож?

Пауза. Продолжают работу.

ЧЕ ГЕВАРА. А в конце лета, как бабки платить, приходит прораб от Ахметки объёмы принимать. Тощенький такой задрот в очках. Полдня лазил везде с уровнем и рулеткой. А потом и говорит: ты, мол, пацан, колонну завалил! А я: ты, дядя, не подохрел ли часом?! Очкиними! Колонна ему не в уровне... (*Смеётся.*) Где теперь, интересно, колонна та?

НОЙ. И что – зажали бабки?

ЧЕ ГЕВАРА. Зажали.

АХИЛЛ. Прораб, небось, бабло твоё и закрысил.

ЧЕ ГЕВАРА. А мне похер кто. Я с тех пор журнал «Форбс» на досуге почитывать люблю. Там пишут, сколько наш Ахметка стоит. То ли 10 лярдов, то ли 12. Уже забыл.

Только, думаю, брешете: минимум, на штуку баксов меньше. Седьмой год мне торчит, падла. Это без процентов ещё. Я счётчик-то не включал.

НОЙ. Так ты на майдане долг старый струсить думал?
ЧЕ ГЕВАРА. А что – нельзя?

Работают.

АХИЛЛ (*Шумахеру*). Харэ, перекур... (*Протягивает сигарету.*) Угощайся. Если чё – ещё найдём. (*Подмаргивает Шумахеру, украдкой смотрит на Ноя.*) Ты фильм «Троя» видал?

ШУМАХЕР. Нет. А что?

АХИЛЛ. Я тебе так скажу, Шуми: войну из-за бабы затевать – последнее дело! Если у тебя думалка работает – ты нормальную причину для войны найди! Ну, из-за денег там или из-за земли. Это я понимаю. У пиндосов вон – и бабок завались, и земли хватает. Так они чисто из-за понтов своих в залупу лезут. Все уже в мире под них прогнулись, только мы не прогнулись. Да ещё – Китай. Но китайцы – так, не в счёт.

МАРИЯ. Я «Трою» смотрела. Классный фильм!

АХИЛЛ (*оживляясь*). Правда?! А Брэд Питт?! Красава! Помнишь, как он Гектора на поединке валит?

Размахивая молотком, пытается изобразить поединок Ахилла и Гектора.

МАРИЯ. А мне понравилось, где он Приама с Брисейдой отпускает домой. Ахилл ведь пожалел тогда, что выбрал славу вместо семьи.

Ахилл с Шумахером подходят к Марии.

АХИЛЛ. Ничё не пожалел. Ему слава вообще до фени была. Это в фильме всё сочинили... У меня дядька в Норильске смотрящим на районе был. Всю босоту местную в кулаке держал. А под старость, по синему делу (*щёлкает по кадьку*) из ума выжил. Не узнавал никого. Все углы в квартире зассал. Фоило так, что зайти невозможно. Пять лет! У тётки самой под конец чуть крыша не съехала. (*Пауза.*) Просто не захотел Ахилл так помирать – в стенах обоссанных и в собственном дерьме. На войне по-первах стрёмно, конечно – яйца ни у кого не железные. А потом – ничё, привыкнешь. Здесь каждый день туда, за поребрик заглядываешь. (*Смотрит вверх.*) И страшно, и весело. Будто грамм двести принял или травки курнул...

Пауза. Ахилл и Шумахер берут из корзины яблоки.

МАРИЯ. Знаешь, Брэд Питт – он ведь тоже пиндос.

АХИЛЛ. Да ладно! Какой же он пиндос?! Нормальный мужик. У него детей шестеро.

Ест яблоко.

АХИЛЛ. Я, когда с севера сюда приехал, абрикосы первый раз в жизни на деревьях увидел. Обалдел поначалу. Они тут, считай, в каждом дворе. Лежишь себе под деревом, как Адам в раю, абрикосы сами тебе в рот падают...

МАРИЯ. Мне ночью сегодня Тоха приснился. Пришёл, постоял молча и дальше, к реке потопал.

Ахилл перестаёт есть.

АХИЛЛ. И как он... выглядел?

МАРИЯ. Обыкновенно. В берцах, в камуфле, с сидором за спиной. Без снайперки только.

АХИЛЛ. Понятное дело, зачем она ему там? (Пауза.) Цельный? С руками?

МАРИЯ. Конечно. А как ещё?

Пауза.

ШУМАХЕР. В Германии яблоки в магазинах – одно в одно, ни пятнышка, ни червячка. (*Доедает яблоко.*) А пожуешь – трава травой.

Выбрасывает огрызок. Вместе с Ахиллом возвращаются к стене, в глубину сцены. Ахилл по дороге проходит мимо Ноя.

АХИЛЛ (*Ноя*). Не напрягайся, братуха, не слепится у вас с хозяйкой. Чуйка у меня.

НОЙ. Тебе-то что?!

АХИЛЛ (*пожимая плечами*). Ничё. Просто не напрягайся...

Хлопает Ноя по плечу, идёт дальше. Продолжает работу с Шумахером.

НОЙ (*Че Геваре*). А ты в Донецке где жил?

ЧЕ ГЕВАРА. На Ленинском проспекте, у Вечного огня. В 33-й школе учился. Отец 20 лет на шахте Засядько отпахал. А потом его тупо – коленом под зад. Два года до пенсии доработать не дали.

НОЙ. Школу твою в 14-м «градом» разбили.

ЧЕ ГЕВАРА (*пожимая плечами*). Я виноват, что коррективщик попался херовый?!

НОЙ. А мы на Евдокиевке жили, в своих домах.

ЧЕ ГЕВАРА. Это где олень железный на терриконе?

НОЙ. Ага. Его даже в 90-х никто на металл не сдал.

МАРИЯ. Оттуда, с террикона, завод виден, и город, как на ладони, и степь вдали. Зимой на санках спускаться хорошо, а летом – на велосипеде...

НОЙ. Я этого оленя всю жизнь нарисовать хотел. Сколько раз брался – ничего не выходило: всё тусклое, размытое, неживое... А сейчас бы, наверное, смог – после всего. Я на войну даже карандаши с красками взял. (*Смеётся.*) Думал, времени свободного будет до хрена. Только в первом же окопе всё бросил. (*Пауза.*) Самое трудное – оленя ухватить, чтоб понятно было: он не карабкался снизу по склону, он спрыгнул сверху, из-под облаков! Олень – лёгкий контур углём, город – лессировка: кобальт, ультрамарин, солнце – кармин или...

МАРИЯ. Как ты попал на войну, Ной?!

Ной подходит к Марии. За ним идёт Че Гевара, берёт яблоки из корзины и устраивается неподалёку.

НОЙ (*другим тоном*). Я в автобусе ехал. На блокпосту «укры» священника обыскали. В сумке георгиевскую ленточку нашли. Заставили могилу копать – у меня на глазах.

МАРИЯ. Он живым остался.

НОЙ. А мне что было делать?

МАРИЯ. Уехать можно. Мир большой, Россия большая.

НОЙ. Зачем? Сюда ещё мой прадед из-под Курска приехал – на Юзовский завод. Дед на Мушкетовском кладбище лежит, отец – на Щегловском. Зачем уезжать?!

МАРИЯ. Чтобы не убивать.

НОЙ. Ага. Забить и простить. (*Качает головой.*) Не выйдет!

Пауза. Че Гевара неподалёку с хрустом ест яблоки. На заднем плане Ахилл и Шумахер с грохотом роняют невидимую доску.

МАРИЯ. Ной праведником был.

НОЙ. И что это изменило? Всё равно – потоп.

МАРИЯ. Неправда. Ной себя спас. И те, кто рядом с ним спаслись – люди, звери...

НОЙ. Ну да, каждой твари по паре. Только на войне праведников нет.

МАРИЯ. Не праведники, так мученики – всё одно.

Пауза.

ЧЕ ГЕВАРА. Сладкие яблоки, правда, гнилых много.

МАРИЯ (*Нюю*). Постой, я сейчас.

Встаёт, направляется к двери. Ной порывается войти за ней.

МАРИЯ. Не ходи за мной!

Заходит в дверь и быстро возвращается с бумагой, карандашами и красками.

МАРИЯ (*Нюю*). Рисуй!

НОЙ. Откуда они у тебя?!

МАРИЯ. Неважно. Это – подарок. У тебя ведь день рождения завтра?

Ной берёт подарок в руки.

АХИЛЛ (*со своего места*). У кого днюха?

ЧЕ ГЕВАРА. У Ноя!

ШУМАХЕР. Правда?

НОЙ. Ага.

АХИЛЛ. А чего ты шифруешься, братуха?!

ЧЕ ГЕВАРА. Завтра тебе, по-любасу, выставяться придётся!

НОЙ. Выставляюсь. После работы выставляюсь.

Вертит в руках бумагу, краски, карандаши. Садится, начинает рисовать.

НОЙ. Кажется, сто лет в руках карандаш не держал...

Ахилл, Че Гевара, Шумахер один за другим оставляют работу и подходят к Ною. Внимательно смотрят. Ной рисует, не обращая ни на кого внимания. Мария в стороне чистит и режет яблоки. Становится тихо. Так тихо, что слышно, как карандаш царапает бумагу...

День шестой

Ной, Ахилл, Че Гевара и Шумахер на авансцене.

НОЙ. Каждое утро ты откидываешь полог шатра, пересчитываешь овец, гонишь их на пастбище.

АХИЛЛ. Смотришь, как Эгейское море подступает к ступеням дворца.

ЧЕ ГЕВАРА. Спешешь в министерство вооружённых сил по узким улочкам Гаваны.

ШУМАХЕР. И думаешь, что так будет всегда, что уже никогда ничего не случится.

НОЙ. Но однажды в громе и молнии ангел сходит с небес.

АХИЛЛ. И является гонец от Менелая.

ЧЕ ГЕВАРА. Он говорит, что для меня и Фиделя Куба слишком мала.

ШУМАХЕР. И назад тебе уже не вернуться.

НОЙ. Потому что на землю упали первые капли дождя.

АХИЛЛ. И Парис натянул свой лук на краю террикона.

ЧЕ ГЕВАРА. И палач Теран вытащил соломинку с коротким концом.

ШУМАХЕР. И ты мчишься по горному склону, закрыв от восторга глаза.

НОЙ. Туда, где сияет вершина Арарата, слепленная из снега и света.

АХИЛЛ. Где в донецких парках в июле осыпается с ветвей абрикос.

ЧЕ ГЕВАРА. Где от горизонта до горизонта простёрлась обетованная земля Аргентины.

ШУМАХЕР. Где в сказочном домике со шпилем на башне сварен борщ и растоплен камин.

НОЙ. Где любят и ждут.

АХИЛЛ. Любят и ждут.

ЧЕ ГЕВАРА. Любят и ждут.

ШУМАХЕР. Любят и ждут.

Затемнение. Из затемнения – взрыв хохота. Ной, Ахилл, Че Гевара, Шумахер в расслабленных позах, устроившись на земле, празднуют днюху Ноя. Видна большая бутылка самогона, картошка, овощи, открытые банки тушёнки.

ЧЕ ГЕВАРА. Я отвечаю, у Шуми реально жир вместо брони! Все осколки от пуза отлетают. Ему даже по штатке бронник не положен.

АХИЛЛ. А в окопе как с пузом таким?

ЧЕ ГЕВАРА. Так Шумахеру отдельный капонир экскаватором копают. По индивидуальному размеру.

Хохот.

НОЙ. А ничего тушёнка – нажористая. Домашняя, видать.

АХИЛЛ (*Шумахеру*). Ты бы Ноем на днюху хотя б банку тушняка организовал. А, Шуми?! Давай, не жмоться!

ШУМАХЕР. Подарю.

НОЙ. Все слышали?! Потом отмазки не катят.

Ахилл разливает.

АХИЛЛ. Ну, за тебя, братуха!

ЧЕ ГЕВАРА. За тебя!

ШУМАХЕР. За тебя!

Чокаются. Выпивают.

ШУМАХЕР. У вас хоть жратва человеческая, а у нас кормят всяким дерьмом. Думаешь, от хорошей жизни тушёнку из дома тягаешь?

ЧЕ ГЕВАРА. Сыч на той неделе в банке с консервами зубы нашёл. Реальные зубы, а чьи – хрен поймёшь. Не коровьи, вроде, и не собачьи.

НОЙ. То чупакамбра была. Точно говорю! Это потому, что её вместо курицы сожранной на фарш пустили.

ЧЕ ГЕВАРА. Это потому что зам по тылу наш – чмо конченное. Находит задёшево бутор всякий вместо еды, а бабки себе в карман кладёт.

АХИЛЛ. Я бы этих крыс тыловых сразу к стенке ставил. Без трепотни лишней. На чужой крови раскрутиться хотят, мудачье.

НОЙ (*смеясь*). Это ж сколько народу придётся обнулить?!

ШУМАХЕР. А передок тем временем с голодухи загнётся.

АХИЛЛ. Поглядишь, после войны вся эта гниль первыми героями окажется. Вылезет из подвала тушка в камуфляже, на трибуну вскарабкается и начнёт грузить, как он самолично с гранатомётом за самоходками гонялся...

ЧЕ ГЕВАРА. Наш начальник арты всю войну в бункере просидел. Под обстрелами в каску свою срать ходил – нос высунуть боялся. А недавно встретил – у него медалек от шеи до яиц. На спине только место осталось.

АХИЛЛ. Чё, прям в каску?

ЧЕ ГЕВАРА. В каску! А подтирался приказами из нашего Генитального штаба.

Хохочут.

НОЙ. Разливай, Ахилл, не тормози!

ЧЕ ГЕВАРА. На переправе руку не меняют!

Разливают, пьют.

ШУМАХЕР. Хлопцы, случай вспомнил смешной. У нас мехвод был – из трактористов бывших – так он в 14-м, когда танки колонной на нулёвку гнали, на всех светофорах на красный свет тормозил. Как его взводный не дрючил – не помогало. Привычка!

ЧЕ ГЕВАРА. Это он гайцов боялся. А если заметили бы – да на штрафплощадку!

Хохочут.

НОЙ. В Донецке в 14-м ГАИ вообще не было. После того, как четверых гайцов правосеки на Октябрьском положили, всех как ветром сдуло.

АХИЛЛ. А что им было в Донецке ловить? В ту пору город, считай, пустой стоял. В семь вечера в центре – ни машины, ни пешехода.

ЧЕ ГЕВАРА. Артобстрел – лучший способ борьбы с пробками!

НОЙ. А в 15-м летом еду на отцовской «девятке», гляжу – стоит. Гаец, живой! Тощий, задроченный – и палочкой машет. Рука у него от волнения трясётся. Я чисто из жалости тормознул. Вдруг, думаю, случилось чего. А он мне: у вас, водитель, задний фонарь не горит. И глазки опустил. Прикинь! А у меня два дня назад в десяти метрах от

машины 120-я легла. Какой на хер фонарь, когда кузов – в решето?!

АХИЛЛ. Я бы ему сразу – промеж рогов!

НОЙ. Ты что! Меня тогда реально чуть на слезу не прошибло. Всё, думаю, раз гайцы вернулись, теперь точно – скоро мир. Это как грачи весной.

АХИЛЛ. Зато сейчас будки поотъедали. Скоро Шумахера перегонят.

ШУМАХЕР. Ну и где он?

НОЙ. Кто?

ШУМАХЕР. Мир?!

Пауза.

АХИЛЛ (*качая головой, печально*). Пока пиндосы...

ЧЕ ГЕВАРА. Да что ты к пиндосам своим привязался? Я за три года на войне ещё ни одного не видел.

АХИЛЛ. Ага, дураки они по передку лазить. Пиндосы в штабах сидят.

ШУМАХЕР. Не будет мира, мужики. Долго не будет. Сперва одно перемирие заключат, потом – второе, третье... Пока все не перемирятся на хрен. (*Проводит по горлу большим пальцем.*) Человек – он до первой крови человек. Потом зверем становится. Не остановишь.

Пауза. Все мрачнеют.

АХИЛЛ. А ты, Шуми, видать, без работы боишься остаться?! Если мир – «газель» твою на прикол ставить придётся.

ШУМАХЕР. Так мне без разницы, где баранку крутить. Я до войны длинномеры на Польшу гонял. Хорошая была работа. Лучше, чем мертвецов через Днепр переправлять.

Долгая пауза.

ЧЕ ГЕВАРА (*пытаясь разрядить обстановку*). Случай смешной вспомнился. У нас в батальоне один приколист был, Физрук позывной. Так он гирю двухпудовую с собой на войну взял!

НОЙ. Гирю?

АХИЛЛ. На хрена?

ЧЕ ГЕВАРА. Зарядку делать, мышцу качать. Каждое утро. Как часы! Если, конечно, обстрела нет. Когда мы из Новосветловки выходили, он эту гирю на «бэтэр» пытался затянуть. Кругом «град» уже ложится, звездеч лютый, а он...

Все, кроме Ахилла, смеются.

АХИЛЛ. Повтори.

ЧЕ ГЕВАРА (*со смехом*). «Град» ложится, а Физрук гирю на «бэтэр» тянет...

АХИЛЛ. Не, раньше повтори. Откуда вы тогда выходили?

ЧЕ ГЕВАРА. Из Новосветловки...

Ахилл ударом кулака сбивает Че Гевару с ног.

ЧЕ ГЕВАРА (*пытаясь подняться*). Ты что, оху...

Ахилл бьёт снова.

АХИЛЛ. Сучонок! Так ты в «Айдаре» служил?! Убью!

Че Гевара пытается защищаться, но Ахилл сильнее. Шумахер делает шаг в сторону дерущихся.

НОЙ (*останавливая Шумахера*). Не лезь!

АХИЛЛ. Убью гниду! Живого урою!

Избивает лежащего на земле Че Гевару. На шум из двери выходит Мария. Че Гевара с трудом встаёт на колени и выхватывает мину из вещмешка. Выставляет руку с миной перед собой. Ной и Шумахер отступают назад. Ахилл делает шаг вперёд, подходя к Че Геваре вплотную.

ЧЕ ГЕВАРА. Назад!

АХИЛЛ. Давай! Давай, не ссы! Обосрался?! Давай, сука!!!

Рука Че Гевары безвольно опускается. Ахилл подходит к Ною.

НОЙ. А если бы рвануло?

АХИЛЛ. Умирать только первый раз страшно... И потом, он замедлитель не выставил. Хера бы она взорвалась.

Ной, Ахилл и Шумахер отступают в глубину сцены. Че Гевара на коленях остаётся стоять на авансцене, вытирая разбитое в кровь лицо. К нему подходит Мария. Пауза.

ЧЕ ГЕВАРА. Я ведь, когда Макса убили, тоже на колени стал.

Смотрит на Марию.

МАРИЯ. Думаешь, это важно? *(Пожимает плечами.)*

ЧЕ ГЕВАРА. Я смутно всё помню: крики, темнота... Мне тогда, походу, арматуриной башку зацепило. Меня брат вывел. Он тоже был там, среди этих. *(Пауза.)* Мы после с братом только раз виделись.

МАРИЯ. В Мариуполе?

ЧЕ ГЕВАРА. Ага. В аэропорту... Скажи, какого лешего он в Марик полез?! Придурок конченный! На что рассчитывал?! *(Пауза.)* Мои до сих пор думают, что это я его сдал.

МАРИЯ. Ты мог хотя бы матери позвонить. Объяснить всё, как есть. Два года уже прошло.

ЧЕ ГЕВАРА. А мне оправдываться не в чем. СБУшники брата по каким-то своим каналам прокачали. Меня дёрнули только, чтобы подтвердить.

МАРИЯ. Подтвердил?

ЧЕ ГЕВАРА. А что я должен был сказать? Мол, братан в Донецке в 14-м розы на клумбах высаживал?! Они лучше меня всё знают. (Пауза.) Если бы я в дэнэровское МГБ загремел, брат то же самое сделал.

МАРИЯ. Может – да, может – нет... Кто ж теперь это узнает?

Пауза.

ЧЕ ГЕВАРА. Знаешь, я раньше думал, гражданская война – это когда встаёт вся страна: половина за красных, половина за белых. Кто кого. Чья правда – тот и победит. А выходит, народ на трибунах сидит и смотрит, как две команды друг друга мочат. Будто бои без правил. Или футбол: «Шахтёр» – «Динамо»... Ждут тупо, чья возьмёт. А реально – всем пофиг! Из нашей сотни майданной только четверо воевать пошли. Остальные... Док в Киеве остался, Лысый в Познани машины марафетит. А Додик с Гансом вообще в Москву подались. Теперь риэлторами работают, в фейсбуке постят на фоне Кремля. Я сперва думал – это они по приколу. А потом понял: им реально до задницы. Лишь бы бабло в карман капало. Неужели они забыли?! И Макса, и остальных?.. А если всем пофиг, для чего тогда всё? В чём смысл?! Объясни!

Пауза.

МАРИЯ. Мне рожать скоро – вот смысл.

Че Гевара смотрит на живот Марии.

ЧЕ ГЕВАРА. Тебе легче. Я так не сумею...

С трудом встаёт на ноги и уходит вглубь сцены. Мария остаётся стоять на авансцене одна.

День седьмой

Вещмешки свалены в общую кучу в глубине сцены. Ахилл с Шумахером возятся около вещмешков. Че Гевара на авансцене читает книгу. Ной у дверей прощается с Марией.

АХИЛЛ (*Шумахеру*). С утра ноги выкручивает – хоть вешайся! (*Достаёт начатую бутылку, отхлёбывает.*) Для анестезии... Вчера полбутыля не допили. Будешь? (*Протягивает Шумахеру бутылку.*)

ШУМАХЕР. В такую жару самогон глушить – железные нервы иметь нужно... Давай.

Берёт бутылку у Ахилла, делает глоток. Вместе отходят в сторону.

НОЙ (*Марии, рассматривая стену*). Сюда бы битума ещё килограмм пятьдесят – по стыкам пройти, для надёжности. Тогда точно не протечёт. Только где сейчас битум возьмёшь?

МАРИЯ. Ничего, и так хорошо.

АХИЛЛ. Ты, Шуми, давно на войне?

ШУМАХЕР. Третий год.

АХИЛЛ. Долго. Смотри, никакая баба столько ждать не станет. Придёшь с войны – а в твоей постели член с усами. Ты его за жабры – тебя в ментовку. Домой отпустят, а куда идти, если дома нет?! Да, Шуми?! Давай!

Пьют.

НОЙ (*Марии*). Хотел тебя спросить...

МАРИЯ. Про мужа? Погиб он.

НОЙ. При обстреле?

МАРИЯ. Меня спас – а сам погиб...

Пауза.

НОЙ. Знаешь, у меня в Донецке квартира пустая стоит. Мне она теперь без надобы. Ты – приезжай, живи. Сколько захочешь. Я своих предупрежу. Родишь – там видно будет...

МАРИЯ. Так хозяйство у меня: две собаки, две кошки, две коровы... А теперь ещё и телёнок прибавился. На кого бросить? (*Пауза. Смотрит на Ноя.*) И потом – я мужа люблю.

НОЙ. Так он же мёртвый. А я – живой пока.

МАРИЯ. Какая разница?

Пауза.

ШУМАХЕР (*Ахиллу*). У нас в селе мужиков, считай, не осталось. Все на заработки подались. Жинка целый день по хозяйству. Свины, коровы... Хозяйство за день так выдрочит – никакого мужика не захочешь.

АХИЛЛ. Зато вы теперь – свободные люди.

ШУМАХЕР. Это без коровы ты – свободный человек. А с ней – какая свобода? Корова за тебя всё решает: когда ложиться, когда вставать... Слава Богу, дети выросли – помочь могут. У тебя, Ахилл, дети есть?

АХИЛЛ (*с гордостью*). Есть. Сын! Вот такой пацан растёт! (*Показывает два больших пальца.*) Ему сейчас лет четырнадцать, наверное. Или пятнадцать...

Пьют.

НОЙ (*Марии*). А у меня с женщинами всегда так. По-лёгкому – так, на раз-два. А если всерьёз – не срастается что-то. Не поймёшь где – только не срастается.

МАРИЯ (*замечая лист бумаги в руках у Ноя*). Покажи.

Ной показывает ей рисунок. Ждёт реакции. Постепенно сникает.

НОЙ. Фигня. Сам знаю.

МАРИЯ. А олень?

НОЙ. Пробовал. Не выходит.

Хочет выбросить рисунок.

МАРИЯ. Не надо. Оставь мне.

Берёт рисунок в руки. Это – корабль, плывущий по волнам, нарисованный незатейливо и просто. Мария закрепляет рисунок Ноя на деревянной стене и заходит в дверь.

ЧЕ ГЕВАРА (*держит книгу в руках, но произносит монолог, не глядя в неё*). Дорогие старики! Я любил Вас крепко, только не умел выразить свою любовь. Я слишком прямолинеен в своих действиях и думаю, что иногда меня не понимали. К тому же было нелегко меня понять, но на этот раз – верьте мне. Итак, решимость, которую я совершенствовал с увлечением артиста, заставит действовать хилые ноги и уставшие лёгкие. Я добьюсь своего. Вспоминайте иногда этого скромного кондотьера XX века.

Поцелуйте Селию, Роберто, Хуана-Мартина и Пототи-на, Беатрис, всех. Крепко обнимает Вас Ваш блудный и не-исправимый сын Эрнесто.

Ной подходит к Че Геваре, прислушивается к его последним словам. Ахилл с Шумахером в глубине сцены продолжают выпивать.

ЧЕ ГЕВАРА (*показывая Ною книгу*). Биография Че Гевары. Последнее письмо родным.

Пауза.

НОЙ. Ахилл после плена таким стал. Они с Тохой как братья были. Ещё с Чечни.

ЧЕ ГЕВАРА. Ерунда. Перепонка срастётся. И зубы новые вырастут. Какие обиды?

Ной берёт из рук Че Гевары книгу, разглядывает.

ЧЕ ГЕВАРА. Хочешь почитать?

Ной листает книгу.

НОЙ. Че Гевара – он же за коммунистов воевал, а ты...

ЧЕ ГЕВАРА. Это неважно. Он за справедливость воевал, за лучшую жизнь.

НОЙ. Для него идея важнее человека была. Ему любого под ноль зачистить, как два пальца...

ЧЕ ГЕВАРА. Ной, ты же нормальный. Почему ты с ними? (*Кивает на Ахилла.*) Неужели тебя ещё не достало?

НОЙ. Что?

ЧЕ ГЕВАРА. Всё это скотство – то, как мы живём?! Почему у нас нельзя, как у людей?! Чтобы не воровать, не гадить в подъездах? Чтоб закон – один для всех? Всего-то делов – поменять сотню мудаков у власти. Тех, кто намертво к корыту присосался.

НОЙ. Ничего не изменится, команданте. Новые придут – такими же станут.

ЧЕ ГЕВАРА. Изменится, если как следует по башке дать. И новым, и старым. Они – когда по башке – очень даже хорошо понимают.

НОЙ. Тысячу лет уже пробуют – только не выходит что-то. *(Пожимает плечами.)* Может, у тебя получится?

ЧЕ ГЕВАРА. Потому и не выходит, что прошлое нас клещами держит. А если на прошлое молиться, тогда в настоящем ничего не нужно менять. Правда, удобно? Всех наших героев и святых в учебниках так офотошопили – родная мать не узнает. А я о каждом знаешь сколько весёлого порассказать могу?! Я ведь историк... Ничего не было, Ной, поверь! Ничего, о чём жалеть стоит. Только кровь, грязь, скотство. То же, что сейчас. Ты просто боишься признать, что всю жизнь в миражи верил. Почитай! *(Протягивает книгу.)* Он хотя бы попробовал что-то изменить, начать с чистой страницы. А если где и накосячил, то заплатил сполна. Бери.

НОЙ. Тебе самому нужна.

ЧЕ ГЕВАРА. Я на память всё помню. Считаю, это подарок на днюху. Я в сидор твой кину...

Подходит к сложенным вещмешкам. Спиной к залу кладёт книгу в вещмешок. Ной всё это время в задумчивости сидит на авансцене. Че Гевара возвращается.

НОЙ. В Донецке, где телецентр сейчас, в 41-м лагерь для пленных был. Прямо под открытым небом. Наши норы рыли в земле, чтобы от холода и дождя спрятаться. Местные туда еду носили, через колючку забрасывали – кто что мог. И бабка моя тоже ходила.

ЧЕ ГЕВАРА. А немцы разрешали?

НОЙ. Немцы разные были. Кто-то поверх голов стрелял, кто-то специально отворачивался: мол, не вижу ничего. Смотрит однажды бабка – в толпе пленных муж её стоит, дед мой. Он в самом начале войны без вести пропал. Бабка глазам не поверила. Крикнула «Стёпа!» – а он голову поднял. Ладно. А дальше что делать? Зиму в лагере пережить нереально было. Тогда бабка догадалась: вместе с едой деду цивильную одежду передала. Он, когда пленных на работы выгоняли, переоделся потихоньку – и ушёл.

ЧЕ ГЕВАРА. Так запросто?

НОЙ. Пленные там десятками мёрли. Кто их считал?

ЧЕ ГЕВАРА. А дальше что?

НОЙ. Ничего. Вернулся дед домой, наших дождался. Потом снова воевать ушёл...

АХИЛЛ (*Шумахеру*). Звездец, костыли крутит... (*Растирает ноги.*) Курить есть?

ШУМАХЕР. Утром последнюю пачку приговорили.

АХИЛЛ (*хлопая себя по карманам*). И у меня голяк. Погоди... (*Подмаргивает Шумахеру.*)

Подходит к сложенным вещмешкам. Долго копается там спиной к зрительному залу.

НОЙ. После войны дед с бабкой в бараке жили. Дом деревянный в два этажа, на восемь хозяев. Семь квартир – семь вдов: дед один с войны живым вернулся. Представь, каково им было? И бабке каково? Ругались, мирились, дрались, потом опять – на мировую... А праздник – все во дворе, за общим столом. Дед однажды, в 46-м из деревни бочку с огурцами солёными привёз. Половину сразу по квартирам раздал. Половину в миску – и на стол. По богатому. Ну и остальные подтянули – кто что смог. Я всё представить пытаюсь, как они тогда там сидели? Сумерки, считай, ночь – умбра, индиго... Дед с бабкой – в центре стола.

Керосинка тусклая. Деду сорока нет, а он – почти старик, сгорбленный, голова седая – кобальт, белила... И бабы вокруг – от двадцати до сорока. Вечные вдовы. Без шансов. Потому как 46-й год: всех мужиков свободных по дороге, на станциях из эшелонов разбирают. И пятна света на лицах от керосинки – светлая охра, краплак... Будто лица сами светятся, изнутри. Как у рембрантовских святых...

Пауза.

ЧЕ ГЕВАРА. К чему ты это – про деда, про бочку с огурцами? НОЙ. Да так, просто вспомнилось. *(Пауза.)* Дед после войны ещё десять лет прожил. Сына успел родить, дом построить. Завод, считай, на голом месте запустить. Дедовы станки до сих пор ещё крутятся.

ЧЕ ГЕВАРА. Завод всё равно скоро под нож пустят. Кому он нужен теперь? И оленя твоего на металл сдадут. Ахилл и сдаст. *(Кивает в сторону Ахилла, который всё ещё копается около мешков.)* Он на гражданке ничего, кроме этого, делать не умеет... Скажи, что он забыл на нашей земле?!

Пауза.

НОЙ. Ты же не любишь здесь ничего. Разве это твоя земля, команданте?!

Пауза. Мрачный Ахилл подходит к Шумахеру.

ШУМАХЕР. Ну?!

АХИЛЛ. Облом. Магазин на переучёт закрылся.

Допивает остатки самогона из бутылки, отбрасывает её прочь. Идёт к Ною на авансцену. Прихватывает по дороге свой и Ноев вещмешок. Че Гевара подходит к Шумахеру.

АХИЛЛ. Ну что, попрощался с хозяйкой?

НОЙ (*без энтузиазма*). Ага. Нормально всё.

АХИЛЛ. Говорил, не слепится у вас ничего. Хорошая она баба, да не твоя.

Пауза. На заднем плане Че Гевара и Шумахер завязывают свои вещмешки.

НОЙ. Мне Че Гевара на днюху книгу подарил.

АХИЛЛ. Красава! Только он вместе с книгой мину тебе в мехарь закинул. Тоже в подарок, наверное. Я случайно полез...

Пауза. До Ноя начинает доходить смысл сказанного.

НОЙ. Чего?.. Гнида... Гондон!

Бросается к Че Геваре, но Ахилл успеваает схватить Ноя в охапку и удержать на месте. Че Гевара и Шумахер спиной к зрительному залу, как ни в чём не бывало, закидывают вещмешки на плечи.

АХИЛЛ. Да стой ты! Стой, братуха! Не кипишуй! Пускай валят к грёбаной матери, пидорасы. Их, уродов, всё равно жизнь накажет!

НОЙ (*постепенно успокаиваясь*). Долго ждать придётся.

АХИЛЛ (*глянув на часы*). Минут пятнадцать. Я замедлитель на полчаса выставил.

НОЙ. Не понял. Где мина?!

АХИЛЛ. Шуми в мародёрку сунул. Он – мужик запасливый, ему пригодится.

Лучезарно улыбается. Пауза. Ной смотрит на Ахилла.

АХИЛЛ (*виновато разводя руками*). Не пропадать же добру!

Че Гевара и Шумахер подходят к Ною и Ахиллу.

ШУМАХЕР. Мужики, сказать хотел... По грунтовке, у моста снайпера наши могут работать.

ЧЕ ГЕВАРА. Лучше подем идите. А там – вброд. Спокойнее будет.

АХИЛЛ (*с воодушевлением*). Пойдём! Подем пойдём! (*Хлопает Че Гевару по спине.*) А Леший с Цыганом на той неделе в посадку вашу ходили – погулять... Вдруг растяжки случайно забыли. Вы уж поаккуратнее там!

ШУМАХЕР. Учтём.

Ной и Ахилл закидывают за плечи свои вещмешки. Прощаются. Пожимают руки, хлопают друг друга по плечам.

ЧЕ ГЕВАРА. Прощайте, пацаны!

АХИЛЛ. Лихом не поминайте!

Начинают расходиться в разные стороны. Одновременно замедляют шаг и оборачиваются. Смотрят друг на друга.

АХИЛЛ (*поднимая над головой сжатый кулак*). Героям слава!

ЧЕГЕВАРА (*отвечая тем же жестом*). «Шахтёр» чемпион! В дверях появляется Мария. Герои её не замечают. Снова начинают расходиться. Ной останавливается.

НОЙ. Эй, Шумахер! Ты мне банку тушёнки подогнать обещал! Зажилил, мудозвон?!

ШУМАХЕР. Та нема вже.

НОЙ. Врёшь!

ШУМАХЕР. Все з'їли.

НОЙ. А если найду?!

АХИЛЛ. Ной!

Хватает Ноя за руку, пытаюсь остановить. Ной вырывается, решительно направляется к Шумахеру, пытается забрать у него вещмешок. Тот не отдаёт.

ШУМАХЕР. С глузду з'їхав?! Жодної не лишилося!
НОЙ. Отдай мародёрку, жлоб!

После короткой борьбы Ной вырывает у Шумахера вещмешок. Копаются в нём, отшвыривает в сторону несколько банок тушёнки. Находит мину. Размахнувшись, выбрасывает её прочь.

АХИЛЛ. Дурак. Что это изменит?

Все четверо замирают друг против друга. Никто не знает, что делать дальше. Раздаются звуки, похожие на отдалённую канонаду.

ШУМАХЕР. Всё. Кончилось перемирие.
АХИЛЛ. Щас понесётся.

Снова гремит.

ЧЕ ГЕВАРА. «Град»!

АХИЛЛ. Пристрелочный...

ЧЕ ГЕВАРА. Сейчас полным пакетом врежет!

ШУМАХЕР. Откуда летит?!

АХИЛЛ. Не один хрен?!

ЧЕ ГЕВАРА. Ложись!!!

ШУМАХЕР. Падай!!!

АХИЛЛ. Все на ноль!!!

Оглушительно грохочет. Все четверо падают, замирая на тех же местах, в тех же позах, что и вначале пьесы. Лежат, словно мёртвые.

МАРИЯ (*в дверях, спокойно*). Это не «град».

Пауза.

НОЙ. Это – гром.

ЧЕ ГЕВАРА. Дождь?

АХИЛЛ. Дождь!

ШУМАХЕР. Дощ...

Теперь отчётливо слышны раскаты грома и нарастающий шум ливня. Четверо усталых людей облегчённо подставляют лица и руки под невидимые потоки дождя. Улыбаются, смеются. Встают на ноги один за другим. Долгая пауза. Шум дождя. Раскаты грома.

МАРИЯ. Вода поднимается. Надо идти.

Уходит внутрь, оставляя дверь распахнутой. Сейчас деревянная стена напоминает борт огромного корабля. Где-то за стеной мычат коровы, лают собаки, кричит петух. Ной подходит к ковчегу первым, за ним – остальные. Ахилл на ходу подбрасывает и ловит монетку с двуглавым орлом. Дверь закрывается. На стене остаётся корабль, нарисованный Ноем на бумаге. Он трепещет под порывами ветра и, кажется, плывёт куда-то вдаль.

А дождь всё идёт и идёт...

Занавес.

СОДЕРЖАНИЕ

Воля непокоренных	5

ПОЭЗИЯ

Елена Заславская (Луганск)	9
Наталья Макеева (Москва)	14
Александр Сигида (Молодогвардейск — Атамановка, ЛНР)	17
Алёна Костина (Донецк)	22
Алина Баева (Донецк)	24
Анна Долгарева (Санкт-Петербург — Луганск)	27
Марина Бережнева (Донецк)	31
Юрий Беридзе (Москва)	35
Ирина Горбань (Макеевка)	40
Наталья Литвиненко /Перепелка/ (Донецк)	43
Людмила Гонгарева (Краснодон)	45
Марк Некрасовский (Луганск)	48
Михаил Афонин (Донецк)	52
Юнна Мориц (Москва)	54
Нина Дернович (Молодогвардейск — Атамановка)	58
Марина Орлова (Донецк)	62
Владислав Русанов (Донецк)	64
Светлана Сеничкина (Луганск)	68
Сергей Тесла (Донецк)	70
Владимир Скобцов (Донецк)	72
Григорий Егоркин (Челябинск)	75
Виктория Шатохина (Донецк)	77
Андрей Соболев (Севастополь)	81
Лаура Цаголова (Москва)	83
Александр Сигида /младший/ (ЛНР)	93
Анна Ревякина (Донецк)	97

ПРОЗА

Алексей Ивакин (Вятка — Одесса — Луганск)	
Чернухино. ИК-23	107
Дмитрий Митрофанов (Луганск)	
Жаркое лето 14-го	138
Василий Бокаев (Киев)	
Цена коррекции	201
Богдан Штыбенко (Ростов-на-Дону)	
В двух часах от мира	219
Николай Иванов (Москва)	
Северный ветер	257
Светлана Тишкина (Луганск)	
Форточник	286
Андрей Кузнецов (Луганск)	
Автобиография	292
Кирилл Часовских (Крым — Луганск)	
Оперетка. Эпизод	314

ДРАМАТУРГИЯ

Олег Ивашев (Луганск)	
Orus 23	347
Алексей Куралех (Донецк)	
Перемирие	369

ВОЛЯ ДОНБАССА

ЛИТЕРАТУРА НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИК

Альманах Союза писателей ЛНР

Руководитель проекта *Г. Л. Бобров*
Литературные редакторы *В. К. Олейник, А. А. Чернов*
Корректоры *Л. Н. Дергачёва, Г. К. Шимка*
Компьютерная верстка *Ю. С. Соколова*

Подписано в печать 10.06.2019.
Формат 60х90/16. Гарнитура Minion Pro.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 27. Тираж 5000 экз.

ISBN 978-5-00153-104-3

Интернациональный Союз писателей

Отпечатано в типографии
Интернационального Союза писателей
107150, Москва, ул. Бойцовая, д. 22, офис 8

© Интернациональный Союз писателей, 2019
© Союз писателей ЛНР, 2019